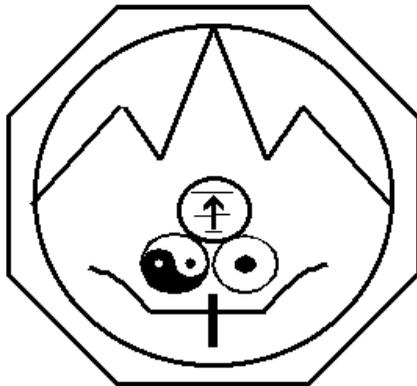

А.С. ШАРОВ

**О-ГРАНИЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК:
ЗНАЧИМОСТЬ, АКТИВНОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ**

ОМСК – 2000

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.С. Шаров

**О-ГРАНИЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК:
ЗНАЧИМОСТЬ, АКТИВНОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ**

Монография

Омск - 2000

ББК 88.3
Ш 264

Печатается по решению редакционно-издательского совета Омского государственного педагогического университета.

Шаров А.С. О-граниченный человек: значимость, активность, рефлексия:
Монография. – Омск: Изд-во Омского государственного педагогического университета, 2000. – 358 с.

ISBN 5-8268-0394-0

В монографии разрабатываются методологические и конкретно психологические проблемы формирования и развития человека в культуре. Диалогическое осмысление регуляции взаимодействия человека с миром привело автора к системе принципов и психологической структуре человека, что дало возможность выйти на новое и достаточно продуктивное для психологии понятие – граница. Выделена единица психологического анализа – о-граниченная значимость, опираясь на которую нетрадиционно понимается интериоризация как психологический механизм о-граничения человека. С позиции о-граниченной значимости проанализированы основные подсистемы психологической структуры человека: регуляция, ценностно-смысловая сфера, активность и рефлексия. Данный подход позволил не только целостно и системно представить все вышеназванные подсистемы, но и рассматривать психологические механизмы как функциональные органы регуляции внешней и внутренней жизни человека. Эвристичность обозначенного в монографии направления подчеркивается тем, что автор своеобразно трактует смысл, ценность и систему ценностных ориентаций; жизнь человека и психологию времени, свободу и поле возможных смыслов жизни; игру, творчество и рефлексю. Книга адресована психологам, философам, педагогам, специалистам различных профессий, чья работа связана с пониманием и становлением человека в культуре.

Научный редактор – доктор философских наук, профессор
Д.М. Федяев

Рецензенты: доктор психологических наук, профессор
В.Г. Леонтьев;

доктор психологических наук, профессор
Е.П. Щербаков.

e-mail: sharov@omgpu.omsk.edu

ISBN 5-8268-0394-0

© А.С.Шаров, 2000 г.

© Омский государственный педагогический университет, 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Когда исследователь при решении возникающих проблем стремится к сущностному пониманию, то он с неизбежностью выходит на более широкий контекст осмысления изучаемого процесса или явления. И это естественно, т.к. целостное и глубокое осознание вопроса возможно лишь с более общих, по отношению к проблеме, позиций, принципов и подходов. В этой связи, и в нашем случае, решение тех или иных частных психологических задач, анализ феноменов вывел на *методологический* уровень анализа базовых психологических категорий и понятий.

Самый же центральный вопрос, который постоянно возникал во все времена и во всех культурах – это проблема осознания человеком своего места и предназначения в мире. Поэтому поиск фундаментального основания мы начали с анализа отношений "Человек – Мир". В философских системах Индии, Китая, Греции (буддизм, даосизм, конфуцианство и др.) отношение "Человек - Мир" выступало основой познания человека и определяло его место в мире. В этих системах преобладал целостный подход к изучению человека, т.к. он был не только частью мира, но и соотносился с ним как равный ("микрокосм" и "макркосм"). Отношение "Человек - Мир" привело нас к *диалогическому* осмыслению самого человека и изучаемых психологических образований. Кроме того, отношение "Человек - Мир" задает новый ракурс в изучении психологических проблем, а именно, на первое место выходят *онтологические категории*, одной из которых является регуляция взаимодействия человека с миром или регуляция жизни человеком.

Рассматривая философские системы "Запада" и "Востока", мы выделили *ценности существования* (рациональное – иррациональное, эмоционально положительное – эмоционально отрицательное, созидаящая активность – разрушающая активность) человека в культуре. Человек и мир встречаются, взаимодействуют в диалоге *на границах культуры*, как "микро" и "макро" культуры. Анализ этого взаимодействия обозначил ряд фундаментальных проблем, решению которых, собственно говоря, и посвящена монография.

Наиболее фундаментальной является проблема взаимодействия человека в культуре с предметами и явлениями культуры, с другими людьми. Для того, чтобы решить эту проблему, необходимо ответить на ряд вопросов. В чем суть диалога человека и мира на границах культуры? Что является общим и что различным между "микро" и "макро" культурами? Как происходит присвоение культурного наследия человеком? Изучая данную проблему, мы, *с одной стороны*, пришли к очень эвристичному для психологии

понятию "граница", опираясь на которое, не только рассмотрели по-новому "механизм механизмов", т.е. интериоризацию, но, что самое главное, определили интериоризацию как психологический механизм социокультурного о-граничения человека. На что, по большому счету, и направлен весь арсенал культуры, особенно при формировании человека. Принимая во внимание, что культура формирует значимое (ценности, смыслы, мотивы) в человеке и пред-задает его реализацию в социуме, нами выделена *единица психологического анализа – о-граниченная значимость*, которая конструктивно используется при анализе ценностно-смысловой сферы человека, различных видов активности (жизнь и поведение, познание и аффективная активность) и рефлексии. *С другой стороны*, анализ взаимодействий человека в культуре определил для нас особую важность в становлении человека психологической категории "*регуляция*", при изучении которой нами были выделены: единица регуляции – *регулятивный акт* (дифференцирующий и интегрирующий); *структура регуляции и её психологические механизмы*.

Проблема взаимодействия человека и мира включает в себя вопрос о психологических особенностях культуры и психологии самого человека. Здесь также возникают интересные вопросы. Так, если культура – это пространство формирования и жизни человека, то какова её психологическая организация, структура? В поле каких сил и психологических механизмов идет становление человека? В этом отношении нами в философско-психологическом анализе были обозначены два диалектически взаимосвязанных её компонента – *культ и игра*, разворачивание которых происходит *под действием сил интеграции и дифференциации*. Культ и игра в процессе диалогического взаимодействия раскрывают свое содержание в культуре посредством социально-психологических механизмов. Последние, в свою очередь, оформляются в некое конкретное целостное единство, включающее в себя *психологические приемы воздействия*, из которых и строятся психологические механизмы формирования и развития человека. Культура выступает природой и формирует сущность человека, которой является значимость (для себя, в себе и для другого).

Касаясь самого человека, его понимания, движущих сил и особенностей становления, следует заметить, что целостное и полное рассмотрение человека возможно только в единстве человека и культуры. Человек и культура неразрывны, а их диалог есть основа жизни и развития как культуры, так и человека. Реализацией диалогического взаимодействия человека с миром является *регуляция*, последняя выступает основой *психологической структуры человека*. Методологический анализ регуляции позволил нам

выделить *концептуальные принципы понимания психологии человека* (адаптивности и активности, зависимости и свободы, рефлексии и предвосхищения, единства внешней и внутренней детерминации), которые в дальнейшем развернулись в психологическую структуру человека.

Значительная часть монографии, более половины общего объема, посвящена содержательному исследованию всех подсистем психологической структуры человека: регуляции, ценностно-смысловой сфере, активности и рефлексии. Анализ ценностно-смысловой сферы с позиции о-граниченной значимости позволил *по-новому интерпретировать мотивы, смыслы и ценности* человека. И это вполне закономерно, т.к. новое основание в процессе его рациональной разработки порождает новый строй категорий и понятий, внутри которого переосмысливаются, получают новое содержание категории старого строя как диалектически снятые, вторичные. *Обобщены и целостно представлены психологические механизмы функционирования ценностно-смысловой сферы.* Понимание ценностей как психологического пространства жизни человека дало возможность выйти на *нетрадиционную систему ценностных ориентаций* как психологического механизма регуляции.

Содержательное раскрытие видов активности (конативной, когнитивной и аффективной), опять же с помощью единицы психологического анализа – о-граниченной значимости, определило жизнь человека как разворачивание его сущности. Особые отношения у человека со временем, они зависят как от уровня регуляции человеком своей жизни, так и от изменений в сущности самого человека, что ставит ряд важных вопросов – конечности и бесконечности жизни, управления временем. Сделана попытка целостного и системного представления когнитивной и аффективной сфер активности. Особенно интересные вопросы возникают при анализе аффективной сферы как изменения себя в мире и мира в себе. *Психологическим механизмом о-граничения внутреннего мира человека, протраивания его функциональных органов является рефлексия*, важность которой в становлении и развитии человека ещё только осознается. Функции рефлексии проявляются в обретении человеком *свободы* и созидании себя; *выборе жизненного пути* и поиске *смысла жизни; творчестве и игре* сущностных сил.

Конечно, мы понимаем, что поставили больше вопросов, чем решили. Но для нас было важно попытаться целостно и системно представить общую логику формирования, развития и становления человека в культуре. Понять, как и посредством чего осуществляется становление внешней и внутренней жизни? Какие процессы и психологические механизмы обеспечивают человеку полноценную жизнь в социокультурной среде?

Глава 1. Культура и человек.

1.1. Философские системы "Запада" и "Востока" о проблеме взаимодействия "Человек - Мир"

Размышляя над событиями и фактами собственной судьбы, анализируя жизненные проблемы, человек вполне закономерно выходит на главные вопросы бытия. Зачем жить? И в чём смысл жизни человека? Смысл жизни один для всех или он для каждого человека свой? Человек ищет свое место в мире, размышляет над смыслом и целью жизнедеятельности. И это естественно подводит его к глубокому осмыслению базового отношения "Человек - Мир". Отношение "Человек - Мир" - это первичная форма бытия человека. Все другие отношения человека: к людям, природе, красоте, добру и злу – нельзя понять без исследования и углубления отношений "Человек - Мир". Они, эти отношения, гораздо глубже и фундаментальнее его социальных отношений (А.С. Арсеньев, 1993). "Таким образом, жизнь человека вступает во взаимодействие с жизнью человечества, воплощенной в продуктах деятельности человечества, народа, общества" [329; 341]. Из этого отношения человека к миру и к культуре вытекает и отношение к жизни и смерти, отношение к прошлому и будущему, любви и ненависти, развитию общества и саморазвитию. Естественно, обозначается и проблема свободы и необходимости, творчества, влияние культуры на человека и человека на культуру. Впервые в отечественной психологии проблему отношений "Человек - Мир" поставил С.Л. Рубинштейн, а сейчас от решения этой проблемы ждут пересмотра базовых психологических категорий и переосмысления основных психологических проблем (А.С. Арсеньев, 1993; Ф.Е. Васильюк, 1984; Д.А. Леонтьев, 1992). Действительно, это вопрос настолько фундаментален, что в зависимости от того, на какие методологические принципы ориентироваться в его решении, можно прийти к неожиданному пониманию изучаемых в психологии областей и новому осмыслению традиционных вопросов. Отношение "Человек - Мир" является фундаментом нового понимания изучаемых областей и проблем. В процессе анализа отношений "Человек - Мир" возникает новая методология и соответствующие ей система категорий и понятий (С.Л. Рубинштейн, 1976; А.С. Арсеньев, 1993). И мы попытаемся разобраться, более всего опираясь на философский материал, в особенностях этого отношения.

В философских системах Индии, Китая и Греции одним из главных вопросов был вопрос о том, как связаны человек и мир? Они исходили из единства чувственно-материального космоса и человека. Правда, в греческой философии это единство понималось как синтез объекта и субъекта,

природы и разума. Отсюда и человек является сразу и одновременно как природой, так и субъективной жизнью (А.Ф. Лосев, 1989). Человек проецировался на чувственно-материальный космос, и для его понимания использовались философские категории, которые, с одной стороны, возносили человека в космос и делали равного богам, а с другой, превращались в своей совокупности в мифологию [236; 126]. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что в основе этой тенденции лежит космоцентризм: человек не только спроецирован на космос, но и превращается в микрокосмос. Отсюда человек - "мера всех вещей". В этом нетрудно убедиться, обратившись к искусству древних греков. Любование обнаженным телом, физическая красота человека, поиск гармонии и соразмерности. Причем поиск гармонии и светоносного начала в человеке осуществлялся чаще всего через познание чувственно-материального космоса, мира. В традициях западной мистики светоносное начало мира и человека стяжается страстным усилием воли, почти эротическим напряжением, "стремлением к". Так определил эту душевную установку К. Юнг, описывая её как архетип "мотылька, летящего к солнцу [519]. Эта линия в познании характеризует западный способ постижения сущности человека.

В восточной традиции познание человека идет через соотношение внешнего и внутреннего мира, это единство постигается сердцем как особой когнитивной способностью, в двуединстве, которое Радхакришнан определяет как одну и ту же первичную реальность, созерцаемую с двух сторон: внутренней, субъективной и объективной, внешней, пребывает сущность человека и мира, которую через самососредоточение можно узреть в глубине своего сердца [313]. Но для наиболее полного и адекватного познания необходимо достичь полного "отключения" от всех, даже самых тонких связей с материальным миром и слияния с абсолютным. Необходимым условием такого проникновения за видимую оболочку вещей является опознание этой сущности в самом себе на путях глубокого сосредоточения.

Различие двух способов постижения сущности человека и мира, парадигмами которых стали категории "Запад" и "Восток", - тенденция к самоуглублению, отражению абсолюта внутри себя и страстной воли к самосовершенствованию и мироустройству. Синтезом этих полярно разведенных позиций является то, что уход из мира внутрь себя, оказывается, парадоксальным образом возвращает человека в мир для его же преобразования. И носителем такой преобразующей силы становится сам человек, получивший власть и силу, познавший сущность себя (Т.П. Григорьева, 1987; К.Г. Мяло, 1987).

Древние философские системы западной и восточной ориентации помогают полнее понять и оттенить подлинное, а не декларируемое единство

человека с миром, а еще точнее, человека в мире. И выделить, по крайней мере, субъектный, объектный и процессуальный аспекты взаимодействия человека в мире (А.В. Брушлинский, 1991; Е.И. Исаев, 1995; В.А. Петровский, 1985; В.И. Слободчиков, 1995). За внешне данным слоем отношений "Человек - Мир" лежит область сопричастности миру как целому, единства с ним. Это особая психическая сопричастность и единство, которые выражаются в значимом для человека. И не удивителен в таком случае бунт против "одномерности", захвативший мысль Запада, "одномерности", выросшей на почве эгоцентризма и породившей зауженное, "усеченное" сознание и соответствующую ему культуру, разрушающую соматическое единство человека с миром. Разрушение связи с природой внешней, отчуждение неизбежно кончаются внутренним разрушением личности, потерей инстинкта жизни. Отсюда крик души: "Я жизнь, которая хочет жить в среде жизни, которая хочет жить" (А. Швейцер). Говоря словами Л.Н. Толстого, "самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется, задача человека – участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему" [370].

Идя предначертанным культурой путем, человек, в зависимости от аспекта взаимодействия, руководствуется различными ориентирами. В качестве последних выступают ценности существования или принципы, которые как бы являются наиболее общими ориентирами для человека в жизни или смысловыми линиями конкретной культуры, направляющими определенным образом жизнь человека. Ценности существования составляют онтологическую характеристику его бытия. Во всем многообразии аспектов взаимодействия человека с миром, кстати, ценности существования мы находим, опять же, в философских системах древности, которые развивали ценностный взгляд на человека в мире. При анализе объектного аспекта взаимодействия человека с миром, менее всего зависимого от пристрастий человека, на первое место выходит познание сущности мира, а затем уже человека. Так, начиная с древних греков и вплоть до нашего времени, основными ведущими ценностями познания сущности человека и мира выступает *рациональное* познание, дискурсивный способ рассуждений и поиск истины. Последовательно взвешивая каждый свой шаг, ученый движется к сущности явлений. И совсем наоборот на Востоке. Образное и *интуитивное* мышление, озарение и мгновенное постижение истины всегда считались естественными в странах Востока. Широко известно, образ мира, образная информация, догадка, улавливание сути – все это помогает проникнуть в самые потаенные уголки нашей психики [110; 269]. "Образ" выступает как средство выражения "мысли", содержит в себе и элементы рационального познания (обобщение наблюдаемого, выделение в нем основного смысла). *Рациональный* и *иррациональный* подходы только обо-

значают тенденции, общие принципы в познании и отношении к наличной жизнедеятельности. Эти тенденции хорошо очерчены в философских школах древности (Аристотель, Демокрит, Лао цзы, Кун цзы), т.е. более всего в культуре греков и китайцев [27, 28, 110, 130, 131, 236, 297, 298 и др.].

В процессуальном аспекте взаимодействия человека с миром хорошо просматриваются полярные тенденции отношения человека к миру. Так, в греческой философии преобладала идея о неизменности и конечности космоса как единого, упорядоченного некоей силой, целого. Мир изначально несовершенен, хаотичен в своей основе и нуждается в переделывании, в участии извне. Эта точка зрения оказала решающее влияние на психологию людей, на содержание и тонус культур. Гармоничное творится при участии Логоса, извлекающего мир из хаоса (с точки зрения древневосточных учений, гармония изначально присуща миру, поэтому не нужно ничего творить, нужно лишь не мешать ее проявлению, следовать закону Великого Предела, не нарушать естественный ритм, естественную пульсацию всего в этом мире). Поскольку мир нужно усовершенствовать, организовать, становится естественной идея творения, установка на *творчество*, творящую силу человека, призванного преобразовать мир. Это послужило одной из причин расцвета греческой науки.

Восточная система знаний представляет собой некую противоположность западной. Мир изначально совершенен, гармония ему имманентна, поэтому его не нужно переделывать. Напротив, нужно самоустраниться, уподобиться природе (даосский идеал), чтобы не мешать существованию гармонии. Отсюда естественно происходит ориентация не на активное начало, а на принцип *недеяния* - действие, сообразуемое с космическим ритмом. Творчество принадлежит небу. Поэтому и Конфуций говорил: "Излагаю, а не творю". Таким образом, на примере греческой и китайской философии ярко проявляют себя ориентация на созидательную, творческую активность и на недеяние, сообразность, уподобление [110, 27]. В этом мы видим примеры ориентации на противоположные ценности существования.

В субъектном аспекте взаимодействия человека в мире, с позиции его причастности и зависимости от окружающего мира, встают самые важные, в том числе и "последние вопросы" героев Ф.М. Достоевского. Что есть я в моем отношении к миру? В чем цель и смысл жизни? Как жить? И куда стопы свои направить? Именно в субъектном аспекте происходит становление человеческого "Я", самоопределение человека при условии изоморфности отношений "Человек - Мир". Для религиозно-мистического мировоззрения целью жизнедеятельности человека становится абсолют, некое первоначало мира, с которым устанавливается связь. Его восприни-

мают сердцем, которое в данном случае выступает как основная когнитивная способность. Наиболее ярко она проявляется в Буддизме. Самое главное - это найти путь избавления от страданий. Ответом на этот вопрос являются четыре благородные истины, постигнутые просветленным. Изложенные в наиболее сжатой форме, они гласят [151]:

Жизнь в мире полна страданий;

Есть причина этих страданий;

Можно прекратить страдания;

Есть путь, ведущий к прекращению страданий.

Через сердце, чувства и переживания идет поиск ответов на самые главные вопросы жизни. И почти все философские системы Индии свою цель видят в отыскании путей и средств избавления человека от бремени мирских волнений и страстей, а также в достижении блаженства души и истинного счастья. Эта же тенденция проявляется и в греческой философии, а наиболее ярко у Эпикура. Подлинным гимном *самоутверждению* звучит его речь о ценности философии как пути достижения счастья: "...поэтому следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь" [20]. Взгляды Эпикура говорят о том, что человек, естественно, по природе своей стремится к *удовольствию* и старается избежать *страдания*. Но это была бы только часть из рассуждений Эпикура, и довольно неполная. Эпикур, рассуждая об удовольствиях, включает как необходимую и временную характеристику. При выборе удовольствий и избегании страданий всегда нужно иметь в виду не только настоящее и будущее, но и прошлое. А это неизбежно приводит к осознанию критерия жизненного выбора, а значит, и цели жизнедеятельности. Но об этом мы поговорим позже, а сейчас отметим, что "Запад" и "Восток" решали вопрос о смысле человеческой жизни через призму "*удовольствие - страдание*". Различие же в том, что акцент в восточной философии сделан на страдании, а в западной - на удовольствии. Таким образом, стремление к эмоционально положительному (удовольствию) и избегание эмоционально отрицательного (страдания) являются ценностями существования, на которые сориентирован человек, т.е. которые он берет в расчет при планировании своего поведения и жизни.

Человек, находясь в мире, взаимодействует с ним. Это взаимодействие, в зависимости от философской школы, рассматривается в разных аспектах (субъектном, объектном, процессуальном), каждому из которых присуща доминирующая ориентация на ценности существования (рациональное - иррациональное, созидаящая активность - следование образцам, удоволь-

ствии - страдание). Конкретным выражением взаимодействия человека с миром являются поступки, дела, творения ума и сердца человека, его поведение. Жизнедеятельность человека является той квинтэссенцией, где все принятые человеком принципы, ценности и другие ориентиры воплощаются в нечто целостное и единое, завершенное и организованное, характеризуя при этом и самого человека, и его жизненный путь. Поэтому не случайно, а закономерно, что проблема жизненного пути выходила на первое место по значимости еще в древности. Достаточно вспомнить буддизм, где восьмеричный путь есть соединение трех взаимообусловленных факторов - правильного познания, правильного поведения и правильных чувств [151; 48-51]. В даосизме человек, как и весь мир, является закономерным порождением Дао, он - часть природы; его предназначение - следовать по пути добродетели (Дэ). Это означает жизнь, соответствующую природе. Для этого адепту необходимо было полностью слиться с истинной сущностью всех вещей и явлений, что возможно только через особую практику психотренинга и психической саморегуляции (Н.В. Абаев, 1989). Слияясь с Дао, даос, казалось бы, совершенно отказывается от какого бы то ни было управления, но это напротив, парадоксальным образом увеличивает возможности управления и регуляции [2; 55]. Эта же линия, но с акцентом на социальной сфере, получила дальнейшее развитие в конфуцианстве. "Нельзя научиться управлять другими людьми, а тем более целым государством, не научившись управлять самим собой, своей психикой" [2; 32]. И более того, сверхзадачей и конечной целью нравственного, культурного, психического и социального развития человека и общества Конфуций усматривал в наведении "всеобщего порядка" [2; 32]. А другими словами, государство, общество должны иметь возможность полностью и тотально управлять жизнедеятельностью своих граждан, упорядочить микро- и макромир.

Конечно, до свободы воли человека, в понимании древних греков, восточные философы не дошли. Пожалуй, впервые этот вопрос был поставлен в античной этике Аристотелем. И более того, он прослеживает генезис произвольного действия, т. к. принцип действия заключен в самих людях, полагая их ответственными за совершенные действия [151; 172]. Отсюда возросший интерес к человеку, к исследованию детерминации (ценности, цели, мотивы и др.) его поведения. Человек, взаимодействуя с миром, имеет свободу выбора, сам выбирает путь и средства достижения целей, а не только подчиняется законам Космоса. Таким образом, подлинным единством всех аспектов и детерминант взаимодействия "Человек - Мир" является регуляция человеком собственной жизнедеятельности. А вопрос о свободе воли и выбора – это ключевой момент всякой регуляции. И не слу-

чайно проблема регуляции человеком его жизнедеятельности активно обсуждается на страницах печати [182, 191 и др.].

Подводя итоги философскому рассмотрению отношений "Человек - Мир", отметим те методологические позиции, которые важны для нашей работы.

Во-первых, это диалогическое осмысление отношений "Человек - Мир" (М.М. Бахтин, 1979; М. Бубер, 1993; В.С. Библер, 1991), через которое человек должен быть рассмотрен как "микрокосм", аналогичный по внутренней своей сущности миру ("макрокосму") и связанный с ним в единое целое [30; 135]. Человек относится к миру как к целому, и это является основанием целостности и самого человека. Отношение "Человек - Мир", будучи всеобщим, включает всего человека. В отношении включено не только познание, но вся психика как целое, весь строй его переживаний и чувств, все внутренние образования его "Я". В отношении "Человек - Мир" человек выступает как противоречивое бесконечно-конечное существо, т. к. он есть "микрокосм", аналогичный по сути "макрокосму", здесь он бесконечен. С одной стороны этот "микрокосм" воплощен в конкретном человеке со всеми его слабостями и проблемами, что указывает на его конечность. Это противоречие бесконечного и конечного в человеке (актуальное и потенциальное), с одной стороны, задает границы и общую структуру его внутреннего мира, психики. А с другой, лежит в основании практически всех конфликтов и переживаний, ставит перед человеком вопросы о смысле жизни и бытия, отражает причастность к Тайне себя самого и мира [30, 49, 329]. Осознание противоречивости порождает экзистенциальную тревогу (С. Джурард), существенную характеристику человеческого бытия, при анализе которого на первое место выходят онтологические (бытийные) категории [329; 273]. Главной из них выступает регуляция человеком его реальных отношений в мире. Ибо в этой категории даны в единстве все аспекты, стороны и ориентиры, необходимые в управлении человеком собственной жизнедеятельностью.

Во-вторых, выделены субъектный, объектный и процессуальный аспекты взаимодействия человека в мире. В философских системах древности названные аспекты взаимодействия рассматривались под разными углами зрения. С одной стороны, познание, развитие и жизнедеятельность человека виделись с позиции мира, именно мир выступал главной детерминантой жизни людей, определял их поступки и поведение. А с другой, сам мир рассматривался через человека, его пристрастия и потребности, цели и особенности познания. Учитывая сказанное, каждый из аспектов взаимодействия необходимо рассматривать с двух сторон: со стороны мира и со стороны человека. Это вносит в логику анализа принципиально

важные моменты. Человек рождается в мире, он неразрывно с ним связан, поэтому общая линия, в плане взаимодействия "Человек - Мир", заключается в том, что мир через свои институты управляет, детерминирует и предопределяет жизнь человека. Это хорошо показано в работе Н.В. Абаева [2] на примере формирования культуры психической деятельности в средневековом Китае. Однако человек не пассивное существо. Он проявляет активность не только для удовлетворения актуальных потребностей, но и ставит цели, разрабатывает планы изучения мира. При этом человек руководствуется в регуляции собственной деятельности тем, что для него является самым важным. Таким общим ориентиром выступают ценности существования, т.е. ведущие онтологические ценности, принятые человеком, в том числе и смысл его жизни. Тогда, после сказанного, в обозначенных аспектах взаимодействия проявят себя две стороны, которые внутренне связаны в жизни человека, в особенностях его регуляции собственного взаимодействия с миром.

В объектном аспекте взаимодействия "Человек - Мир" мир детерминирует, управляет жизнью человека через культуру. Это подтверждают и данные К. Леви-Стросса, полученные на основе структурного анализа целого ряда архаических традиций [205]. Культура начинается там, где возникает правило, т.е. организация жизни людей, которая проявляет себя через традиции, ритуалы, обряды, мифологию и т.п. Посредством этих социально-психологических механизмов культуры идет формирование ценностей и смыслов деятельности (Ю.А. Шрейдер, 1979). И человек, находясь в культуре, усваивает, осмысливает предложенные культурой ценности, которые детерминируют жизнь человека в целом. Для того, чтобы осознать собственные ценности и смыслы, человек использует *рациональные* (приемы и принципы мышления, логику) или *иррациональные* (интуиция, озарение, образ, догадка) способы познания. Процессуальный аспект взаимодействия со стороны Мира проявляется в возможном разнообразии форм и видов активности, жизнедеятельности, через которые человек достигает поставленной цели, реализует смысл. Многообразие форм и видов жизнедеятельности вынуждает человека выбирать наиболее значимые из них и проектировать собственную деятельность для достижения положительного результата. В этом человек проявляет свободу и созидующую, *творческую активность* как в выборе цели, так и в определении пути и в средствах ее достижения. Он может и просто следовать *устоявшимся образцам поведения и деятельности* и позволять, чтобы вместо него решали, что ему делать и как. Отношение "Человек - Мир" с позиции мира в субъектном аспекте взаимодействия окружает человека конкретными предметами, вещами, людьми, природой и т.д. Наличная ситуация, в кото-

рой находится человек, создает некую направленную напряженность, которую К. Левин назвал "психологическим полем", и она детерминирует поведение человека. Но как? Ведь у конкретного человека есть и собственные взгляды, убеждения и мнения, т.е. мотивы. Чтобы ответить на этот вопрос, пожалуй, знаний о ситуации и мотивах человека будет недостаточно. Необходимо учесть и то, что связано с объектным и процессуальными аспектами взаимодействия человека с миром как со стороны мира, так и конкретного человека.

1.2. Диалектика культуры и формирование человека

Культура возникает в различии бытия и сущего, в отношении "Человек - Мир". Это фундаментальное различие, определяющее как природу человека, так и его жизнедеятельность (М. Хайдеггер, 1993). Конкретный человек только и существует в этом различии, являясь мерой отношений "Человек - Мир". Понятие культуры является одним из самых многозначных и трудно поддающихся определению. Оно очень широко распространено в быденном языке и чаще всего используется в оценочном смысле. В общественных науках понятие "культура" появилось сравнительно недавно. Считается, что первая попытка его научного определения была сделана немногим более ста лет назад, в 1871 году [498]. В последнее время было предложено большое количество вариантов определения этого понятия. Например, в обзорной работе Кребера и Клакхона приводится 168 определений культуры. Впоследствии появилось немало новых научных определений. Подход к определению культуры, разрабатываемый Э.С. Маркаряном с точки зрения психологии, мы считаем наиболее продуктивным. "Для нас культура, - считает Э.С. Маркарян - это специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов (и соответственно "умения" их актуализировать), благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в обществе" [245; 85].

В обозначенном подходе акцент сделан на "механизмах культуры", и задача психологии культуры – раскрыть эти механизмы. Для этого следует обратиться к пониманию культуры Н.А. Бердяевым, т. к. его подход достаточно продуктивен. "Культура связана с культом, - пишет Н.А. Бердяев, - она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны." [48; 166]. В этимологии слова "культура" традиционно выделяют два аспекта: 1) преклонение перед кем-либо, чем-либо; почитание, уважение, наделение

кого-то или чего-то сверхъестественными качествами и свойствами, превознесение и восхваление кого-либо; 2) возделывание, обработка, выращивание, развитие, насаждение. Да и в современном языке эти два аспекта присутствуют: когда говорят о культурном человеке, лидере, авторитете, боге, творческой личности, престиже, культурном достоянии, шедеврах искусства и литературы; и когда говорят о культурной деятельности, т.е. о театре, литературе, обрядах и праздниках, играх и карнавалах. При анализе вышеназванных аспектов слова "культура" и ее феноменов можно прийти к выводу, что ключевым понятием, которое раскрывает и характеризует содержание культуры, выступает значимость, т.е. важность, ценность чего-либо или кого-либо и её раскрытие в деятельности. Именно многогранность её видов, форм и сторон реализации являются той мерой, с помощью которой можно определить уровень развития и напряженную направленность культуры. А это ценности и смыслы жизнедеятельности человека, ориентиры и способы их достижения, потребность жить и творить. Значимость - это и есть первообраз культуры, который так настойчиво искал О. Шпенглер [459; 262]. Дифференциация значимости во всех аспектах проявления и жизнедеятельности человека и есть развитие культуры. Значимость выражает взаимозависимость сущности и жизнедеятельности человека, мира и культуры. Различая человека и мир, в котором он существует, мы не должны их разрывать, человек находится в определенном отношении к миру, зависим от мира, пристрастен к нему. Находясь в зависимости от мира, человек ощущает значимость самого окружающего мира. Через значимость человек вплетен в контекст действительности, и она же, в лице наличной культуры, осуществляет отбор и иерархию значимого для человека. Таким образом, культура заполняет просвет между человеком и миром, соединяя их в неразрывное целое. Тогда как с другой стороны, культура формирует и развивает человека для того, чтобы он поддерживал её существование и способствовал процветанию. Каждая сфера деятельности несет в себе соответствующую ей систему меры значимости.

Культура, взятая в своей статике, без движения, действительно базируется на культе, т.е. поклонении, почитании, уважении значимого. Какой бы формы или вида ни было это значимое в наличной культуре. Культ и его реализация призваны поддерживать культуру на определенном уровне развития, сохранять и приумножать её. Если же идёт развитие культуры в обществе или культуры конкретного человека, то опора на культ уже недостаточна. Необходимы другие социально-психологические формы развития и включения человека в культуру. Тем более что развитие культуры есть дифференциация значимости в обществе и, для конкретного человека, в

окружающем мире. Существующий культ значимых в обществе вещей и отношений может вступить в противоречие с изменившимися условиями жизнедеятельности людей. Чтобы сохраниться, он должен измениться, приспособиться к возникшей ситуации, т.е. отразить в себе вновь возникшее значимое для человека, которое в конечном итоге отлично от значимого, которое было. Так идет поступательное развитие определённой культуры.

Для возникновения принципиально нового необходимы и другие действия и отличные от культа социально-психологические механизмы. К последним и относится игра. Понимание игры в культуре и в развитии человека довольно сложно, так как здесь связаны в Gordiev узел все кардинальные, смыслообразующие проблемы жизнедеятельности человека. Об этом пишут, в частности, Й. Хейзинга [399] и

С.А. Шмаков [455], когда говорят о происхождении игры, её функциях, взаимосвязи с культом и значении для ребёнка. Практически все исследователи игры отмечают, что без игры развитие ребёнка невозможно. А что такое развитие ребёнка? Это дифференциация значимого (ценностей, смыслов, мотивов, эмоций и чувств) как в самом ребёнке, так и в мире для него. В понимании Й. Хейзинги, игра есть начало развития любой культуры и, конечно, это не обязательно игра детей. Культура происходит из игры, и игра старше культуры [399; 9]. Всякая игра что-то значит, имеет в себе развернутую, расщеплённую значимость для человека. Сущность игры кроется в этом возникшем значимом напряжении, это проявляется в увлечении игрой, возникшем азарте, интенсивности игры. Всякая игра есть прежде всего и в первую голову *свободная деятельность*. Игра по приказу уже больше не игра. Благодаря свободному характеру, игра выходит за рамки природного, а часто и социального процесса. Игра не есть "*обыденная*" жизнь и жизнь как таковая. Она, скорее, выходит из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющую собственную направленность и напряженность. Даже малое дитя прекрасно знает, что оно играет лишь "как будто" взаправду, что всё это "понарошку". Игра *обособляется* от "обыденной" жизни местом действия и продолжительностью. Изолированность составляет третий отличительный признак игры. Она сразу фиксируется как культурная форма. Будучи однажды сыгранной, она остаётся в памяти как некое духовное творение и ценность, передаётся далее как традиция и может быть повторена в любое время.

Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный *порядок*, и, более того, она творит порядок, она есть порядок [399; 21]. В несовершенном мире и сумбурной жизни она создаёт временное, ограниченное

совершенство. Порядок, устанавливаемый игрой, имеет непреложный характер. У каждой игры свои *правила*. Они диктуют, что будет иметь силу внутри отграниченного игрой временного мирка. Правила игры, безусловно, обязательны и не подлежат сомнению. Стоит нарушить правила, и всё здание игры тотчас же рушится. Игра становится невозможной. Суммируя сказанное, можем теперь назвать: "... игру свободной деятельностью, которая осознаётся как "незавражду" и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком овладевать играющим, не преследуя при этом никакого прямого материального интереса, не ищет пользы, – свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определённым правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо подчёркивающие своё отличие от прочего мира всевозможной маскировкой" [399; 24].

Между культом и игрой нет непроходимой грани, они в процессе развития культуры диалектически взаимодействуют друг с другом, взаимодополняют, а результатом взаимодействия выступают те или иные социально-психологические механизмы социализации и функции культуры. Особенно это хорошо видно на примере религиозного ритуала. В религиозных культах, по сравнению с детской игрой, мы находим больше духовного элемента, который весьма нелегко поддаётся определению. Священное представление есть нечто большее, чем мнимое осуществление, чем символическое воплощение, оно есть мистическое претворение. Участники культа убеждены, что действие это актуализирует некое благо, и некий высший порядок вещей освещает при этом их обычную жизнь. Тем не менее, это претворение через представление сохраняет и далее во всех аспектах формальные признаки игры. Оно разыгрывается, ставится как спектакль, внутри реально обособленного игрового пространства, разыгрывается как праздник, т.е. в свободе и радости. Ради него выгораживается собственный, временно действующий мир. Но с завершением игры действие его не прекращается, а излучает свое сияние на обычный мир вовне, учиняет безопасность, порядок, благоденствие группы, справлявшей этот праздник, покуда не наступает сызнова этот священный период игры [399; 25]. То же самое можно сказать и относительно игры. Например, в детских играх соблюдаются определенные правила, нормы поведения. Причем дети часто подчеркивают их особое, чуть ли не мистическое значение. Всё это близко и является его основой и базой. Конечно, при этом нет оснований отождествлять культ и игру, но видеть их родство и взаимосвязь, как нам кажется, можно.

Для нас данная точка зрения важна в силу того, что она помогает объяснить не только развитие внутренней культуры человека, вхождение человека в культуру, но также и адекватнее понять многие феномены становления человека. Вполне вероятно, что в различии культа и игры заложен и половой диморфизм. С культом более всего связано мужское начало, тогда как с игрой – женское. Культ – это поклонение: силе, власти, авторитету. Олицетворением этого чаще всего выступает мужчина, тогда как игра более связана с организацией реального и игрового пространства, с тайной и превращениями, что, конечно, более характерно для женщин.

Врастание человека в культуру представляет собой освоение общественных ценностей, целей, смыслов и мотивов, умений и навыков поведения и деятельности. Само освоение культуры ребёнком идет в процессе разрешения диалектических противоречий между культом и игрой. Суть этого разрешения в том, что культ направлен на формирование (усвоение, рост) значимого для человека и в человеке (во всех своих формах и видах), а игра – на изменение, различие, дифференциацию значимого. В игре то, что было ценно и важно для человека, может изменить свою значимость. А кроме этого, могут появиться и новые стороны значимого, например, возрастает роль общения или важность отдельных предметов. В игре существует скрытое напряжение между тем, что было значимым до игры, и тем, что стало важным и необходимым в процессе игры. Это напряжение и есть тот скрытый мотив игры, который находится в ней самой. Изменение значимого всегда связано с преобразованием ценностно-смысловой сферы человека и осуществляется посредством переживаний самого разного знака. От восторга и радости – до печали и обид. Описание психологических особенностей внутренней жизни человека нашло адекватное отражение в работах Ф.Е. Василюка [78].

Мир детерминирует, управляет жизнедеятельностью человека через культуру. Это подтверждают и данные К. Леви-Стросса, полученные на основе структурного анализа целого ряда архаических традиций [205]. Культура начинается там, где возникает правило, т.е. организация жизнедеятельности людей. Социально-психологические механизмы культуры, через которые идет формирование и реализация значимого, многообразны. К ним могут быть отнесены: ритуалы, традиции, обряды, мифология, игры, театр, праздники, карнавалы, инициации, посвящения, привычки и многое другое. Посредством этих социально-психологических механизмов культуры идет формирование ценностей и смыслов деятельности и жизнедеятельности человека (Ю.А. Шрейдер, 1979). Каждый из механизмов несет в

себе элементы приобщения к значимому и важному в культуре и элементы неприятия, отторжения от вредного и порицаемого в социуме.

Все вышесказанное для целостного представления удобно представить в виде рисунка, который показывает функционирование культуры посредством её социально-психологических, психологических механизмов и приёмов психологического воздействия.

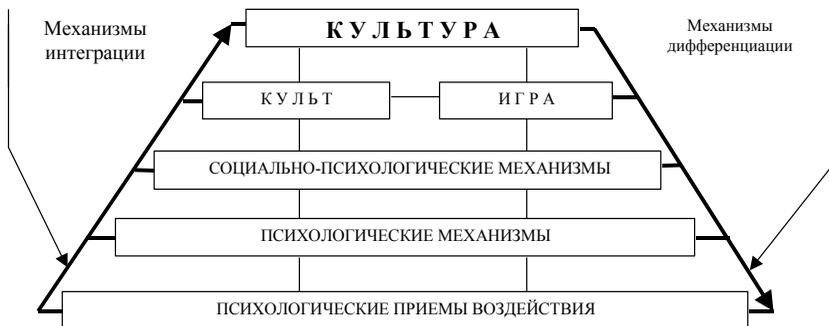

Рисунок 1. Социально-психологическая структура культуры.

Стержневая функция культуры, в аспекте обсуждаемой проблемы, будет заключаться в формировании значимого для человека и в человеке, в усилении и иерархии этого значимого, в определении путей, средств, способов и условий реализации значимого. Разумеется, при этом идет дифференциация значимого как в плане расширения, так и субординации, иерархии. Уровень развития культуры в целом и, в частности, культуры человека определяется мерой дифференцированности и упорядоченности значимого, с одной стороны, и реализации этого значимого в жизни, с другой.

Чудодейственная тайна культуры уходит в тайну личности человека. Без культуры нет личности и индивидуальности человека. Но без личности и индивидуальности нет духовного движения, прогресса, не может быть общества, немыслима сама жизнь человечества. Что же в итоге? Без культуры нет жизни. Отсюда и то, что подлинное и целостное понимание человека возможно только в рамках отношений "Человек – Мир", объединяющим началом которых является значимость, взаимозависимость человека и мира. Возникнув в различении сущности и бытия, значимость, через собственную дифференциацию и интеграцию, выступает основой любой культуры. Следовательно, ядром человека может выступать только значимость, в значимости для него окружающего мира, людей, предметов и собственной

жизнедеятельности проявляется его подлинная сущность; она, безусловно, зависит от конкретной культуры, в которой живет человек. Хотя мы говорим все время о значимости, но следует заметить, что для человека культуры она приобретает конкретное выражение в виде ценностей и смыслов, которые являются реальными регуляторами человеческой жизни, а их иерархия, субординация отражает сущность человека.

В чем проявляется и что определяет сущность человека как значимое, кроме общефилософских рассуждений? Человек, живя в мире, зависим от него, ибо независимое существо есть невозможное существо. Зависимость указывает на то, что человек не может обойтись без чего-то, это что-то необходимо ему для его жизни, оно важно для него, а следовательно, и значимо. Посредством значимого, важного и ценного для человека культура управляет его жизнедеятельностью, задает и программирует её. Отсюда вытекают и определяющие начала жизни человека, её детерминирующие тенденции. Зная же, что определяет жизнь человека, его главные ориентиры, мы выходим на понимание его сущности как некоего ценностно-смыслового ядра, ступка значимости разного вида, уровня и рода. Система значимости как целостное образование выступает своеобразной несущей основой внутреннего мира человека, его архитектурной. Что же объединяет значимое в его разных видах и формах? И не дает этой системе рассыпаться? По-видимому, между отдельными значимостями существуют процессы, направленные на их соединение и разделение. Это фундаментальные психологические механизмы, посредством которых идет развитие, формирование и изменение сущности человека как значимости. Отсюда следует, что *сущность как система значимости* не есть нечто застывшее и неизменное, она динамична и целостна. Динамика и функционирование сущности определяются механизмами интеграции и дифференциации значимого. Значимое, определяя сущность человека в её разнообразии (уровень, вид, иерархия и по содержанию), характеризуя внутренний мир человека, имеет структурные и содержательные особенности. Они не остаются неизменными, хотя и некоторые из них с развитием личности человека приобретают стабильность и устойчивость (структурно и содержательно). Изменения системы значимого могут быть *структурные* (расположение, конфигурация, количество элементов); *содержательные* (изменение качества отдельных элементов значимости) и *функциональные* (когда смещаются или изменяются функции отдельных элементов значимого).

Значимость - это снятая зависимость человека от мира, которая включает в себя окружающий мир. Диалогичность отношений "Человек - Мир" включена в саму значимость и служит источником изменения, разви-

тия значимого в человеке. Через эту диалектику осуществляются взаимопревращения возможного и действительного в человеке. Возможное - это потенциальная реализация значимого в мире, а действительное - это само значимое как направленная напряженность. Функционирование значимого - это раскрытие диалогичности фундаментального отношения "Человек - Мир" в жизнедеятельности и свёртывание этой раскрытости во внутреннем мире человека. Значимое не терпит внутреннего разрыва и невозможно вне диалогичности, так как имеет в себе силу взаимозависимости человека с миром. Значимое и есть сила и направленная напряженность, функции которой определяются в фило- и онтогенезе как человеком, так и миром. В значимости содержится какой-то образ внешнего по отношению к человеку мира, который создан как самим внешним миром, так и человеком. Таким образом, антитеза субъекта и объекта, познающего и познаваемого преодолевается в личности человека [235; 459]. Внешний мир в человеке обретает свою инаковость.

Значимое есть по своему существу бытие, которое внутренне - для себя самого - есть нечто сущностное, основа и средоточие. В своей глубине значимость создает свою непосредственную связь, свое сущностное единство с миром, имеет самое себя как мир. И все же она, с другой стороны, не есть всеединство, а, напротив, как уже указано, противопоставляет себя ему, отделяется от него и имеет себя именно только в этой своей отдельности и отстраненности. В существе значимости лежит момент различения или раздельности как единства раздельности и взаимопроникновения. Значимое конструируется из своей раздельности, оно пронизано всеми и все собой пронизывает. Раздельность отношений "Человек - Мир" в значимом внутренне связана с взаимопроникновением. Это отношение в каком то смысле содержит в себе момент встречи и единства, движения из двух разных точек в направлении друг к другу, ибо здесь скрещиваются, сплетаются все динамические потенции и тенденции, действующие во взаимопротивоположных направлениях. Но с другой стороны, эта встреча была бы невозможной, если бы "Человек" и "Мир" не принадлежали искони друг другу, если бы они не были искони одно у другого, одно при другом.

Сущностный признак значимости состоит в том, что при никогда не исчезающей раздельности - в ней все же властвует некое подлинное внутреннее единство. Это единство по существу своему есть двуединство. Но это двуединство есть вместе с тем глубоко внутреннее, до самих корней проникающее подлинное единство: "взаимодействие", осуществленное здесь в форме взаимопроникновения, переживания бытия одно-в-другом. Реальный мир раскрывается в значимости, переживается человеком и открыва-

ется внутри него - хотя и как реальность, внешняя по отношению к нему. Но в силу того, что он переживает, реальность принадлежит и жизни человека, его непосредственному самобытию. Таким образом, в значимости отношения "Человек - Мир" с особой очевидностью обнаруживается единство раздельности и взаимопроникновения [388; 372].

Это единство раздельности и взаимопроникновения образует самое существо значимости как первоосновы бытия человека. Об этом же, но с несколько иных позиций пишет В.И. Слободчиков, когда говорит о становлении внутреннего мира. "Единство и противоположность обособления и отождествления и есть постояннодействующее, живое противоречие бытия, задающее и направляющее весь ход становления и развития человеческой субъективности, есть механизмы этого развития" [345; 17]. Таким образом, значимость не только является сущностью человека, но и задает архитектуру внутреннему миру человека. Вот в плане архитектуры можно выделить следующие линии раскрытия содержания значимости, а значит, и внутреннего мира. Во-первых, это интериоризация базового отношения "Человек - Мир" в отношении внутреннего мира и ядра значимости, где внешний мир в своей инаковости и пристрастность человека к нему образуют некое единство противоположностей, постоянно возникающих и разрешающихся, тем самым образуя основное напряжение человеческого бытия [57; 263].

В различии и единстве значимости возникает внутренняя культура человека. Да и каждый человек есть потенциально-целостная способность бесконечно развивать себя, культура [57; 296]. Внутренняя культура человека - это общение, в котором всегда один из полюсов только мыслим, воображаем. Диалогическая природа человека, его сущности (значимости) приводит к тому, что "человек никогда не совпадает с самим собой и ... подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения с самим ..." [45; 69]. Отсюда подлинная жизнь, её понимание доступно только диалогическому проникновению в неё [45; 69].

Во-вторых, линия, описывающая архитектуру значимости, задается двумя способами рационализации мистицизма (А.В. Смирнов). В европейском мистицизме (Н. Кузанский) отношения между человеком и миром раскрываются через оппозицию "свернутость-развернутость", которая, с одной стороны, приводит к независимости субъекта и объекта познания, а с другой, к тому, что человек не должен "свертывать" свою "развернутость", чтобы познать истину (Н. Кузанский). Для Ибн Араби же истинное познание в мире невозможно потому, что оно предполагает уподобление всего человека познаваемому: лишь перестав быть человеком "действи-

тельным", а став человеком "виртуальным", можно открыть истину [354; 148]. Таким образом, вторая линия описания архитектоники значимости задается двумя оппозициями: "свернутость-развернутость" и "виртуальность-действительность". Для современной психологии эти оппозиции имеют особую актуальность, хотя бы с возникновением виртуальной психологии (Н.А. Носов, 1997).

В-третьих, психологические механизмы функционирования значимости как внутреннего мира заданы, с одной стороны, как разделение, обособление и различие в значимости инаковости "внешнего мира" и Я человека как центра его субъективности. С другой стороны, их единства, слитности и взаимопроникновения.

Самораздваивающаяся сущность человека не только становится фактом, но и образует форму всего жизненного процесса. Различение значимости как сущности человека приобретает формы: "внутреннего напряжения", "направленной напряженности", "значимых переживаний", "ценностных переживаний" и т.д. Здесь следует подчеркнуть два момента, а именно, *во-первых*, различие значимости в ее конкретных формах (ценности, смыслы, мотивы) несет в себе энергетический заряд, т.е. то, что является источником силы человека, его жаждой жизни; *во-вторых*, это направленное напряжение на достижение и реализацию конкретных ценностей и смыслов, принятых человеком. В своей совокупности они образуют нечто целостное, внутренний модус человека, единицу его психологической жизни. Являясь интегральным фактором, формирующимся и функционирующим в процессе взаимодействия человека в мире, этот внутренний модус рассматривается как взаимопроникновение и переплетение психологических, культурных и социальных аспектов бытия, т.е. выступает основой психического типа человека культуры [1, 2]. Главное различие сущности – это противоречие между потенциальной универсальностью человека и его актуальной ограниченностью в каждый данный момент [30]. В потенциальной универсальности мир находит свою инаковость, а в актуальной ограниченности конечность существования и экзистенциальную тревогу, о которой так проникновенно и глубоко говорит Б. Паскаль. Различение и тождество между потенциальной универсальностью и актуальной ограниченностью человека характеризует его субъективность, внутренний мир. Жизнь и функционирование внутреннего мира осуществляется посредством психологических механизмов. Данные механизмы, следуя принятой нами логике, можно разделить на две группы, а именно, механизмы интеграции универсального и конечного человека и механизмы остранения, различения, разрыва. Об этом же пишет В.И. Слободчиков, когда характеризует становление внутреннего мира человека [345].

1.3. Социально-психологические механизмы культуры

Человек рождается в Мире, формируется им и изменяет его в соответствии с собственными ценностями и смыслами. Или, как об этом сказал Н. Заболоцкий:

*Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.*

Мир – это целостность и системность явлений. И как целостность явлений для человека он несет при этом определенную "целесообразность", которая определяет и соответствующее отношение к деятельности. Мир целесообразен прежде всего с точки зрения фундаментального условия возможности воспроизводить жизнь и культуру. Предметный мир человека – это не просто совокупность предметов деятельности, а предметов жизнедеятельности. Действительность в виде мира дана в процессе реальной деятельности не умозрительно, не беспристрастно, а обращена к нам теми своими сторонами, которые маркируют направляющую нашего поведения, участие в мире, указывают на характер нашей причастности к нему. Такими маркерами выступают ценности, смыслы и мотивы. Они обнаруживают себя в конкретном, предметном содержании мысли и чувства, в каждом отдельном регулятивном акте. Это обнаружение несет в себе размерность (меру) действий человека в мире. Об этом хорошо сказал известный в античности софист Протагор: человек есть мера всех вещей.

Окружающая среда с ее пестрой палитрой красок, форм, звуков, запахов и материалов является средоточием общественных и культурных ценностей, которые вложил в нее их создатель – человек. Эта среда влияет на психику, поведение, принятие решений, восприятие, движение и понимание пространства. В действиях разных людей в одной и той же среде есть очень много сходства. Иными словами, можно констатировать только минимальную индивидуальную разницу в реакции на идентичную среду. Структура среды воздействует на психику и поведение людей консервативно: действие продолжается длительное время, а индивидуальность отдельных действующих лиц иногда даже может заметно не проявляться. Одна и та же среда характером своей структуры как бы предписывает нормы, образ поведения, способ и стиль регуляции.

Поведение человека в окружающей его среде находится под управлением двух мощных сил. Первой силой являются правила, нормы культуры поведения, регулирующие позицию человека в пространстве (например,

расстояние между людьми). Второй - культурные символы, указывающие на то особое место, которое может быть занято в данной среде. Знаки, символы окружающей среды помогают человеку не только ориентироваться в ней, но и слиться во взаимодействии. Возникает не только физическое, внешнее взаимодействие, но и духовное, культурное. И оно шире и глубже всех других форм отношений. В процессе духовного взаимодействия, общения с окружающей средой последняя направляет, указывает и регулирует поведение человека. Он составляет с окружающей средой неразрывное целое, и это целое и есть ценностно-смысловое поле взаимодействия человека с миром. Это тот горизонт видения жизни и участия в ней, который направленно объединяет человека с миром и на котором человек оставляет свою линию жизни, чертит индивидуальный жизненный путь.

Проблема понимания механизмов развития и формирования человека в мире так или иначе приводит нас к двоякому её рассмотрению, как бы внешнему и внутреннему. С внутренней стороны, с позиции сущности человека, мы уже выделили две категории психологических механизмов, которые обеспечивают существование и функционирование внутреннего мира и значимости внешнего мира в человеке. Это механизмы интеграции (единства, слияния, взаимопроникновения) и дифференциации (разделения, обособления, различения). С внешней стороны, с позиции базового отношения "Человек - Мир", контуры психологических механизмов обозначены разными терминами. Отношение "Я - ты" как единство раздельности и взаимопроникновения (С.Л. Франк, 1990); "взаимопредположения и взаимоисключения"

(В.С. Библер, 1991); "причастность и единоборство" (М. Бубер, 1993); "потребность субъекта в достижении двух противоположных целей: слияния с социумом и выделение своего "Я" в качестве автономной единицы" (Г.Г. Дилигенский, 1976). В психологической литературе "индивидуализация и адаптация" (А.В. Петровский, 1984); различие и единство двух подсистем "ребенок - вещь" и "ребенок - взрослый" (Д.Б. Эльконин, 1978); становление ребенка в развитии проходит в смене позиций "я в обществе" и "я и общество" (Д.И. Фельдштейн, 1989). В свою очередь, разрабатывая основные контуры периодизации развития человека в культуре, мы выделили две группы механизмов - интеграции и остранения [435, 439]. Из сказанного следует, что философский и психологический уровни рассмотрения проблемы отношений "Человек - Мир" так или иначе фиксируют свое внимание на двух моментах: единства, слитности мира и человека и их раздельности, разобщенности. Культура, в плане формирования и развития человека, эти моменты разворачивает в две группы механизмов: интегра-

ции и дифференциации, что она осуществляет прежде всего через культ и игру. Культ базируется на механизмах интеграции, т.е. объединяет людей для поклонения и достижения цели, вера во что-то объединяет и соединяет людей. Игра же более всего включает в себя механизмы дифференциации - различения ролей и функций, последовательности действий, начала и конца игры и т.д. Разумеется, следует сказать, что механизмы интеграции и дифференциации не существуют раздельно, каждый из них дополняет другой. Это же касается культа и игры. Таким образом, социально-психологические механизмы социализации (ритуалы, традиции, обряды, обычаи, игры, мифология, фольклор и другое¹) включают в себя как элементы интеграции и дифференциации, так и психологические механизмы.

В психологии к основным механизмам социального развития индивида относят подражание, заражение, внушение и убеждение. Однако системное рассмотрение этих механизмов наталкивается на ряд теоретических и экспериментальных проблем (Б.Д. Парыгин, Б.Ф. Поршнев, Г.М. Андреева). К ним можно отнести вопросы, связанные с внутренней структурой этих психологических механизмов и их системного рассмотрения.

В отечественной психологии первыми, кто начал исследовать механизмы социального развития, были В.М. Бехтерев и Г.В. Плеханов. Последний, например, утверждал, что наряду с подражанием существует и другой, противоположный ему механизм – противоречие (или контрподражание), названный Г.В. Плехановым "соотносительным изменением". Представляется, что идея Г.В. Плеханова о диалектически связанных противоположных механизмах в детерминации психического развития человека имеет глубокое сущностное значение. Есть основание полагать, что в детерминации психического развития участвуют своего рода пары диалектически связанных механизмов: подражание и контрподражание, суггестия (внушение) и контрсуггестия, заражение и противоположный ему механизм. В свете сказанного, интерес представляет попытка Б.Ф. Поршнева объяснить через механизмы внушения и контрвнушения ряд важнейших страниц древнейшей истории человечества. Так, если с суггестией (внушением), по мнению Б.Ф. Поршнева, связана зависимость человека от принудительной силы коллективных действий и представлений, то с контрсуггестией связано рождение "внутреннего мира", психической независимости личности.

¹ Роль социально-психологических механизмов выполняют: театр, телевидение и кино. Даже чтение стихов, молитв и различного рода мантр воздействует определенным образом на человека, но мы далеко не всегда об этом догадываемся, и тем более не всегда можем объяснить механизм воздействия.

Психологические механизмы воздействия на человека, способствующие социальной детерминации его психологического развития и усвоения им социального опыта, многообразны, но к основным следует отнести подражание, "заражение", внушение и убеждение. Эти психологические механизмы имеют между собой как общее, так и особенное, отличающее один способ воздействия на индивида от другого. Кроме того, наряду с известными способами воздействия на индивида, существуют и противоположные, что еще более усложняет вопрос о дифференциации и условиях реализации каждого из них. Нам представляется, что сейчас назрела настоятельная необходимость разработки и реализации такой программы психологических исследований, которая теоретически и практически позволила бы выявить реальное значение всей системы средств и способов общественного воздействия на индивида в формировании и развитии его личности. Это особенно становится важным, если учесть, что именно сочетание подражания и контрподражания, суггестии и контрсуггестии способствует рождению и формированию внутреннего мира человека.

Рассматривая основные психологические механизмы воздействия на человека с позиции развиваемого нами подхода, можно утверждать, что в процессе взаимодействия проявляют себя два момента. *Во-первых*, это объединение субъектов взаимодействия, нахождение общего, их интеграция, включение в совместную деятельность, приспособление друг к другу, поддержка и принятие другого (убеждение, подражание, внушение и "заражение"). В этой ситуации, если один субъект воздействует на другого, то в зависимости от внутренней активности второго субъекта и его ценностных ориентаций возможны, как минимум, два результата. Полное или частичное принятие, усвоение чувств, мыслей и действий первого субъекта. Первый субъект опредмечивает себя во втором и оставляет в нем след, т.е. второй субъект пассивен и готов к принятию транслируемых ему ценностей. Для данной ситуации возможен и другой исход, а именно – неприятие или отторжение второго субъекта, самоопределение в данной системе отношений. Если происходит углубление взаимодействия и выявляются различные ценностные ориентации, то начинает срабатывать противоположный механизм, который не только нейтрализует воздействие, но и усиливает собственную внутреннюю, а часто и внешнюю активность для опредмечивания, торжества собственных побуждений и ценностей. Обратный эффект по отношению к внешним воздействиям определяется тем, что внутренний мир человека или только рождается, или уже достиг устойчивого состояния.

Второй момент связан с первоначальной конфронтацией субъектов взаимодействия, их оппозицией по отношению друг к другу, неприятием другого, выявлением различий во вкусах, оценках и ценностях. На фоне противопоставления субъектов взаимодействия друг другу начинают проявлять себя такие механизмы психологического воздействия и самовоздействия, как контрвнушение, разубеждение, антиподражание и антизаражение. В этой ситуации возможны также два полярных результата взаимодействия. Идет дальнейшее размежевание субъектов взаимодействия в отношении чувств, мыслей и действий. Иногда субъекты взаимодействия осуществляют такие акты самовоздействия, которые направлены на возникновение именно противоположных данному субъекту ценностных ориентаций или отдельных ценностей. В данной ситуации результат может быть и иным, а именно: если идет процесс углубления взаимодействия, то, возможно, что они придут к единству чувств, мыслей и действий. Почему это происходит? Процесс взаимодействия может осуществляться на равных уровнях; в случае, если идет углубление процесса взаимодействия, т.е. субъекты взаимодействия осознают одинаковость исходных посылок, базовых ценностей и ценностных ориентаций, то процесс начинает разворачиваться уже в другом направлении, т.е. наступает стадия интеграции субъектов. Таким образом, в процессе взаимодействия возможно функционирование различных психологических механизмов воздействия, особенности их проявления будут зависеть от конкретной ситуации и уровня развития субъектов (самосознания, самоконтроля, уровня притязаний и т.д.).

Введение понятия "психическое состояние" в качестве психологической категории связано с именем Н.Д. Левитова. Это понятие используется для условного выделения в психике индивида относительно статического, устойчивого момента. К психическим состояниям относятся проявления чувств (настроение, аффект, тревога, фрустрация и др.), внимания (сосредоточенность, рассеянность), воли (решительность, собранность, растерянность), мышления (сомнение), воображения (грезы) и т.д. В структуре взаимодействия субъектов общения их психические состояния могут как различаться, так и быть одинаковыми. Так, при "заражении" психическое состояние человека характеризуется тревожностью, растерянностью и сомнением: что делать дальше? и т.д.

Однако часто человек из одного психического состояния переходит в другое. Это наблюдается, когда общение происходит с интересным человеком, значима сама тема общения, велик авторитет собеседника, т.е. происходит попадание под влияние личности другого и изменение первоначального психического состояния. Воздействия, влияния на психологиче-

ские состояния и ценностные ориентации людей осуществляются с помощью средств общения (вербальных и невербальных), которые в реальном процессе взаимодействия людей образуют как бы целостные паттерны, имеющие свою специфичность и особенность. Их специфичность и особенность связаны с тем, что, воздействуя на ценностно-смысловую структуру человека (Г.Л. Тульчинский, 1986; А.В. Гулыга, 1987; Ф.Е. Василюк, 1984), они влияют на процесс осмысления человеком своего бытия, и эта диалектика осмысления проявляется как систематический смысловой и ценностный сдвиг. Зачастую, благодаря такому сдвигу, нечто, казавшееся раньше несущественным и побочным, приобретает фундаментальное значение. Особенно это характерно для подросткового и юношеского возраста. Так вот, основная задача воздействий, влияний (подражание и антиподражание, суггестия и контрсуггестия и т.д.) – осуществить ценностно-смысловой сдвиг привычной структуры и подвести человека к осмыслению действительности. Этой цели служат литература, искусство, театр, кино и т.д. Особую роль в осмыслении играли древние церемонии и ритуалы, связанные с обменом, дарением, жертвенностью, вопрошанием, молитвами. Все это является примерами диалога, явного или скрытого. Только через диалогичность, в том числе и психологических механизмов воздействия, и возникает ценностно-смысловой сдвиг, изменение сознания человека.

В характеристику воздействий включается их содержание, т.е. то, что сообщается человеку. Информация, сообщаемая человеку, может иметь для него различную степень ценности и значимости. Быть интересной и занимательной, шокировать и вызывать недоверие, быть сверхценной и не стоящей внимания. Кроме того, сообщаемая человеку информация имеет не только значение, но и смысл, который всегда шире значения. Не всякая информация, сообщаемая человеку, может быть им понята, или, другими словами, не все он может расшифровать и уловить. Информации может поступать с избытком или недостатком для принятия человеком решения.

В условиях межличностного взаимодействия могут возникнуть совершенно специфические коммуникативные барьеры. Эти барьеры бывают порождены как объективными социальными причинами, так и субъективными факторами. По мысли Б.Ф. Поршнева, распространение информации в обществе происходит через своеобразный "фильтр доверия" и "недоверия". Этот фильтр может действовать так, что абсолютно истинная информация оказывается не принятой, а ложная -наоборот. Существуют специфические средства, которые помогают принятию информации и ослабляют действия фильтров. Эти средства получили название фасцинативных (Ю.В. Кнорозов, 1977). Фасцинация, как правило, объединяется с сообщением и

воздействует на человека параллельно с информацией. Сильным fasciniрующим воздействием в воспринимаемых на слух сообщениях обладает ритм и интонация. Fascинация, заключаемая в музыкальном ритме, способна даже замаскировать бессмысленное содержание массовых песенок и пустоту либретто классических опер. Fasciniрующее воздействие оказывает, несомненно, и рифма, а соединение ее с ритмом порождает ту "магию стиха", то гипнотическое воздействие поэзии, о котором издавна идут разговоры. В целом для fascинативности характерен упор на план выражения информации, т.е. на строение самого выражения, а не на смысл. К этому следует добавить мнение А.А. Брудного, что fascинативность связана с неопределенностью адресата и содержания текста. Как считает Брудный, фраза типа "будут приняты меры" оставляет простор для работы воображения, и потому приковывает внимание слушателей [70].

Одной из характеристик fascинативности являются устанавливающиеся отношения между субъектами взаимодействия. Хотя эти отношения очень часто остаются незамеченными, они являются мощным фактором, ослабляющим или усиливающим воздействие одного субъекта на другого.

В генетической психологии особенность человеческого мышления, связанная с ценностно-смысловым сдвигом и изменением сознания, получила название "дипластии". Причем, как А. Валлон, впервые экспериментально выявивший и описавший явление дипластии, так и Б.Ф. Поршнев, глубоко развивший содержание соответствующего понятия, подчеркивали, что дипластия связана с функционированием социальных уровней психики, в ее основе лежит отражение сознанием не природных, а социальных связей. Специфичность приемов, способов воздействия на ценностно-смысловую структуру человека нашла отражение в их наименованиях – сгущение, оплотнение, иносказание, отстранение, смех, ирония и т.д. Эти приемы неоднократно описывали античные философы (Сократ, Платон, Аристотель), теоретики театра (Б. Брехт, К.С. Станиславский), психоаналитики (З. Фрейд, К. Юнг), философы (А.В. Гулыга, Г.Л. Тульчинский), филологи (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман). К нашему огорчению, в психолого-педагогической литературе, посвященной проблеме воздействия, приемы, направленные на изменение ценностно-смысловой структуры человека, не нашли должного отражения. Да и само понятие "психологическое воздействие" проработано явно недостаточно, это касается и понятийного аппарата его описания, что отмечалось неоднократно (Г.А. Ковалев, 1987; В.Н. Куликов, 1983; Г.А. Балл и М.С. Бургин, 1994; Т.С. Кабаченко, 1986; Е.Л. Доценко, 1996). В раскрытии содержания понятия "психологическое воздействие" выделяют *процессуальный* компонент: процесс (Г.А. Ковалев),

изменение (Т.С. Кабаченко), событие (Г.А. Балл, М.С. Бургин); и результативный: изменения в структуре и состоянии системы, изменения в психологических характеристиках личности, групповых норм и т.д. Но не ставится проблема: а за счет чего возможно психологическое воздействие? Что является его механизмом? На это, правда, в плане воздействия искусства на личность, обращает наше внимание Е.П. Крупник [189]. Он выделяет три психологических механизма воздействия: эмпатия, рефлексия и объединяющий их механизм или метамеханизм - преобразование (метаморфозы). В выделенных Е.П. Крупником психологических механизмах это касается прежде всего их содержательного раскрытия [189;91], проявляют себя выделенные нами ранее общепсихологические механизмы интеграции и дифференциации. Таким образом, механизмы интеграции и дифференциации включены не только в социально-психологические механизмы и общепсихологические, но и какой то своей частью в психологическое воздействие. Всякое психологическое воздействие имеет в себе два момента: соединения, слияния (интеграции) и разделения, различения (дифференциации), которые находятся в неразрывном единстве и переходят друг в друга. Но при этом один из моментов может доминировать и определять специфику самого психологического воздействия.

Мы в своей работе попытались не только выделить психологические приемы воздействия [439; 53 - 56], но и разделить их на три группы по степени преобладания или доминирования одного или двух психологических механизмов. К первой группе следует отнести психологические приемы воздействия, где преобладает дифференциация. Это вторичная наглядность, магия-чудо, осмеяние. В этих приемах акцент сделан на различении того, что есть, и некоторого иного, возможного события или просто "наглядного" изображения. Различения себя и другого, да не просто различение, а и отторжение этого другого события от себя. Неприятие его и осуждение. Психологический прием "осмеяние" гораздо богаче по содержанию, чем мы смогли представить, думается, что здесь возможно выделить ещё группу психологических приемов. Ко второй группе отнесем психологические приемы, где преобладает интеграция чего-то с чем-то. К этой группе относятся: сочувствие и сопереживание, приобщение, повторение-навязывание. Доминирующим фактором в этих приемах является интеграция или соединение, слияние, а также копирование, что возможно в разных аспектах и формах: на познавательном уровне или эмоциональном, а также конативном. Это наиболее древние приемы психологического воздействия: новое осмысление, смещение, сдвиг привычного, сгущение-оплотнение. К третьей группе психологических приемов воздействия относим такие приемы, как незавершенность-недоговоренность. В этих приемах ярко

проявляют себя оба психологических механизма: и интеграция, и дифференциация.

Разумеется, мы достаточно ясно отдаем себе отчет в том, что данные группы приемов психологического воздействия нуждаются в уточнении и дополнении, а также в необходимости дальнейшей работы по содержательному раскрытию последних. Однако мы исходим из того, что психологические приемы воздействия - это элементарные, единичные воздействия, которые включаются в психологические механизмы. Каждый психологический механизм своеобразно сочетает в себе и системно представляет психологические приемы воздействия. Психологические приемы – это как бы кирпичики, из которых строится здание того или иного психологического механизма. Ниже, после описания психологических приемов, мы дадим характеристику психологических механизмов с учетом включения в последние приемов воздействия.

К первой группе следует отнести такие психологические приемы воздействия:

- Повторение, навязывание чувств, мыслей и действий – широко встречающийся прием воздействия на человека. Так, после прослушивания песни люди очень часто, даже не замечая этого, повторяют припев или отдельные понравившиеся строчки из песни. В музыкальных произведениях выделен специальный ритм, который идет во время исполнения, его называют остинатным ритмом. Остинатный ритм – это неизбежность повтора. Он увлекает слушателя и обладает огромной силой воздействия. Остинатный ритм дает накопление энергии. Бах одним из первых композиторов выделил остинатный ритм. Одна и та же мысль, фраза, если она звучит в течение всего фильма, воздействует на психику человека. Недаром говорят: повторение – мать учения.

- Сочувствие, сопереживание людям является важнейшей их характеристикой. В психологии они включены в более широкое понятие "эмпатия". Эмпатия – это в основном пассивно-созерцательное отношение к переживаниям другого, сопереживание или сочувствие без активного вмешательства с целью оказать действенную помощь. Под сочувствием и сопереживанием понимают способность человека откликнуться на чувства другого, на его действия, умение поставить себя на место другого. Пожалеть другого человека, если он попал в беду, порадоваться вместе с ним, когда у последнего есть для этого повод.

- Приобщение осуществляется через участие в совместной деятельности с другими людьми. Быть одним из героев, носить такие же вещи, как и твой кумир, – все это примеры приобщения. Приобщение к любимому

певцу часто идет через танец под его песню. Такое включенное участие с особой силой воздействует на психическую организацию человека. Ду-мать, как другие – тоже есть вид приобщения. В молодежной среде формы, виды и средства приобщения очень разнообразны: от жаргона до образа жизни.

Ко второй группе отнесем следующие психологические приемы:

- Вторичная наглядность есть материализация метафоры. Сопоставление лба со стеной – привычный штамп. Художник может "материализовать" его, создав гротескный рисунок (в свое время наши карикатуристы изображали английских консерваторов – твердолобых – с обнажившейся кирпичной кладкой во лбу). В кинофильмах герои часто совершают во сне то, что им недоступно в реальной жизни, реализуя свои грезы и мечтания. Это воплощается в строительстве необычных зданий, машин, а сами люди обладают сверхъестественными способностями. Буквально прочитанная, материализованная метафора – распространенный прием в сатирической и юмористической литературе.

- Осмеяние есть отторжение от себя чего-то чуждого, нелепого для человека. Смех – это освобождение от неприятных ощущений, возникающих при столкновении с какой-либо нелепостью. Человек может вызвать смех у другого человека двумя путями или двумя принципиально разными способами: непроизвольно – своими нелепыми действиями, и вполне сознательно – своим остроумием. Остроумие подмечает и освещает конфликт, но не дает решения проблемы. Остроумие основано на чувстве юмора – это особая ассоциативная способность, умение критически подойти к предмету, подметить несурзность, быстро отреагировать на нее.

- Магия, чудо – это особые средства воздействия на человека. Потребность верить в сказку, чудо не только скрашивает жизнь, но и хотя бы в воображении реализует потаенные и не вполне осознанные потребности и мотивы. Поэтому вера в чудо дает человеку дополнительные силы и не позволяет стать пессимистом, это с одной стороны, а с другой – уводит его в мир иллюзий, грез и заблуждений. Часто человек балансирует на острие реального и иллюзорного. Психологически желание чуда мобилизует человека, дает ему дополнительный заряд энергии для преодоления внешних и внутренних препятствий, ориентирует на достижение определенных ценностей и целей.

К третьей группе психологических приемов воздействия относим такие приемы, как:

- Новое осмысление привычного достигается с помощью иносказания (шифра), каламбура, иронии, сарказма. Иносказание – это когда говорится

одно, а имеется в виду другое. Например, как пишет Козьма Прутков в "Мыслях и афоризмах":

*У человека для того поставлена голова
Вверху, чтобы он не ходил вверх ногами.*

- Каламбур – игра слов, построенная на одинаковом их звучании: в прямом и переносном значениях. "Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории" (Н.В. Гоголь). Наконец, ирония - отрицание под видом утверждения или наоборот. Отцом иронии считают древнегреческого философа Сократа, который с видом простака задавал своему собеседнику вопросы, будто хотел поучиться у него. В результате тот, кто полагал, что все знает, приходил в замешательство. Ирония наводила людей на мысль, что они ничего не знают, и тем самым расчищала путь подлинному знанию. Наступало как бы прозрение, открытие нового и часто неожиданного для самого человека. На это новое осмысление, бывает, толкают и новые факты, примеры из жизни, которые повернуты к человеку под неожиданным углом зрения. Злая ирония – это сарказм.

- Смещение, сдвиг привычного происходит при доведении до абсурда того, к чему мы привыкли и на что не обращали до сих пор внимания. Утрировка, гротеск, пародия, гипербола – примеры смещения привычного отношения и восприятия. Речь иностранца, пестрящая ошибками, смешна. Смешны необоснованные потуги на знание чужого языка. Гоголевский "нос", разгуливающий по Петербургу, щедринский "органчик", заменяющий городничему мозги, – русская литература охотно прибегала к гиперболе и гротеску. В фантастических произведениях нередко можно столкнуться с обычными для землян вещами, которые для жителей других планет имеют иной, особый смысл и ценность.

- Незавершенность, недоговоренность очень часто встречаются в виде отсутствия "конца", развязки действия. Намечен путь, но не описано или не сказано, как его пройти. Иногда на таком распутье истолкований оставляет читателя (зрителя) автор произведения. Возникает так называемое открытое произведение, открытое для сотворчества. Педагог, писатель берет в соавторы читателя, ученика, провоцируя его фантазию, открывая возможности для интерпретаций и диалога. Таким образом, информацию, которая имеет недоговоренность, незавершенность, можно сравнить с контурной картой: каждый в меру своих интересов, знаний, способностей, опыта должен заполнить предложенное автором схематическое пространство изображения.

• Сгущение, оплотнение как психологический прием воздействия проявляется по-разному: через подчеркивание, гиперболизацию или за счет избытка материала. В кинофильмах оплотнение часто достигается устранением многоплановости изображения, все постороннее, отвлекающее убирается. Но то, на чем надо зафиксировать внимание, выделено крупным планом, повторено столько раз, сколько нужно для того, чтобы усвоить суть дела. И, наконец, фантастика: безыскусная – в виде народной сказки, рафинированная – в форме "научно-фантастической" прозы. Здесь воображение художника в поисках правды отказывается от правдоподобия и нагнетает одну за другой самые невероятные ситуации.

Соотношение психологических механизмов воздействия и приемов можно наглядно представить таким образом (см.: Рисунок 2.).

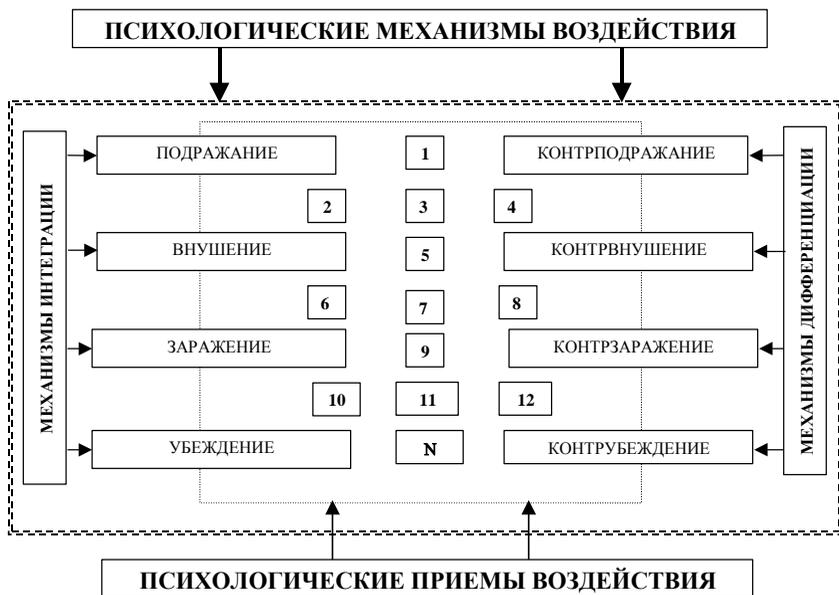

Рисунок 2. Системно-структурное представление психологических механизмов и приемов воздействия. Здесь обозначены: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и т.д. – приемы психологического воздействия (новое осмысление, осмеяние, смещение, сдвиг привычного, приобщение, сочувствие и сопереживание, вторичная наглядность, повторение, незавершенность, недоговоренность, сгущение, оплотнение, магия и чудо).

С позиции развиваемого нами подхода основные психологические механизмы воздействия на человека могут быть представлены системно,

структурно и содержательно, чем это традиционно делается. Другими словами, наполнение их психологическим содержанием будет происходить на основе психологических приемов воздействия и с учетом структуры межличностного взаимодействия.

- "Заражение" направлено на воображение, чувства, переживание и эмоциональное состояние человека. При "заражении" происходит принятие внешне очевидных образцов поведения. За счет силы ценностно-смыслового поля, особенно его эмоционального компонента, происходит многократное усиление эмоционального воздействия на человека. Фильтр недоверия ко всякой информации отсутствует. Конечно, психическое заражение происходит в значимой для человека ситуации, когда существует реальная угроза его физического, морального или другого существования.

При "заражении" происходит новое осмысление ситуации, эмоциональное переживание момента сдвигает привычные оценки и суждения. Эффект воздействия наличной ситуации люди видят наглядно на примере окружающих, и это воздействие повторяется. Периодичность воздействия усиливает у людей эмоциональный заряд, который может изменить поведение до полной неуправляемости. В поведении людей проступает недоговоренность, незавершенность, и окружающие чувствуют это, события развиваются по своим каким-то внутренним законам, недоступным мгновенному пониманию. Люди концентрируют в себе чувства, мысли, и тем самым оплотняют, сгущают их. Общее сочувствие и сопереживание себе и другим интегрирует людей, приобщает их друг к другу. В таком состоянии многие ждут чуда, которое их спасет.

- Внушение направлено на непосредственное прививание определенного психического состояния, т.е. идей, чувствований, образов для того, чтобы получить инструкции и распоряжения к действиям. Внушение, как правило, носит односторонний характер, и при его проведении важен авторитет индуктора. Осуществляется оно преимущественно вербальным образом, это основное средство воздействия. Авторитет индуктора и другие фасциативные средства снимают "фильтр недоверия" или, по крайней мере, уменьшают его сопротивление. Устанавливаемое ценностно-смысловое поле может способствовать эффективности внушающего воздействия или мешать его проведению. В процессе внушения чаще всего используются такие приемы психического воздействия, как повторение слов, формул и действий, навязывание их человеку. Происходит сгущение, оплотнение чувств, мыслей и переживаний своего состояния. Между субъектом и объектом взаимодействия устанавливаются доверительные отношения, и реципиент как бы приобщается к индуктору. Конечно, особенно в медицине, многие ждут от внушения чуда, т.е. мгновенного выздоровления или зна-

чительного улучшения состояния. За счет этого происходит и новое осмысление себя, смещение и сдвиг своих представлений.

- Подражание бывает внешним и внутренним, но чаще всего имеют ввиду именно внешнее подражание, т.е. оно более всего связано с поведением и на изменение последнего и направлено. Осуществляется оно чаще всего невербальным образом, язык выступает лишь дополнением. Образец для подражания должен быть достижим и значим, чтобы, следуя его поведению, можно было достигнуть желаемых целей. "Фильтр недоверия" возникает лишь при грубом и навязчивом воздействии на человека и несоответствии с его устремлениями. При подражании проявляется специфическая роль ценностно-смыслового поля. Именно оно задает направленную напряженность для принятия или отторжения предлагаемых образцов. В неординарных ситуациях, эмоционально напряженных, скорее принимаются предлагаемые образцы поведения. Пожалуй, важнейшим приемом для активизации подражания является приобщение к совместному труду, игре, совместному разговору и т.д. Участие в общем деле, танцах, ритуалах – мощнейшее средство передачи через подражание культурного наследия. Действуя вместе с другим, человек сочувствует и сопереживает ему, у него возникают такие же самые чувства и переживания. Когда человек часто видит своих героев и просто значимых для него людей, то это как бы является реальным воплощением его желаний и стремлений, что, безусловно, способствует более активному подражанию им. Это повторяется и неосознанно навязывается человеку. Другие приемы психологического воздействия тоже активизируют подражание и выступают как бы вспомогательными для его осуществления.

- Убеждение, как и внушение, направлено на то, чтобы сообщаемую индивиду информацию превратить в систему ценностных ориентаций, т.е. установок и принципов личности. Убеждение предполагает достаточно высокий уровень развития человека. И степень эффективности убеждения зависит от заинтересованности человека в получаемой информации, в объективном освещении проблемы. Поэтому выбор логики доказательства, средств, с помощью которых оно осуществляется, в большой мере влияет на его эффект. При убеждении фасцинативные средства воздействуют на "фильтр недоверия", который чаще всего существует. Ценностно-смысловое поле при убеждении выполняет подкрепляющую роль.

Среди приемов психологического воздействия приоритетными становятся разные способы нового осмысления обсуждаемой проблемы. При разговоре о ней происходит смещение и сдвиг привычных, стереотипных представлений. Помогает этому и вторичная наглядность. При убеждении бывает полезным и такой прием, как осмеяние. Показать проблему с коми-

ческой стороны очень полезно, так как в этом случае процесс отторжения старых взглядов идет более эффективно.

Глава 2. Основы психологии человека

2.1. Принципы психологии человека

В истории философии выделялись принципы² бытия (*principia essendi*), которые в дальнейшем стали пониматься как законы, и принципы познания (*principia cognoscendi*). Пожалуй, здесь вполне уместно сказать, что в современной психологии данное разделение принципов трансформировалось в концептуальные и инструментальные принципы. В психологической литературе обозначается и еще одна группа принципов - объяснительные (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский; 1998), в эту группу включаются традиционные для психологии принципы: детерминизма, развития и системности [290]. Принципы этой группы выполняют инструментальные и концептуальные функции. Таким образом, один из источников возникновения принципов - это философия. Другим источником может быть опыт, когда за счет накопления фактов, повторяемости событий и явлений происходит обобщение некоторого основания, которое в дальнейшем и выступает в виде принципа. Третьим источником возникновения принципов является та или иная отрасль современной науки, которая становится образцом научной теории, парадигмой развития науки. В современной психологии эти моменты далеко не всегда рефлектируются.

В самом общем виде принципы любой науки очерчивают главное в понимании изучаемого объекта, задают те начала, от которых и строится конкретная наука. Другими словами, в принципах высказываются основные положения, предпосылки какой-либо теории, концепции. В нашем случае, это кратко сформулированная теория человека, отражающая ее закономерности, подытоживающая ее прошлый опыт, проверенный практикой и временем, а также ставшая исходным требованием для исследований и построений новых теорий, Все принципы психологии взаимосвязаны не только друг с другом, но и с соответствующими категориями. Кстати, нередко последние выступают как концептуальные принципы. В отечественной психологии принципам стали уделять все большее внимание (К.К. Платонов, 1982; А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, 1998). В отечест-

² Принцип (от лат. *principium* - основ) - это «основное положение, исходный пункт, предпосылка какой-либо теории, концепции» [181; 416]

венной психологии чаще всего обсуждают и опираются на следующие принципы: детерминизма (С.Л. Рубинштейн), развития (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже), системности (Б.Ф. Ломов), деятельности (А.Н. Леонтьев), деятельностного опосредования (А.В. Петровский), единства сознания и деятельности

(С.Л. Рубинштейн), иерархичности (К.К. Платонов), саморегуляции (К.А. Абульханова-Славская), единства человека и окружения (К. Левин) и другие. Наличие большого числа принципов ставит перед психологией серьезные проблемы. Случаен ли набор предлагаемых принципов? Как они взаимосвязаны между собой? Возможно ли построение системы принципов? Ответом на поставленные вопросы является применение принципа иерархичности к самим принципам, предпринятое К.К. Платоновым [300], но за порогом осмысления остался сам критерий упорядочивания. Что же касается классификации принципов по степени общности на общепсихологические и частнонаучные, то это не вызывает возражений, но не снимает с повестки дня поставленные вопросы [300].

Психология зародилась в недрах философии, поэтому, а также и потому, что философия есть обобщенное отражение мира в человеке и человека в мире, на философские принципы следует опираться и их учитывать. Ведущим принципом, который составляет центральную часть логики Г.В.Ф. Гегеля [100], является принцип различения и тождества. Диалектика, разработанная Гегелем, указывает на то, что принцип различения обязательно сопрягается с принципом тождества. Этот принцип говорит о том, что, познавая человека в мире, мы должны видеть их единство, общность, тождественность. Человек в единстве с миром представляет из себя "микрокосм", тогда как мир - это "макрокосм". Или, иначе говоря, каждый человек - это вселенная. А Гегель даже говорил так, что под каждой могильной плитой зарыта вся история человечества. Но, отождествляя человека и мир, нельзя забывать активность самого человека, направленную на изменение и преобразование окружающего мира. Проявляя активность, ставя ему присущие цели и задачи, человек сознательно воздействует на мир, тем самым различая себя и мир, самоопределяясь в мире людей и вещей. Принцип различения и тождества проявляется в жизнедеятельности людей, т.е. в их бытие, а также и в познании этого бытия. Он буквально пронизывает всю психологию человека. Так, например, различая события, факты, явления, происходящие на определенном промежутке времени, мы видим человека в развитии и изменении. А соединяя их последовательность между собой, рассматривая в единстве, можем выявить логику этого развития. То же самое касается формирования человека, сам процесс формирования и

изменения человека идет постоянно, и поэтому трудно поддается анализу. Однако благодаря принципу различения и тождества, можно в культуре выделить социально-психологические механизмы (ритуалы, обряды, мифы и сказки, игры, традиции и т.д.), которые в своей совокупности формируют, изменяют и развивают человека. В психологии познания человека, таким образом, мы опираемся на общий философский принцип - принцип различения и тождества, который, на наш взгляд, является основой как психологии человека, так и его жизнедеятельности. Этот принцип реализуется и находит свое продолжение в принципах психологии человека. Принцип различения и тождества действительно является самым общим принципом бытия и познания, подтверждением чему служит работа А.Ф. Лосева [238: 144], в которой он рассматривает мышление, а значит, и познание как различение и отождествление. Это основной принцип мышления, который есть отражение основного принципа бытия.

Опираясь на принцип различения и тождества, явно или нет, многие авторы анализируют и разворачивают содержание отношений "Человек - Мир" (В.С. Соловьев, 1988; Н.Ф. Федоров, 1982; С.Л. Франк, 1990; Н.А. Бердяев, 1994; М.М. Бахтин, 1979; М. Бубер, 1993; М. Хайдеггер, 1993; С.Л. Рубинштейн, 1976; К. Левин, 1964; В.С. Библер, 1991 и другие). Культура возникает в различении мира и человека, а их тождество формирует внутренний мир человека, его субъективность (М. Хайдеггер, 1993). Человек существует только в культуре, в процессе взаимодействия с миром. Психика и культура, в плане взаимосвязи "Человек - Мир", выполняют регулятивную функцию в широком плане. Культура, как мы уже писали, управляет, программирует, координирует и дает возможность человеку проявить свою активность в жизни (Э.С. Маркарян, 1969). То же касается и психики человека, в частности, в русле этого подхода было сформулировано фундаментальное для развития психологии положение о том, что психическое выступает в роли *регулятора* поведения и жизнедеятельности человека (И.М. Сеченов, 1953). Таким образом, регуляция взаимодействия "Человек - Мир" как концептуальный и инструментальный принцип определяет в своем разворачивании особенности изучения и понимания психологии человека.

Нам кажется оправданным более, чем на другие категории, опираться именно на категорию "регуляция", т.к. в своем содержательном раскрытии она выявляет в человеке сущностно важное, а именно психологические особенности проектирования человеком жизненного пути и его реализацию. Например, если мы рассматриваем регуляцию отношений "Человек - Мир" на стороне Человека, то регуляция становится саморегуляцией жиз-

недеятельности, а если на стороне Мира, то в этом случае доминирует внешняя регуляция жизнедеятельности через свои социально-психологические механизмы культуры, социума. В первом и втором случаях проявляются психологические механизмы регуляции, без знания которых нельзя объективно и продуктивно изучать психологию человека. Отсюда ведущим принципом психологии становится принцип *регуляции*. Идею регуляции в отечественной философии широко и многосторонне разрабатывал Н.Ф. Федоров [380]. Тут и овладение природой, миром, и переустройство самого организма человека, и выход в космос, и управление космическими процессами, и как вершина регуляции - победа над смертью, воскрешение предков. Таким образом, мы подошли к вопросу о регуляции человеком собственного поведения и даже определили в общих чертах некоторые структурные и методологические положения, которые, на наш взгляд, помогут разобраться в этом вопросе. А суть высказанного для нас все же в том, что: "Идея вообще не субъективна, но и не объективна, она проективна" [380; 429]. Опора на принцип регуляции означает, что в первую голову следует разворачивать и руководствоваться социально-психологическими и психологическими особенностями регуляции. Эти особенности³ регуляции жизнедеятельности могут быть обозначены через другие психологические принципы, которые вытекают из принципа регуляции по отношению к базовому отношению "Человек - Мир". Для этого необходимо проанализировать понятие "регуляция", опираясь на общеполософский принцип различения и тождества, по отношению к регуляции человеком его жизнедеятельности. Как и на что человек опирается в регуляции своей жизнедеятельности? Насколько свободен человек от мира и культуры или зависим? Как происходит развитие человека? Базовое отношение "Человек - Мир" указывает еще на один капитальный момент, а именно на причастность человека вечности. Через это отношение человек связан с вечностью, причастен к ней. В этом отношении осуществлена связь времен - прошлого, настоящего и будущего. Более того, человек в себе несет эту связь, когда же она нарушается, возникают как культурные, так и личностные проблемы. В чем конкретно выражается эта связь? Отвечая на эти вопросы, мы выходим на контуры раскрытия *базового психологического принципа регуляции* и вытекающие из него принципы психологии человека.

Культура, в которой живет человек, направляет, организует и управляет жизнедеятельностью человека, т.е. определенным образом снимает зави-

³ Хотя и раскрывают свое содержание через социально-психологические и психологические механизмы, но не исчерпываются ими.

симость человека от мира. Но, живя в мире, не только человек зависит от него, а также и мир от человека. От того, что делает человек с природой, как ей распоряжается, какие технологии использует в производстве необходимых ему продуктов, будет зависеть экология на земле. В этом уже проявляется свобода человека⁴ и человечества. Однако более всего свобода человека проявляется в выборе и построении своего собственного жизненного пути, самоопределении⁵. Таким образом, первый принцип психологии человека есть - принцип зависимости и свободы. Этот принцип акцентирует внимание, с одной стороны, на зависимость человека от мира и мира от человека, а с другой, на его свободу как в построении собственной жизни, так и в отношениях с миром. Находясь в неразрывной связи с миром, человек проявляет активность для удовлетворения своих потребностей, он адаптируется, приспосабливается к окружающему миру. Содержание понятия "адаптация" охватывает не только способность живых систем приспосабливаться к окружающей среде, но и способность этих систем в процессе взаимодействия *создавать в себе механизмы и модели активного изменения и преобразования среды*, в которой они обитают. Таким образом, человек в ходе адаптации к окружающему его миру (культуре) усваивает его содержание и *формирует внутренние механизмы*, которые помогают ему активно изменять и преобразовывать окружающий мир, вносить свой вклад в культуру. Следовательно, одним из существенных признаков адаптивного процесса, определяющим его специфику, является его активность, избирательность и целесообразный характер. Адаптивному процессу присуща управляющая и регулирующая роль. Активность адаптивной системы раскрывается прежде всего на уровне той интегрирующей деятельности всего организма, которая дает ему возможность представлять свои будущие изменения, являющиеся следствием приходящей извне информации, и в соответствии с этим строить модель своей завтрашней деятельности. Принцип активности и адаптивности, на уровне отношений "Человек - Мир" подчеркивает большую роль социальной среды в деле формирования и развития человека. В процессе адаптации идет формирование субъективного, внутреннего мира человека, формируются психологические механизмы регуляции взаимодействия человека с окружающим миром. И последнее: эффективность адаптационного процесса зависит от способности человека смотреть в завтра, предвосхищать развитие событий. В процессе адаптации происходит саморегуляция живых систем. Саморегуляция не-

⁴ Раскрытие понятия "психология свободы" будет дано в главе 9.

⁵ Раскрытие психологических особенностей самоопределения человека в культуре будет дано в главе 9.

возможна без обратной связи, без сравнения цели и результата деятельности. Человек в ходе жизнедеятельности всегда сравнивает свои цели, задачи, желания с тем, что ему удалось достигнуть, реализовать, получить. Он старается понять особенности своей деятельности, ее недостатки и достоинства. Это относится не только к отдельным действиям или конкретной деятельности, но и к жизнедеятельности человека в целом. Вот когда человек выходит на понимание и осознание собственной жизнедеятельности, тогда он задумывается над смыслом жизни и часто не только своей, но и других людей. Рефлексируя, осознавая собственную жизнь, человек, так сказать по неволе, смотрит в будущее и пробует предвосхищать возможные события. В этом главная сила человека и основа его развития и даже, можно сказать, бесконечного самосовершенствования. Отсюда третий принцип - это принцип рефлексии и предвосхищения, который соединяет прошлое и будущее в человеке, служит основой развития и самосовершенствования человека.

В чем же заключается это развитие и самосовершенствование человека? Не хочется отвечать на этот вопрос общими фразами, правда, прошу не путать общие фразы и философские высказывания. Однако и содержательно ответить не так-то просто. Развитие человека понимается как его более эффективная адаптация к изменяющимся условиям окружающего мира, которая включает в себя и изменение мира. Человек в своей творческой деятельности преобразует мир, делает его более соответствующим своей подлинной природе. Одним словом, развитие и формирование человека детерминировано внутренними и внешними факторами. Эти факторы выступают в единстве, но не тождественны друг другу. И даже более того, они могут находиться в противоречии, когда внутренние причины не могут найти своей реализации во внешних условиях или наоборот. Отношение "Человек - Мир" является очень подвижным и изменчивым. Вначале идет развитие человека, его внутренних психологических механизмов в процессе адаптации к условиям окружающего мира, и лишь когда человек достиг определенного уровня культурного и личностного развития, он проявляет активность по преобразованию мира. Создает произведения искусства, научные теории, пишет романы, конструирует ракеты и делает многое другое. В этом процессе происходит изменение не только мира, но и самого человека. То же самое касается и выбора собственного жизненного пути. Человек строит свою жизнь, прежде всего под воздействием внешних условий, культуры, которую он впитал с детства, но это не значит, что жизнь человеческая полностью детерминирована только внешними условиями. В любой ситуации есть возможность, большая или маленькая, реализовать

личностные ценности и цели, каким-то образом самоопределился. Таким образом, мы подошли к четвертому принципу психологии человека - принципу внешней и внутренней детерминации жизнедеятельности. К пониманию этого принципа, на философском уровне, впервые подошел Гегель, который рассматривал внешнее и внутреннее в связи с категориями "сущность" и "явление". При этом он высказал идею о взаимопереходах внутреннего и внешнего, и даже более того, об их взаимопроникновении, что довольно актуально и для современной психологии. Применительно к психологии человека, идею Гегеля о различии и тождестве внешнего и внутреннего реализовал С.Л. Рубинштейн, который говорил, что "Мы исходим из того, что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. С этим пониманием детерминизма связано истинное значение, которое приобретает личность как целостная совокупность внутренних условий для понимания закономерностей психических процессов"[329; 307]. Эту же мысль обобщил К.К. Платонов в принципе единства внешнего и внутреннего [300]. Отношения "Человек - Мир" со временем не остаются неизменными, изменяется не только человек (он растет, мужает, как-то реализует себя в мире), но и мир. Даже если исключить космические катастрофы и изменения, стихийные бедствия (наводнения, землетрясения и многое другое), мир изменяется под воздействием самого человека, и не только в положительную сторону. Здесь вполне уместно напомнить об экологических проблемах, которые буквально преследуют современного человека. Все это отражается на людях, их психическом и физическом здоровье. Формирование человека проходит в определенной культуре, конкретных общественно-исторических условиях, что, безусловно, накладывает отпечаток на культуру психической деятельности людей [2] и тем самым является носителем и выразителем тенденций существующих в данной культуре, без которых нельзя объективно познать человека. А именно, культура, конденсируясь в человеке, составляет его сущность, формирует вполне конкретную культуру психической деятельности, ориентирует человека в мире ценностей и смыслов, организует жизнедеятельность людей. Сказанное, конечно, не следует понимать как абсолютный фатализм, предопределенность человеческой жизни вплоть до мелочей и полную безысходность. Культура и конкретные общественно-исторические условия задают и формируют у человека лишь общие основания и ориентиры. Человек, усвоивший существующую культуру и достигший определенного уровня развития сознания и самосознания, самоопределяется в мире, может выбрать для себя собственную жизненную дорогу, искать подлинный смысл собственного бытия

и реализовывать его. Главное, чтобы от этого не страдали другие люди. В обозначенных выше психологических принципах нашел свою реализацию философский принцип различения и тождества, однако прежде всего он определяется в регуляции человеком его отношений с миром. Отсюда первый и главный принцип психологии человека - это принцип регуляции. Другие психологические принципы: зависимости и свободы, активности и адаптивности, рефлексии и предвосхищения, внешней и внутренней детерминации – являются продолжением и воплощением принципа регуляции и очерчивают общие контуры психологии человека. Эти общие контуры мы будем развивать в последующих разделах и главах данной работы.

2.2. Концептуальные основы общепсихологической теории человека

Понятие личности является одним из самых фундаментальных в современной психологии. С одной стороны, это связано с известной в психологической литературе фетишизацией понятия "личность", о чем ещё в 70-х годах писала Е.В. Шорохова [457; 41]. К этому следует добавить и известную идеологизацию понятия личности, а также и в том, что социальное, а не культурное, доминирует в детерминации как личности, так и человека, что приводит к неопределенности этого понятия [186; 58]. С другой стороны, это понятие очень важно для практики во всех её аспектах. Поэтому исследуются разнообразные стороны личности, функции и компоненты, мотивы, тенденции и т.д. Но как теория, так и практика нуждаются в целостном осмыслении этого понятия. И здесь следует добавить, что в последнее время в отечественной психологии закладываются основы и создаются теории личности (А.В. Петровский, 1984; В.А. Петровский, 1996; Б.Б. Коссов, 1997 и др.). В настоящее время⁶ в связи со сменой парадигм в отечественной психологии возрос интерес к проблеме человека и его философско-психологической интерпретации [22, 24, 30, 67, 344 и др.]. Разумеется, в этом вопросе следует заметить, что само понимание человека и его философско-психологическая интерпретация имеют заметные различия. В первом случае, имеющим исток в традиционной русской философии (В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев), человек - это не только термин, в котором обобщены знания как о представителе человеческого рода, но в понятии "человек" отражена его превосходная степень, это луч-

⁶ Начиная с публикации фрагментов из работы С.Л. Рубинштейна «Человек и Мир» в журнале «Вопросы философии», 1966. № 7; 1969. № 8, и работ Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания. Л., 1968.

ший представитель людей. О древнегреческом философе Диогене рассказывают, что среди бела дня он бродил с фонарем в руках, объясняя: "Ищу человека". Что же имел в виду Диоген, когда говорил, что ищет человека? Ведь кругом его были люди, но они чем-то не устраивали его. Как найти ту мерку, по которой можно было бы судить: этот – человек, а этот еще не дотягивает до человека? В высказываниях многих великих и известных людей эта мерка так или иначе заявлена. Например, Н. Макиавелли писал: "Кто не философ, тот не человек". Этим высказыванием явно подчеркивая роль сформированного мировоззрения и рефлексии в определении человека, он конечно, не упускал из виду и то, что философы думают о вечном и всегда в поисках истины. Приведем еще одно высказывание, которое, на наш взгляд, выделяет в человеке все то же стремление к истине и развитию, и которое невозможно без рефлексии собственного бытия и существования мира. Г. Башляр как-то заметил, что человек есть человек в той мере, в какой он сверхчеловек. Думается, этих высказываний достаточно, чтобы еще раз подчеркнуть то, что подлинное понимание человека возможно только в системе отношений "Человек-Мир". В психологической литературе чаще всего понятие человек - это собирательное понятие, которое включает в себя по объему понятия - личность и индивида. Но не как высший уровень развития рода людского. Хотя, Б.Г. Ананьев впервые в нашей науке создал теоретико-экспериментальное психологическое учение о человеке. Он ввел категорию "человек" в систему психологических понятий, включил человека в предмет психологии. В большинстве же зарубежных психологических "теорий личности" категория личности встречается не часто, в основном используется термин "человек" [22; 4].

В теории Б.Г. Ананьева человек исследуется как полисистемное образование, в котором ученый выделял разные ипостаси. Выделяя в целостности человека уровень его существования как индивида, Ананьев называет линию его развития онтогенетической эволюцией, которая пронизывает всю жизнь человека. Исследователь должен изучать и ранний, и поздний онтогенезы [16; 103], а также связи между ними. С онтогенезом связана возрастная и половая эволюция человека. Само развитие человека как индивида включает его в новую плоскость бытия - в качестве личности. Согласно Ананьеву, в становлении и развитии личности решающую роль играют общественные отношения: экономические, политические, правовые, национальные, расовые, классовые, профессиональные и др. Эта же позиция, но в аспекте психологии субъективности, изложена в работе В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева "Психология человека".

Несколько иной подход к пониманию человека и соотношению этого понятия с понятиями "личность" и "индивид" мы находим в работах Б.С. Братуся [67] и А.С. Шарова [436]. Так, Б.С. Братусь [67; 5], разбирая отрывок из сочинения М.М. Бахтина о познании жизни личности и диалогичности её понимания [45; 69], ссылаясь на анализ этого отрывка, проведенный А.В. Петровским [292], указывал на все еще остающуюся проблему подлинного познания человека, т.е. его "вещного" бытия и трансцендирования [67; 6]. Решение этого спора Б.С. Братусь видит в разведении, различении понятий "человек" и "личность". Когда "... личность с позиции психолога. ... может быть понята как особый психологический инструмент, орудие, принадлежащее, служащее человеку, как и другие психологические орудия и инструменты [67; 6]. Нам же думается, что решение этого вопроса, исходя из диалогического понимания и осмысления природы человека, все же лежит несколько в иной плоскости. В диалогическом осмыслении диалектики сущности человека⁷ и явления ("вещного" бытия человека), между которыми существуют взаимопереходы. В этом ракурсе рассмотрения проблемы человек и человеческое - это сущность личности, тогда как сама личность - это явление в социуме, т.е. психологическое орудие или средство⁸. Иначе говоря, сущность личности и сущность человека отличаются друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго, а значит, первое получает смысл и оправдание во втором [67; 7]. Наглядно это можно отобразить так.

Рисунок 3. Соотношение и объем понятий "индивид", "личность", "человек" с позиции традиционного и развиваемого нами подхода.

Таким образом, в различении понятий "индивид", "личность", "человек" отражены как бы особые, специфические для них пласты (уровни) бытия человека в мире. В качестве критериев, на основе которых происходит это различение, выступают: *онтогенез* человека (от биологической особи до человека, творца вселенной); *детерминистические основания* поведения и жизнедеятельности (биологические, социальные, культурные); *мера*

⁷ По терминологии М.М. Бахтина, "человека в человеке" [45; 69].

⁸ Орудийный характер носят определения личности, которые исходят из её ролевой функции. Или понимание личности как регулятора социального поведения человека [436].

объема понятий (биологическое, биосоциальное, социальное и культурное); *отношение со временем* (от мгновенно ситуативного до вечного как единства прошлого, настоящего и будущего).

Но человек един в своем различении, поэтому он существует во всех пластах бытия, как в единстве различного (Б.Г. Ананьев, 1968; Б.С. Братусь, 1997; К. Обуховский, 1972). Для конкретного человека это единство различного оформляется как доминирование одного из уровней [436] в жизнедеятельности, при этом другие уровни не исчезают, а каким-то образом соотносятся с ведущим уровнем и образуют различные виды существования людей. Оформленные и закрепленные виды проявления бытия человека в мире имеют как возрастную, так и индивидуальную динамику. Тогда в суждениях: индивидные свойства личности или личностные свойства индивида, личность человека и человеческая личность, индивидные свойства человека и человеческие свойства индивида – меняются местами субъект суждения и предикат [181], что, разумеется, изменяет и содержательный момент раскрытия этих понятий. Меняется как точка отсчета (субъект суждения), так и характеристика (предикат) этого субъекта (биологическая, социальная и культурная). Это ещё раз говорит о единстве человека в его различении, в его бытии и в управлении жизнедеятельностью.

Если совокупность взглядов того или иного автора по поводу личности человека претендует на название теории⁹, то они должны удовлетворять ряду требований. Проще говоря, полная теория человека состоит из ряда "минитеорий", каждая из которых фокусируется на отдельных вопросах или разделах, рассматриваемых психологией. Эти разделы составляют концептуальную область теории личности человека - они раскрывают содержание теории и границы её приложения. К ним относится¹⁰: *структура личности человека* (блоки, основные элементы, черты личности и т.д.); *мотивация* (теория личности должна объяснять, почему люди поступают так, а не иначе); *развитие личности* (основные закономерности, кризисы, периоды развития человека); *психопатология* (объяснение причин того, почему люди оказываются не в состоянии приспособиться к требованиям общества); *психическое здоровье* (критерии оценки здоровой личности); *изменение личности с помощью терапевтического воздействия* (пути коррекции отклоняющегося от нормы поведения). В соответствии с обо-

⁹ Теория - это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющих своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью [408; 26].

¹⁰ В отечественной психологии чаще всего выделяют два аспекта: структурный и динамический [358; 4]

значенными разделами мы и будем строить свое изложение концептуальных основ общепсихологической теории человека.

I. Мотивация.

Проблема движущих сил жизнедеятельности человека, мотивации его поведения и деятельности является одной из фундаментальных. Поэтому ориентированные на личностный подход психологи в объяснении поведения человека закономерно стояли у истоков психологии мотивации. В аспекте обсуждаемых в данной монографии проблем нас не столько интересует понимание мотива [157, 175, 400, 401], сколько классификация мотивов, т.к. в них дается перечень всех причин, так или иначе определяющих поведение и жизнь человека. В отечественной психологии при изучении мотивов и мотивационной сферы одним из первых был А.А. Ухтомский [379], анализирующий целостное поведение. Он рассматривал доминанту как двигатель поведения и его вектор. При изучении мотивационной сферы выделяют: личностные и деятельностные аспекты мотивации (А.Н. Леонтьев, 1971; В.Н. Мясищев, 1960); внутреннюю и внешнюю мотивацию (Б.А. Фролов, 1971); предметно-содержательные, личностные и социальные мотивы (Б.А. Фролов, 1971); актуальные и потенциальные мотивы (В.Г. Асеев, 1974); ситуативные и обобщенные мотивы (Е.Ю. Патяева, 1983). Самую общую классификацию мотивов дает В.И. Ковалев, в соответствии со следующими критериями: по содержанию, источнику возникновения, по видам деятельности, по времени появления, по силе проявления, по степени устойчивости, по проявлению в поведении.

Мотивационная сфера личности человека, в которую включаются разного рода и вида мотивы, смыслы и ценности, представляет некое системное и целостное образование. В этой целостности главный стержень образует направленность личности. Как пишет об этом Б.Ф. Ломов: "... в качестве её (личности человека) ведущей характеристики выделяется направленность. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: "динамическая тенденция" (С.Л. Рубинштейн), "смыслообразующий мотив" (А.Н. Леонтьев), "доминирующее отношение" (В.Н. Мясищев), "основная жизненная направленность" (Б.Г. Ананьев), "динамическая организация сущности сил человека (А.С. Прангишвилли) ... Действительно, направленность выступает как системообразующее свойство личности, определяющее её психологический склад" [232; 311]. В работах отечественных психологов по проблеме мотивации больше внимания уделяется классификации мотивов, их содержанию, происхождению, но не проблеме главных детерминант человеческой жизнедеятельности.

В этом плане больше наработано в зарубежной психологии (Й. Хекхаузен, 1986). Р. Кеттел [487] выделил уровни мотивационных диспозиций (чувства и эрги) и виды (брачные отношения, общение, родитель-

ская опека, исследование, безопасность, самоутверждение). Классификацию мотивов на основе инстинктов дает У. Мак-Дауголл [505]. Он выделяет двенадцать инстинктов¹¹: бегство (страх), неприятие отвращение), любознательность (удивление), агрессивность (гнев), самоуничтожение (смущение), самоутверждение (воодушевление), родительский инстинкт (нежность), инстинкт продолжения рода, пищевой инстинкт, стадный инстинкт, инстинкт приобретательства, инстинкт созидания. Классификацию мотивов на основе отношений "индивид - среда" приводит Г.А. Мюррей [507]. У него количество психогенных потребностей возрастает до двадцати, это следующие потребности: унижения, достижения, аффилиации, агрессии, независимости, противодействия, уважения, защиты, доминирования, привлечения внимания к себе, избегания вреда, избегания неудач, покровительства, порядка, игры, неприятия, осмысления, сексуальных отношений, поиска помощи (зависимости), понимания. Во избежание чрезмерного числа возможных членений выдвигались различные базовые принципы, среди которых первостепенную важность приобретали филогенетическая непрерывность форм поведения, физиологические основы форм поведения. И сформулированный А. Маслоу [503] принцип относительного приоритета неудовлетворенных потребностей не в последнюю очередь явился критической реакцией на подобное суждение. Иерархическая модель классификации групп мотивов по А. Маслоу [503] включает в себя физиологические потребности, потребность в безопасности, потребность в социальных контактах, потребность в самоуважении и потребность в самоактуализации. Потребности низших уровней Маслоу называет нуждами (deficiency needs), а высших - потребностями роста (growth needs).

Интересную и не в полной мере оцененную классификацию мотивов жизнедеятельности разработал Филипп Лерш [500]. В основе мотивационной классификации Лерша лежат антропологические соображения. Он различает три группы влечений, которые прямо сопрягаются с такими понятиями как "индивид", "личность" и "человек". Первая группа охватывает влечения "витального бытия". Она включает "ощущение жизни в её непосредственности, первичности и динамической устремленности к цели" [500; 93]. Вторая группа включает влечения "индивидуального Я". Сюда относятся потребность в самосохранении, эгоизм, воля к власти, уровень притязаний, стремление к значимости, потребность в признании и стремление к самоуважению. Наконец, третья группа охватывает влечения "на-

¹¹ Поскольку термин "инстинкт" подвергся ожесточенным нападкам и давал основания для ошибочного толкования поведения, как определяемого в основном врожденными мотивационными диспозициями, Мак-Дауголл позже стал употреблять термин "склонность" (propensity).

ды индивидуального бытия". Сюда относятся человеческое участие, стремление к продуктивному творчеству, обязанности (долг), метафизическая потребность, религиозные искания. И в этом случае при разработке классификации мотивов жизнедеятельности неясно общее начало или универсальный критерий.

Универсальность дает гарантию, что не будут упущены или опрометчиво редуцированы те мотивы, которые выделяют человека из всех остальных животных как существо, создающее и передающее из поколения в поколение достижения культуры и техники, осознающее себя, стремящееся к реализации ценностей и способное приобщиться к времени, заглядывая как в далекое прошлое, так и в будущее [400; 118]. Таким общим универсальным критерием развертывания и выделения конкретных детерминант жизнедеятельности человека является значимость.

Стремление к собственной значимости – главный фактор, определяющий источник творческой активности человека, его силу и особенности. Не последнее место в культивировании этого источника занимают социокультурные условия (семья, ближайшее окружение, школа, конкретный социум, престиж профессии и др.). Влечение к значимости имеет много проявлений, описание которых зависит от научной позиции автора и его взглядов на сущность человека. Это стремление отражено в таких понятиях, как "борьба за существование" (Ч. Дарвин), "воля к жизни" (А. Шопенгауэр), "воля к власти" (Ф. Ницше), "стремление к превосходству" (А. Адлер), "притязание" (К. Левин), "уверенность в себе" (Дж. Вольпе), "самоактуализация" (А. Маслоу), "самореализация" (К. Роджерс), "самоутверждение" (Е.П. Никитин, Н.Е. Харламенкова) и др. Мы в своей работе используем термины: "стремление к собственной значимости", "культивирование значимости собственной личности". В творческой самодеятельности человек создает сам себя и этим определяется, т.е. творчество - это стремление к значимости собственной личности [328; 95]. Содержательное своеобразие нашего подхода к пониманию творчества заключается в понятии "значимость" [438]. По объему это понятие включает основное содержание понятий "стремление к превосходству", "самоутверждение", "притязание", "самореализация", "самоактуализация". Это с одной стороны, а с другой, подчеркивает главную идею, а именно стремление человека к самоценности (поиск смысла жизнедеятельности, славы и уважения, силы и слабости, богатства и нищеты). Однако стремление к значимости собственной личности может реализоваться самым различным образом в зависимости от внешних и внутренних условий: социального уклада, жизненных обстоятельств, склонностей, способностей. Особенности механизма реализации обусловлены соотношением следующих структурных компонентов значимости: 1. Стремление к превосходству и самовозвышение; 2. Желание быть

таким, как все, слиться с другими; 3. Влечение к самоуничижению, к тому, чтобы быть в чем-то ниже других (проще, беднее, несчастнее). О взаимосвязи первых двух компонентов А. Адлер писал так: "... стремление к власти проявляется завуалированно и пытается утвердиться на путях чувства общности тайным и хитрым способом" [11; 31]. Не менее хитрым способом проявляет себя механизм достижения собственной значимости, когда идет отрицание другого (принижение его) и самоотрицание (псевдосамоотрицание) себя сегодняшнего ради утверждения завтрашнего [271; 103]. Унизить себя в обычном, характерном для большинства, но возвыситься в чем-то особенном в глазах избранных. Наиболее характерно это для религии, где происходит самоунижение в глазах большинства, но возвышение в глазах бога. Конечно, это связано не только с религиозными и эзотерическими учениями, но и с патологией, неврозами, на что указывали ещё А. Адлер и В. Франкл. Стремление к значимости имеет не только вертикальную шкалу, но и горизонтальную, которая включает в себя индивидуально-психологические и социокультурные особенности развития и формирования человека, вплоть до патологий (мазохизм) и тяжких насильственных преступлений (Н.А. Барановский, 1978). Стремление к значимости может творить, создавать человека, вознося его чуть ли не до божественных высот, а может и разрушать его, полностью лишая человеческого облика, низвергать в бездны звериного. Еще один аспект стремления к значимости выделяет А.С. Кравченко, а именно демонстративное поведение человека [187; 74]. Конечно, это касается не только людей с психическими отклонениями, но и вполне здоровых. Демонстративность может играть значительную роль в поведении человека, она имеет как филогенетические корни, так и онтогенетические. Можно также предположить, что существует специфический мотив демонстрации себя, входящий в состав значимости человека, невозможность реализации этого мотива ведет к отклонениям поведения [187; 76].

2.3. Структура личности человека

Понимание личности человека как некой целостности, системы закономерно подводит исследователя к структуре личности человека¹². В отечественной психологии не устаревшие и поныне требования к структуре личности высказал С.Л. Рубинштейн [327; 102]. Он писал о различии (даже

¹² Не вдаваясь в тонкости различия "системы" и "структуры", что проведено в работе К.К. Платонова [300; 118 - 124], мы отметим лишь, что в понятии "структура" сделан акцент на единстве элементов в их связях, а в понятии "система" – на элементах, которые образуют целостность и функциональное единство.

противоречии) внутренних образований личности (их многообразии) и их единстве и взаимопроникновении [327; 102]. Своего понимания структуры личности С.Л. Рубинштейн не оставил, но он наметил путь к её пониманию. А это выделение не только элементов структуры, но и их взаимосвязи, динамики.

В отечественной психологии структурный аспект понятия личности по-разному задается исследователями, концепции которых в целом можно обозначить как интегративные (Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов, Е.В. Шорохова), факторные (В.С. Мерлин), диспозиционные (В.А. Ядов), деятельностные (Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский) и ролевые (И.С. Кон) [58; 5]. Наряду с уже существовавшими представлениями о личности возникают и новые подходы, не сводимые к указанным, но генетически связанные с ними (личность как инобытие субъекта в деятельности и сознании других - А.В. Петровский, личность как высший уровень самосознания - В.В. Столин, личность как система смысловых образований - А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь). Конкретно же выделяют следующие структурные компоненты личности: направленность, способности, характер, система управления (А.Г. Ковалев); свойства индивида (темперамент и индивидуальные качественные особенности психических процессов), свойства индивидуальности (мотивы и отношения, характер, способности) (В.С. Мерлин); система регуляции, система стимуляции, система стабилизации, система социально значимых качеств личности (А.И. Щербаков) [300; 124 - 128]. Концепцию динамической функциональной структуры личности предложил К.К. Платонов [300], который выделяет и обосновывает¹³ четыре подструктуры личности - это направленность личности, опыт, особенности психических процессов, биопсихические свойства. Диспозиционную структуру личности предложил В.А. Ядов [473], в которой он выделяет четыре уровня диспозиций: элементарные фиксированные установки, социальные фиксированные установки, общая направленность интересов в определенные сферы социальной активности, система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения [332; 22 - 24]. Важно для нас в этой структуре то, что она ориентирована на регуляцию социального поведения. В последнее время отечественные психологи все больше обращаются к концептуальным основам

¹³ Вычленение именно этих основных подструктур личности определяется, по К.К. Платонову, следующими критериями: 1. Отношение биологического и социального, врожденного и приобретенного, процессуального и содержательного; 2. Иерархичность структур, подструктур и т. д.; 3. Каждая из подструктур имеет свой особый, основной для нее вид формирования; 4. Иерархическая зависимость этих подструктур; 5. Историчность изучения личности человека [300; 134 - 135].

общепсихологической теории личности. Так, А.В. Петровский [292] и В.А. Петровский [293] сформулировали и обосновали свой подход к структуре личности человека, где выделяют три аспекта её психологического понимания, через которые она раскрывается со стороны своей структуры: интраиндивидуальный, интериндивидуальный и метаиндивидуальный [290]. Двухуровневую модель личности предложил Б.Б. Коссов, который выделяет обобщенный и ситуативный уровни проявления личности в жизнедеятельности [186].

В зарубежной психологии также достаточно много наработано по структуре личности человека [141, 142, 408]. Попытался классифицировать концепции личности в отношении задания её структуры Е.В. Субботский [358; 4], он разделяет их на интегративные (Г. Олпорт) и ограничивающие сферу личности как некую особую психологическую реальность (К. Левин, Р. Кеттел, Д. Морено, З. Фрейд, А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни и др.). Второй и главной, внутренней шкалой является оппозиция субстанциалистских и несубстанциалистских концепций. Однако данное различие концепций личности мы считаем достаточно условным и просто перечислим компоненты структуры личности. Это прежде всего касается структуры человека¹⁴ (ид, эго суперэго); А. Маслоу (физиологические потребности, потребности безопасности и защиты, потребности принадлежности и любви, потребности самоуважения, потребности самоактуализации); Р. Кеттел (факторная теория личности; Г. Олпорт (теория черт); К. Роджерс (Я - концепция) и др.

Не останавливаясь подробно на анализе вышеперечисленных подходов к пониманию личности человека и её структуре¹⁵ отметим некоторые общие моменты, важные для обоснования нашего подхода к структуре человека.

Во-первых, личность человека и его структура рассматриваются по отношению к жизнедеятельности, и более того в связи с саморегуляцией (А.И. Щербаков, Л.И. Божович, В.А. Ядов, Б.Б. Коссов, З. Фрейд, Г. Олпорт, А. Бандура, Дж. Роттер и др.). *Во-вторых*, при рассмотрении и анализе структуры личности человека все большее значение придается психологическим механизмам регуляции жизнедеятельности (З. Фрейд, А. Адлер, А.В. Петровский, В.А. Ядов, Б.П. Парыгин, Л.И. Анциферова, В.И.

¹⁴ Часто в отечественной психологии структуру человека, предложенную З. Фрейдом, называют структурой личности, что неоправданно, т.к. сам З. Фрейд рассматривал собственную структуру достаточно широко: как биологической существо (ид), социальное (эго) и культурно обусловленное (суперэго).

¹⁵ Это достаточно подробно сделано в работах Л.И. Анциферовой, Б.В. Зейгарник, К.К. Платонова, В.В. Давыдова, Е.В. Шороховой, Н.И. Рейнвальд, А.Г. Асмолова и др.

Слободчиков, Б.С. Братусь и др.). *В-третьих*, авторы выделяют уровни регуляции человеком своей жизнедеятельности (П. Жане, Г. Олпорт, Ш.А. Надирашвили, В.А. Ядов и др.), *в-четвертых*, количество компонентов структуры личности человека и их особенности зависят прежде всего от теоретической позиции автора и его методологических ориентиров. Хотя можно, с известной долей условности, выделить часто повторяющиеся блоки: психофизиологический, социальный, блок направленности (детерминанты, мотивы, ценности и др.), регулирующий блок. В работах, посвященных проблемам личности, зреют новые аспекты методологии исследования личности человека, новые методы анализа психической жизни человека; раскрываются механизмы функционирования психических явлений, а также механизмы, определяющие динамику и направленность психического развития. В числе этих механизмов важнейшее место занимает система саморегуляции [283; 5].

Опираясь на труды отечественных и зарубежных психологов, работающих в области психологии личности, а также на сформулированные нами ранее общепсихологические принципы (единство внешней и внутренней детерминации, зависимости и свободы, рефлексии и предвосхищения, активности и адаптивности), перейдем к обоснованию и раскрытию разрабатываемой нами психологической структуры человека.

Подлинное и целостное понимание человека возможно только в системе отношений "Человек - Мир". Однако целостное представление о человеке дала одна лишь художественная литература. Герои литературных произведений – это живые люди, которые во внешней жизни проявляют свои чувства и мысли, решают собственные проблемы, переживают радости и печали, без которых жизнь невозможна. Для психологической науки целостное и системное представление о человеке все еще остается заветным желанием. Основой различия и тождества человека и мира является культура, которая несет в себе и материальность мира, и духовность человека. Культура выступает природой человека. Отсюда и адекватное понимание человека во всех его психологических и социальных особенностях возможно только в определенной культуре, и тогда вполне естественным и оправданным выглядит употребление таких сочетаний, как "эллинский человек", "средневековый человек", "китайский человек", "западный и восточный человек" и т.д. Природа человека указывает путь к его сущности, т. к. природа человека – это пространство его жизни, в котором он формируется и изменяется, а также изменяет окружающий мир и собственную жизнедеятельность. Сущностью человека является значимость, которая выступает в ценностях, смыслах и мотивах человеческой жизнедеятельности. Психология человека направлена на раскрытие значимого для человека и в человеке, путях и средствах его реализации и функционирования, на изу-

чение психологических механизмов внешней и внутренней регуляции, в которой формируется, функционирует и реализуется значимое.

Для раскрытия психологического содержания сущности человека мы опирались на концептуальную идею регуляции человеком его взаимодействия с миром и психологические принципы¹⁶. Регуляция - это центр психологической структуры человека, т.к. она разворачивает человека перед миром в его реализации значимого. Как это возможно? Регуляция - это ведущая система человека в его взаимодействии с миром, которую определяет принцип единства внешней и внутренней детерминации. Если доминирует внешняя детерминация, то поведение и жизнедеятельность человека регламентируется, управляется социумом, культурой, а если внутренняя, то человек руководствуется принятыми им ценностями, целями и мотивами. Опирается на усвоенные и трансформированные им образцы поведения, и при этом у него всегда есть выбор. Конечно, внешняя и внутренняя детерминация через регуляцию обретает единство и различие, до которого, в плане самосознания, не всякий субъект жизнедеятельности может прийти, так как требуется осмысление не только наличной культуры, но и культуры как таковой, а также и осмысление собственного жизненного пути. Единство внешней и внутренней детерминации в регуляции жизнедеятельности человеком осуществляется на разных уровнях. Генезис уровней идет от доминирования внутренней детерминации (прежде всего биологически обусловленной) до преобладания внешней (социально и культурно обусловленной). Здесь, опираясь на работы Ф. Лерша [500], Ш.А. Надирашвилл [266], В.А. Ядова [473], А.В. Петровского [292], А.Г. Асмолова [35] можно выделить три уровня регуляции, которые следует назвать так: индивидуальный, личностный и человеческий [436]. Это уровни регуляции человеком не только поведения, но и жизни, что хорошо согласуется с понятиями "индивид", "личность" и "человек". Для более глубокого осмысления мы изобразили уровни регуляции взаимодействия на рисунке.

¹⁶ Смотри параграф "Принципы психологии человека".

Рисунок 4. Уровни структуры целостной регуляции взаимодействия (индивидуальный, личностный, человеческий).

Регуляция как ведущая система психологической структуры человека¹⁷ наполняется содержанием через структурные подсистемы, которые мы выделяем на основе психологических принципов¹⁸. Принцип зависимости и свободы разворачивается в человеке во все то, что важно и значимо для него, от чего он зависим и относительно свободен. Включаясь в регуляцию человеком его жизнедеятельности, данный принцип полностью раскрывает свое содержание в подсистеме, которая получила название "ценностно-смысловое содержание" (Ц-С С) человека. Опираясь на принцип адаптивности и активности, можно в регуляции выделить процесс адаптации человека к культуре, социуму, а также и творческий момент, создающую активность как внешнюю, так и внутреннюю. Подсистема активности включает в себя разные виды, формы и стороны активности, которые обретают единство в регуляции. Принцип рефлексии и предвосхищения раскрывает в регуляции два момента. Первый - это то, что всякая регуляция невозможна без обратной связи¹⁹. Второй момент связан с тем, что регуляция имеет внутренне присущую ей направленность, детерминирующую тенденцию, цель. Конечно, направленность собственного поведения и жизнедеятельности человек далеко не всегда может осознавать, четко формулировать и предвосхищать, но это не меняет дела.

Из всего сказанного, с учетом концептуальной идеи и психологических принципов, динамическую полифункциональную модель²⁰ (структуру) человека можно изобразить так.

¹⁷ В некоторых работах саморегуляция трактуется как субъектность, т.е. "способность человека управлять своими действиями, реально-практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий" [344; 131].

¹⁸ Похожие принципы саморегуляции человеком собственной деятельности предлагает А.К. Осницкий: системности, активности и осознанности [283; 16].

¹⁹ Рефлексия - от латинского reflexio - обращение назад. Процесс отражения субъектом собственного поведения, отношений с окружающими, выполняемой деятельности и жизнедеятельности, а также внутренних психических актов и состояний.

²⁰ Модель - от латинского modus - мера и французского modele - образец. Это искусственно созданный объект в виде схемы, чертежа и т. д., который воспроизводит основные элементы исследуемого объекта [181; 360 - 361].

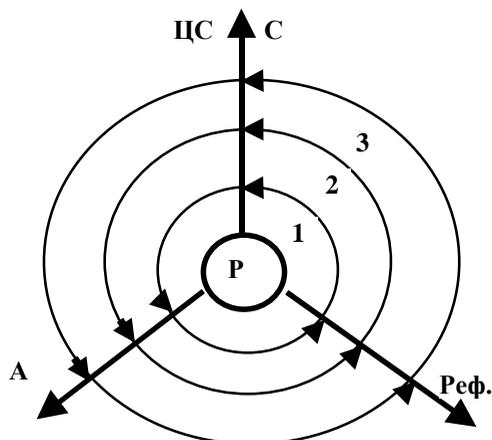

Рисунок 5. Психологическая структура человека. Здесь обозначено: Р - Регуляция человеком взаимодействия в системе отношений "Человек - Мир", Ц-С С - ценностно-смысловое содержание, А - активность человека, Реф. - рефлексия, 1 - индивидуальный уровень регуляции, 2 - личностный уровень регуляции, 3 - регуляция на уровне человека.

Как модель, данная структура человека выполняет две функции: объяснительную, т.е. с помощью модели можно объяснить психологические особенности не только социально приемлемых форм регуляции поведения и жизнедеятельности в целом, но и отклоняющихся от норм общества. Все это необходимо осуществлять с учетом уровней регуляции, а также с опорой на психологические механизмы регуляции; гностическую - изучение психологических особенностей как самого человека в его жизнедеятельности, так и психологических механизмов регуляции (внешней регуляции и саморегуляции).

Динамический аспект модели человека может быть представлен в единстве и различии уровней регуляции, а также логической последовательности функционирования структурных подсистем (ценностно-смыслового содержания, активности и рефлексии). Ценностно-смысловое содержание в психологической структуре человека выполняет роль направленной напряженности. Другими словами, этот компонент психологической структуры человека не только ориентирует его в мире и указывает на значимое (ценное, имеющее смысл, необходимое для существования, важное в данный момент) для него, но и дает силы, энергию для достижения значимого. Сущность человека, т.е. значимость, выступает стержнем данной подсистемы.

темы, а отсюда и самого человека. Самораздваивающаяся сущность человека через различение и тождество ценностей и смыслов, мотивов и целей образует форму всего жизненного процесса и всей жизнедеятельности человека. Различение значимости приобретает формы внутреннего напряжения, направленной напряженности, ценностных и смысловых переживаний. И здесь мы подчеркнем два момента, а именно, во-первых, различение значимости несет в себе энергетический заряд, и во-вторых, это направленность на достижение значимого для человека. В своей совокупности они образуют нечто целостное, что является как бы светильником души, т.е. освещает дорогу жизни и направляет человека к заветным и принятым им целям. Это внутренний модус человека, его психологическое целое, которое в своей совокупности составляет внутренний мир человека и выступает единицей психологической жизни. В ценностно-смысловую подсистему психологической структуры человека входят все унаследованные человеком от своих животных предков биологические по своей природе потребности, которые служат фундаментом в организации этой подсистемы и резервуаром жизненной энергии. Но, конечно, не только, а пожалуй, и не столько биологические потребности определяют направленность и ценностно-смысловое содержание жизнедеятельности человека. Культура формирует и реализуется в человеке своими ценностями и смыслами, мотивами и целями, наполняет его содержанием: знаниями о мире и самом человеке, других людях и обогащает индивидуальным опытом. Мораль и нравственность составляют ценностно-нормативное ядро в регуляции поведения человека.

Направленность человека соединяет в систему доминирующие ценности и смыслы, мотивы и цели, которые в своем единстве выступают общим ориентиром в жизнедеятельности человека. Сюда же следует отнести и явный или неявный для человека смысл его жизни или экзистенциальный вакуум, который не так уж редок среди молодежи (В. Франкл, 1990). Ценностно-смысловое содержание воплощается в жизнь через активность и, конечно, далеко не безразлично то, как, через какие формы и виды активности реализуются ценности и смыслы, мотивы и цели. Формирование ценностно-смыслового содержания немислимо без осознания и рефлексии собственной жизни, именно рефлексивная подсистема поднимает человека над суетой жизни и дает ему возможность стать выше себя. Проблема субъектной активности, т.е. активности развиваемой самим субъектом, им самим организуемой и контролируемой, стала предметом пристального изучения совсем недавно [283; 6]. И, конечно, сразу встал вопрос о том, что же является источником этой активности [412]. В.Э. Чудновский видит этот источник в ядре субъективной активности, ис-

пользуя нашу терминологию – в значимости [412; 9]. Специфика субъектной активности определяется функциями регуляции активности, которые актуальны в данный момент для человека или актуальны с точки зрения перспективы [283; 10]. Активность в психологической структуре человека выполняет функцию реализации значимого как во внешнем мире, так и во внутреннем. Она включает в себя все виды и формы реализации внешней активности: деятельности и жизнедеятельности, общения и поведения, действий и поступков. Сюда же относятся: игра, учебная и трудовая деятельность, рациональное познание и интуитивное постижение мира и человека. В активности реализуется свобода выбора человека, которая, конечно, зависит от конкретных социальных условий. Формы и виды активности, безусловно, связаны с культурой и уровнем развития человека. Они меняются и следуют в определённом порядке в онтогенезе человека. Какой-то вид активности может доминировать и определять развитие человека. Внутренняя активность находит свое выражение в функционировании психических процессов, познавательной сферы, т.е. в процессах восприятия и памяти, мышления и воображения, интуиции и творчества. Человек нередко мечтает и грезит о желаемом, проектирует свою будущую жизнь, особенно этим отличается юношеский возраст. Внутренние переживания, связанные как с хорошими событиями жизни, так и с печальными, тоже составляют внутреннюю активность человека. Даже более того, как нам кажется, содержанием внутренней активности ее ядром выступают переживания человека, они выполняют функцию изменения и развития внутреннего мира (Ф.Е. Василюк, 1984). В активности человека реализуется, формируется и развивается ценностно-смысловое содержание человека. И в зависимости от того, есть ли противоречие между ценностно-смысловым содержанием человека и его активностью или его нет, активность выполняет разные функции. Так общение со сверстниками в подростковом и юношеском возрасте выполняет психотерапевтическую функцию, эту же функцию часто выполняют и различные тренинги, на которые с удовольствием идут молодые люди. В последнем случае тренинги еще дают возможность молодому человеку овладеть необходимыми для него видами активности.

Человек – это сложная рефлексивная система, причем рефлексия на уровне человеческого сознания достигает своего наивысшего развития [257; 126]. Рефлексия как компонент в психологической структуре человека прежде всего выполняет функцию или является основой развития и изменения человека. Проявление этой функции связано с тем, что всякая самоуправляемая система невозможна без обратной связи, так вот роль обратной связи в жизнедеятельности человека и выполняет рефлексия. Поэтому реф-

лексия – это всегда соотнесение чего-то с чем-то, например, поступка с мотивом, выбора с критерием, деятельности с целью и т.д. Процесс соотнесения осуществляется в определенном контексте или при определенных условиях. И, конечно, это сказывается на результатах рефлексии. Отсюда становится более понятным и высказывание Н. Макиавелли о том, что кто не философ, тот не человек. У философа обобщенное и предельно широкое мировоззрение, оно-то и выполняет роль контекста в рефлексии человеком собственной жизнедеятельности. Только через соотнесении собственной жизнедеятельности с жизнью других людей в разные исторические эпохи, с общечеловеческими ценностями и целями, с логикой развития мира и человечества возможно осознанно и продуктивно строить свою жизнь.

Проявления рефлексии многообразны: это осознание собственной деятельности и отдельных поступков; понимание себя и формируемый образ "Я"; рефлексия выполняет функцию контроля и согласования; рефлексивную функцию выполняет и совесть, которая имеет тенденцию приводить в соответствие реальное поведение и идеальное; рефлексия может быть оперативная или повседневная и перспективная, которая определяется дальними целями; рефлексия также может быть когнитивной (познавательной) и эмоциональной. Являясь обязательным элементом саморегуляции, рефлексия служит основой развития и изменения человека. Процесс взаимодействия человека с миром, с другими людьми, природой и техникой осуществляется посредством регуляции. В регуляции воплощается весь потенциал человека, все то, что он накопил в своем развитии, регуляция - это форма реализации человеком себя. И одновременно регуляция служит основой развития и саморазвития человека, т. к. участвуя в нетрадиционных видах и формах деятельности, создавая новые предметы, конструкции и произведения искусства, человек использует оригинальные критерии выбора, приемы и способы деятельности, которые развивают и изменяют его. Именно в регуляции находят свое целостное воплощение такие компоненты психологической структуры человека, как ценностно-смысловое содержание, активность и рефлексия. Выполняя определенные функции в регуляции, они в то же время наполняют ее содержанием и являются необходимыми и обязательными, без них регуляция невозможна.

Развитие человека.

Основные идеи развития человека, а также его периодизация изложены нами в ранее опубликованном пособии монографического плана "Психология образования и развития человека". Здесь же мы отметим лишь неко-

торые стержневые идеи. Развитие человека идет в культуре²¹ (которая есть единство и различие субкультур), где он находится под воздействием двух мощных сил: интеграции и дифференциации (Г.Г. Дилигенский, 1976; А.В. Петровский, 1984), которые в развитии человека выполняют взаимодополняющие функции - включения в культуру, интеграции с ней и острашения от неё, от людей для формирования собственного Я и самоопределения. Эти силы проявляют себя через социально-психологические и психологические механизмы²², а также приемы психологического воздействия. Находясь в поле действия этих сил (отсюда полезависимое и полenezависимое поведение), человек вынужден для удовлетворения своих потребностей, реализации мотивов, достижения целей и воплощения ценностей принимать воздействия социума как свои - это с одной стороны, а с другой, строить, создавать собственные схемы поведения. Все это формирует и развивает регулятивные механизмы человека. Поэтому он развивается посредством совершенствования уже имеющихся, а также через возникновение новых психологических механизмов регуляции жизнедеятельности [135; 77 - 90]. К сказанному добавим ещё один принципиальный момент: в каждый возрастной период развития человека появляются психологические новообразования, но не просто как перечень чего-то нового, а как система новообразований в соответствии с динамической полифункциональной моделью человека, где каждой системе и подсистеме соответствует определенное психологическое новообразование [435; 85].

Психопаталогия.

Всякая теория личности с необходимостью должна объяснять причины того, почему некоторые люди оказываются не в состоянии приспособиться к требованиям общества и эффективно функционировать в нем. Почему часть людей демонстрирует патологии или неадекватные стили поведения в повседневной жизни? В рамках развиваемого подхода к человеку изучение и объяснение причин ненормального функционирования лежит в:

А. Особенности стремления человека к значимости собственной личности. Адекватно ли это стремление наличной ситуации? Нормам и требованиям общества? В чем конкретно проявляется стремление к значимости собственной личности²³?

²¹ Психологическую структуру культуры мы описывали в параграфе "Диалектика культуры и формирование человека".

²² Об этом подробнее в параграфе "Социально-психологические механизмы культуры".

²³ Подробнее о видах, сторонах и формах стремления к значимости собственной личности в параграфе "Творчество – это стремление к значимости собственной личности".

В. Уровнях регуляции, т.е. какой уровень регуляции у человека (индивидуальный, личностный или человеческий) доминирует²⁴? Адекватен ли он в решении стоящих перед человеком проблем? Сформирован ли этот уровень регуляции?

С. Подсистемах модели человека, которые обеспечивают эффективность регуляции жизнедеятельности.

* *Ценностно-смысловая подсистема.* Какие мотивы, цели, ценности и потребности доминируют в поведении человека? Есть ли противоречия в ценностно-смысловой подсистеме? Насколько едина и иерархизирована подсистема?

* *Активность.* Адекватные ли виды активности наличной ситуации использует человек? Какой вид активности доминирует? Есть ли уход в виртуальный мир? Какие превращения характерны для конкретного человека²⁵? Есть ли запрет на превращения? Почему невозможны обратные превращения? Оправданы ли социально превращения конкретного человека? Какие способы и приемы используются для превращения (наркотики, медитативная музыка, программирование и самопрограммирование, гипноз и др.)?

* *Рефлексия.* Насколько сформировано сознание и самосознание человека? Какие элементы самосознания искажают адекватное отражение человека в ситуации? Рефлексирует ли человек свое поведение? Жизнедеятельность? Конкретные случаи? Какой уровень рефлексии преобладает²⁶? Какова самооценка человека? уровень притязаний? Насколько адекватно человек оценивает себя? других людей? жизненные обстоятельства? Есть ли навыки рефлексии?

Таким образом, выход на причины психопатологии возможен лишь в рамках всей динамической модели человека и с опорой на психологические принципы (их инструментальный аспект).

Психическое здоровье.

²⁴ На эту особенность обращал внимание еще Л.С. Выготский [90; 62], т.е. патология зависит от иерархии уровней регуляции, другими словами, у больных на первый план выдвигаются другие уровни, не те, что у нас.

²⁵ Смотри работу А.С. Шарова. Прямые и обратные превращения в психиатрии // Интеграция психологических культур Востока и Запада в российскую психотерапию. Омск: ОмГМА, 1998.

²⁶ С рефлексией подробнее можно подробнее познакомиться в главе 8.

Вопрос о психическом здоровье важен, интересен, но изучен явно недостаточно. Вопрос, собственно говоря, состоит в том, что именно входит в понятие "здоровый образ жизни"? Этот вопрос является достаточно важным для теоретиков личности, т.к. касается психологического портрета здорового человека и основных составляющих здорового образа жизни. Предложенное различение понятий "человек", "личность" и "индивид" ведет к существенному пересмотру целого ряда проблем и подходов. И главное здесь – через что, как определить норму²⁷? Опираясь на идеи Б.С. Братуся [67] и собственные взгляды на человека, мы можем выделить ряд проблем, связанных с психическим здоровьем. Возможность качественно иного понимания нормы возникает тогда, когда мы разводим понятия "человек", "личность" и "индивид". В этом случае "нормальность" или "анормальность" будут зависеть от пласта бытия, от иерархии уровней регуляции у человека. Таким образом, понятие нормы приобретает иные адресность и вектор: не к статистике, адаптации и т. п., а к представлению о сущности человека, к образу человека в культуре и социуме. Другими словами, проблема нормального развития личности ставится в зависимость от проблемы нормального развития человека.

Изменение человека с помощью терапевтического воздействия.

Поскольку всякая теория личности дает определенную информацию для понимания причин психопатологии, отсюда, естественно, вытекает, что теория дает ориентиры и для коррекции отклоняющегося поведения.

А. Во-первых, терапевтическое воздействие будет зависеть от того, на каком уровне регуляции возникают проблемы.

* Если на индивидуальном, то возможно психотерапевтическое или медикаментозное лечение.

* На личностном уровне, связанном более всего с саморегуляцией в области межличностных отношений, необходимо: формировать навыки и

²⁷ Определение нормы часто сводится в конечном счете либо к статистическим критериям (быть таким, как большинство), либо к адапционным, гомеостатическим критериям (главное – хорошая приспособляемость, уравновешенность со средой), либо к негативным критериям (пока явно не болен, то здоров) и т.п. Известное раздражение, неуважение к этим критериям высказывали еще старые авторы. Так, французский психиатр Ж. Кюльер говорил, что в тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности. А согласно Ч. Ломброзо, нормальный человек – это человек, обладающий хорошим аппетитом, порядочный работник, эгоист, рутинер, терпеливый, уважающий всякую власть, домашнее животное [67; 7 - 8].

умения в общении и взаимодействии людей, изменить уже существующие стереотипы поведения и т. д.

* Сложнее всего осуществлять терапевтическое воздействие на человеческом уровне регуляции, т.к. он связан с наличной культурой, с формированием ценностных ориентаций, смыслом жизнедеятельности и т.п. Здесь возможен логотерапевтический подход (В. Франкл, 1990) в решении экзистенциальных проблем.

В. Во-вторых, в рамках конкретного уровня регуляции или их соотношения возможно терапевтическое воздействие на отдельные подсистемы модели человека.

* Подсистема ценностно-смыслового содержания - изменение, формирование, коррекция ценностей, мотивов, целей и смыслов жизнедеятельности.

* Подсистема активности - упражнение, приучение, тренинг умений и навыков. Это касается как внешних видов активности, так и внутренних.

* Подсистема рефлексии - анализ и самоанализ, формирование обратной связи, формирование адекватной самооценки, уровня притязаний, отдельных компонентов самосознания.

Глава 3. Диалектика границ – основа развития человека

3.1. Представления о границах в философии и культуре

Вопрос о границах актуален уже при определении предмета той или иной науки, не говоря уже о проблемах самой науки. И здесь мы должны констатировать, что по проблеме границ в теории и методологии сделано ещё очень мало. Проблема границ едва ли поставлена в современной психологии, хотя для этого имеются определенные философские предпосылки и психологические трудности, которые могут быть сняты при использовании данного понятия.

Понятие "граница" достаточно широко уже использовалось в античной философии (Платон, Аристотель). Правда, в большинстве своем – как граница тела (очертание, форма) [297; 582]. Эту линию развивал Аристотель в "Метафизике" [27; 116, 169] и в "Физике" [28; 179, 402]. Но не только, например, в своих эстетических воззрениях Аристотель подходит к пониманию границы и её диалектической сущности. Раскрывая эстетику выражения, он впервые придумал термин "энтелехия", в котором обозначается тождество внешнего и внутреннего. Но совместить материю вещи с её формой – это, во всяком случае, значило представлять форму уже не как неподвижную сущность, но как нечто действующее, как нечто энергичное. Вот это-

то энергичное понимание вещи, полученное в результате совокупного объединения всех определяющих её принципов, и приводило Аристотеля к тому новому понятию, которое он обозначил термином "энтелехия" [237; 93]. В этом проявляется диалектика границ. Подлинная диалектика границ развернута у Платона в "Пармениде", одном из самых значительных произведений не только античной, но и мировой диалектики [298; 501]. Диалектика единого и иного заключается как в их тождестве, так и в различии. Когда одно отличается от иного, это значит, что оно имеет с ним границу, которая одновременно принадлежит и ему самому, и иному. Следовательно, в понятии границы одно и иное совпадают, тождественны друг другу. А потому, если одно отличается от иного, то это возможно только при том условии, что существует момент их тождества [298; 369 - 392]. Для раскрытия диалектики границ Платоном вводится два понятия "вдруг" и "теперь". "Вдруг" - есть граница между покоем и движением, а "теперь" - граница между бытием и становлением. Граница, по Платону, диалектична и неуспокоенна, поле направленного взаимодействия, встреч и соприкосновений [298; 508 - 509]. Однако содержательное раскрытие диалектики границ в античной философии требует специального исследования. В дальнейшем анализ понятия "граница" мы находим в немецкой классической философии у Ф. Шеллинга [450] и Г. Гегеля [100, 62]. Пожалуй, свое законченное выражение понятие "граница" находит в "Науке логики" Г. Гегеля. Анализ границы рассматривается как отрицание, противоречие, тождество и различие, определенность и др. [101; 230 - 236]. У Г. Гегеля диалектика бытия и небытия, качества и количества выражается через отрицание и границу. В этом он продолжает линию анализа границ Платоном и Аристотелем, но, естественно, идет дальше и концептуально более строго. Граница для него – не только отрицание, предел и то, что придает нечто определенность. В своей диалектической сути (противоречия и тождества), граница "... есть в себе другое самого себя, и в другом для него объективируется его же собственная граница" [101; 231]. С позиции границ Г. Гегель подходит и к характеристике качества, выделяя в нем два процесса: отталкивание и притяжение [101; 246]. Говоря об определенном количестве, Гегель вводит интенсивные и экстенсивные величины, которые относятся к понятию "граница".

В дальнейшем создатели философской антропологии М. Шелер [449] и Х. Плеснер [301] достаточно широко интерпретируют понятие "граница". Так для Х. Плеснера граница - это не только "между", образ или контур вещи [301; 109]. Граница становится сущей [301; 110] и "нагруженной" смыслами, эмоциями и т.д. Говоря о человеке, Х. Плеснер пишет, что: "Он

положен в свою границу, и потому преступает её, границу, которая его, живую вещь, ограничивает" [301; 126]. Человек и есть граница. Однако граница, имеющая столь большую смысловую нагруженность, должна проявляться в совершенно различных аспектах и сторонах бытия человека. Эвристический потенциал границ не до конца осознан и раскрыт не только в философии, но и в металингвистике (М.М. Бахтин), а также в психологии. Например, М.М. Бахтин, оттеняя понятие "граница", пишет что она не только, а возможно и не столько относится к форме обработанной эстетически [47; 81]. Но, в первую, очередь граница для него в её ценностно-смысловой оплотненности – средство выражения и оформления, созидания, воплощения и понимания бытия человека [47; 81, 92]. Где же проходит граница? Граница проходит везде и повсюду, перефразируя М.М. Бахтина, можно сказать, что внутренней территории у человека нет, он целиком живет на границах. В этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ человек теряет почву, становится пустым, вырождается и умирает [47; 405]. Граница не только переживается, раздвигается, но и стягивается, оплотняется. В этом гносеологический и психологический смысл, но прежде всего онтологический, т.к. бытие человека всегда и везде "о-граничено". Да и человек всегда и целиком живет на границах [47; 312].

Как мы убеждаемся, граница диалектична и многомерна. И уже из этого следует, что в своей диалектике границы отражают, с одной стороны, различение, отторжение и оформление чего-то или кого-то, отграничивание одного тела от другого. При этом данная функция границ придает телу определенность (Г. Гегель), и с данной стороны граница сущностно сливается с телом, являясь его квинтэссенцией. С другой стороны, граница не только разделяет, но и соединяет тела (Платон, Аристотель), она может быть общей границей двух и более тел, где они соприкасаются, взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга. Результат взаимодействия, который проявляется на границе, таким образом, может иметь два совершенно различных по направлению процесса взаимодействия: на расширение и умножение границ, а также на уплотнение и интеграцию границ. В этом проявляется диалектика границ, которая в аспекте развития и формирования человека и человечества имеет принципиальное значение, так как происходит сдвиг границ, их изменение, и тем самым установление новых границ. И, действительно, в истории развития народов культурологи это заметили давно, но, как нам кажется, без должного философского осмысления. Что же касается эвристических идей, экскурсов в описание и понимание культурных феноменов, то их достаточно в соответствующей литературе. Отметим лишь два принципиально важных момента.

Во-первых, это тотем и табу (Дж. Фрезер, Э. Дюркгейм, В. Вундт, З. Фрейд и др.), которые по сути отражают существующие в обществе ограничения (запреты, установления, правила, ориентиры, направления деятельности), но не только их. Они, т.е. тотем и табу, вызывают у людей "священный трепет", уважение и поклонение, обожание и почитание. Конечно, функция ограничения, в традиционном понимании, более характерна для табу, а для тотема - обожание и почитание. Но это только на первый взгляд. Между ними существует глубокое внутреннее единство, как между культом и игрой²⁸. Основой данного единства является граница в своей ограничивающей и ориентирующей функциях. Эти функции границ характерны и для тотема, и для табу, но в различной степени. Главное же то, что это функции границы как общего начала в регуляции поведения людей, их диалектического развития в истории народа и трансформации в культуре. Есть границы, к которым запрещено приближаться и от которых стараются отойти. Они неприкосновенны, конечно, только в конкретных условиях и в данной культуре, хотя запретное манит и притягивает, и в культуре специально оговаривают условия снятия этих границ (табу)²⁹. Однако существуют границы, которые, наоборот, притягивают человека, между человеком и этой границей (тотемом) существует связь, которая его и ведет. Такого рода границами являются идеалы, образцы, ценности. Достижимы ли они? Нет, но этого и не требуется, главное - движение в строго определенном направлении.

Во-вторых, это традиционная и карнавальная культуры, диалог культур, реальная и виртуальная реальность и др. (М.М. Бахтин, 1979; В.С. Библер, 1991; Н.А. Носов, 1997 и др.). В данном случае нас интересует диалог, взаимодействие ценностей не самих по себе, а в аспекте преодоления существующих границ, их трансформации. В работах М.М. Бахтина в ярком и выпуклом виде представлена идея полионтологичности бытия человека [274; 12], т.е. существуют по крайней мере два мира - традиционный и карнавальный, и они не сводимы друг к другу, онтологически самостоятельные реальности. В карнавале сама жизнь играет в другую свободную форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах [46; 12]. В карнавале на время игра становится жизнью, за границей и через неё. Человек, переходя границу, изменяет и собственную о-граниченность. Этот переход есть превращение человека. Метаморфозы

²⁸ Смотри данную работу главу 1: "Диалектика культуры и формирование человека".

²⁹ См.: Дж. Фрезер, З. Фрейд. Особенно много об этом написано в работе А.П. Скрипник: "Моральное зло" [343].

проявляются в вольном вымысле, сочетании разнородного и сближении далекого, освобождении от господствующей точки зрения на мир, от всякой условности, от ходячих истин, от всего обычного, привычного, общепринятого, позволяет взглянуть на мир по-новому, почувствовать относительность всего существующего и возможность совершенно иного миропорядка [46; 42]. Культура в целом и культура отдельного человека только и существуют в диалоге с другой культурой, а точнее на границе встречи полионтологических культур (М.М. Бахтин, 1979; В.С. Библер, 1991). Образ границы исторически укоренен в содержании древнейших и фундаментальнейших культурных архетипов. Об этом свидетельствует мировая мифология. В качестве примера могут быть упомянуты граница верха и низа (бинарные оппозиции архаического сознания, по К. Леви-Строссу, 1983), граница своей и чужой территории и её отражение в мифологемах средневекового миропонимания и др. Мифология всегда не только придавала границе смыслообразующую функцию в человеческом бытии, но и сакрализировала границу. Согласно мифологии, подлинные события жизни человека разворачивались именно на границе, а не по ту или другую сторону от неё [192; 62].

Эффективно осуществлять переход из одной культуры в другую [446], участвовать в диалоге культур невозможно без рефлексии, т.к. все эти процессы требуют от субъекта самоопределения и регуляции собственной жизнедеятельности. В иной среде человеку необходимо отслеживать (чувствовать) и оценивать свои внутренние состояния и характер внешней среды, соотносить первое со вторым, генерировать альтернативы и выбирать способы поведения [184; 38]. Погружение в иной мир (карнавал, другую культуру, виртуальную реальность) провоцирует процесс сравнения, отражения и самоотражения, т.е. рефлексивные процессы. Да и вообще, как пишет И.Г. Корсунцев, виртуальная реальность имеет рефлексивную основу, это с одной стороны, а с другой, является имманентным свойством субъекта [184; 37]. Любая культура по отношению к иной культуре выполняет рефлексивную функцию, т.к. в иной культуре видны все различия, и отсюда идет процесс обозначения границ, отделяющих одну культуру от другой. Подобного рода различие возможно и внутри одной культуры, когда человек в процессе осмысления действительности выявляет её мировоззренческий горизонт, онтологически определяющий способ бытийности мысли в познании [230; 48].

Диалектика границ должна иметь исток или главное противоречие, которое, конечно же, лежит в базовом отношении "Человек - Мир". Если встать на позицию человека, то базовое отношение можно рассматривать

как "внутренне-внешнее". То, что это внешне-внутреннее отношение следует из предыдущего анализа границ, но если следовать логике дальше, то и в самом человеке, и, разумеется, в мире можно найти внешне-внутренние отношения. Данное положение очень важно, т.к. психология человека рассматривает прежде всего область внутренних границ, на которую распространяется диалектика внешнего и внутреннего. Проявления диалектики границ многообразны: от упрочения границ и жесткого размежевания до размывания и умножения границ, что находит подтверждение не только в формировании и развитии человека, но и в его патологиях (например, шизофрения). Чаще всего происходит изменение границ, их формирование, дифференциация. Для человека как зависимого существа образование (формирование) и исчезновение (разрушение) границ выполняет энергетическую функцию³⁰. На что же человек тратит или откуда берет энергию? Этот вопрос требует специального исследования.

Краткий анализ понятия "граница" все же позволяет нам сказать, что граница - это качественно-количественная определенность, проявляющаяся во взаимодействии, и сделать такие выводы:

- граница рассматривается в гносеологическом, онтологическом и диалектическом аспектах. Данные аспекты как смешиваются, так и анализируются с преобладанием одного из них;

- гносеологический аспект базируется на принципе различения и тождества (Г. Гегель, 1999; М. Хайдеггер, 1993), с помощью которого выявляются особенности границ. Проблемой гносеологического аспекта является рефлексия как обращение к собственным границам;

- онтологический аспект - это проявление и роль границ в жизнедеятельности человека. Онтологическим проявлением роли границ в культуре являются тотем и табу. Онтологический аспект ярко высвечивается в главной функции границ - регулятивной. Граница, о-граничения в жизнедеятельности человека выполняют прежде всего регулятивную функцию. Граница и есть главный регулятор поведения и жизнедеятельности человека. Конечно, с учетом диалектической природы границ. Отсюда следует, что регулятивный принцип должен быть ведущим в исследовании границ (о-граничений) человека. Единством онтологического и гносеологического аспектов выступает рефлексия. *Со стороны* онтологии – как обратная связь в регуляции жизни, а *со стороны* гносеологии – как отражение этой связи;

³⁰ Вероятно поэтому С.С. Хоружий говорит об энергийном образе человека, его энергийной проекции, как базовой характеристике человека [407; 89]. Энергетическую функцию границ отмечал ещё Аристотель и А.Ф. Лосев [239].

■ суть диалектики границ в том, что включая в себя одно и иное, их противоречие и тождество, граница всегда энергична, напряжена отношениями. Поэтому человек в своем развитии как положен в границу (Х. Плеснер, 1988), так и более всего "о-граничен" изнутри себя, дифференцирован и интегрирован, а значит, определен. Диалектика границ в культуре находит выражение в силах, которые, с одной стороны, направлены на то, чтобы человек не приближался к границам, не ступал на её территорию (табу), а с другой, она не только манит и определенным образом ориентирует на себя, но все делает для того, чтобы человек овладел границей, преодолел её. Здесь диалектика дозволенного и недозволенного, явного и тайного (М. Хайдеггер, 1993). Диалектика проявляется в дифференциации и интеграции границ.

■ граница имеет качественно-количественный характер, т.е. с качественной стороны граница дает определенность, а с количественной - величину как о-граничение количества (интенсивную и экстенсивную).

3.2. Понятие "граница" в психологии

Понятие "граница" начинает находить свое место и в психологической литературе последнего времени [192, 161], хотя необходимо отметить, что понятие "граница" больше используется в метафорическом и описательном, а не инструментальном и тем более не методологическом планах³¹. Методологический и творческий потенциал этого понятия практически не используется в современной психологии, хотя многие психологические феномены, закономерности и механизмы могли бы получить иное, более содержательное и инструментальное осмысление и раскрытие. С понятием "граница" связаны такие важные психологические понятия, как кризис, интериоризация, регуляция, смысл, мотив, человек, личность, Я и т.д., и т.п. Относительно личности человека, его "Я" давно наметилась тенденция понимать их как границу, предел [47; 357, 18; 252. 192; 101]. Границы "Я" можно рассматривать как линию контакта человека и среды, линию их взаимодействия. "Собственно Я не следует представлять как нечто застывшее; оно существует там и тогда, когда происходит взаимодействие на границе"

[18; 435]. Однако эта тенденция нуждается в методологическом и содержательном раскрытии. Такой подход намечен в работах отечественных психологов (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), и намечен он

³¹ Последнее, кстати, и в нашей работе скорее обозначается, чем прописывается и раскрывается.

прежде всего как взаимодействие внешнего и внутреннего, социального и природного, психического и физиологического, культурного и натурального. Здесь следует сказать и то, что хотя подход обозначен (разумеется, понимание этого подхода может различаться), это вовсе не значит, что осталось лишь сделать то-то и то-то. Нам думается, что без понятия "граница" вряд ли можно говорить о конструктивном решении фундаментальных психологических проблем. На самом деле, главное в становлении человека - это понять, как внешнее становится внутренним или наоборот? Как преодолевается граница, их разделяющая? А может, соединяющая? Да и в чем её суть?

Разумеется, эту проблему кто из психологов обходил, а кто и пытался решить. К последним, бесспорно, может быть отнесен выдающийся психолог нашего столетия Ж. Пиаже, который рассматривал процесс взаимодействия субъекта и объекта как приспособление. Оно реализуется со стороны субъекта посредством двух дополняющих друг друга процессов: ассимиляция и аккомодация. Теория Ж. Пиаже хорошо интерпретируется с позиции понятия "граница". Подтверждением этому выступает и первая центральная идея теории Ж. Пиаже - идея трансформации. Из неё следует, что граница между субъектом и объектом не установлена с самого начала, и она не стабильна [275; 21].

Трансформация границ идет за счет двух процессов (их лучше было бы назвать механизмы) - ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция сдвигает границу в сторону объекта, тем самым делая его субъективным, и расширяет сферу, доступную субъекту. Аккомодация - это принятие границ объекта в себя, усвоение их, приобретение опыта. Это два противоположно направленных процесса, которые расширяют границу как поле взаимодействия субъекта и объекта. Возникают новые границы и в субъекте, и в объекте, между которыми есть единство, напряжение. Что это за границы? И в понимании этого важна вторая центральная идея теории Пиаже - это идея конструкции [275; 21]. Возникновение структур (в нашем подходе - системы границ) есть процесс конструирования субъектом собственного внутреннего мира [386; 101], который, разумеется, не только зависит от внешнего, но во многом и определяется им. Единство внешне-внутренних границ и их определенной последовательности созвучно ещё одному важному понятию в теории Пиаже, а именно схеме. По выражению Ж. Пиаже, схема - это "подвижные рамки", которые структурированы и имеют определенную последовательность разворачивания во внешнем и внутреннем мире.

Это своеобразный функциональный орган³² [386; 79]. Схемы вариативны по объему и сложности, принимают любую форму и размер. Схемы могут быть операциональными, тактическими и стратегическими [386; 77 - 84]. Схема - это своеобразная структурная конфигурация внешне-внутренних границ, имеющая определенную последовательность разворачивания и меру обобщенности. Удачно или нет понятие "схема" схватывает внешне-внутреннее организованное единство, могущее проявить себя в определенной последовательности, судить трудно. В теории Пиаже, пожалуй, да. В нашем подходе, пожалуй, нет. Но поиск адекватного термина – дело непростое. Тем более уже есть понятие, которое содержательно достаточно близко к понятию схема - это функциональный орган (А.А. Ухтомский, 1978; Н.А. Бернштейн, 1966).

Теория Ж. Пиаже – *одна* из немногих теорий, которая рассматривает процесс, но не механизм развития ребенка (переход от одной стадии к другой) [275; 62]. *Вторая* проблема теории Ж. Пиаже связана с тем, что основным фактором развития является стремление к равновесию организма со средой. Модель равновесия (уравновешивания) ограничена онтогенезом ребенка и не выходит прямо на творческую личность [386; 315 - 317]. И наконец, *третья* проблема теории Пиаже связана с тем, что психологические особенности целостного человека не рассматриваются Ж. Пиаже, ограничиваясь развитием интеллекта в рамках взаимодействия организма и среды. А вот здесь-то и возникли бы серьезные трудности, связанные с жизнедеятельностью человека. Основная и не в полном объеме решенная Ж. Пиаже проблема - это особенности и специфика взаимодействия не организма и среды, а человека и мира. В психологии к решению этой проблемы ближе всех подошел С.Л. Рубинштейн в своих работах "Проблема способностей и вопросы психологической теории", но более концептуально – в "Человеке и Мире" [325, 321].

Пожалуй, можно назвать ещё одного психолога, достаточно близко подошедшего к понятию границы, опять же через культуру, а именно мифологию. Им был К. Юнг в своей теории коллективного бессознательного, которая и возникла как ответ на вопрос, почему бессознательное действует внутри психики как некая упорядоченная энергия? [471; 12]. К. Юнг строит психическую жизнь человека в соотношении, диалектики двух противоположных энергий - положительной (негэнтропии) и отрицательной (энтропии). Архетипы, т.о., можно понимать как набор имеющихся в бессознательном определенных принципов или предрасположенностей, которые в

³² См.: Подробнее о функциональном органе в следующих параграфах.

виде направленных энергетических потоков проявляют себя в поведении и жизнедеятельности человека [471; 12]. Однако архетипы бессодержательны и суть пустая форма, рамки, заполняющие и как-то структурирующие психику. Но эта форма не только связана с энергией, а и оформляет последнюю. Оформление, ограничение энергии приобретает качество архетипа, вот поэтому архетипы имеют мотивирующую функцию [471; 105, 110, 111]. Откуда же берутся архетипы? Из опыта предков, как бы осадок этого опыта, и а priori есть образ мира [471; 141]. С последним согласиться весьма сложно, не только в силу того, что архетипы выступают некоторыми универсалиями, пронизывающими мифологию народов [253], а потому могут усваиваться в онтогенезе человека, но и в следствии того, что выявить их можно лишь у человека как представителя культуры. Думается, что понятие "граница" имеет и культурное, архетипическое обоснование. Это нашло отражение в статье Л.В. Стародубцевой: "Стена как духовная конструкция" [351]. О-градить - это провести границу, черту между чем-то и иным. В культуре, в жизнедеятельности человека это находит повсеместное проявление: собственное жилище, свое место в транспорте (в школе, на работе, дома и т.п.), в правах и обязанностях, дачные участки, тротуары и дороги и т.д., и т.п. Вероятно, поэтому понятие "граница" имеет архетипическое значение. Для нас же важно, в плане развиваемого подхода, то, что границы могут оформляться в образы (архетипы), которые направленно регулируют жизнедеятельность человека. Они динамичны и диалектичны, претерпевают содержательные изменения в психике и жизни человека.

Подводя итог анализу взглядов на понятие "граница", отметим, что ведущая идея вышеперечисленных работ состоит в том, что человек формируется и развивается в процессе взаимодействия с внешним миром³³. Причем это где-то равноправное взаимодействие, приоритет не отдается ни внешнему миру, ни человеку. По этому моменту С.Л. Рубинштейн даже полемизирует, вполне обоснованно, с механистически понимаемой теорией интериоризации [329; 225]. И речь идет не только о французской социологической школе (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль), но и о Ж. Пиаже. Отличительной чертой процесса взаимодействия является не присвоение или усвоение, а со-участие (со-причастность) субъекта в процессе взаимодействия, в проявлении его активности [7; 14]. В процессе взаимодействия не только объект переходит в субъект, но и наоборот, т.е. субъект объективируется и переходит в объект [7; 21]. Здесь Рубинштейн выделяет фунда-

³³ Для Ж. Пиаже это тоже определяющая ведущая идея, но он её решил в аспекте приспособления, равновесия организма и среды.

ментальное положение о внутренней активности человека [32; 215], о его самодетерминации [328].

Как же осуществляется взаимодействие человека с миром? В чем его особенность? В активной регуляции взаимодействия со стороны субъекта, в осуществление которой оказывается вовлечена, принимает участие вся психика человека, и это основная её функция [329; 227, 244 - 245]. В регуляции человеком деятельности и жизнедеятельности идет развитие и формирование человека, его о-граничение, т.е. каждая из психических функций, процессов и образований только в регуляции впервые обретает себя, чувствует свой предел, границу. В процессе взаимодействия, как в горниле, возникает культурой оформленный (о-граниченный) сплав внешнего и внутреннего, субъекта и объекта. Причем это о-граничение происходит как в субъекте, так и в объекте. И более того, именно в человеке и мире оно находит себя, свое подлинное бытие. Перефразируя С.Л. Рубинштейна, можно было бы сказать, что внешние воздействия находят свою границу во внутренних условиях и наоборот. В чем и как это проявляется? Да и почему данное расширение границ становится возможным?

Человек является зависимым существом, ибо независимое существо есть невозможное, для него и его существования необходимо, а значит значимо проявлять о-граниченную, определенным образом оформленную активность в реализации этого значимого. В реализации активности происходит опредмечивание значимого, его о-граничивание конкретными предметами, условиями и средствами деятельности. Границы значимого в человеке - это не только психический процесс или состояние, но и внутренние психологические образования, такие как мотивы, цели и ценности, смыслы. В процессе взаимодействия человека с миром человек из средств культуры строит себя (А.Г. Асмолов, 1996) как о-граниченное культурой, оформленное социумом существо. Подлинное о-граничение не случайно, а вплетено в регуляцию человеком своего взаимодействия с миром, и более того, оно служит основанием регуляции как некое регулятивное начало, за пределы которого активность субъекта не должна распространяться. Разумеется, здесь сразу возникает интересный вопрос: а в чем тогда суть о-граничения или границы в человеке? Конечно, проявление границ в человеке многообразно, а суть в адекватной миру и человеку (как самодетерминистическому существу) регуляции жизнедеятельности, которую образно можно представить как траекторию в социокультурном пространстве. Регуляция человеком своей жизнедеятельности предполагает обратную связь как необходимое свойство саморегулируемых систем. Необходимость обратной связи обусловлена направленностью человека, его смыс-

ложившейся о-ограниченностью. Сам процесс о-ограничения происходит постоянно и непрерывно в ходе выполнения деятельности, в реализации активности. В то же самое время человек своими действиями непрерывно взрывает ситуацию, изменяет её. Отрицание ситуации есть вместе с тем и выход за пределы самого себя, изменение и раздвижение границ. При этом не отрицается сущность человека, скорее наоборот, происходит её становление и реализация, как о-ограничение [326; 341]. Понять собственную о-ограниченность можно, лишь выйдя из непосредственной поглощенности потоком жизни. Остановить поток, прервать его – это выход человека за его пределы. Человек в этом случае как бы занимает позицию внеаходимости, имеет возможность отражать себя погруженным в жизненный поток. Вот здесь-то и появляется рефлексия [326; 348 - 349]. С появлением рефлексии связано не только философское осмысление жизни, но, что более важно, начинается процесс самоопределения человека в основах бытия, оплотнение и обобщение его границ - это онтологический план жизнедеятельности человека. Все это одновременно и диалектично обуславливается как культурой, так и жизнедеятельностью человека. Возникает некое поле постоянных изменений, несовпадение внешних и внутренних границ, их разрыв, где и творится жизнь человека, только для одних - это линия, а для других – многомерное пространство. Жизнь на границах, на грани – не только подлинная жизнь, но и единственно возможная. Только в постоянном отрицании границ, в о-ограниченности заключается свобода человека, а выверенный и промеренный отход есть его ответственность. И Гегель прав, когда пишет, что отрицание есть внутренний источник самодвижения и развития человека. Однако отрицание не есть игнорирование человеком границ, а скорее их дифференциация или интеграция. Все зависит от того, на какой основе она происходит, в каком контексте (ситуативном или жизнедеятельности). В процессе отрицания, отчуждения или остранения формируются идеалы и мотивы, ценности и смыслы, которые снимают отрицание (отчуждение) и снова включают человека в контекст жизни, культуры. В этом, на первый взгляд незаметном, процессе совершается нечто особое, фарс культуры, а именно, в этом процессе игра становится жизнью.

3.3. Теория границ

Обобщая и развивая сказанное нами ранее о границах, мы, строя новую систему, должны начать изложение с фундаментальных положений, которые задают общую логику понимания границ. Для нас это отношение

"Человек - Мир" ³⁴. А то, что граница – это важное понятие не только в психологии, но и в философии, подтверждают высказывания Ф. Шеллинга [450], Г. Гегеля [100, 101], М. Хайдеггера [396]. К. Юнга [471], Ж. Пиаже [275, 320], С.Л. Рубинштейна [329], В.Т. Кудрявцева [192] и других.

Собственно говоря, становление человека возможно в различении человека и мира в просвете между ними. Культура расширяет просвет между человеком и миром и, следовательно, расширяет границы, где и существует человек. В границах культуры формируется, развивается и бытийствует человек как таковой ³⁵. Но и сама культура существует, живет лишь на границе [47; 405]. Поэтому не только человек есть о-граниченное существо (Г. Гегель, 1975), но и жизнь его только и возможна на границах ³⁶. Жить на границах - это базовый способ нашего бытия [396; 331]. Таким образом, переходя от фундаментального отношения "Человек - Мир" к культуре, которая сохраняет это отношение в себе, на своих границах, мы не уходим от нашей проблемы, а приближаемся к ней для более содержательного анализа. Поскольку природой и сущностью человека является культура, то природой и сущностью человека является граница в своем обобщенном виде, т.е. как таковая. Тогда существо и сущность человека должны быть построены и определены на некоем различении, на границе. Это, конечно, достаточно смелая мысль, которую М. Хайдеггер называет фантастической [396; 169]. Но мы отваживаемся войти лишь в самую окаемку области того решающего вопроса, которого философия и психология до сих пор избегала, но которого они на самом ни разу не смогли избежать [396; 169]. В этой проблеме коренятся многие важные вопросы как философии, так и психологии.

Жить на границе – значит, постоянно переходить её, раздвигать и дифференцировать границы, т.е. создавать новые. А это, по Платону, есть образование или изменение человека в его существе [396; 350]. Такой переход Платон называет термином "пайдейя", который ближе всего по содержанию к нашему слову "образование", хотя и не совсем. Возвращая слову "образование" его исходную именовательную силу, отметим лишь, что, с

³⁴ Фундаментальность этого отношения доказывается нами в главе 1.

³⁵ М. Хайдеггер, прямо говорит, что: "...Человек в качестве человека смог бы быть лишь поскольку он держится внутри этого различения, им несомый" [396; 169]. Более того, М. Хайдеггер здесь же подчеркивает, что и существо человека должно быть построено на этом различении.

³⁶ Это границы, разделяющие и соединяющие человека и культуру, они внутренне-внешние, т.е. человек посредством активизации границ опредмечивает и распределяет их, изменяет их и себя, а значит, живет и развивается.

одной стороны, образование - это развитие человека, когда он переходит границу потаенного, и тем самым изменяет себя. *С другой стороны*, образование "образует" человека, оформляет его, о-граничивает, исходя все время из превосходящего соразмерения с неким определяющим видом, который зовется поэтому про-образом. Это и формирование, и руководство определенным образцом. Такое образование прежде всего осуществляет культура посредством своих социально-психологических механизмов, и лишь затем оно проводится в социальных институтах (семья, школа и др.). Таким образом, образование в своем первоначальном значении затрагивает наличное бытие в его основе.

Однако, говоря о границе, мы не уточняли это понятие, а потому оно, т.е. его содержание, может показаться противоречивым. С последним мы никак не можем согласиться. А дело здесь не столько в противоречии, сколько в диалектичности самой границы, на что ещё указывали Платон [297, 298], Аристотель [27, 28], Г. Гегель [100, 101]. Граница содержит в себе свою инаковость. Для человека - эта инаковость мира (потаенное и открытое, для меня и для других, Я - Ты, внутренней культуры и культуры внешней и т.д.). Поэтому граница не только диалектична, но и энергетически заряжена неким напряжением, силами (притяжения, отталкивания), т.к. граница, *с одной стороны* стремится отделиться от чего-то, уединиться, остраниться (Г. Гегель, 1999; М. Хайдеггер, 1993). В этом случае можно обозначить границу как разделяющую. *С другой стороны*, в конкретной границе ярче звучит то общее, что есть у человека и других людей. Оно, это общее, соединяет людей, и это есть сила, которая удерживает людей вместе, не дает человечеству распасться (Г. Гегель). Диалектическая природа границ, с учетом процессов, характеризующих количество [101; 246] и вышеобозначенные стороны, проявляется в двух процессах: дифференциации границ и их интеграции. Отсюда граница есть о-граниченная энергия, представляющая из себя диалектическое единство границ и отношений между ними. Граница - это всегда встреча двух и более качеств, вещей или иных определенностей. И, следовательно, граница всегда энергийна, где всегда "бушуют" диполярные силы: притяжения - отталкивания, энтропия - негэнтропия, положительная - отрицательная (Г. Гегель, М. Хайдеггер, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, К. Юнг, Ж. Пиаже). Эти силы, как проявление энергии, изменяют границу, да и сама граница есть всегда направление, но не всегда проявление энергии. Проявления энергии границ весьма разнообразны, например, инаковость мира как одну из сторон границы (человек - мир) человек может реализовать в себе, как во внутреннем мире. Для этого он использует воображение, фантазирует о чем-то или о ком-то. Это об-

разное "видение" и "делание" внешнего мира в себе, но при этом задействованы все психические процессы, а не только познавательные. Ведь, как известно, воображение и восприятие есть познавательные процессы. В диалектике границ и рождается внутренний мир человека, его субъективность и субъектность (А.В. Брушлинский, 1991; В.И. Слободчиков, 1987). С точки зрения диалектики, можно было бы сказать, что граница - это напряженное, энергетически зараженное поле взаимодействия различных определенностей. С качественной стороны граница придает нечто определенность (Г. Гегель), которая выражается в том, что определенное нечто может осуществить или вступить в определенную систему отношений и поддерживать их. Систему отношений отражающих определенное нечто можно охарактеризовать по следующим критериям: универсальность, упорядоченность и нагруженность. Так, для человека и вещи границы, придающие им определенность, могут быть: упорядоченными (более или менее значимыми); обобщенными, т.е. способными поддерживать многие отношения или конкретно поддерживать один вид отношений; нагруженностью границы характеризуется тем, что включает в себя как бы некое интегративное единство в чем-то различных границ или совсем не имеет их в себе. Через эти критерии проявляет себя диалектика границ в трансформации и изменении качественных границ или неких определенностей. Но диалектика границ проявляется не только в этом, а и в количественном аспекте (Г. Гегель). Здесь также можно выделить несколько критериев, на основе которых возникает возможность дать количественную характеристику границ. С количественной стороны границы могут характеризоваться по следующим критериям: объем – это как бы пространственная характеристика границы, который может охватывать как всего человека, так и всего лишь одной из сторон; устойчивость, т.е. границы могут быть постоянными и неизменными в течение довольно длительного промежутка времени или постоянно изменяться, трансформироваться, возникать и исчезать; ритм, т.е. само изменение границ, их формирование и развитие может происходить в различной последовательности и с разной быстротой изменения.

Диалектическая природа границ и их количественно-качественные особенности проявляются в следующих функциях: *регулятивной, направляющей, энергетической и рефлексивной.*

Таким образом, подводя итог анализу понятия "граница" в философской, культурологической и психологической литературе можно заметить следующее. Во-первых, границы диалектичны по своей природе и представляют из себя поле взаимодействия, встречу различных сил, контакт,

соприкосновение, диалог и т.д. Поэтому граница всегда энергетически заряжена, энергийна. Диалектическая природа границ проявляется в процессах интеграции и дифференциации. Во-вторых, границы имеют различную количественно-качественную характеристику, а именно качественно их можно различать на основе упорядоченности, универсальности и нагруженности, тогда как количественно - устойчивости, объема и ритма. В-третьих, границы в жизнедеятельности выполняют следующие функции: регулятивную, направляющую, рефлексивную и энергетическую. В-четвертых, с точки зрения психологии, можно дать следующее определение границы: *это психологическое образование, имеющее количественно-качественную определенность и выполняющее регулятивную функцию (адаптации, развития и формирования) посредством процессов дифференциации и интеграции.*

3.4. О-граниченная значимость - единица анализа психологии человека

Анализируя понятие "человек", особенно в его соотношении с культурой, мы пришли к выводу, что значимость является сущностью человека, его базовой характеристикой и стержнем жизнедеятельности. Но, конечно, этот вопрос нуждается в прояснении, тем более мы все же больше говорили о сущности человека, чем о единицах анализа. Итак, проблема единиц психологического анализа стояла перед каждым направлением научной психологии³⁷. Можно напомнить, что в качестве единиц выделялись ощущения (ассоцианизм); фигура - фон (гештальтпсихология); реакция и рефлекс (соответственно реактология и рефлексология); установка (психология установки); поведенческий акт (бихевиоризм). Проблему единиц анализа особенно обстоятельно обсуждал Ж. Пиаже. В качестве таковой он выделяет обратимые операции, что в чем-то аналогично нашему подходу к пониманию границы. Однако в психологической литературе отсутствует строгое определение единицы анализа психики [143]. Она характеризуется либо как универсальная (элементарная или структурная) составляющая психики, либо как её детерминанта, либо, наконец, как генетически исходное основание для развития психики. Действительно, выделение единицы анализа есть начало разработки психологической теории, и, пожалуй, в

³⁷ В истории психологии наблюдаются достаточно сложные отношения между единицей анализа и теоретической конструкцией в целом. На уровне единиц противоречия оказываются более острыми и сфокусированными, чем на уровне целостных теоретических конструкций.

этом случае единица анализа есть ведущий концептуальный принцип психологии.

В отечественной психологии, если говорят о единицах анализа, то в первую голову обращаются к творчеству Л.С. Выготского, который писал, что суть психологического анализа "... в том, чтобы в каждом психологическом целом выделить определенные черты и моменты, которые сохраняли бы примат целого" [93; 94]. Выготский придавал особое значение для психологии поиску клеточки, а в дальнейшем единицы анализа психики. "Кто разгадал бы клеточку психологии - механизм одной реакции, писал он в 1926 г., - нашел бы ключ ко всей психологии" [92; 407]. В дальнейшем он в качестве единицы анализа называл переживание [357; 383], которое для него – наиболее полная величина в структуре сознания, динамичная и представляет личность в ситуации социального развития. "В переживании, - указывал Выготский, – дана, с одной стороны, среда в её отношении ко мне, с другой - особенность моей личности" [94; 383]. В этом высказывании отражена динамическая составляющая переживания как единицы анализа сознания, а именно к этому более всего склонялся Л.С. Выготский [478; 73]. Переживание – это динамическое и изменяющееся понятие. Его содержательное изменение зависит от особенностей онтогенетического развития человека и характеризуется своей внутренней напряженностью, пристрастным отношением человека к миру. Работа переживания направлена на объединение человека с миром или на их размежевание, в том и другом случае им преодолевается некоторая граница (разрыв, барьер и др.) или она формируется. Поэтому можно сказать, что переживание содержит в себе границу между человеком и миром [478; 74]. Данную особенность переживания содержательно раскрыл Б.М. Теплов [478; 76], но к этому мы вернемся несколько позже. А сейчас нам бы хотелось отметить, что у Л.С. Выготского переживание – это единица анализа именно сознания, это *во-первых, а во-вторых*, в переживании отражен момент пристрастности человека к миру, его зависимость от мира. Если говорить в целом, то к единице анализа Выготский предъявляет определенные требования: 1. Она должна содержать в себе все основные черты и моменты целого (правда, эти черты или моменты ещё надо выделить, и это вопрос концептуальный); 2. Объединять в себе единство личности и среды; 3. Это должна быть динамическая, т.е. движущая поведением сила, величина [478; 73]. Интересные и заслуживающие серьезного внимания требования к единицам анализа психики сформулировал В.П. Зинченко [143]. Систематизация этих требований выглядит таким образом.

1. Единица должна быть структурным образованием, связанной психологической структурой.

2. Единица должна содержать в противоположном виде свойства целого.

3. Единицы, сохраняющие структурные свойства целого, должны быть способны к развитию, в том числе и к саморазвитию.

4. Единица должна быть живой частью целого. В то же время она сама должна быть единым, далее неразложимым целым.

5. Необходимо исходить из таксономического подхода к единицам психологического анализа.

6. Единица должна создавать возможность синтетического изучения свойств, присущих какому-либо сложному единству как таковому.

7. Единицы анализа должны позволять исследовать отношение изучаемой психологической функции (или процесса) ко всей жизни сознания в целом и к его важнейшим функциям [143; 120 - 121].

Удовлетворяет ли переживание всем вышеперечисленным требованиям? И да и нет. **Во-первых**, переживание - это единица анализа не человека, а только сознания (Л.С. Выготский). **Во-вторых**, содержит ли оно в себе все основные черты целого, это вопрос, на который нет ответа, т. к. необходимо изучать переживание не только феноменологически, но системно и структурно. **В-третьих**, переживание должно внутри себя содержать свое противоречие, т.е. быть диалектичным. Об этом, с точки зрения проработанности вопроса, судить очень сложно, хотя некоторые наработки все же есть, и мы их рассмотрим. Так, Б.М. Теплов в переживание, помимо эмоциональной напряженности, включает эмоционально испытываемое понимание ценностей и смыслов культуры, именно оно и образует, согласно Теплову, ядро переживаний [478; 76]. С целью оформления в переживании некоего эмоционального содержания им, т.е. Б.М. Тепловым, вводится и анализируется понятие "ритм". Ритм имеет пространственно-временную организацию, что указывает на его структурные и процессуальные особенности. Своеобразие ритма в том, что он – выразительное средство не только музыки, но и других искусств. Говоря о ритме, Б.М. Теплов придает ему формообразующее, о-граничивающее начало [365; 187 - 197]. "Ритм - это формальная категория: она касается формы протекания процессов во времени. Но форма всегда есть форма некоторого содержания. Форма не может быть самостоятельной сущностью, она не может рассматриваться как нечто независимое от содержания, как нечто только присоединяемое к любому содержанию" [365; 197]. Здесь неявно, но есть намек на диалектику ритма и переживания как формы и содержания. Эта линия анализа пережи-

ваний, но в более широком контексте (мира и культуры) отражена в работах М.М. Бахтина [45, 46, 47], где ритм есть внутренне уплотненная и ценностно-смысловым образом оформленное переживание. Для нас сейчас этот разговор необходим с позиции того, чтобы показать, что у переживания как единицы анализа есть ещё один момент, который не брался в расчет. Этим моментом является оформленность переживания - границей, формой, ритмом (М.М. Бахтин, 1979; Б.М. Теплов, 1985).

Ритм, с точки зрения М.М. Бахтина, более всего соотносится с внутренними процессами, и лишь для другого он может являться [47; 103]. Сам же "ритм есть ценностное упорядочение внутренней данности, наличности" [47; 103]. Ритму присущи организующее и направляющее начала, в этом мы усматриваем его связь со значимостью, а значит, и напряженностью. Ритм беспредметен в том смысле, что не имеет дела непосредственно с предметом, но с переживанием предмета. В чем заключается это дело? В организации, пространственно-временном или хронотопическом упорядочении переживания по логике смысла и ценностей. Ведь "ритм предполагает некоторую предопределенность стремления, действия, переживания (некоторую смысловую безнадежность)" [47; 103]. Смысл, цель и ценность должны стать только моментами самоценного и устремленного переживания. Ритм предполагает некоторую предопределенность стремления, действия, переживания; действительное преодолевается ритмом, преодолевается не только граница между прошлым и будущим (и настоящим, конечно), появляется законченность и оформленность некоего целого. Тогда внутренняя данность (переживания, внутренний мир) ритмически связаны, восприняты в одном целостном плане, являются моментами развития одного положительного ценностного ряда [47; 104]. Таким образом, ритм - есть внутренне упорядоченная и хронотопическим образом оформленная ценностно-смысловая данность, или говоря иначе, ритм - это хронотопическая система внутренне-внешних ценностно-смысловых границ. Свобода воли и активность человека не совместимы с ритмом, они не могут быть ритмированы, т.к. ритмированное бытие "целесообразно без цели", цель для человека не избирается им, не обсуждается, нет ответственности за цель. Отсюда и жизнь, которую человек признает своею, в которой он активно находит себя, не выразима в ритме, стыдится его, здесь должен оборваться всякий ритм, здесь область трезвления и тишины. Ритмом человек может быть только одержим, в ритме он, как в наркозе, не осознает себя [47; 105 - 106]. В этих мыслях М.М. Бахтина заключено огромное психологическое содержание: диалектика формы и содержания, противоречивость ритма, границ, переживаний; свобода и зависимость человека от бытия; осознание

как изменение границ и собственной "о-граниченности"; необходимость не только психологических механизмов интеграции, но и дифференциации³⁸.

Реализуя диалектический подход к переживанию, можно сказать, что от оформленности и о-граниченности переживания зависит как его содержание, так и конкретно выраженная его определенность. В развитии переживаний человека дана диалектика ценностно-смыслового содержания и границ, которая имеет разнообразное психологическое воплощение³⁹. Однако надо заметить, что эта проблема ещё ждет своих исследователей. Если же вернуться к требованиям, предъявляемым к единицам анализа, то переживание может быть единицей анализа, но только как неким образом оформленное содержание и в их диалектическом единстве. Пожалуй, именно это и имел в виду М.Г. Ярошевский в своей статье "Дильтева дихотомия и проблема переживания" [478]. Без диалектики содержания переживания и его границ или о-граниченного переживания не может быть осуществлен полноценный анализ. О переживании как единице анализа говорят применительно к сознанию человека (Л.С. Выготский, 1985; М.Г. Ярошевский, 1998; В.П. Зинченко, 1981), а не к нему в целом и не к его психологической организации. Поэтому остается вопрос что же может выступать единицей психологического анализа человека? И вот здесь-то нам хотелось бы вернуться к значимости как сущности человека. Тем более что переживание есть не только изменение значимости чего-то или кого-то, но и отражение его. В переживании значимость находит свое эмоционально-чувственное и, следовательно, "истинное" для человека выражение. Переживание оплотняет границы внутреннего мира человека, ценностно-смысловым образом их оформляет и упорядочивает ценностно-смысловую данность ритмом. Но чтобы понять собственные переживания, оно должно отойти от человека со всем тем смысловым контекстом, в которое было неотрывно вплетено. Этот выход за пределы переживания его о-граничивает, а следовательно, определяет для человека со стороны его смысла и ценностей или значимости для себя [47; 99 - 110]. Здесь проявляется эмоционально-чувственный аспект диалектики о-граниченной значимости как пристрастности человека к миру. Поэтому для содержательного раскрытия понятия "значимость" нам следует рассмотреть его в соотношении с понятием "потребность".

³⁸ Более подробно об этих механизмах – в первой и пятой главах настоящей работы.

³⁹ Так, например, Ф.Е. Василюк выделяет следующие виды переживаний: гедонистические, реалистические, ценностные, творческие [78].

Содержательное раскрытие понятия "значимость" с необходимостью предполагает анализ того общего, что объединяет его с понятием "потребность". В психологической литературе, анализирующей проблему потребностей, существует достаточно большое число работ, делающих акцент на понимании (прежде всего определении) потребностей; их классификации; взаимосвязи с мотивами, чувствами и эмоциями, смыслами и ценностями [149, 163, и др.]. Для нас, в данной работе, важно понять природу потребностей, углубиться в содержательное раскрытие этого понятия, т.к. между значимостью и потребностью есть сущностное единство. Понятие "потребность" в настоящее время употребляется в научной литературе, по крайней мере в трех значениях: а) как обозначение объекта внешней среды, необходимого для нормальной жизнедеятельности; б) как состояние психики, отражающее нехватку чего либо, и наконец, в) как фундаментальное свойство личности, определяющее её отношение к миру [163; 121]. Названные значения понятия "потребность" скорее выступают как стороны более сущностной характеристики потребностей, которые понимаются как нужда, недостаток чего-то, состояние напряженности, зависимость, неудовлетворенность и т.д. [16, 82, 123, 501 и др.]. По сути, все эти признаки потребностей восходят к определению потребностей данным Л. Брентано в первой специальной работе по анализу потребностей "Опыт теории потребностей". Он дает следующее определение: "Всякое отрицательное чувство, соединенное со стремлением устранить его при помощи удаления вызывающей его неудовлетворенности, называется потребностью" [68]. Данное определение потребности и вышеперечисленные признаки более описывают потребность, чем объясняют, тогда как проблема определения природы потребностей остается открытой. И то, что в психологии увеличивается число экспериментальных данных о взаимосвязи потребностей с другими психологическими образованиями, дела не меняет. Еще в 1976 году Г.Г. Дилигенский писал: "Одной из главных трудностей, на которые наталкивается научное понимание потребностей, является известный разрыв между общетеоретическим содержанием данного понятия и его более конкретными, эмпирическими исследованиями" [124;30]. А вот как пишет о путях решения проблемы потребностей видный отечественный психолог В.К. Вилюнас, имеющий собственный и достаточно продуктивный взгляд на эту проблему: "... для решения такой задачи обязательным является обращение к некоторому более широкому контексту" [84;14]. Все это указывает на важность именно методологического, концептуального осмысления природы потребностей. Основанием для выхода на концептуальный уровень трактовки потребностей, а следовательно, и значимости, может вы-

ступать подход К. Левина к пониманию потребностей [204], в котором потребности понимаются как напряженная система [141, 142, 400]. В этом понимании потребностей как некоего энергетического начала явно видна линия западной философии (Р. Авенариус, Э. Мах) и психологии (З. Фрейд). Подход К. Левина, как отмечают многие отечественные психологи и философы, достаточно продуктивен (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Г.Г. Дилигенский, В.К. Вилюнас), но требует ряда уточнений для дальнейшей работы в раскрытии содержания этого понятия.

Осмысление понятия "потребность" следует начать с энергии. Понятие "энергия" было введено Аристотелем, и хотя не вошло в число его основных категорий, но играло видную роль и в метафизике, и в физике. Будучи близко по значению к понятиям действия, деятельности, движения, оно, в отличие от них, включало весомый элемент завершенности, подчиненности началам цели и формы. Однако в дальнейшем оно не вышло за пределы античной философии. Даже схоластика, столь близко следовавшая аристотелевой системе понятий, не сохранила в своем арсенале категории энергии как таковой, но перешла к её латинскому переводу *actus*, акт, что далеко не является точным эквивалентом [407; 87]. С тех пор мысль об энергии Аристотеля не смогла стать в своей изначальности значимой. "Превращение аристотелевой **energeia** в *actualitas* и в действительности заключило собой все, что приоткрылось, в **energeia**" [396; 180]. По латинскому пути (*actualitas*) шла и отечественная психология. В современный период развития науки положение все же начинает меняться в философии и психологии. Понятие "энергия" подвергается глубокому продумыванию и осмыслению (А.Ф. Лосев, 1990; С.С. Хоружий, 1995; М. Хайдеггер, 1991). Суть этого пересмотра можно отразить в двух позициях. Позиция первая видит в энергии, в стихии деятельности прежде всего начинательное усилие актуализации: отбор, селекцию и выступление, исхождение из безграничного многообразия возможностей, моря виртуальной реальности. Энергия здесь близка к **dunamis**, и поэтому есть динамическое начало. Напротив, вторая позиция видит в энергии прежде всего завершающий элемент осуществления: достижения некоторой цели, формы, состояния, которые являются онтически предсуществующими и лишь фактически изначальны не данными. Здесь энергия близка к осуществлению, и потому есть осуществляющее, реализующее сущность начало [407; 88]. Все это ставит перед философами и психологами ряд проблем и открывает перспективы нового осмысления понятия "потребность". Но не только, в такой же степени это относится к мотивам и смыслам, ценностям и архетипам, эмоциям и чувствам и др. Вопрос здесь в том, чтобы найти то основание, на котором мож-

но было бы построить диалектическую систему регуляторов поведения человека.

Существует глубокая связь между понятиями "сущность и энергия", "энергия и экзистенция", "бытие и энергия", "энергия и человек" (энергичный образ, энергичная проекция человека) [139, 396, 407]. Нас же в данном контексте обсуждения больше привлекает вторая позиция - завершение, достижение цели, форма и оформление, граница. Данная позиция выводит понимание потребностей на новый уровень понимания. Нельзя сказать, что этот момент - завершения, замкнутости и оформления – совсем ускользает от исследователей в области изучения потребностей. Нет, завершенность находит отражение в предметной характеристике потребностей (А.Н. Леонтьев, 1972). Однако данная характеристика потребностей не получила своего общетеоретического осмысления. А напрасно, т.к. она выводит исследование на нечто более общее, а именно телеологическое начало в изучении не только мотивационно-потребностной сферы, но и ценностно-смысловой (В.К. Вилюнас, 1986). Данная линия анализа потребностей нашла интересное и эвристичное продолжение в работе В.К. Вилюнаса, который включает в понимание потребностей особые механизмы её обнаружения и удовлетворения. "По сути дела, именно эти механизмы, а не сама по себе нужда, составляют основу потребности, определяя её тип и содержание" [84; 52]. Этот процесс оформления потребности для человека, в чем бы он ни выражался (в чувстве, осознании, предмете и др.), всегда выступает как о-граничение потребности. К сожалению, это положение не нашло дальнейшего содержательного раскрытия и в работах В.К. Вилюнаса. Данный аспект, правда, в плане исследования мотивации, отмечал и В.Г. Асеев, когда писал о соотношении непрерывно-процессуального и дискретного моментов в мотивации [34; 141]. Это принципиально важно для К. Левина [400; 180 - 188] в его трактовке потребностей и квазипотребностей, а также модели личности. Однако диалектика "области" и "границы" им скорее только намечена в состоянии границ, их прочности и иерархичности (центральные, периферические), дифференциации и переструктурировании. В той или иной мере понятие "граница" он использует и при описании психологического поля и жизненного пространства - это краевые пункты жизненного пространства, краевые точки, валентность [400; 191]. Но необходимо констатировать, что взаимоотношение между энергией и границей, в терминологии К. Левина, системой напряжения и целевым объектом (t, tension и G, goal) в полной мере не раскрыто [400; 193], хотя он и выделяет "движущие силы", "сдерживающие силы", которые связаны с границами [204; 124]. Особенно это

касается их взаимопереходов. На одну из особенностей взаимосвязи границ и побуждений указал В. Франкл. Смысл и цель как граница вызывают внутреннее напряжение, которое не только благотворно сказывается на человеке, но и ему крайне необходимо [389; 60 - 75].

На основе анализа психологической литературы, посвященной потребностям можно, констатировать, что тем общим признаком, характерным для всех потребностей, является энергия "оформленная" и "ограниченная". Как понимать эту энергию - как нужду, напряжение или отраженную в потребностях зависимость – дело исследователя, главное же то, что каким-то образом "оформленная" энергия и есть потребность человека. Разумеется, мы понимаем, что это достаточно широкое понимание потребностей, тем более что в психологической литературе за этим понятием закреплено вполне определенное значение. Поэтому возникает необходимость ввести новое понятие, которое было бы не отягощено в такой мере, как потребность, традициями и устоявшимся содержанием. Таким понятием является "значимость". Мы его ввели для обозначения всего того, что для человека важно и ценно в жизни, для характеристики зависимости человека и сущности его от мира, как представителя культуры. *Значимость*, также как и потребность, имеет в основе своей энергетическую составляющую, которая *выступает как система напряжения или напряженная направленность*. Таким образом, между понятиями "значимость" и "потребность" много общего (прежде всего энергетическая составляющая), но есть и сущностные различия, это несмотря на различные трактовки понятия "потребность" [152, 175, 248, 400, 249, 401, 148, 221, 222 и др.]:

- потребность чаще понимается как биологический источник активности, хотя есть попытки универсализации этого понятия (В.П. Иванов, 1977);
- потребности ситуативны и внутренне локализованы, тогда как значимость несет в себе разнообразную локализацию и контекст;
- потребности, их сила постоянно меняются, т.е. они динамичны, насыщаемы. Значимость же для человека – более устойчивое образование и принципиально не насыщаемое (Д.А. Леонтьев, 1996).

Подводя итог, можно заключить, что *значимость*, как и потребность, в своей абстрактной сущности *есть "о-граниченная" энергия*, которую можно характеризовать как направленную напряженность, а направление задается границами. Вопрос только в том, как энергия о-граничена? И какая энергия? Что же касается ответа на вопрос, как тот или иной психический процесс "отграничен" от другого процесса, один возраст от другого и т. д., то здесь необходимо будет не только проанализировать и обобщить все

материалы, так или иначе касающиеся понятия "граница", но и выделить психологический аспект. Это одна из фундаментальных психологических проблем, решение которой не входит в цель нашей работы. Анализируя психологические механизмы регуляции человеком своего поведения и жизнедеятельности, мы в дальнейшем затронем преимущественно ценностно-смысловую сферу человека.

3.5. О-граниченность в системе отношений "Человек - Мир"

Анализируя базовое отношение "Человек - Мир", мы брали понятия "человек" и "мир" в их предельных значениях⁴⁰, т.к. преимущественно рассматривали философско-методологические проблемы. Для решения конкретных вопросов необходимо более содержательное раскрытие этих понятий, которые наполняются содержанием через разворачивание и упорядочивание отношений человека с миром. Так как в предыдущей главе мы уже рассматривали содержание понятия "человек", то сейчас остановимся на понятии "мир". Это понятие по содержанию не о-граничено космосом и природой, а включает в себя и мир человеческих отношений, историю и технику. Духовное и материальное, природное и культурное не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира и человека, то, что их соединяет и разъединяет, что определяет и является определяющим. Говоря словами М. Хайдеггера, мир – это сущее в целом [396; 49], а человек в своем существе и есть это сущее [396; 50], которое он разворачивает и утверждает своим бытием. Человеческое существование и есть овладение сущим в целом. Отношение человека к сущему (гносеологически и онтологически) в целом формируется как мировоззрение. Это значит: "сущее считается сущим постольку и в такой мере, в какой оно вовлечено в эту жизнь и соотносено с ней, т.е. переживается и становится переживанием" [412; 51]. Человек включен в сущее, как мир, и осваивает его. Сам процесс состоит в о-граничении сущего в мире, а значит, и себя. "Человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму" [396; 52]. Данная позиция обеспечивается, структурируется и выражается как мировоззрение человека.

⁴⁰ Человек - это родовое существо, обозначающего человека как такового, а мир выступал, как все то, что окружает человека и обозначает сущее в целом [396; 49].

Другими словами, человек включен и вовлечен в мир. Он находится внутри его, и как писал С.Л. Рубинштейн: "... это его непосредственная данность, неотступность, очевидность, его неустранимость, со всех сторон нас объемлющая, его неотменяемость" [329; 261]. Неразрывная и изначальная связь с миром, взаимозависимость человека и мира, поддерживаемая их взаимной активностью. Что же касается активности человека, то об этом мы уже говорили⁴¹, и это не требует разъяснений, другое дело активность мира. "Мир - это общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей, точнее совокупность вещей и явлений, соотнесенных с людьми. Иными словами, мир есть организованная иерархия различных способов существования, точнее сущих с различным способом существования" [329; 262]. В этом высказывании заключена мысль о том, что люди составляют не только средоточие мира, но и его активное начало. Все это вместе взятое, т.е. структурирование и организация жизнедеятельности людей, может быть представлено в виде культуры и её институтов. Человек с момента зачатия подвергается воздействию мира (культуры), они образуют, образуют⁴² человека и, собственно говоря, делают его таковым. Сам процесс усвоения и освоения культуры идет от малого и достаточно элементарного, т.е. от норм поведения, способов обращения с предметами, овладение языком. Как бы вершиной культуры, её развития, а следовательно, расширением рамок-границ, является творчество, созидание нового. Таким образом, только взаимная активность человека и мира способствует становлению человека как родового существа. Само становление есть процесс о-граничения человека миром, посредством культуры, а следовательно, в общении с другими людьми, посредством психологических и социально-психологических механизмов (игра, традиции, обряды, ритуалы, мифология и др.) и институтов социализации. В этом процессе взаимодействия человека в мире не только мир как активное начало о-граничивает человека, но и сам становящийся человек проявляет активность по о-граничиванию мира. О-граничивание мира человеком, в данном случае, следует понимать как постоянное расширение рамок активного присутствия человека в мире, расширение пространства его жизнедеятельности. В таком случае как следует понимать сам процесс о-граничения? В чем его суть? Да и что такое о-граниченный человек?

То, что процесс о-граничения человека происходит во взаимодействии с миром, нуждается в прояснении. Суть прояснения – в ответе на вопрос: каков механизм о-граничения? Не вдаваясь в подробности раскрытия фи-

⁴¹ См.: Глава 2.

⁴² Смотри материалы Всемирного философского конгресса, посвященного роли образования. Вопросы философии. № 5. 1999 г.

лософской категории взаимодействия, отметим, что она очень тесно связана с видами движения материи (физическое, физиологическое, социальное, психическое и другие виды), а значит, что и взаимодействие осуществляется в этих видах движения материи. Взаимодействие - это и элементарный физический контакт тел, и диалог людей, и сама культура - как диалог культур (М.М. Бахтин [45, 46, 47], В.С. Библер [56, 57]). И независимо от того, какое взаимодействие, элементарное или сложное, оно есть взаимные действия одного тела на другое, в процессе которого они оставляют след как в себе, так и в другом теле. Какой это след, зависит от характера взаимодействия. Конечно, соотносить физический контакт и диалог двух людей можно лишь при абстрагировании от многих его составляющих. Но принципиальный момент в том и другом случае один, а именно *взаимодействие - это есть процесс взаимного о-граничения*.

Если взять наиболее общий случай взаимодействия человека с миром, то зависимость (взаимодействие) человека от мира выражается в том, что мир в целом и каждая его грань выступает для человека границей его потребностей, мышления, чувств и действий, т.к. в границах мира человек находит свое, то, что ему требуется для осуществления его жизнедеятельности. Опредмечивая в мире себя, а значит, и ограничивая, человек тем самым о-граничивает собственный мир, личностное пространство жизнедеятельности [423], оформляет его (структурирует, упорядочивает, наполняет содержанием). Границы мира имеют свою инаковость в самом человеке, т.к. взаимодействие - это обоюдонаправленный процесс. Поэтому процесс взаимодействия человека с миром направлен на формирование внутреннего мира, как о-граниченная инаковость внешнего мира. Здесь ярко проявляется диалектика того, что внешний мир, осваиваемый нами, наполняется знакомыми и родными людьми и вещами, с одной стороны, есть продолжение нашего внутреннего мира, а с другой, этот внешний по отношению к нам мир формирует, изменяет наш внутренний мир, нашу субъективность.

Диалектическая природа взаимодействия человека в мире, а также внешнего и внутреннего, ещё раз приводит нас к диалектической сути границ, где каждая граница есть граница мира и человека, внешнего и внутреннего, только проявления этого могут быть различны. Например, владение человеком знаниями, которые, с одной стороны, вырабатываются миром (опыт, наука и др.), а с другой, усвоены конкретным человеком. Знания человека и мира - не одно и то же, не только по объему и глубине, но и по адекватности, а также по потребности в этих знаниях. Знания - как граница, количественно-качественно определяется то человеком, то миром, могут вступать в противоречия, которые нередко приводят к разрыву между житейскими и научными понятиями (Л.С. Выготский) или просто дефициту знаний о каком-то объекте и его использовании в жизни человеком. В

данном примере диалектика границ проявляет себя двояким образом: а) как единение человека и мира, их оплотнение и притяжение в границе, которое может расширяться и тем самым о-граничивается уже изнутри этого единства; б) как разделение, отстранение и отталкивание мира и человека в границе, в этом случае идет количественное уменьшение границы, но не исчезновение её. Диалектическая природа границ очень тесно связана с процессом о-граничения человека, его формирования и развития, а точнее она и проявляется в этом процессе. Для человека диалектика границ и процесс о-граничения может как способствовать его прогрессивному развитию, так и нет. Все зависит от того, чему служат эти границы, или точнее какую функцию выполняют, насколько они подвижны и проницаемы, способствуют ли более эффективной регуляции человеком своей жизнедеятельности в мире или нет. С точки зрения диалектической природы границ и самого процесса о-граничения, интересно и по-новому можно взглянуть на проблему интериоризации по поводу которой в начале 60-х годов была содержательная полемика между С.Л. Рубинштейном [329] и А.Н. Леонтьевым [212]. Весь вопрос заключался в том, как с точки зрения психологии понимать интериоризацию? В чем суть перехода (перевода) внешнего во внутренний план? То, что этот вопрос требует теоретического осмысления, подтверждает и появившаяся статья В.С. Лазарева [201], в которой, на наш взгляд, основная проблема - раскрытие и объяснение психологического механизма интериоризации не снимается, а можно сказать уточняется. Проблема интериоризации, её анализ и решение принципиальны для психологии, т.к. в конце концов встает вопрос: что из себя представляет процесс формирования человека? Как идет (с точки зрения механизма) усвоение знаний? Да и что такое развитие человека? Все эти вопросы прямо или косвенно упираются в наличие или отсутствие психологического механизма интериоризации.

3.6. Интериоризация - как психологический механизм о-граничения человека

Понятие "интериоризация" было введено в научную психологию французскими учеными, представителями школы Э. Дюркгейма. На русский язык оно переводится как "переход извне внутрь". Большая группа советских психологов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и их сотрудники) отвечала словом "интериоризация" на вопрос: каким образом⁴³ в

⁴³ Ответ на подобный вопрос сразу задает ракурс рассмотрения интериоризации, а именно, как психологического механизма, посредством которого осуществляется формирование человека.

ходе онтогенетического развития формируются социальные механизмы психики человека? Содержательно саму интериоризацию эти ученые во многом понимали по-разному. При этом позицию всех этих ученых по проблемам интериоризации критически оценивали другие отечественные психологи - С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов, А.В. Брушлинский. И, надо заметить, не без оснований, т.к. в настоящее время мы снова возвращаемся к этому понятию в следствии того, что механизм интериоризации описан лишь частично, и есть попытки теоретического осмысления (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин⁴⁴). Если говорить буквально, т.е. следуя определениям интериоризации⁴⁵, то её как механизма просто нет. Есть только декларация переноса, усвоения, перевода. Л.С. Выготский в этом плане говорит более корректно об интериоризации как о вращивании [93; 160 - 161]. Но решить эту проблему ему не удалось [177; 114], т.к. он и его последователи разорвали связь интериоризации и общения, диалога человека с миром (Л.А. Радзиховский и Г.А. Ковалев, 1985). Зачем же вводить особое понятие "интериоризация"? А не проще ли было бы вообще отказаться от него? Есть, как минимум, два момента, которые указывают на необходимость этого понятия. *Первый* – без него, т.е. без раскрытия механизма интериоризации, не удастся объяснить, как идет процесс присвоения культуры человеком, его формирование и развитие. Замена одного слова другим, разумеется, тоже не решает проблемы. *Второй* – механизм интериоризации суть механизм формирования механизмов [312; 123], т.е., как пишет Л.А. Радзиховский, интериоризация - это базовый психологический механизм, "клеточка" по отношению ко всему процессу жизнедеятельности человека [312; 122 - 123]. Данная "клеточка" как базовый психологический механизм должна быть первичной (основной - лежащей в основе) и в онтогенезе, и в филогенезе. Опираясь на работы М.М. Бахтина [47] и Л.С. Выготского [93], Л. Радзиховский считает, что это может быть социальное (совместное) действие и наделяет его признаками диалектичности (определенного противоречия, диалогизма, субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия) и знаковости. Причем, что нам кажется очень эвристичным с точки зрения психологии, выделяет несколько видов знаков: онтогенетически первичный знак; знак-без-значения (элемент базовой структуры деятельности), неосознаваемый; осознаваемый и вербальный

⁴⁴ На наш взгляд, теория П.Я. Гальперина, которую он совершенно адекватно назвал теорией поэтапного формирования умственных действий [97], не является теорией интериоризации.

⁴⁵ В этом случае мы как раз видим дословный перевод французского слова. Интериоризация как термин введен французской социологической школой для обозначения переноса общественных представлений в сознание отдельного человека [309; 139].

знак - элемент внешних структур деятельности. Эти знаки связываются между собой отношениями генетически структурной преемственности и имеют ряд общих особенностей [312; 124]. И данные особенности, хотим мы этого или нет, выводят нас на новое, более обобщенное, а следовательно, абстрактное понятие "граница". Если же проводить анализ структуры деятельности и интериоризации только в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, то решение возникших проблем вполне закономерно выводит исследователей на расширенное и качественно иное представление о знаке, т.к. только в этом случае есть шанс решать возникающие проблемы. В работах Л.А. Радзиховского, когда он опирается на взгляды М.М. Бахтина [47; 249 - 250] об ограничении высказываний другими высказываниями, есть не только упоминание границы, но и то, что "... границами социального действия человека следует считать не овладение (использование) предметом (физическим или идеальным), но связь с действием другого человека" [312; 126]. В этом случае граница как связь с другим (иным) как-то даже соотносится и со знаком. С нашей точки зрения, знак есть одна из разновидностей границ, но он не только не исчерпывает её, а скорее является одной из функций границы - знаковой. Если мы подвели к тому, что интериоризация как психологический механизм лишь намечен в психологии, то вполне естественно обозначить свой подход к раскрытию этого механизма.

Продолжая раскрывать базовое отношение "Человек - Мир", мы ещё раз подчеркнем, что человек – прежде всего активное существо. Активность человека включает в себя все многообразие человеческой практики и жизнедеятельности. Проявление человеком его активности в мире и мира по отношению к человеку и являются исходными условиями его формирования и развития. Как мы уже писали, процесс взаимодействия человека с миром – это процесс взаимных воздействий, направленный на усиление или снятие зависимости человека от мира, значимости одного для другого. В процессе взаимодействия человек или мир находят свою инаковость в другом, обретая свою определенность, о-граничивая себя. Ибо контакт - это встреча двух и более определенностей, отличных друг от друга. Чем более различны, непохожи и разнокачественны участники взаимодействия, тем поверхностней контакт и уже граница, их соединяющая и разделяющая. А если участники взаимодействия имеют много общего (знания, культура, нравственность, чувства и т.д.), тем многомернее граница этого взаимодействия, которая уплотняется и расширяется. Так вот, расширение границы взаимодействия человека с миром – это и есть формирование и развитие человека. А где проходят эти границы?

Встреча активностей человека и мира, которая не лежит на поверхности, а захватывает всего человека и мир в целом, формирует границы, про-

низывающие как человека, так и мир, или, другими словами, границы возникают в самом человеке как его психологические образования, процессы и состояния. На этих границах живет не только культура (М.М. Бахтин), но и человек. Человек есть только тогда человек, когда он о-граничен и в сущности своей, и в проявлении её. Конечно, человек более, в этом главная суть, о-граничен изнутри себя, в своем внутреннем мире и процессах, сопровождающих его функционирование. Чем он больше о-граничен, тем он более значим для культуры и её развития. И если снова вернуться к вопросу, что же такое интериоризация, то ответ будет состоять в следующем. Взаимодействуя в мире человек проявляет активность (физическую, психическую и др.). Чтобы её проявить, необходимо активизировать внутренние психофизиологические образования (С.Л. Рубинштейн). В зависимости от того, что из себя представляет само взаимодействие человека в мире, функционируют различные системы психофизиологических и личностных образований, которые данное взаимодействие о-граничивают (а значит, определяют и регулируют) как бы изнутри человека, со стороны его психической организации. Воздействуя на окружающий мир (физически, с помощью информации или чувств), человек и в нем оставляет некий след, проводит границу своего присутствия в нем, порой преодолевая и сопротивление мира, что требует от человека ещё большей активизации внутренних резервов⁴⁶, актуализации и изменения соответствующих *внутренних* границ. В этом случае мир, как поле взаимодействия, не только актуализирует внутренние границы человека, он их изменяет, т.к. человеку необходимо приспосабливаться к окружающему миру, удовлетворять свои потребности, достигать поставленных целей. Или человеку необходимо совершенствовать эффективность регуляции собственного поведения, а по большому счету жизнедеятельности и, соответственно, взаимодействия в мире. Поэтому взаимодействие человека в мире не только расширяется, но каким-то образом дифференцируется и интегрируется, упорядочивается и структурируется, что находит отражение в мире и в самом человеке. Принципиально то же самое происходит и в том случае если внешний мир, по отношению к человеку, более активен, чем он сам. Например, в обучении – тогда задача учителя заключается в том, чтобы каким-то способом (технологическая сторона обучения) актуализировать физические возможности ученика, психофизиологические и, разумеется, психологические образования для выполнения требуемой деятельности (взаимодействия) или сформировать новые границы, которые помогут эффективно осуществлять, а

⁴⁶ Может, поэтому абсолютное большинство выдающихся людей были не только несчастливы на бытовом уровне, но им пришлось преодолеть достаточно препятствий в реализации себя и поставленных целей.

значит, регулировать, учебную или иную деятельность. Общая и принципиальная линия заключается в том, что только во взаимодействии, в деятельности идет формирование новых границ (психологических образований). Как эта деятельность должна быть построена? Какая она? Для нас сейчас это не важно, важно лишь то, обязательна ли активность ученика. Подтверждением чему являются слова Конфуция: "Напрасно обучение без мысли, опасна мысль без обучения" [335; 264]. Все вышесказанное объясняет процесс и механизм интериоризации как о-граничение, простраивание границ в человеке, изменение границ взаимодействия. При интериоризации граница взаимодействия человека и мира расширяется, включая все более глубокие образования, функционирование которых необходимо для осуществления самого взаимодействия. Возникают системы границ в самом человеке, выполняющие роль функционального органа (А.А. Ухтомский, 1978; Н.А. Бернштейн, 1966; В.П. Зинченко, 1996).

Таким образом, любая активность человека встречает объект, предмет, который её о-граничивает, о-граничение - это реальная или виртуальная реальность взаимодействия, в процессе которого идет расширение или сужение поля (границ) взаимодействия, оплотнение границ, их дифференциация и интеграция. Что происходит, разумеется, не в безвоздушном пространстве, а в пространстве человека и мира. А это и есть появление нового, вновь возникающего. Так идет формирование человека. Общий механизм заключается в дифференциации и интеграции границ, а значит, в процессе о-граничения человека. В свете изложенного можно сказать о трех типах вращения, которые выделяет Л.С. Выготский [93; 160 - 161] как метафорическое описание "поверхностного" и "глубинного" усвоения действий. Сам же механизм интериоризации лишь намечен Л.С. Выготским в его взглядах на орудийный характер знака [177; 116 - 117]. Мы же, после того как нами было сказано об интериоризации как психологическом механизме о-граничения человека, можем добавить, что граница на соответствующей стадии развития человека (в филогенезе и онтогенезе) приобретает знаковую функцию. Однако проблема о-граничения как означивания - это особый разговор.

После сказанного вполне естественно вернуться к поставленным вопросам. Как понимать процесс о-граничения человека: как установление человеком для себя границ в развитии способностей и активности или как основание для того, чтобы вобрать в себя мир? Взаимопроникновение границ как одного в другое о-граничивает человека и мир, делает их богаче и разнообразнее. Граница - это всегда граница той или иной определенности и возникновение новой определенности. Поэтому, о-граничив себя в чем-то, мы тем самым способствуем появлению другого. О-граничив способ-

ность, определив её, мы неявно предполагаем, что есть другая, иная способность. Не ограничение способности - это её отсутствие.

О-ограничение происходит в деятельности, в активности, социализации, образовании и воспитании, усвоении социального опыта - это тоже ограничение человека. И тут может возникнуть такой вопрос: а может ли человек о-ограничивать ничто? Или уж если он о-ограничивает, так что-то. О-ограничение - это результат взаимодействия, который может как раздвигать границы относительно некой точки отсчета, так и приближаться к ней. Поэтому установление границ - это установление предела как для мира, так и для человека. В силу своей диалектичности границы предельно подвижны и изменчивы как качественно, так и количественно. Отсюда суть о-ограничений для человека - это приобретение разнообразных определенностей и многообразия в своем приближении к миру культуры и расширении его. Тогда о-ограниченный человек в своем максимальном пределе - это побравший в себя мир или сделавший границы мира своими границами.

3.7. О-ограниченный человек

Говорить о том, что человек есть ограниченное существо – это идти против веры людей в бесконечность и универсальность человека, а значит, вызывать огонь критики на себя. Хотя об ограниченности человека писал ещё Г.Гегель [101; 231]. Проблема здесь заключается в том, что о-ограниченность понимается как внешняя граница, через которую нельзя перейти. Однако даже при понимании о-ограниченности как внешней границы о-ограниченность человека - это существенная его характеристика, его основа и база для дальнейшего развития, а не "культурная тюрьма", из которой ему не выбраться никогда. Для нас самое важное – не столько доказать, что человек есть о-ограниченный субъект бытия, сколько то, что он таковым является в сущностной основе своей и другим просто не может быть.

То, что человек может быть только ограниченным, следует из того, что граница придает бытию определенность. "Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть" [101; 230]. И если человек не имеет границы, не о-ограничен, то он неопределен, а значит, не существует. Как пишет далее Г. Гегель: "Человек, поскольку он хочет быть действительным, должен налично существовать, должен ограничивать себя" [101; 231]. Бесконечное, т.е. неограниченное, как область абстракции для человека губительна, ибо он тогда не достигает никакой действительности и бесследно исчезает в себе. Если же содержательно раскрывать о-ограниченность чело-

века в существое его, то необходимо начинать обсуждение с понятия "культура".

Разумеется, мы не собираемся в данной работе анализировать теории культуры - это не входит в предмет нашего исследования. Для нас важно понятие "культура" как конструктивная и проективная идея (Н.Ф. Федоров, 1982). Крёбер и Клакхон ещё в 50-х годах, анализируя понятие "культура", приводят свыше двадцати "дефиниций" [498], которые они называют историческими, т.к. упомянутые отличаются от других определений акцентированием проблематики "наследия и традиции" [498; 47 - 49]. Таким образом, культура включает в себя: совокупность практики и верований, общественное наследие, технические процессы, ценности, образцы поведения, традиции, искусство, мораль, а также способы взаимопонимания [447, 309]. Крёбер и Клакхон достаточно критично отнеслись к подобным "дефинициям", которые не учитывали активность и изобретательность человека и превращали его в пассивного носителя культурной традиции [498; 48 - 49]. Разумеется, последнее замечание не зачеркивает роль общественного наследия, которое в любом случае будет частью культуры. Скорее, оно подчеркивает особую роль человека в культуре как носителя и творца культуры. Без человека, культуры, культура - это мертвый, "неговорящий" предметный ряд. Только в диалоге с человеком, а значит, на границе, культура оживает, начинает функционировать, в том числе и воздействовать на человека. В этом проявляется её самодетерминация (В.С. Библер и др.), которая, конечно, проходит на разных уровнях, в многообразных аспектах и т.п. Но здесь нам бы хотелось подчеркнуть один, очень важный с точки зрения психологии, момент. Это то, что культура формирует особый тип психической деятельности человека.

Психическая деятельность человека подвергается интенсивной культуризации, организации и управлению, в культуре формируется относительно самостоятельная культурно-психологическая традиция, которую Н.В. Абаев определяет как культуру психической деятельности или психологическую культуру [2; 6]: "... культура психической деятельности - это определенная степень психического развития личности в направлении, определенном общими тенденциями развития всей культуры, тот уровень психического совершенствования человека как субъекта деятельности, который достигнут в процессе освоения определенных ценностей, выработанных в данной культуре, приобретения определенных характеристик "культурного человека" " [2; 6 - 7]. Как видим, со стороны психической организации человека происходят его о-граничения: в направленности, ценностях, уровне психического самосовершенствования, в приобретении определенных характеристик. Это убедительно доказал Н.В. Абаев на примере средневеко-

вого Китая [2]. Подобного рода о-граниченность человека наиболее ярко проявляется в тайных религиозных объединениях (Н.В. Абаев и С.Ю. Лепехов, 1996). О-граничения регулятивного плана активно и глубоко накладываются на психику адепта, вплоть до её подсознательных уровней. Процесс подчинения воли ученика, всех его мыслей, чувств и действий учителю-наставнику облегчается и тем, что ученик сам стремится к этому [1; 70]. Идет закрепление определенных программ поведения, вводимых учителем-наставником в сознание учеников, чему способствуют глубокий гипнотический транс, медитативное чтение молитв, магических заклинаний и т.д. [1; 91]. Практически то же самое происходит и на примере "священного ученичества", в процессе которого идет трансляция личности учителя ученику, конечно, посредством соответствующей системы средств и способов. Это на примере судьбы Бхагавадгиты великолепно показал В.С. Семенцов [338]. Таким образом, можно сказать, что все культуры, а в особенности эзотерические объединения, располагают большим арсеналом социально-психологических механизмов воздействия на человека, посредством которых формируется определенный базисный тип личности человека. Этот базисный тип личности адаптирован к жизнедеятельности в данной культуре, его психическая организация способствует решению возникающих в культуре задач и проблем. Другими словами, формируются регулятивные схемы и программы поведения, о-граничивающие степени свободы человека. Это продуктивное о-граничение – как бы изнутри человека, направлено на адаптацию к определенному социуму, в результате чего человек становится тем, кто он есть, т.е. человеком определенной культуры.

Пожалуй, социально-психологические механизмы культуры - это наиболее мощный и эффективный о-граничитель и "оформитель" человека. В рамках "наследия и традиций" можно было бы сказать, что культура - это система социально-психологических механизмов, детерминирующих активность человека или посредством о-граничений регулирующих её проявления в поведении и жизнедеятельности человека. В чем же социально-психологические механизмы о-граничивают человека? Если считать, что культура - это его природа, без которой нет человека, то в формировании значимого для человека и есть его о-граничение. Таким образом, цели, ценности и смыслы выступают базовыми или наиболее существенными о-граничителями человека. В них он обретает свою определенность и сущностную основу для разворачивания собственного бытия. "Существующее и воспроизводящееся в культуре смысловое поле (пространство смысла) невольно превращается в априорную структуру" [230; 99]. Базисный концепт культуры, её ценностно-смысловые образования составляют ту основу, которая воспроизводится в каждом человеке посредством социально-

психологических механизмов. Ценностно-смысловое поле культуры только являет себя в человеке, в его поступках, поведении и жизнедеятельности. Культура лежит в основе жизнедеятельности как её общая программа, она образует алгоритм деятельности, не совпадая с реальным течением последней [152; 73]. Культура посредством системы социально-психологических механизмов воспроизводит в человеке некую ценностно-смысловую структуру бытия, которая в своем ценностно-смысловом наполнении есть миф⁴⁷, осмысливаемый и разворачиваемый человеком. Миф - это наиболее целостное и разностороннее выражение того мира культуры (т.е. ценностно-смысловых образований), в которую погружен человек и которая открывается ему [239; 155].

Но культура способна жить и развиваться только на границе. "Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце, отражается в каждой капле её" [47;405]. А что значит существовать на границе? Ответом на этот вопрос, в той или иной мере, является работа В.С. Библера о культуре [57], где он границу культуры видит во встрече культур, в их диалоге и взаимодействии. Однако такое общение, диалог невозможны без человека как носителя иной культуры, хотя бы в чем-то, как культурного человека [57; 296]. Да и общение людей - это общение в чем-то различающихся культур. Таким образом, "произведения культуры живут диалогом личностей культур" [57; 297]. Диалог как ментальное взаимодействие качественно изменяет представление о границе, поэтому идея того, что культура живет только на границе, нуждается в разворачивании и концептуальном обосновании. Таким обоснованием может быть наше представление о границе как не только встрече с иным (Платон, Г. Гегель, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, В.С. Библер), но границе как проявлении этой встречи. Именно сам процесс встречи, диалога рождает нечто, что является продуктом общения, и этот продукт как-то о-граничивает людей (культуры, вещи, предметы, книги и др.). Таким образом, граница - это пространство постоянного взаимодействия (диалога, общения, встречи), которое никогда не прекращается. Поэтому и жив человек, т.к. он, как культура, живет на границе. "У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря вглубь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого" [47; 312]. Для М.М. Бахтина характерно внутреннее структурное единство человека и культуры [47; 405]. В этом заключается и парадокс самопознания, т.е. чем глубже мы уходим в себя, тем больше оказываемся

⁴⁷ Смотри А.Ф. Лосев. Философия имени. М., 1990. С.195.

на жизненной поверхности⁴⁸. После сказанного уже не звучит парадоксом то, что о-граниченный человек - это культурный человек, т.к. чем больше границ у человека с культурой, тем он больше вбирает в себя наличную культуру.

Глава 4. Структура и механизмы регуляции

4.1. Регуляция: парадигмы, проблемы и решения.

Проблема регуляции человеком своего поведения и деятельности стала в последние десятилетия одной из ключевых в психологической науке (К.А. Абульханова-Славская, 1982; В.Г. Афанасьев, 1977; М.И. Бобнева, 1978; А.М. Волков, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцева, 1987; О.И. Зотова, 1975; В.А. Иванников, 1991; О.А. Конопкин, 1980; В.Д. Шадриков, 1982; В.А. Ядов, 1975; А. Бандура, 1991; Т. Шибутани, 1998; Дж. Роттер, 1997 и др.). Толчком к исследованию проблем регуляции послужили не только идеи И.М. Сеченова, Ч. Шерингтона, Н.Ф. Федорова, П.К. Анохина и Н.А. Бернштейна, но и работы в области кибернетики Н. Винера, а также теории систем, в том числе и социальных [12, 18, 53, 54, 246, 340, 380]. В психологии проблема регуляции⁴⁹, особенно в последнее время, выходит несколько на иной уровень осмысления, хотя прежние линии исследования регуляции вполне оправданно сохраняются до сих пор, соответственно с появлением новых ракурсов рассмотрения проблемы (мотивационных, ценностных, смысловых, а также активности и др.) и соответственно пересмотра сложившихся представлений о воле (В.А. Иванников, 1991).

Но, несмотря на большое количество публикаций по проблеме регуляции [6, 38, 59, 86, 149, 150, 182, 283, 474],стораживает один факт. А именно: в проанализированных нами работах отсутствует определение регуляции⁵⁰, что, разумеется, не случайно, хотя тенденция к концептуальному осмыслению этой проблемы достаточно ярко прозвучала в работе такого крупного авторитета в области регуляции деятельности, как О.А. Ко-

⁴⁸ Сммотри подробнее главу 9.

⁴⁹ Проблема регуляции рассматривается в следующих аспектах. *Во-первых*, как принцип психической регуляции деятельности (И.М. Сеченов, С.Л. Рубинштейн, Л.М. Веккер и др.). *Во-вторых*, в связи с исследованием воли (М.Я. Басов) и произвольного поведения (Л.С. Выготский).

⁵⁰ Дается лишь этимология этого термина (от латинского *regulare* приводить в порядок, упорядочивать) и использование его в самом широком смысле - как упорядочение, организация и детерминация целесообразных процессов, т.е. как внешняя регуляция и внутренняя саморегуляция поведения [332; 12].

нопкина⁵¹ [183; 8]. Нам хотелось бы лишь наметить некоторые концептуальные основания анализа понятий "регуляция" и "саморегуляция", что возможно, соотнося его с такими понятиями, как управление и самоуправление, контроль и самоконтроль. Иерархически, по степени общности, их рассматривают в такой последовательности: управление, регуляция и контроль (В. Г. Афанасьев, 1977; Г.С. Никифоров, 1977).

С точки зрения психологии, управление и регуляция – это где-то однопорядковые понятия, но делающие содержательный акцент на разных моментах. Это довольно часто чувствуют авторы, потому используют понятия: "внешняя регуляция", "внутренняя регуляция", "внутренняя саморегуляция", "нормативная регуляция", "социальная регуляция" и т.д. (М.И. Бобнева, 1978; В.А. Ядов, 1975; С.Г. Якобсон, 1984 и др.). В понятии "управление" проявляется объектный подход к раскрытию его содержания, т.к. управлять можно лишь кем-то или чем-то, т.е. необходимо разделить объект и субъект управления [38; 319, 453; 166 - 178]. Естественно, это допустимо и для человека, когда он рассматривает себя в качестве объекта своего собственного воздействия (например, самовоспитание). Отсюда имеет право на существование и термин "самоуправление", в котором соединены в неразрывном единстве и различии субъект и объект управления. Самоуправление для конкретного человека - это внутреннее напряжение, драма и постоянная неуспокоенность, трагедийный характер жизнедеятельности. Если человек осуществляет самоуправление, то в его самоуправлении преобладает рациональное начало, трезвый взгляд на себя. Это достаточно ярко проявляется в традиционном понимании воли как самоуправления для преодоления внешних и внутренних препятствий (В.И. Селиванов, 1982). Объектный аспект управления находит свое продолжение в понятии "манипуляция", что достаточно выпукло видно из анализа определения манипуляции, даваемого Е.Л. Доценко: "Манипуляция - это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями" [129; 59]. В подходе к пониманию природы воли В.А. Иванниковым [150] воля уже рассматривается с позиции саморегуляции.

При использовании понятия "регуляция" объектный момент тоже нередко берется за основу анализа исследуемой проблемы, но в этом случае

⁵¹ В этой же работе им дается определение осознанной саморегуляции "...как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей" [183; 6].

делают уточнение: "внешняя регуляция", "нормативная регуляция", "социальная регуляция" (М.И. Бобнева, 1978; С.Г. Якобсон, 1984 и др.). Данный содержательный нюанс отражает обязательно некий принудительный момент. На самом деле в понятии "регуляция" неявно выделяется субъектный аспект жизнедеятельности человека, когда нет разделения (или даже противопоставления) на субъект и объект регуляции, а в лучшем случае только подчеркиваются объектные основания жизнедеятельности, т.е. то, что человек – продукт культуры, социума. Объектный аспект регуляции оттеняет её генезис, который идет от культуры в самом широком значении этого слова. В той или иной степени это различие чувствуется в понятии "локус контроля" (Дж. Роттера). Диалектика субъектной и объектной сторон представлена и в понятии "регулятор", он тоже может быть как внешним, так и внутренним. Выделение в понятии "регуляция" её субъектного начала отражается в использовании таких понятий, как "ценностная регуляция", "мотивационные механизмы регуляции", "смысловая регуляция" и т.д. (В.Г. Леонтьев, 1992; Д.А. Леонтьев, 1997; Е.С. Мазур, 1983; А.С. Шаров, 1989 и др.). На философском уровне гносеологическое различие этих понятий было подмечено еще И. Кантом, когда он ввел в обиход *конститутивный и регулятивный* методы применения понятий, категорий, идей в познании [383; 273]. В управлении как субъект-объектном взаимодействии объект целостен, ограничен и неразложим на части (элементы). Это непродуктивно и ведет к искаженному изучению явлений и отношений, а нередко и к неразрешимым противоречиям. Субъект-субъектный подход к осмыслению регуляции, выделение регулятивных принципов (оснований) приводит к целостному и системному⁵² пониманию того, что регуляция человеком своего поведения может быть направлена не только на адаптацию, но и на дезадаптацию.

Субъект-субъектный подход к пониманию и осмыслению регуляции адекватен данному феномену и более продуктивен, чем другие подходы в психологии. Данный подход, даже если исходить из этимологии этого слова (упорядочивать, организовывать), направляет исследователя на изучение прежде всего человека как определенной системы. Человек же как саморегулируемая система – многогранное и разнородное явление. Однако в его изучении могут преобладать определенные линии. Так, известный методолог системного подхода В. Садовский выделяет две макропарадигмы в развитии системного мышления XX столетия. Первая - макропарадигма

⁵² Эта линия движения находит дальнейшее продолжение в синергетике - как теории самоорганизации. Для нас же сейчас важно подчеркнуть то, что регуляция ведет к упорядоченности (внешней или внутренней), организации некой системы [174].

устойчивости и равновесия, она связана с изучением достижения динамического равновесия в открытых системах (например, Берталанфи, Эшби, Винер). Регуляция в этой микропарадигме может пониматься как направленная на адаптацию (равновесие) к внешней среде субъектная активность. Вторая утверждается в последние 30 лет и характеризуется переходом от изучения равновесия к изучению неравновесия и необратимых состояний в системе, условий возникновения процессов самоорганизации в них (теория катастроф Р. Тома, термодинамика И. Пригожина и др.) [513]. Для второй микропарадигмы, регуляция - это направленная на самоорганизацию некой системы субъектная активность. В последнее время, по видимому, можно говорить о зарождении в рамках системной познавательной модели и совсем новой третьей микропарадигмы, утверждающий взгляд на систему как на органическое целое, описываемое через идею развития. Если у И. Пригожина развитие - это переход от одного стационарного состояния к другому, то Е. Янч рассматривает развитие как исходное и постоянное свойство системы. Существование возможно лишь в развитии - идея А. Бергсона, которая была продолжена Е. Янчем, и лежит в основе его саморазвивающейся Вселенной [311].

Для реализации этой новой микропарадигмы заслуживают внимания забытые и вновь открываемые труды А.А. Богданова [60] по тектологии⁵³. В работах по тектологии А.А. Богданова не только находят себя идеи и некоторые открытия теории систем, синергетики, но они и предвосхищают контуры новой парадигмы [3]. А.А. Богданов исходит из того, что сохранение форм возможно лишь путем их прогрессивного развития. Таким образом, тектология содержит идеи и положения нескольких этапов развития системного подхода [188; 30]. Тектология - всеобщая концепция развития, где идея эволюции раскрывается на новом, системном уровне изучения мира. Но при этом она шире, чем современные системные концепции, ибо ставит задачу описания мира не в виде "порядка из хаоса", а как постоянное взаимодействие и взаимопереход форм разного уровня организованности [311; 30]. Этот переход возможен на основе развертывания двух тектологических механизмов. Первый – формирующий механизм образования комплекса. Его основа - соединение комплексов, их интеграция. Второй - регулирующий, от него зависит судьба возникновения комплекса. Он называется в тектологии подбором. Это универсальный регулирующий меха-

⁵³ С 8 по 11 января 1995 г. в Университете восточной Англии (Норвич) состоялась конференция "Истоки и развитие организационной теории в России", где основное внимание было уделено тектологии А.А. Богданова. Более подробно с основными докладами, прозвучавшими на конференции, можно познакомиться в журнале "Вопросы философии", 1995. № 8.

низм, определяющий судьбу возникающего комплекса, его развитие и приспособление к среде. Причем А.А. Богданов вводит две схемы подбора. Консервативный подбор означает сохранение или уничтожение по отношению к какой-то внешней активности. Прогрессивный подбор есть возрастание (положительный прогрессивный подбор) или уменьшение суммы элементов комплекса (отрицательный прогрессивный подбор).

В понимании подбора, а это не естественный отбор, А.А. Богданов вслед за первыми русскими дарвинистами идет дальше Ч. Дарвина. Главная характеристика тектологического подбора - его системный характер. Тектологический подбор - это последовательный выбор и конструирование целостности, сотворение организованного комплекса, приспособление к среде [311; 27]. Здесь А.А. Богданов сделал еще один кардинальный шаг, очень важный для современной психологии, а именно: выбор регулирует не однонаправленное прогрессивное развитие, а организационный процесс, любой взаимопереход форм, состояний и возникновение целостностей. Таким образом, исходя из идей тектологии (общая теория систем, синергетика), мы можем дать следующую обобщенную дефиницию регуляции. *Регуляция - это направленная на развитие целостности субъектная активность, осуществляемая посредством системы выборов.* Которая, конечно же, подчеркивает только наиболее важное в регуляции, содержательное раскрытие этого понятия, предполагает изучение структуры регуляции и других её особенностей.

4.2. Регуляция как о-граничение

В данном параграфе мы хотели бы показать, что регуляция, её понимание обязательно сопряжено с понятием "граница". И более того, регуляция и есть процесс "о-граничения" активности человека. Анализируя понятие "регуляция", в предыдущем параграфе мы пришли к выводу, что наиболее перспективным направлением в изучении регуляции будет то, которое вбирает в себя системный и синергетический подходы, т.е. тектологический подход. Тогда регуляция - это направленная на развитие целостности субъектная активность, осуществляемая посредством системы выборов. Ключевыми понятиями в приведенной выше дефиниции регуляции будут: *направленность, система выборов и целостность*. И для нас будет существенно важным проанализировать эти понятия с позиции теории границ. Говоря о направленности в широком плане, следует сразу сказать, что это понятие в философской литературе практически отсутствует. Сам термин используется, а научного понятия нет. Возможно, оно и не заслуживает того, однако более частное, по отношению к направленности, понятие "цель" и учение о целеполагании есть телеология. В психологической литературе

понятие "направленность" используется достаточно часто, но без должной теоретической проработки, хотя в различных трактовках личности направленность выделяется как её ведущая характеристика. В психологических концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: как "динамическая тенденция" (С.Л. Рубинштейн, 1989), "смыслообразующий мотив" (А.Н. Леонтьев, 1983), "доминирующее отношение" (В.Н. Мясищев, 1960), "основная жизненная направленность" (Б.Г. Ананьев, 1968), "динамическая организация сущностных сил человека" (А.С. Прангишвилли, 1956), "иерархия мотивов" (Л.И. Божович, 1968). Б.Ф. Ломов намечает достаточно общий подход к определению направленности личности. Так, он пишет: "В глобальном плане направленность можно оценить как отношение того, что личность получает и берет от общества (имеются ввиду и материальные, и духовные ценности), к тому, что она ему дает, вносит в его развитие" [232; 311]. Конечно, данный подход к определению направленности заслуживает внимания, но возникает и ряд вопросов. В каком контексте (широком, узком, поведения, деятельности, жизнедеятельности, культуры, социума) рассматривать направленность? Изменяется ли направленность с возрастом? И если да, то выражением чего в личности она является? И такой вопрос: не следует ли направленность считать выражением или системным единством ценностно-смысловой сферы? Направленность личности и жизнедеятельности человека - это одно и то же или нет? Все эти вопросы направлены на методологическую проработку понятия "направленность". Однако она ещё более усложняется, так как в психологии используется целый ряд синонимичных понятий: ориентации (характера, ценностей), установка, диспозиции, тенденции, и другие [16, 98, 393, 394, 473, 474, 511, 512]. Все это делает проблему направленности достаточно неопределенной.

Весь вопрос в методологической проработке этого понятия, т.к. только она дает целостное видение проблемы и поможет определить пути решения. К методологическим основаниям направленности, пожалуй, ближе всего подошел С.Л. Рубинштейн, который рассматривает направленность на основе зависимости человека от мира и наоборот [327; 103 - 105]. С.Л. Рубинштейн в направленности, хотя и не всегда явно, выделяет *три момента*: а) мир и его предметное содержание; б) целостное и системное представление о человеке и в) напряжение между миром и человеком, которое значимо для человека⁵⁴. И, перефразируя С.Л. Рубинштейна, можно сказать, что проблема направленности – это вопрос об о-граничении активности человека. Действительно, активность человека не имеет беско-

⁵⁴ В соответствии с этими моментами, как нам кажется не очень корректно, выделено три вида направленности личности: на себя, на людей и на дело (Л.И. Божович, В.Э. Чудновский, М.С. Неймарк, Т.Е. Конникова) [65; 168 - 169].

нечного количества степеней свободы, и их уменьшение и есть направленная регуляция. За счет чего это может происходить? В соответствии с теми моментами, которые выделил С.Л. Рубинштейн, следует, что сам мир, его содержание (предметы, физические и другие факторы, культура, социум, половая принадлежность и др.) о-граничивают, а значит, направляют активность жизнедеятельности человека. Более всего таких о-граничений накладывает культура (разумеется, о-граничения не фатальны, а вариативны) - образцы и идеалы, модели и стили жизнедеятельности, профессии и др. Это *один* момент, *другой* - внутренние детерминанты (мотивы, цели, смыслы, ценности), которые также о-граничивают активность человека изнутри тем, что принуждают человека к руководству его же жизнедеятельности. И, наконец, *третий* момент - это о-граничение активности мерой силы, интенсивности, напряжения, которая необходима для достижения целей, реализации себя и т.д. Ограничения нужны, чтобы копить энергию на нужных направлениях жизнедеятельности. Сюда можно отнести не только подражание образцам (как о-граничение), медитацию, но и технику культивирования энергии "ци" в даосизме, канализацию и сублимацию энергии, её вытеснение и активизацию (З. Фрейд, К. Левин и др.). К третьему, процессуальному моменту, пожалуй, можно отнести нормирование поведения, активности, а также сферу должного (мораль, нравственность), социальных и культурных норм⁵⁵, область взаимоотношений между людьми, где человек реализует активность, которую о-граничивают нормы, правила, традиции и ритуалы. Конечно, мы понимаем, что этот, третий момент, присутствует в двух других, но он имеет и свои особенности. А именно, в них выделена процессуальная, динамическая сторона о-граничения как направленности. Тем более что область взаимоотношений между людьми часто видится как особая, а нередко и как самая важная сфера жизнедеятельности. Сходный подход развивают и социологи, но называют их механизмами ориентации [270; 32 - 43]. Пожалуй, здесь следует ещё добавить, что в чем-то подобный подход, не совсем отражающий направленность, а скорее относящийся к регуляции, обозначил П.Я. Гальперин [96; 137]. Его идеи, касающиеся ориентировочной деятельности, как нам кажется, весьма продуктивны, но не получили должного развития в психологии.

⁵⁵ В свете сказанного, появляется новая функция суперэго, а именно такого о-граничителя, который помогает личности концентрировать энергию. Отсюда теория З. Фрейда нуждается, как минимум, в уточнении, т.к. энергия уже носит не чисто биологическое начало, но и социальное.

На основе сказанного можно создавать различного рода типологии людей⁵⁶ по направленности, как это, например, сделал Э. Фромм [394; 95]. Он выделил ориентации характера [*непродуктивные ориентации*: рецептивный (получательский), эксплуататорский (берущий), накопительский (сохраняющий), рыночный (обменивающий); *продуктивные ориентации*: производящий], которые проявляются прежде всего в отношениях между людьми. Это говорит о том, что направленность чаще всего понимается как направленность личности человека⁵⁷, но она должна отражать самое существенное в нем в аспекте его жизнедеятельности. А что это такое, жизнедеятельность? Это преимущественно жизнь в социуме (личностный аспект) или в какой-нибудь конкретной культуре (человеческий аспект), а может, это процесс удовлетворения базовых потребностей индивида (индивидуальный аспект)? В этом, как нам кажется, проявляются направленности различного уровня жизнедеятельности человека. Их нельзя как смешивать, так и разрывать, т.к. в зависимости от аспекта рассмотрения один из видов направленности может доминировать. А то, что у человека могут быть различные направленности в социальном, культурном и материальном аспектах, вроде бы не вызывает возражений. Тем более, что этот аспект рассмотрения проблемы, только относительно норм, рассматривал Б.С. Братусь [67]. С точки зрения теории границ, следует учесть два момента:

1) так как направленность понимается нами как система о-граничений, то необходимо учитывать как те границы, от которых личность отталкивается, так и те, к которым она тяготеет, стремится достичь; 2) эти виды границ следует рассматривать с учетом мира культуры в его предметном воплощении; самого человека в его целостности, и сам процесс жизнедеятельности, его активность, напряженность, а также преобладание одного или нескольких уровней жизнедеятельности (индивидуальный, личностный и человеческий).

⁵⁶ Например, по ориентации на экзистенциальные ценности: рационалисты, иррационалисты, творцы, разрушители, страдальцы и те, кто живет ради собственного удовольствия (подробнее в главе 5). Разумеется, чаще всего встречаются смешанные типы людей, у которых могут доминировать две экзистенциальные ценности. Типология людей по ориентациям на экзистенциальные ценности может быть одной из наиболее общих, т.к. эти ценности пронизывают культуры и являются её ценностной архитектурой.

⁵⁷ Направленность нередко берется как системообразующий фактор личности, её стержень (см.: например Н.И. Рейнвальд [317]), что, на наш взгляд, вряд ли оправдано, т.к. с одной стороны, это понятие ещё нуждается в существенной проработке, а с другой - оно достаточно широко понимается, и более всего в нравственном аспекте, чем психологическом.

Если анализировать далее понятие "регуляция" с точки зрения границ, то необходимо рассмотреть следующее общенаучное понятие "целостность". Не вдаваясь в исторический анализ проблемы части и целого, отметим, что целостность - это обобщенная характеристика объектов, обладающая сложной внутренней структурой, которая представляет собой некоторую систему отношений (А.Ф. Лосев, 1982). "Итак, структура есть цельность, однако цельность разделяльна внутри себя самой, так что, рассматривая все, что содержится в этой цельности, мы не забываем о самой этой цельности" [234; 51]. Целостность рассматривается нами как совокупность составляющих её элементов, между которыми существует система отношений, кстати, таких систем может быть неограниченное количество. Таким образом, с позиции структуры или внутренней стороны о-граниченность элементов в системе отношений объединена общей о-граниченностью, как бы внешней по отношению к объекту как целостности. В этом случае понятие "целостность" выражает интегрированность, самодостаточность, автономность и противопоставляется окружающей среде, но связано с внутренней активностью объекта. Целостность характеризует качественное своеобразие объектов и субъектов, их определенность [383; 763], а значит, и о-граниченность, т.к. граница также выражает качественную определенность объектов и разделяет их между собой. Иначе говоря, целостность есть внешняя и внутренняя система о-граничений объекта или субъекта. Регуляция взаимодействия человека с миром направлена на развитие этой целостности посредством системы выборов. Конечно, любой выбор есть отсечение некоторых альтернатив, сужение вариантов возможного действия, т.е. это уже есть о-граничение, уменьшение степеней свободы. Разумеется, система выборов, когда отдельный выбор встроен в некоторую упорядоченную целостность, это ещё одни общие рамки, о-граничивающие и направляющие выборы.

Итак, рассматривая понятие "регуляция" с позиции теории границ, можно прийти к выводу, что регуляция - это и есть количественно-качественная о-граниченность активности человека. И это верно, но следует признать, что данное определение является предельно широким и скорее общим ориентиром в понимании особенностей регуляции взаимодействия человека в мире.

4.3. Структура и система регуляции

Работая в сфере регуляции или в смежных областях, большинство психологов, физиологов, социологов, кибернетиков, синергетиков и т.д. обращают внимание на её структуру. Структура характеризуется наличием элементов (компонентов), её составляющих, связями между ними и их взаим-

ным расположением (архитектура)⁵⁸. Большой вклад в развитие идей структуры регуляции внесли физиологи П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн и др. Рассмотрим их подходы подробнее.

Для понимания интегративного характера деятельности организма, целостности его поведения П.К. Анохиным ещё в 1935 году было предложено понятие функциональной системы как единства интегративной деятельности организма [18]. Функциональная система включает в себя следующие компоненты: афферентный синтез (доминирующая мотивация, обстановочная афферентация, пусковая афферентация, память как компонент афферентного синтеза); формирование действия и аппарата предсказания его результатов; результаты действия; обратная афферентация; рассогласование между целью и полученным результатом [18; 237 - 261]. Эта система представляет собой "... динамическое образование, в котором возбуждение циркулирует по многочисленным циклам, обладающим своей специфической ролью и своим конечным приспособительным эффектом в осуществлении поведенческого акта" [18; 200]. Функциональная система - это "замкнутый контур" автоматической регуляции деятельности организма, "циклическая единица саморегуляции с обратной афферентацией" [18; 200]. П.К. Анохин описал принципиальную схему модели поведенческого акта [18; 236], которая является приложением (реализацией) функциональной системы в поведенческом акте. Сама же архитектура функциональной системы П.К. Анохиным не дана, и это не случайно, а в силу того, что функциональная система - это сложное многомерное и разноуровневое образование, отразить же все связи и взаимопереходы представляет большие трудности, тем более что каждый из компонентов функциональной системы выполняет не одну, а много функций.

Вопросы, близкие к освещаемым в работах П.К. Анохина проблемам, составляли предмет исследования и другого крупного представителя отечественной физиологической науки - Н.А. Бернштейна. Он для саморегулирующихся систем, а точнее для рефлекторного кольца, считал обязательными следующие элементы: *эффектор* (мотор), работа которого подлежит регулированию по данному параметру; *задающий элемент*, вносящий тем или иным путем параметра и сигнализирующий о них каким-либо способом в прибор сличения; *прибор сличения*, воспринимающий расхож-

⁵⁸ Напомним, что Курт Левин, пытавшийся в своих известных экспериментах раскрыть внутреннюю структуру регуляционных процессов, также пришел к выводу о целесообразности и необходимости описывать их характеристики в терминах пространственного поля с доминированием особенностей его топологической структуры, что получило свое отчетливое выражение даже в заголовке его книги "Принципы топологической психологии" (1936).

дение фактического и требуемого значений с его величиной и знаком; *устройство, перешифровывающее* данные прибора сличения в коррекционные импульсы, подаваемые по обратной связи на регулятор; *регулятор*, управляющий по данному параметру функционированием эффектора [54; 357]. С другой стороны, для описания саморегуляции организма как целостности Н.А. Бернштейн выделял и анализировал уровни регуляции, модель потребного будущего, программирование и прогнозирование, задачу, смысловую структуру. Как П.К. Анохин, так Н.А. Бернштейн не дали, а лишь наметили функциональную структуру целостной регуляции, причем наработке Н.А. Бернштейна более близки психологическим проблемам регуляции. Прежде всего это связано с предметом изучения (физиология) и наличием многозначных взаимосвязей. В этом плане интересна ещё одна идея, касающаяся функционального органа⁵⁹ которая, как нам кажется, ещё не осознана в должной мере. Что же касается других моделей управления движениями и действиями, например, Дж. Адамса, Р. Пью, Дж. Лазло и П. Берстоу, Р. Мартынюка, Н.Д. Гордеевой, В.М. Девишвилли, В.П. Зинченко, Р. Шмидта, О.А. Конопкина, А.И. Назарова, В.Д. Шадрикова, то об этом более подробно сказано в книге Н.Д. Гордеевой "Экспериментальная психология исполнительского действия" [107].

В психологической литературе проблемам регуляции, саморегуляции уделяется достаточно много внимания, но более всего её частным аспектам (мотивационно-смысловая регуляция, мотивация и контроль, целеполагание, антиципация в структуре деятельности и др.). В рамках системно-деятельностного подхода в психологии появляются модели деятельности, включающие описание процессов её функционирования, условий выбора вариантов организации, перечень возможных вариантов структур и т.д. [86; 118]. Это нашло отражение в ряде концепций, таких, как психологическая теория принятия решения Ю. Козелецкого [178], уже упоминавшаяся теория функциональных систем П.К. Анохина [18]. Модели, предложенные В.Г. Суходольским [359], В.Д. Шадриковым [415], П.С. Граве [108], включает отдельные блоки и их связи - каналы управления, в каждом из которых осуществляется выбор направления последующих преобразований. Так, система деятельности в схеме В.Д. Шадрикова описывается как замкнутый контур управления по типу обратной связи, включающий ряд блоков (мотив, цель, программы, информационная основа, принятие решения, профессионально важные качества). Но смысловые связи не всегда совпадают со структурными связями или связями функционирования. В модели это проявляется в неоднозначности оснований или критериев выделения

⁵⁹ Более подробно о функциональном органе и его интерпретации с точки зрения теории границ в следующих параграфах.

структурных компонентов. Оригинальная схема предложена П.С. Граве. Это блок-схема управления функциональной структурой деятельности, включающая программно-мотивационную сферу, целеобразование, разработку средств достижения цели, принятие решения и контроль, использована для объяснения явлений нарушения психики. Любое патопсихологическое явление рассматривается как результат нарушений в функционировании отдельных подсистем. О.А. Конопкин [182] предлагает концептуальную модель, отражающую внутреннюю функциональную структуру системы осознанного регулирования сенсомоторной деятельности [182; 25]. Функциональная структура процесса саморегуляции включает в себя следующие функциональные звенья: "принятая субъектом цель деятельности" (цель), "субъективная модель значимых условий деятельности" (модель условий), "программа собственно исполнительских действий (программа)", "система критериев успешности деятельности" (критерии успеха), "информация о реально достигнутых результатах" (информация о результате), "решение о коррекциях системы" [182; 205]. Важнейшим, центральным звеном процесса осознанного регулирования, несомненно, является принятая субъектом цель деятельности. Регулятивная функция цели деятельности может быть в наиболее общем виде определена как системообразующая функция, благодаря которой весь процесс саморегулирования формируется как векторное или направленное образование.

Использование идей системно-деятельностного подхода в психологии регуляции позволило раскрыть новые стороны регуляции деятельности как системного явления, но перспективы построения концептуальной модели регуляции, на наш взгляд, ограничены. Во-первых, эти схемы (модели), по существу, никак не отражают личность человека, его пристрастия, субъективность. Во-вторых, некоторые идеи, заимствованные из теории управления, кибернетики, как, например, выделение блоков, осуществляющих однозначные функции (оценки, принятие решения, цель и др.) или идея выбора из альтернатив, недостаточно гибкие и маловариативные, что, безусловно, слишком упрощает анализ регуляции человеком собственного поведения.

Регуляцию человеком его поведения и жизнедеятельности нельзя адекватно понять вне личности человека, *это с одной стороны, а с другой*, сама структура деятельности нуждается в существенном дополнении, на это, в частности, указывает В.В. Давыдов [1171]. Личностный подход к регуляции (саморегуляции) проявляется в работах В.А. Ядова [332, 474], в которых структурные компоненты личности отождествлены с уровнями диспозиций (система элементарных фиксированных установок, социальных фиксированных установок и ценностных ориентаций) [473; 106]. В этом же направлении, т.е. переходе от модели регуляции к личности человека, вы-

полнены работы А.М. Волкова, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцевой [86], Ю.А. Миславского [256], С.Г. Якобсон [475], Ф. Канфера [495]. Так А.М. Волков, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцева раскрывающие структуру деятельности и особенности её регуляции. По сути они отождествляют её с личностью человека, в той или иной степени обосновывая взгляды А.Н. Леонтьева на личность как систему деятельностей [86; 136]. С.Г. Якобсон и Ю.А. Миславский в качестве структурных элементов регуляции поведения берут личностные образования. Например, Ю.А. Миславский в качестве структурно-функциональных компонентов модели осознанной регуляции выделяет: принятую субъектом цель деятельности или некоторых преобразований; субъективную модель значимых для этих преобразований условий; принятую субъектом программу преобразований; систему критериев их успешности; обеспечение данными о ходе преобразований и их результатах; представление о желаемых результатах преобразований; сличение отраженных субъектом наличных результатов с предвосхищаемыми, желаемыми [256; 28]. Конечно, здесь мы видим явный и прямой аналог блок-схемы структуры регуляции О.А. Конопкина, только перенесенный на уровень личности, что явно вряд ли правомерно. Примерно то же самое происходит с моделью саморегуляции Ф. Канфера, только в рамках бихевиористического подхода. Он выделяет три стадии перехода от одной реакции к другой. Эта модель предназначена для объяснения того, как человек без внешнего подкрепления переходит от одной реакции к другой [401; 191].

Из анализа литературы по проблемам регуляции и её структур подчеркнем лишь три существенных для данного контекста рассмотрения проблемы обстоятельства. Во-первых, практически во всех концепциях выявлена роль целостного субъекта (организма, личности, человека). Во-вторых, в них так или иначе раскрывается внутренняя структура этого субъекта [79; 164]. В-третьих, в понимании регуляции более перспективным является структурно-уровневый подход [318]. В-четвертых, в регуляции как многомерном образовании следует больше внимания уделять не линейно-структурным схемам, а целостным психологическим механизмам регуляции в динамическом функциональном органе индивида (А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн).

При разработке собственной концептуальной модели регуляции мы исходили из следующих положений:

1. Проблема регуляции может быть решена в полном объеме, когда регуляция становится важнейшей частью теории личности человека (Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищев, Л.М. Веккер, В.А. Ядов). В регуляции поведения и жизнедеятельности участвует целостный человек, поэтому модель регуляции должна охватывать всего человека;

2. Структурно-уровневый подход к пониманию регуляции является лишь основой для изучения её механизмов как функциональных органов или оформленных (о-граниченных) и жестко закрепленных психологических механизмов, которые формируются и проявляются в жизнедеятельности человека (М.С. Роговин, Н.А. Бернштейн, Л.М. Веккер). Поэтому для нас важны структурно-уровневые и функциональные особенности регуляции, её динамика и механизмы функционирования, т.е. нас интересуют два аспекта: содержательный и процессуальный (В.Г. Асеев). С точки зрения содержания, структурно-уровневых особенностей регуляции, мы выделим и обоснуем не только её элементы, но их единство и различие, а также иерархичность. Динамический (процессуальный) анализ предполагает выявление и описание психологических механизмов⁶⁰ функционирования регуляции.

Опираясь на разрабатываемый нами подход к психологической структуре личности человека, где базовой системой выступает регуляция взаимодействия человека с миром, мы в качестве блоков (подсистем) регуляции выделяли три подсистемы: ценностно-смысловую, активности и рефлексии. Важность для регуляции именно этих подсистем подчеркивалась неоднократно. Это звучало в выводах Н.А. Бернштейна [54], полученных на обширном эмпирическом материале, где трехкомпонентность структуры процессов психической регуляции проступает достаточно отчетливо. Причем описанным Н.А. Бернштейном характеристикам пространственно-временной структуры психических программ вполне соответствует выделенные нами подсистемы регуляции. В то же время в анатомическом и функциональном планах можно выделить три основных аппарата мозга, или, по терминологии А.Р. Лурии, три функциональных блока [242]. В той или иной степени анализ отдельных блоков в регуляции проводился многими исследователями. Так, пожалуй, более всего работ касается ценностно-смысловой подсистемы в регуляции деятельности (Б.В. Зейгарник, Е.С. Мазур, О.К. Тихомиров, А.М. Волков, Д.А. Леонтьев и др.). Подсистема активности исследовалась в информационном плане О.А. Конопкиным и его последователями. Эмоциональный аспект регулятивной активности изучался Я. Рейковским, Л.М. Аболиным, О.В. Дашкевичем и другими. Поведенческая активность - Н.А. Бернштейн, М.И. Бобнева, С.Г. Якобсон, Ю.А. Миславский и др. Значимость обратной связи в регуляции (подсистема рефлексии) отмечается практически всеми исследователями, но конкретных исследований все же недостаточно. Так, Л.А. Петровская исследовала роль обратной связи в

⁶⁰ Смотри подробнее о психологических механизмах в следующем параграфе, а также в работах К.А. Абульхановой-Славской, Е.В. Шороховой, М.И. Бобневой, Я.А. Пономарева.

регуляции взаимоотношений людей в общении [289]. На уровне регуляции движения на обратную связь обращает внимание Н.А. Бернштейн. Значение рефлексии в управлении интеллектуальной деятельностью подчеркивали многие психологи (Ж. Пиаже, И.С. Ладенко, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, В.А. Лефевр, Ю.А. Шрейдер). Более того, заложены основы рефлексивной психологии [226].

Одно из направлений так или иначе связано с анализом механизмов функционирования сознания и самосознания и их регулятивных особенностей (В.П. Зинченко, Е.П. Велихов, В.А. Лекторский, 1988; В.В. Столин, 1983). Самосознание рассматривается как трехуровневый механизм обратной связи, который направлен на дифференциацию и интеграцию "Я - концепции", смысловых образований [357; 270]. Сознание, в интересующем нас контексте, также включает в себя два механизма: осмысление значений и означивание смысла [80]. Они, т.е. эти механизмы, существуют в единстве (Д.А. Леонтьев), но имеют разные направления. Дифференциация - это осмысление значений, т.е. общее для всех значений становится моим, значением для меня, с моими жизненными планами и обстоятельствами. Интеграция - это означивание смысла или движение от частного, что для меня имеет смысл, значимость для того, что важно и для других. Эти взаимопереходы возможны лишь в действии (эмоциональном, интеллектуальном, двигательном) [80; 21 - 26]. Конечно, по этому поводу существует много вопросов: например, как эти механизмы понимать? И не только вопросы, но аргументированность ответов. Мы все же ограничимся тем, что укажем на один из аспектов, на наш взгляд, ведущий, такого единения, который заключается в осуществлении регуляции [86; 133 - 138].

В регуляции поведения и жизнедеятельности традиционно выделяют три уровня. Так, Б.Г. Ананьев выделял такие уровни, как ощущение, восприятие-представление, мышление [16]; у Н.А. Бернштейна мы находим уровни пространственного поля, предметных действий и высших символических координат [53]; А.Н. Леонтьев выделял уровни деятельности, действий и операций [213]; С.Л. Рубинштейн - реакции, операции, поступки [327]; Д. Миллер с соавторами обсуждают уровни плана, стратегии и тактики в организации поведения [255]; А.М. Волков, Ю.В. Микадзе, Г.Н. Солнцева - сенсорный, перцептивный и речемыслительный уровни [86]. В том же общем контексте занимает свое естественное место и разработанная Ш.А. Надирашвили концепция о трех уровнях регуляции психической активности [266]. И, наконец, в том же концептуальном ряду располагается и разработанная В.А. Ядовым теория психических диспозиций личности и позиционной регуляции деятельности [332]. Мы также выделили три уровня регуляции человеком поведения и жизнедеятельности. К ним относятся следующие уровни регуляции: операционный (регуляция поступков, поведения в конкретной ситуации и с учетом внешних и внутренних факторов); тактиче-

ский (постановка целей, планирование собственной деятельности с учетом конкретных условий жизнедеятельности); *стратегический* (ориентация на дальнюю временную перспективу и принятие человеком ценности). Основной критерий различия уровней регуляции - пространственно-временной или хронологической (М.М. Бахтин, К. Левин, Н.А. Бернштейн, Л.М. Веккер). Наглядно структуру регуляции жизнедеятельности человека можно изобразить систему требуемого значения регулируемого параметра; *рецептор*, воспринимающий фактически текущие значения азить следующим образом.

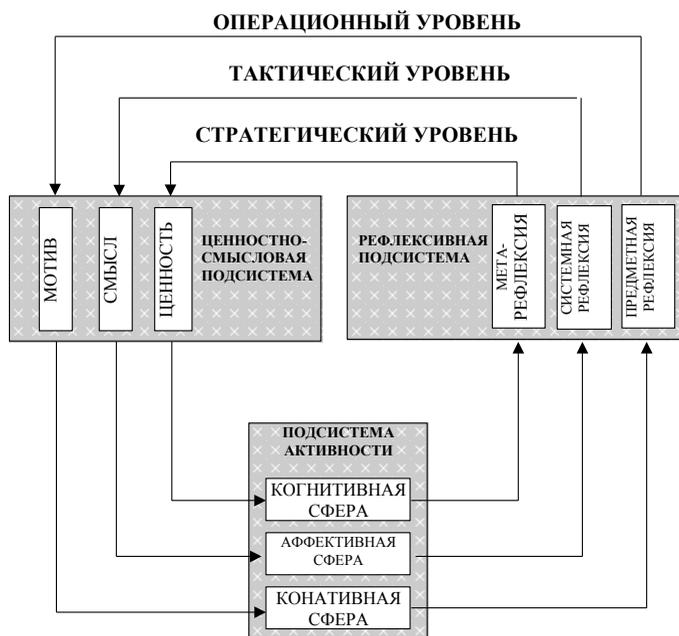

Рисунок 6. Структура регуляции жизнедеятельности человека.

4.4. Регуляция как система выборов

Анализируя регуляцию, в том числе и её структуру как систему, мы обязательно придём к единице анализа регуляции. Вопрос же о единице анализа регуляции, регулятивном акте практически не ставится в психологии, хотя его постановка направлена на разработку теории психологической регуляции поведения человека.

Рассматривая регуляцию человеком собственного поведения и жизнедеятельности, европейские философы прошлых веков (Г. Лейбниц,

И. Фихте, С. Кьеркегор, Ф. Шеллинг и др.) вышли на новое осмысление человека, а также воли и свободы воли. В этом процессе не последнюю роль сыграла проблема выбора, в свете которой и анализировались вышеперечисленные понятия. Так, например, С. Кьеркегор пишет: "Выбор сам по себе имеет решающее значение для внутреннего содержания личности: делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же она не выбирает, то чахнет и гибнет" [21; 711]. В выборе как жизненного пути, так и поступка, не только проявляется личность человека, но и формируется, становится на вполне определенное жизненное основание. Тогда жизнь, а не существование, можно представить как линию, составленную из цепочки выборов. Но свободна ли личность в своем выборе? Проблема личностного выбора была поставлена И. Кантом как вопрос о соотношении детерминированного поведения человека и свободы выбора им своих поступков. Идея выбора, укоренившаяся в европейской культуре прошлых веков, а сегодня идея свободы со временем приобрели черты социокультурного догмата, к тому же защищенного политическими и научными авторитетами.

Наиболее активно проблема выбора и его свободы обсуждалась в литературе, посвященной исследованию воли, и мы в этом плане лишь сошлемся на работы В.И. Селиванова [334], В.А. Иванников [150], Е.П. Щербаков [465]. Проблема выбора при овладении собственным поведением ставилась Л.С. Выготским: "Самым характерным для овладения собственным поведением является выбор, и не даром старая психология, изучая волевые процессы, видела в выборе самое существо волевого акта" [93; 274]. Здесь выбор – это тот момент, точка преломления плавного течения поведения человека. На сложность и многомерность процесса выбора особенно обращали внимание С.Л. Рубинштейн [327; 190 - 194].

Действительно, в ситуации выбора человек не столько выбирает из готовых альтернатив, сколько сам их формирует, достраивает и преобразует либо добавляет к ним новые. В любом случае "... так называемые альтернативы выбора возникают и постепенно *формируются* в живом, реальном *процессе* мышления, а вовсе не выступают в качестве заранее предопределенных и уже изначально готовых продуктов, *результатов* этого процесса" [71; 156]. Итак, мы приходим к выводу, что выбор – это лишь завершающая стадия некоторого процесса, в ходе которого происходит создание (изменение, модификация) альтернатив. Причем чаще всего таких альтернатив, которые незначительно отличаются друг от друга. Создание же действительно различных альтернатив - это прерогатива творческого человека, что является одной из кардинальных проблем творчества [191, 339]. Однако любой выбор осуществляется на основе критерия, в качестве кото-

рого могут выступать мотивы, цели, образцы, определенные стороны или качества. Проблема выработки и смены критериев при переходе к решению новой задачи остро осознается, если задача достаточно проблемна для человека. Особое внимание уделяется этой проблеме при попытках формализации процесса принятия решений. Изменчивость критерия, изменчивость точки зрения - характерная черта всех задач по выбору решения. Эта изменчивость сохраняется при решении задач с помощью человеческого разума и легко теряется при их формализации [39; 192]. В психологической литературе проводилось много исследований по выявлению роли, которую в процессе выбора играют различные черты человеческой личности, такие как потребность в независимости или доминировании, агрессивность, эгоцентрические и социальные установки, интровертированность и экстравертированность. Большинство этих работ направлено на изучение корреляций: психологи пытаются установить, коррелирует ли поведение человека при решении задачи, содержащей риск, с данной чертой личности. Такая исследовательская парадигма чрезвычайно примитивна, по меткому замечанию Ю. Козелецкого [178; 356]. Тогда возникает вопрос: а что влияет на процесс выбора? Каков психологический механизм выбора?

Между критериями выбора и предметом выбора (альтернативами) существуют взаимопереходы, т.е. выбранные альтернативы для дальнейшего разворачивания процесса выступают уже критериями. Поэтому критерий выбора многомерен так же, как и альтернатива выбора [402, 114, 178]. Однако поскольку разворачивается целая система выборов, то возникает вопрос: а что их соединяет в единую и направленную линию? Это вопрос о стратегии выбора [178]. В качестве таковых называют цель, смысл, ценность, мотив, систему правил (эффективность деятельности, максимизации, алгоритмические и алгоритмические стратегии) и принципов [178, 160].

Процесс выбора в настоящее время интенсивно изучается в работах по принятию решений [39]. В этой связи возникает несколько вопросов, касающихся психологии. Насколько формализуем процесс принятия решений? И в какую деятельность включается этот процесс? Что касается формализуемости, то такие модели есть (см.: Рисунок 7.).

А

К

В

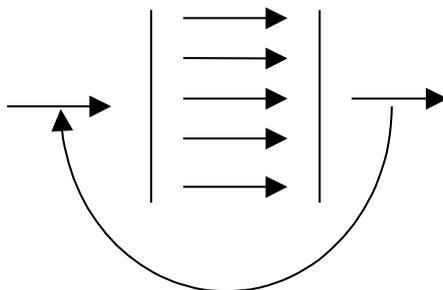

Рисунок 7. Модель регулятивного акта. К - критерий выбора; А - альтернативы выбора; В - результат выбора; ОС - обратная связь.

Однако данная модель процесса выбора (принятия решения), конечно, не только огрубляет реальный процесс, но и является лишь одним из звеньев его осуществления. Огрубление связано с тем, что процесс выбора осуществляется, когда сформирован или дан критерий и альтернативы. В реальном процессе выборов и критерий и альтернативы вырабатываются, кроме этого, выбор включен в некий процесс или процессы, он является лишь "очевидным" для человека последним звеном системы скрытых выборов. А можно ли как-то в обобщенном виде представить эти процессы или механизмы?

В психологической литературе выделяют такие полярные процессы (механизмы): анализ и синтез (С.Л. Рубинштейн), дифференциация и интеграция (К. Левин), идентификация и обособление (Л.В. Попова, Г.В. Дьяконов; 1988), индивидуализация и интеграция (А.В. Петровский; 1984), интеграции и остранения (А.С. Шаров; 1996). Мы также в данной работе говорим о механизмах дифференциации и интеграции как наиболее общих полярных механизмах развития, формирования и функционирования личности человека. Действительно, механизмы (процессы, тенденции) дифференциации и интеграции ярко проявляют себя в ходе процессов выбора или регулятивных актах. Например, выборы могут осуществляться на основе критериев, которые, по отношению к альтернативам, будут более общими, а альтернативы – частным проявлением данного критерия. Этот вид выбора (регулятивного акта) можно назвать дифференцирующим. Выбор будет частным проявлением критерия. Если же критерии, по отношению к альтернативам, менее обобщены, то альтернативы разворачивают варианты обобщения частного критерия, и в данном случае регулятивный акт будет интегрирующим. Тогда как сам выбор есть обобщение критерия. Таким

образом, реальный регулятивный акт (процесс выбора) включен в механизм интеграции и дифференциации и в зависимости от особенностей протекания регуляции может принимать вид дифференцирующего регулятивного акта или интегрирующего. Наглядно это можно изобразить так.

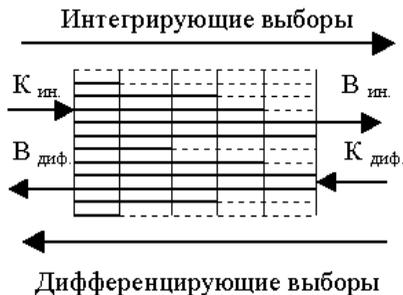

Рисунок 8 Дифференцирующие и интегрирующие регулятивные акты в структуре регуляции. Где: $K_{ин.}$ и $K_{диф.}$ – интегрирующие и дифференцирующие критерии выбора, а $V_{ин.}$ и $V_{диф.}$ - дифференцирующий и интегрирующий выбор в процессе осуществления системы регулятивных актов.

Интегрирующие и дифференцирующие регулятивные акты находятся в неразрывном единстве, и более того один регулятивный акт может переходить в другой, если в этом человек испытывает необходимость. Да и выделены они достаточно условно для того, чтобы показать в "чистом" виде процессы дифференциации и интеграции. Единство дифференциации и интеграции обеспечивает процесс формирования, изменения альтернатив и критериев, их обращаемость в любом моменте регуляции. Более того, если человек испытывает в чем-то затруднение, то осуществляемый им в данный момент времени регулятивный акт (осознанно или бессознательно) становится для него проблемным, и тогда вокруг этого регулятивного акта разворачиваются другие дифференцирующие и интегрирующие регулятивные акты с целью его оптимального осуществления.

Целостное представление системы регулятивных актов (дифференцирующих и интегрирующих) воплощается в функциональном органе, который направлен на выполнение вполне определенных функций, и этот орган может быть как постояннодействующим, так и ситуативным, возникающим для решения определенной задачи. Объединяющим началом функционального органа или его системообразующим стержнем могут выступать: цель, мотив, ценность и другое более общее по отношению к регуля-

тивному акту основание. Когда мы говорим о системе регулятивных актов, функциональном органе, то напрашивается вопрос об их оформленности. Как, на какой основе и посредством чего оформляется функциональный орган в данной конкретной деятельности?

Для ответа на эти вопросы нам снова придется обратиться к теории границ, т.к. обретение определенности - это и есть о-граниченная значимость. Всякая граница - внешне-внутренняя и в этом противоречивом единстве заложены основания их диалектики. Когда граница преимущественно рассматривается как внутренняя, т.е. находится внутри некоей области, то граница дифференцирует, разделяет эту область на части, а сам дифференцирующий выбор - это и есть о-граничение степеней свободы, уменьшение поисковой области до определенного функционального проявления (качества), т.к. регулятивный акт встроен в целостный механизм регуляции. Если же граница преимущественно рассматривается как внешняя, то интегрирующий выбор направлен на объединение различных частей в определенное качественно-количественное целое. Все это можно изобразить наглядно.

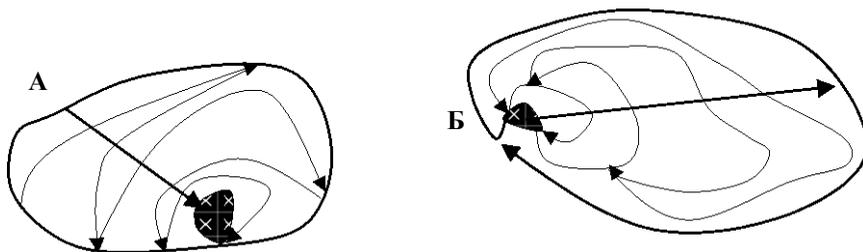

Рисунок 9. Дифференцирующий (А) и интегрирующий (Б) выбор.

В свете сказанного регулятивный акт - это возникновение (простраивание) границ, которые качественно и количественно определяют функционирование определенной психологической системы, или это качественно-количественное изменение о-ограниченности для определенного функционирования психологической системы. Тогда понятия "критерий выбора", "альтернативы" становятся относительно определенными лишь в том или ином конкретном контексте. Различение их весьма условно, а общим основанием для них выступает диалектическая природа границы. Данная природа хорошо иллюстрирует взаимопереходы между критериями выбора и альтернативами и их единство. Процесс регуляции и есть простраивание границ для выполнения определенных функций. А что детерминирует процессы дифференциации и интеграции границ?

Этим фактором могут выступать: цель, детерминирующая тенденция, ценность, потребность в адаптации и др.

4.5. Психологический механизм регуляции

Прежде чем рассматривать психологические механизмы ценностно-смысловой сферы, возникает необходимость разобраться, что же такое психологический механизм? Почему возникло понятие "психологический механизм"? Тем более что в отечественной литературе нам не удалось найти ответа на поставленный вопрос. И это несмотря на то, что данное понятие достаточно широко используется как в объяснении и описании психологических образований, так и в названии сборников и монографий [78, 79, 82, 217, 232, 84, 34, 4]. Причина этого, нам кажется, кроется в том, что понятие "психологический механизм" используется прежде всего описательно, как указание на нечто сложное. И для того, чтобы это сложное объяснить, вводится понятие "психологический механизм". Это, например, отмечает В.С. Агеев, который идею *механизма* сводит к более простому, элементарному уровню психологического анализа [10; 211]. Отчасти он, конечно, прав, когда психологи вместо содержательного объяснения психологических феноменов просто указывают на тот или иной механизм. Однако есть и другая линия психологического анализа, вот она-то направлена на раскрытие психологических механизмов. Эту линию мы и попытаемся кратко осветить.

В возникновении понятия "психологический механизм" можно указать три момента. **Первый:** психология как наука развивается преимущественно в естественнонаучной парадигме. Здесь самое главное – объяснить, почему что-то происходит, вследствие каких причин. Отсюда поиск закономерностей и механизмов. Это нашло отражение и в предмете общей психологии, когда она должна изучать не только закономерности, но и механизмы развития психики (сознания, регуляции жизнедеятельности и т.д.). К этому следует добавить богатые традиции физиологии, с которой у психологии давние родовые связи, где понятие "механизм" достаточно широко используется. **Второй,** связан с идеей регуляции, которая также появилась в физиологии (И.М. Сеченов, 1953). Для реализации и раскрытия этой идеи необходимо рассматривать динамику психических процессов. Вот поэтому в отечественной психологии довольно популярно понятие "психический процесс" (С.Л. Рубинштейн, 1976; А.В. Брушлинский, 1979). Но анализ регуляции этим не ограничивался, выявлялись различные структурные элементы, строились схемы и создавались модели. И, естественно, потребовалось понятие "механизм" как то, что объединяет элементы в некое целое и

описывает особенности его функционирования. *Третий* момент связан с развитием идей системно-структурного подхода в психологии. Эта линия обогащения психологии черпает свое содержание в общей теории систем, синергетике и тектологии. Системно-структурный подход достаточно популярен и продуктивен в психологии, а так как в нем выделяются не только элементы, но и их взаимосвязи и взаимодействия, то потребовалось понятие "психологический механизм" как то, что характеризует некоторое функциональное целое и объясняет, в силу каких причин возникает тот или иной феномен. Таким образом, в психологической литературе наиболее ярко проявляет себя естественнонаучная парадигма, которая направлена на объяснение психических процессов и отвечает на вопросы: как, каким образом осуществляется тот или иной процесс, как регулируется социальное поведение человека обществом и им самим, какие психологические процессы, функции, феномены лежат в основе того или иного социального проявления и отношения человека (Е.В. Шорохова и М.И. Бобнева, 1979).

Понятие "психологический механизм" довольно часто в процессе анализа связывают с такими понятиями, как закономерность, процесс и психический процесс, способ, функциональный орган и структура. Это вполне естественно с точки зрения предыдущих рассуждений, но понятие "функциональный орган" требует особого разговора.

Что же это такое? Данное понятие ввел А.А. Ухтомский, для объяснения поведения [379]. По справедливому мнению А.А. Ухтомского функциональный орган – это прежде всего механизм, направленный на реализацию поведенческой программы или, как он пишет: "Орган - это прежде всего механизм с определенным однозначным действием" [379; 71]. Регулятивное понимание движения как функционального органа приемлет и Н.А. Бернштейн [54]. Функциональный орган столь же реален, как и печень, сердце, другие морфологические органы (В.П. Зинченко). Этот орган эволюционирует, инволюционирует, обладает чувствительностью, зачатками рефлексии. Мало того, функциональный орган пронизывают взаимосвязи между компонентами разноуровневых структур, обеспечивающие прямые и обратные связи, которые могут разрываться и отмирать, вновь образовываться и развиваться [144; 137]. По отношению к структуре регуляции функциональный орган - это конкретная целостная конфигурация (архитектура), состоящая из определенных компонентов структуры регуляции и обеспечивающая выполнение тех или иных регулятивных функций. Функциональные органы возникают под влиянием конкретной ситуации и исчезают, если в них уже нет необходимости, но есть и постояннодействующие функциональные органы, устойчиво существующие в психике человека.

Таким образом, у человека формируется великое множество функциональных органов регуляции, которые можно классифицировать по разным основаниям (степень общности, аспект жизнедеятельности и др.), все они не только пронизывают жизнь человека, но обеспечивают её регуляцию. В этом случае функциональный орган не только выполняет функцию психологического механизма, но и является им по сути. Генезис функциональных органов конкретного человека связан с его жизнедеятельностью, а их изменение подвластно и самому человеку. Если первоначально человек участвует в какой-либо деятельности под руководством других людей (пример, указания, помощь и др.), то в этом случае функциональный орган регуляции только обозначается (контуры, общая схема, основные блоки и т.п.), он един и не дифференцирован в своем функциональном проявлении. В процессе адаптации человека к условиям среды, развития и изменения условий существования идет трансформация и функциональных органов. Так, тот или иной компонент одного функционального органа может быть включен в другой функциональный орган, где он разворачивает в большей степени свое содержание. Тогда и первоначальный функциональный орган тоже становится более развернут, т.е. наполнен содержанием, а значит, появляется возможность более гибко выполнять регулятивные функции, а возможно, и более осознанно. Формированию и развитию функциональных органов регуляции способствует формирование целостной структуры регуляции, тогда как функциональный орган - это форма, механизм проявления этой структуры. Функциональные органы как психологические механизмы регуляции формируются и проявляются в жизнедеятельности человека (игра, учение, труд, познание, общение и т.п.), поэтому не только можно, но и продуктивно трактовать функциональный орган с точки зрения теории границ. В этом случае функциональный орган есть некая система границ (внешних и внутренних по отношению к конкретному функциональному органу), о-граничивающая человека и в своей целостности выполняющая некоторые функции регуляции. В итоге можно дать следующее определение психологического механизма - это постояннодействующая или ситуативно возникающая целостная психологическая организация (система), которая обеспечивает выполнение тех или иных регулятивных функций.

Анализ психологических механизмов можно осуществлять как бы на разных уровнях регуляции жизнедеятельности. Так, на уровне культуры или взаимодействия человека в мире (стратегический уровень) выделяют: социально-психологические механизмы, психологические механизмы (подражания и контрподражания, психического заражения и контрзараже-

ния и др.), психологические механизмы регуляции жизнедеятельности самим человеком (основные подсистемы регуляции). На тактическом уровне, т.е. осуществления регуляции поведения человека, можно выделить в зависимости от аспекта: эмоциональные и когнитивные механизмы, механизмы роста личности и защитные механизмы, механизмы адаптации и формирования, а также много других. Все их объединяет то, что они более или менее полно охватывают ту или другую сторону жизнедеятельности человека в социуме. На уровне выполнения конкретных операций (операционный уровень) психологические механизмы анализируются как некая цепочка или система дифференцирующих и интегрирующих регулятивных актов, посредством которых обеспечивается выполнение конкретных операций.

Кроме сказанного, хотим отметить еще два момента, принципиально важных для целостного и системного представления о психологических механизмах. Первый – это то, что, независимо от уровня анализа или аспекта (стороны), психологический механизм может включать в себя другие механизмы, а сам в свою очередь может быть включен в какой-либо более общий психологический механизм. В этом случае все психологические механизмы, но в разной степени, несут в себе особенности механизма интериоризации как "механизма механизмов". Второй, как мы писали уже в нашей работе, каждый психологический механизм включает в себя, опять же в различной мере и соотношении, процессы дифференциации и интеграции, т.к. они являются базовыми для развития и становления человека в культуре. Таким образом, в наиболее полном и развернутом виде психологические механизмы структурируются по уровням регуляции (операционный, тактический, стратегический) и включают в себя основные подсистемы регуляции (ценностно-смысловая, активности и рефлексии). Для обеспечения выполнения определенных регулятивных функций степень активизации различных элементов психологического механизма не одинакова, но это не значит, что остальные не оказывают никакого влияния на функционирование этого механизма.

Есть еще одна проблема - генезис психологических механизмов, по поводу которой Л.А. Радзиховский пишет так: "... Присвоение общественно-исторического опыта создает изменение общей структуры процессов поведения и отражения ...Поэтому механизмы процесса присвоения имеют ту особенность, что это суть механизмы формирования механизмов" [312; 123]. И далее: "...Исследование этого ...процесса позволяет обнаружить его специфический механизм - механизм интериоризации внешних действий [211; 128]. Таким образом, генетически исходный и базовый механизм интериоризации задает в той или иной мере ориентир для понимания и ис-

следования других психологических механизмов. Почему? В силу того, что через это понятие психологи пытаются подойти к объяснению того, за счет чего, каких психологических механизмов возникает психика человека как социального и культурного существа. Предполагается, что в ходе онтогенеза человека происходит интериоризация, некий процесс, в итоге которого формируются глубинные, устойчивые, синхронические структуры человеческой психики, нечто вроде "априорных социальных форм" психики человека. Данные социально-психологические механизмы психики, в свою очередь, определяют характер "вышележащих" меняющихся психологических механизмов [177; 112]. Другими словами, базовый механизм интериоризации, его структура определяет в своей основе другие психологические механизмы. Эта мысль в той или другой форме встречается в работах отечественных и зарубежных философов [388, 396, 49, 57, 73], филологов [47] и психологов [326, 327, 386, 329, 71 и др.]. Взаимодействие, диалог, диалектика субъекта и объекта, субъекта и субъекта во многом задают общую структуру скрытого механизма психических функций. В этом плане интериоризация является механизмом формирования механизмов. Если опираться на тот подход к пониманию интериоризации, который намечен нами в предыдущей главе, то, действительно, на основе разворачивания базового взаимодействия человека и мира (в фило- и онтогенезе) формируются все другие психологические механизмы, которые развивают (дифференцируют и интегрируют) исходный механизм адаптации человека к социокультурному миру. В неучете именно этого момента Г.А. Ковалев и Л.А. Радзиховский видят то, что современная психология не может дать ответа на вопрос, как протекает процесс интериоризации в онтогенезе [177; 120]? Развитие человека как в филогенезе, так и онтогенезе, есть его постоянное о-граничение (внешнее и внутреннее), обретение им определенностей, которые и характеризуют его как человека. Тогда, с позиции теории границ, психологический механизм - это система внешневнутренних о-граничений, которая выполняет регулятивную функцию. А интериоризация - это сам о-граничивающий человека механизм, в результате проявления которого появляются внешневнутренние границы.

В различении видов механизмов наблюдается полный хаос. Выделяют психологические механизмы развития и формирования, внешние и внутренние, сложные и простые, частные и общие, универсальные. Также делят механизмы по уровням и сферам (познавательные, эмоциональные, социально-психологические, поведенческие и др.). Проблема классификации и систематизации психологических механизмов нуждается в особом разговоре. И с учетом сказанного прежде всего следует попытаться выстроить

иерархию психологических механизмов, начиная от "механизма механизмов", т.е. интериоризации.

Глава 5. Психологические механизмы регуляции жизнедеятельности человека.

5.1. Парадигмы понимания: мотивы, смыслы и ценности

Значение ценностно-смысловых образований в структуре личности человека (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, В.А. Ядов, М. Рокич и др.) и в регуляции его жизнедеятельности трудно переоценить (А.Н. Леонтьев, Б.В. Зейгарник, Е.С. Мазур, В.А. Ядов и другие). Но при исследовании ценностно-смысловой сферы возникает ряд довольно существенных вопросов. Из каких психологических образований состоит ценностно-смысловая сфера? Что она в себя включает? Как ценностно-смысловая сфера проявляет себя в регуляции? Каким образом взаимодействуют элементы ценностно-смысловой сферы между собой или взаимопереходят друг в друга? Каковы психологические механизмы функционирования ценностно-смысловой сферы? Что является единицей анализа ценностно-смысловой сферы? И т.д. В той или иной степени мы попытаемся ответить на эти вопросы. И начнем с основных, главных элементов ценностно-смысловой сферы. Это мотивы, смыслы и ценности. На то, что именно они являются главными образующими ценностно-смысловой сферы человека, указывают многие авторы.

Мотивационная система - это сложное системное образование (Х. Хекхаузен, В.К. Вилюнас, В.И. Ковалев). Исходя из теоретических предпочтений, даются различные определения мотивов⁶¹, выделяют виды, уровни и генезис мотивов, а также разнообразные функции мотивов - смыслообразующую, регулятивную, побудительную и др. (В.К. Вилюнас, В.И. Ковалев, Е.Ю. Патяева, О.К. Тихомиров, Х. Хекхаузен и др.). Многие авторы отмечают взаимосвязь мотивов с другими психологическими образованиями, например, целями, ценностями и смыслами, эмоциями и волей, мышлением и характером. В связи с наличием многообразных взаимосвязей и различных функций мотивов вполне закономерно выделяются и мотивационные механизмы (В.К. Вилюнас, В.Г. Леонтьев). Системно-динамическое представление о мотивации (М.Ш. Магомед-Эминов) с неизбежностью приводит к разного рода и вида анализу: компонентному,

⁶¹ Смотри работы Х. Хекхаузена [400], В.К. Вилюнаса [82, 84], В.И. Ковалева [175].

структурному и динамическому. М.Ш. Магомед-Эминов выделяет следующие структурные компоненты мотивации в системно-динамической модели: мотивация инициации, мотивация селекции, мотивация регуляции, мотивация постреализации [76; 117 - 118]. При этом выделяется структура и механизмы каждого структурного компонента мотивации. Системно-динамическая модель мотивации в своем функционировании через соответствующие механизмы имеет связь и опору в смысловой и ценностной сферах – это *во-первых*, а *во-вторых*, "Основная функция мотивации как сложной функциональной системы заключается в регуляции поведения, деятельности личности, направленной на реализацию мотива" [76; 116]. Общая функция находит выражение в частных функциях: побудительной, направляющей, регулятивно-контролирующей [76; 117]. В этом моменте М.Ш. Магомед-Эминовым и И.А. Васильевым сделана попытка упорядочивания функций мотивов, но, к сожалению, она не доведена до конца. Это проявилось в выделении авторами, кроме общей функции, частных и основных, в которых регуляция тоже упоминается. Данная проблема связана с тем, что необходимо было опираться на тот или иной подход к регуляции, который бы задал логику функциям мотивационной сферы.

В этом ключе, если поставить вопрос: а что является единицей анализа мотивационной сферы? то прямой ответ нам вряд ли удастся найти. Косвенный ответ содержится в подчеркивании единства субъективного и объективного полюсов [76; 114] или в заключении о всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений [82; 245]. Наиболее определенно об этом сказал С.Л. Рубинштейн: "Детерминация через мотивацию - это детерминация через значимость явлений для человека" [329; 288]. Таким образом, в качестве единицы психологического анализа мотивационной сферы человека может быть значимость (С.Л. Рубинштейн, 1976; А.Н. Леонтьев, 1983; Д.Н. Узнадзе, 1961; В.К. Вилюнас, 1990; М.Ш. Магомед-Эминов, 1991).

Проблема смысла, смысловых образований и процессов сегодня является наиболее продуктивным направлением в изучении психологии личности человека (А.Г. Асмолов, 1979; Б.В. Зейгарник, 1979; Д.А. Леонтьев, 1997; Б.С. Братусь, 1979; В.А. Петровский, 1979 и другие). В психологических работах неоднократно подчеркивалось значение смысла и смысловых образований в регуляции деятельности и жизнедеятельности (Л.С. Выготский, 1982; С.Л. Рубинштейн, 1976; А.Н. Леонтьев, 1983; Б.С. Братусь, 1979; Б.В. Зейгарник, 1979; Е.С. Мазур, 1983; Д.А. Леонтьев, 1997 и другие). Система личностных смыслов является конституирующей характеристикой личности. "Следует специально отметить, что акцентирование этой особенности смысловых образований дает возможность отграничить поня-

тие смысловых образований от таких понятий, как "отношение" (В.Н. Мясищев), "значашие переживания" Ф.В. Бассин), "значимость" (Н.Ф. Добрынин). Смысловые образования относятся к глубинным образованиям личности" [37; 108 - 109]. Говоря о смысловой сфере человека, психологическая литература использует следующие термины: "смысл", "смысловые образования", "смысловые системы" [Асмолов и др.], "личностные смыслы" (А.Н. Леонтьев, 1983), "обобщенные смысловые образования" (Б.С. Братусь, 1981), "частные смысловые образования", "эмоционально-непосредственный смысл", "вербальный смысл" (В.К. Вилюнас, 1976), "динамические смысловые системы" (Л.С. Выготский), "смысловое поле" (Г.В. Биренбаум, Б.В. Зейгарник, 1935), "операциональный смысл" (О.К. Тихомиров, 1984). В психологической литературе внимание обращено на исследование и генезис смысловых образований, но практически нет работ, непосредственно уделяющих внимание методологическому анализу понятия "смысл". А напрасно, т.к. многие проблемы динамики смысловой системы (возникновение, порождение, генезис, функционирование) завязаны на методологическом уровне, на концептуальной проработке понятия "смысл". Не проводя сейчас детального анализа в этом направлении, укажем лишь, что смысл существует не только в рамках чего-то (деятельности, жизнедеятельности, контекста

[С.М. Морозов, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев], но и как признак зависимости человека от мира, пристрастности к нему. В первом случае происходит формообразование смысла, как то, что имеет некую целесообразность в рамках определенной целостности. И если эта целостность изменяется (расширяется, сужается), то изменяется и форма смысла, он становится более многогранным. Но само содержание изменяется в меньшей степени, т.к. оно связано с отражением зависимости человека от мира в целом. Отсюда конкретный смысл есть диалектика формы и содержания активности человека. Поэтому смысл не может быть один, он всегда есть ансамбль смыслов (системно-структурная и динамическая организация). Или смысл есть целостное (оформленное) выражение значимости (содержания) чего-то для человека. Другими словами, смысл есть целостное выражение значимости для человека того, что он делает (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.А. Леонтьев). В связи с этим моментом больше всего исследований, связанных со смысловой сферой, посвящено анализу её структуры [219; 13].

Д.А. Леонтьев выделяет три основных варианта понимания психологической природы ценностей в литературе [221; 40]. Первый из них трактует ценности в одном ряду с такими понятиями, как мнение, представление или убеждение (В. Брожик, 1982; А.А. Ручка, 1976; М. Рокич, 1969; Ф.Е. Василюк, 1984). Так понимаемые ценности не обладают самостоятельной

побудительной силой, черпая её из каких-то других источников. Другая трактовка рассматривает индивидуальные ценности или ценностные ориентации как разновидность или подобие социальных установок (отношений) или интересов (В.А. Ядов, 1979; Э. Шпрангер, 1913; Н.В. English and A.C. English, 1972). В таком понимании им приписывается направляющая или структурирующая функция, к которой сводится эффект ценностной регуляции. Наконец, третий подход сближает их с понятиями потребности и мотива, подчеркивая их реальную побудительную силу (Г.Г. Дилигенский, 1977; Б. И. Додонов, 1978; Ю.М. Жуков, 1976; Ю.А. Шерковин, 1982; К. Клакхон, 1951; Я. Мусек, 1993; А. Маслоу, 1970). Наибольшим эвристическим и объяснительным потенциалом обладает третий подход, ставящий понятие "ценности" в один ряд с понятиями "потребности", "смыслы" и "мотивы" [221; 40]. В рамках этого подхода, конечно же, существуют как различные понимания ценностей, так и попытки целостного и системного рассмотрения последних. Например, Я. Мусек предложил собственную модель ценностей, и они понимаются как мотивы или мотивационные цели высокого уровня обобщенности. "Их можно рассматривать как обобщенные и относительно согласованные представления о высоко значимых для нас целях и событиях" [263; 18]. К сторонникам того, что ценности можно определять как мотивационные цели, относятся Шварц и Билски (Schwartz & Bilsky, 1987), предложившие наиболее разработанное определение такого рода [42]. В отношении понимания ценностей, их психологической природы в соотношении с мотивами, целями и смыслами есть проблемы. Пожалуй, самая главная - это целостное и системное представление о ценностно-смысловой сфере человека. Поэтому вполне правомерно ставить в один ряд с ценностями не только мотивы и потребности, но и цель, между которыми есть как общее, так и различия, на что указывает Д.А. Леонтьев [221; 41 - 43]. Однако, на наш взгляд, в понимании ценностей упущена одна фундаментальная особенность. Именно упущена в плане углубления понимания психологической природы ценностей, а не отмечена, эта-то особенность как раз довольно часто упоминается. Что же это за особенность? Она касается того, что индивидуальные ценности выражают связь человека с миром, да не просто связь, а зависимость человека от мира культуры. И здесь необходимо выделить и подчеркнуть не регулятивную функцию ценностей, а нечто другое, то, в чем выражена эта, по большому счету, взаимозависимость⁶². Индивидуальные ценности, как ни одно из психологиче-

⁶² Все же для справедливости надо заметить, что Д.А. Леонтьев показывает, и достаточно оригинально, один из аспектов взаимозависимости на примере интериоризации, т.е. формировании ценностного оформления потребностей [222; 23].

ских образований, выводит понимание человека из его "телесно оформленной" оболочки. Если мы по отношению к сфере жизнедеятельности человека говорим о мотивах и смыслах, то вполне уместен вопрос: а чьи это мотивы и смыслы? Человека. Такой отнесенности у индивидуальных ценностей нет. Они отнесены к человеку лишь с одной стороны, и с этой стороны о-граничивают человека, а с другой – мир культуры для человека. Конечно, это в какой-то мере относится и к мотиву, и к смыслу, но для индивидуальных ценностей данное положение проявляется в наибольшей степени, т.к. индивидуальные ценности – это живая и постоянная взаимосвязь человека с миром, она никогда не прерывается, пока жив человек.

Анализ психологической и философской литературы позволяет нам сделать некоторые выводы и поставить принципиальные вопросы, касающиеся ценностно-смысловой сферы человека. В рамках обсуждаемой проблемы для нас важны следующие положения:

1. Ценностно-смысловая сфера человека – это единое системно-структурное образование, которое включает в себя мотивы, смыслы и ценности, между которыми возможны взаимопереходы.

2. Функционирование ценностно-смысловой сферы осуществляется посредством психологических механизмов – мотивационных, смысловых и ценностных.

Все это говорит, с одной стороны, что идет интенсивная и продуктивная работа ученых по анализу и осмыслению ценностно-смысловой сферы человека, а с другой стороны, указывает на проблемы, которые все ещё остаются за рамками исследований. К последним относятся: констатация того, что ценностно-смысловая сфера (Ц-С С) – единое и системное образование, заставляет искать в ней общее начало или системообразующее отношение. Таким образом, встает вопрос: что является системообразующим началом Ц-С С человека? И что может выступать единицей психологического анализа этой сферы? Что же касается функционирования Ц-С С, то здесь возникает не меньше вопросов и проблем. Например, есть ли сквозные (включающие мотивы, смыслы и ценности) психологические механизмы? Можно ли как-то упорядочить, а значит, глубже понять все психологические механизмы Ц-С С? Какова природа этих механизмов? Известно, что Ц-С С несет в себе энергетический заряд, направляющий и побуждающий человека на соответствующие поступки и поведение, так в чем же заключается, что служит (выступает) механизмом возникновения энергии? Это лишь некоторые вопросы, на которые мы попытаемся ответить, описывая Ц-С С человека в целом.

5.2. Целостность ценностно-смысловой сферы человека

О-граниченная значимость, являясь единицей анализа Ц-С С и в своей исходной абстракции "о-граниченной" энергией, в зависимости от содержания и оформленности, т.е. о-граниченности, может принимать различные виды. Мы уже писали о критериях различия мотивов, смыслов и ценностей; эти же критерии (хронотоп, обобщенность, локализация) в своем содержательном наполнении и есть границы внешние или внутренние. Заметим, что критерии различий между мотивами, смыслами и ценностями имеют количественно-качественную характеристику и вытекают из количественно-качественной характеристики границ (см.: глава). Рассмотрение границы как внешней или внутренней зависит от точки отсчета. Разумеется, границы могут быть устойчивыми или подвижными, проницаемыми и как бы "запертыми" для их прохождения, также и конкретно, и качественно они весьма разнообразны. Например, мотив в контексте реального поведения является внешней границей, т.к. "о-граничивает" и оформляет конкретное поведение человека. Он как бы ложится в линию поведения, является его реальным стержнем. Рассматривая мотив как элемент Ц-С С человека, мы отмечаем, что мотив выступает внутренней границей, с той или иной степенью прозрачности (борьба мотивов) и мерой содержательного и энергетического оплотнения. Внутреннее "оформление" мотива, его о-граничение есть в то же время и концентрация энергии, увеличение системы направленного напряжения (К. Левин, 1980; В. Франкл, 1990) в конкретной "о-граниченной" области. Границы многомерны, и в этом их изменчивость и универсальность, развитие и формирование. То, что мотив является внешне-внутренней границей, предполагает, что мотив может черпать, аккумулировать энергию из конкретных ситуаций. Более того, есть люди (экстраверты, публичные деятели, подростки), которые энергетически подпитываются преимущественно в общении и взаимодействии с другими людьми. Открытая и скрытая диалогичность границ направлена на их изменение, на обновление энергии, на выход в иные горизонты "о-граниченности" человека.

О-граничивающие функции смысла проявляются в том, что он, также как и мотив, есть внешне-внутренняя граница. Как внешняя граница – смысл о-граничивая и оформляя деятельность и жизнедеятельность, задает им направленность, этапность и ритмичность (М.М. Бахтин, 1979; Б.М. Теплов, 1985), стягивает и организует поведение человека. Оплотняясь, смысл дает человеку дополнительную энергию для преодоления внешних и внутренних препятствий (В.А. Иванников, 1985), т.е. смысл выполняет

особую конструктивную функцию в волевой регуляции⁶³. Поэтому поиск смысла, стремление осмыслить свою жизнь дает силы и энергию для преодоления жизненных трудностей и, пожалуй, что более важно, организует и о-граничивает жизнь человека от того, что ему мешает, что выполняет в его жизни деструктивную функцию. Смысл не может быть один и един, он включает в себя в снятом виде мотивы, вероятно, поэтому в психологической литературе говорят не об одном смысле, а о смысловых образованиях. Это еще раз подчеркивает многомерность смысла как границы. Смысл как внутренняя граница, относительно критериев различий с мотивами и ценностями, достаточно разнообразен и полифункционален. Человек постоянно, с большей или меньшей активностью и степенью осознанности, преобразует свой внутренний мир, простираивает и упорядочивает его. Определяет, намечает, строит и изменяет смысловые образования, границы внутреннего мира. Идет оплотнение и разряжение смысловых образований, конечно, в единстве с энергетической функцией границ. Диалектика смысла, его ограниченность, формообразование начинается с внешних границ, а продолжается во внутренних изменениях, и в итоге в простираивании смысловой сферы человека. Смысл как более общая граница, по сравнению с мотивами, содержит в себе в снятом виде мотивационные границы, так или иначе обобщенные и систематизированные.

Дальнейшим развитием взглядов на диалектику о-граниченной значимости является ценность, которая, как и мотивы, и смыслы, имеет внешне-внутреннее выражение. Но, конечно, наиболее ярко в них отражается внешняя (социальная, культурная) сторона. Ценности как наиболее общие ориентиры (ограничители, указатели, побудители) формируются культурой посредством социально-психологических механизмов. Ценность как внешняя граница притягивает человека (К. Левин, 1980; В. Франкл, 1990; Д.А. Леонтьев, 1996), однако сила притяжения зависит не только от степени сформированности ценностных ориентаций, но и развития ценностно-смысловой сферы человека, меры простроенности, организованности этой сферы. Ценности, особенно если они выполняют функцию внутренних границ, включают в себя мотивы и смыслы в снятом виде и способствуют образованию целостной системы ценностно-смысловых образований личности человека. В ценностях как внутренних границах имеется и присущая

⁶³ Отсюда еще раз следует подчеркнуть продуктивность подхода к пониманию воли В.А. Иванникова [150], но следует добавить, что адекватное понимание воли возможно тогда, когда смысл (а значит, и мотив) станет единицей анализа воли и волевых процессов. Сведение воли к изменению мотивов и мотивационных образований есть упрощение проблемы и неполное представление о ней.

им специфика, которая заключается в том, что они выводят человека на самый широкий контекст его жизнедеятельности – культурный. Поэтому ценностные границы – это каким-то образом о-граниченная, оформленная и организованная жизнь конкретного человека и человечества. Разумеется, без прописывания отдельных действий, а о-граничение поведения в наиболее обобщенном виде. Если между мотивами, смыслами и ценностями как границами единой Ц-С С человека происходят взаимопереходы, включения и влияния, то сложно говорить о ценностном оформлении внутреннего мира, его о-граниченности и простроенности, единстве и системном строении.

О-граниченная значимость – как единица анализа Ц-С С человека, которая предполагает обязательное единство энергетической и о-граничивающей составляющей или о-граниченной энергии. В зависимости от уровня регуляции человеком своего поведения, а значит, от содержательного наполнения критериев (хронотоп, обобщенность, локализация) границы могут принимать тот или иной вид – мотивов, смыслов или ценностей. Всякая граница может не только рассматриваться как внешняя или внутренняя, но она всегда внешне-внутренняя, как некое неразрывное единство. А это, безусловно, влияет на энергетическую составляющую значимости, которая не только проявляется в том, что "привлекает" или "побуждает" человека, может быть положительным или отрицательным, но имеет ещё более тонкие различия. Их изучение и описание – дело будущего. Для нашего анализа сейчас важно подчеркнуть, что о-граниченная значимость как единица анализа Ц-С С представляет собой целостный энергетически о-граниченный ансамбль, который в зависимости от пространственно-временных о-граничений (хронотоп), степени обобщенности и локализации принимает вид того или иного психологического образования (мотив, смысл, ценность). Для человека культуры, у которого сформирована и построена Ц-С С, каждая конкретная о-граниченная значимость как конкретное психологическое образование содержит в себе в снятом виде другие конкретные формы о-граниченной значимости. Так, в мотивах проявляют себя ценности и смыслы человека, а в ценностях – мотивы и смыслы. Главная проблема данного диалектического единства о-граниченной значимости – это изучить механизмы взаимоперехода или превращения одних конкретных форм в другие.

Ценностно-смысловая сфера представляет собой целостное и системное образование, которое развивается, изменяется, и каждый элемент этой системы взаимно дополняет другой. Разумеется, это утверждение нуждается в доказательстве. В Ц-С С человека включены основные психологические образования – мотивы, смыслы и ценности, между которыми происходят

взаимопереходы, взаимные включения. В целом же они образуют определенное системное единство. Системообразующим ядром выступает значимость, которая за счет того, что она всегда о-граничена, является одновременно внутри себя диалектичной. В процессе разворачивания диалектики значимости (энергия и граница) возникают такие достаточно известные в психологии образования, как мотивы, смыслы и ценности. Эти психологические образования несут в себе все основные признаки значимости, прежде всего энергичную (активизирующую) и о-граничивающую (регулирующую) составляющие. Противоречие между этими составляющими порождает взаимопереходы мотивами, смыслами и ценностями, их формирование и развитие.

Единство и различие между мотивами, смыслами и ценностями определяется тем, что, с одной стороны, они (эти психологические образования) выполняют детерминирующую и регулирующую функции в жизнедеятельности человека, но в зависимости от контекста (хронотопа) и преобладающего источника активности дифференцированы. Конечно, если мотивы, смыслы и ценности рассматривать в единстве (системно) как элементы Ц-С С человека, то содержательно они несколько изменятся, и произойдет коррекция их содержания. Разумеется, мы понимаем, что здесь возникает много проблем, но они уже есть, когда рассматривают соотношение мотива и мотивации, смысла и смысловых образований, ценностей и ценностных ориентаций. Эти проблемы носят принципиальный характер и связаны, как правило, с анализом целого по "клеточкам", а не по "единицам" и вследствие этого возникают проблемы соединения (например, мотивов в мотивации) в некое целое.

Ценности, мотивы и смыслы, являясь главными образующими Ц-С С, имеют между собой как общее, так и различие. С одной стороны, при анализе Ц-С С мы уже отмечали, что сквозным понятием, которое пронизывает всю Ц-С С является "значимость". Его так или иначе используют при анализе мотивов и мотивационной системы (В.К. Вилюнас, 1990), смыслов и смысловых образований (А.Г. Асмолов, 1996; Б.С. Братусь, 1988; Д.А. Леонтьев, 1996), а также ценностей (Д.А. Леонтьев, 1996; А.С. Шаров, 1993). В некоторых случаях понятие "значимость" заменено синонимами: важно, необходимо, должно, направленная напряженность и др. С другой стороны, понятие "о-граниченная значимость" является единицей анализа психологической организации человека и характеризует в своем диалектическом развитии динамику зависимости человека от внешних и внутренних условий существования, т.е. то, без чего полноценная человеческая деятельность невозможна или нежелательна. Другими словами, о-граниченная значимость – это форма долженствования (принуждения), внутренне при-

сущая человеку, его пристрастность к миру. Тогда, естественно, возникает вопрос: а чем значимость отличается от потребностей? Эти различия мы указывали в предыдущей главе. Здесь же отметим, что понятие "значимость" более широкое по объему и универсальной, чем понятие "потребность" и желание некоторых авторов [152, 248, 249] расширить его, вряд ли оправдано с точки зрения конструктивности, т.к. за ним закреплено определенное содержание. Хотя сама попытка, свидетельствует о необходимости универсализации этого понятия и стремлении выхода на новые горизонты системного рассмотрения мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер человека.

О-граниченная значимость трансформируется в то или иное психологическое образование (мотив, смысл, ценность) Ц-С С в зависимости от условий проявления, функций в жизнедеятельности человека, которые находят отражение в следующих критериях:

- хронотоп, т.е. пространственно-временной составляющей жизнедеятельности (М.М. Бахтин, 1979). В рамках какого контекста рассматривать значимость (ситуативный, социальный, культурный, ближний, дальний и т.п.) и, соответственно, на каком промежутке времени (А.Ф. Лосев, 1982; С.М. Морозов, 1984);
- обобщенность, универсальность о-граниченной значимости по отношению к жизнедеятельности человека. Соответственно мера, обобщенности может быть как по отношению ко всей жизнедеятельности (ценности), так и по отношению к целостной деятельности человека, большим промежуткам времени (смысл), а также и по отношению к конкретным поступкам, действиям, ситуациям (мотив);
- локализация о-граниченной значимости как энергетического, побудительного, воздействующего на человека начала может находиться как в самом человеке, так и вне его.
- В соответствии с вышеперечисленными критериями можно отразить различия между мотивами, смыслами и ценностями в виде таблицы.

Таблица 1.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ МОТИВАМИ, СМЫСЛАМИ И ЦЕННОСТЯМИ.

Критерии различий	Мотив	Смысл	Ценность
Хронотоп	Ситуативно-настоящий	Социально-деятельностный	Жизнедеятельность в культуре
Обобщенность	В рамках отдельных поведенческих актов	В рамках деятельности и жизнедеятельности	Жизнедеятельность людей в конкретной культуре

Источник локализации	<u>Внутренне-внешний</u>	Внутренне-внешний	<u>Внешне-внутренний</u>
----------------------	--------------------------	-------------------	--------------------------

5.3. Проявления о-граниченной значимости в мотивах, смыслах и ценностях

Значимость мира для человека возникает из его зависимости от внешнего окружения. Без этого окружения существование человека, да и всякого живого существа, было бы невозможно. Зависимость человека от мира подчеркивает неразрывность их взаимосвязи, то, что человек вплетен в мир и является одним из моментов его превращений. Значимость же – это пристрастное отношение человека к миру, пристрастное взаимодействие с миром, которое предполагает, в зависимости от степени важности чего-то для жизнедеятельности человека сейчас или в будущем, дифференцирование и интегрирование отношений, их различение и иерархизацию. Дифференциация и интеграция значимости – естественно эволюционный процесс с целью более эффективной регуляции взаимодействия человека с миром, адаптации к нему. Это становится возможным, с одной стороны, через универсализацию регуляторов (критериев, границ), а с другой – через расширение пространственно-временных границ отражения реального мира. То и другое детерминирует появление мотивации, смыслов и ценностей, которые и обеспечивают эффективность взаимодействия человека с миром. Но в каком плане? Если воспользоваться языком границ, то это бы звучало так: эффективное взаимодействие человека с миром есть, *с одной стороны*, такое о-граничение человеком своих значимостей в мире, которое бы соответствовало наличному миру и, более того, служило его развитию, *а с другой*, это формирование и развитие у человека психологических механизмов изменения и трансформации границ, их пространств и проектирования. Однако остается вопрос, в каком плане и как обеспечивают более эффективную регуляцию мотивы, смыслы и ценности? Да и связаны ли они с регуляцией взаимодействия человека с миром? На последний вопрос – ответ в отечественной и зарубежной психологии однозначен, мотивы, смыслы и ценности обеспечивают регуляцию жизнедеятельности человеком. Споры ведутся лишь по поводу того, как это происходит? Какова роль в регуляции того или иного психологического образования? Взаимодействие человека с окружающим миром прежде всего опосредовано мотивацией, она в широком смысле детерминирует поведение [33, 142, 204, 34]. Мотивация рождается, появляется из зависимости человека от мира, а значит, в процессе их взаимодействия. Вероятно, поэтому В.К. Вилюнас говорит о всеобщей мотивационной значимости явлений окружающего мира [82]. Мотивация как целостный системный процесс рождается на

границе взаимодействия мира и человека, на стыке субъекта и объекта [76; 18], в процессе нахождения своего предмета [212; 205]. Сам же предмет для значимости выступает границей, о-граничивающей значимость, качественно её оформляющей. Это качественная граница значимости, превращающая её в мотив. Где эта граница? Как предмет – она во внешнем мире и отсюда мир – это предметно-вещная граница человека. Но граница и внутри человека, как опредмеченная, о-граниченная значимость. Значимость нашла себя в границе и превратилась в мотив. Г. Гегель об этом пишет так: "... нечто есть в себе другое самого себя, и в другом для него объективируется его же собственная граница" [101; 231]. В этом проявляется диалектичность границы, т.е. она есть и внешний мир, и одновременно его отрицание (Г. Гегель, 1975).

Граница дает значимости конкретную определенность, поэтому мотив конкретен, в том смысле, что направлен на определенные предметы. Мотива без предмета, без границы просто нет. Тогда возникает такой вопрос: мотив – это внешнее или внутреннее образование? Он и то, и другое. А что, без непосредственного воздействия внешнего мира нет мотивов? Есть, т.к. о-граничение значимости внешним миром содержит границу в себе как иное внешнего мира. Это следует из диалектической природы границ. В конкретной же ситуации, которая может мотивировать человека через возникновение новых границ и актуализацию старых. Другими словами, мотив – всегда внешне-внутреннее образование, однако актуализация границ, в силу их диалектичности, может идти как извне, так и изнутри человека. Вот поэтому в концепциях мотивации нет четких различий между интринсивной и экстринсивной мотивацией (Х. Хекхаузен, 1986). А выходом из этой ситуации является обращение к личности человека и ценностям [401; 235 – 248], но не только. Так, например, В.К. Вилюнас в целях анализа советуется обращаться к относительно автономным "единицам", как-то потребности [84; 48], которая тоже, как и граница, двупланова и требует расщепления на нужду и благо [84; 50]. Для нас же это означает обращение к значимости в её диалектической связи с границей.

Абстрактное определение мотива как о-граниченной значимости находит свою конкретизацию в процессе разворачивания детерминации поведения человека [329; 364]. Процесс разворачивания мотивации осуществляется в регуляции. Недаром очень многие психологи в качестве важнейшей функции мотивов называют регулятивную функцию. Однако есть отечественные [76, 291] и зарубежные подходы к мотивации как регуляции конкретной деятельности [277, 17]. В чем же специфика мотивации как регуляции с позиции о-граниченной значимости? Да в том, что мотивация – это о-граничение разнообразной активности человека в конкретной ситуа-

ции. Сам же процесс о-граничения достаточно многомерен, но можно указать основные его моменты. Механизм мотивации как о-граничения включает выбор цели и планы (К. Обуховский, 1972; М.Ш. Магомед-Эминов, 1991), последовательность цепочки действий с учетом мотивации, все это и есть разного плана и вида о-граничение активности как её реализация. Процесс о-граничения мотивации, с одной стороны, включает увеличение или уменьшение напряжения (накопление и расходование энергии), а с другой, направленное оформление разного вида активности человека (построение активного движения). Собственно говоря, о-граничить – это обрести некую качественную определенность действиям, чувствам и мыслям. Поэтому мотивированный человек стремится качественно и количественно определиться, обрести некую определенность, а значит, о-граничить себя в конкретной ситуации жизнедеятельности. Мотив – это реальное проявление в конкретной ситуации о-граниченной направленно-напряженной субъектной активности. Удачно ли он это делает или нет – в этом есть вопрос, на который человек пытается ответить. Ответом может быть выход на более высокий уровень регуляции – смысловой. Например, А.Н. Леонтьев в качестве механизма осознания мотивов рассматривает процесс смыслообразования как специфически-мотивационную форму отражения реальности [212; 211 – 215]. Выход на смысловой уровень регуляции определен не только необходимостью повышения эффективности регуляции, но и диалектической природой границ. О-граничение мотивации в конкретных ситуациях ведет к дифференциации и большему разнообразию границ, т.к. меняются не только ситуации жизнедеятельности человека, но и значимое для человека, поэтому возникают трудности выбора конкретного о-граничения, которые можно снять, лишь выработав универсальный критерий оценки целесообразности деятельности⁶⁴, выступающей на осознанном уровне как смысл. Здесь ярко проявляет себя диалектическая природа границ как единство и противоречие индивидуального и общественного, т.к. граница, с одной стороны (человека), индивидуальна и выражает конкретного человека, а с другой, общественна, она граница иного, социального бытия, и его определяет. В этом и есть диалектика границы, о преодолении которой хорошо сказал С.Л. Рубинштейн: "При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность

⁶⁴ Вопрос о целесообразности деятельности, поступков и жизнедеятельности интересен сам по себе. В той или иной степени ответом на него является статья Ганзен В.А., Головей Л.А. Отношение между потенциями и тенденциями в структуре индивидуальности // Личность и деятельность. Л., 1982. С. 3 - 11.

внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия" [327; 241].

Выход из этой проблемы – в универсализации границ. Таким образом, как с точки зрения границ, так и эффективности регуляции, для человека вполне естественно с мотивационного уровня выйти на смысловой уровень регуляции жизнедеятельности. Однако это потребует от него ответа на вопрос: а что такое смысл? Концептуальная проработка этого понятия в психологии явно не достаточна. В этом отношении идет работа по созданию теории смысла в семиотике, лингвистической семантике, герменевтике и смежных научных дисциплинах (М.М. Бахтин, 1979; С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский, 1985; Р. Акофф, Ф. Эмери, 1974 и др.). В рамках названных научных дисциплин возникают свои проблемы по созданию теории смысла [116; 42 – 52], но материал, наработанный в этих направлениях, нужно не только учитывать, а скорее включать в осмысление психологических особенностей понимания смысла, тем более, как указывают многие авторы, для создания теории смысла необходимо выйти в область психологии, философии, социологии [116; 46].

Что же касается психологии, то представление о смысле и смысловых образованиях начинало формироваться в исследованиях школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия. В настоящее время преобладает подход к трактовке смысла, заложенный А.Н. Леонтьевым [211]. Он пишет, что "... сознательный смысл выражает отношение мотива к цели" [211; 243]. Правда, на то, что А.Н. Леонтьев при этом говорит о сознательном смысле, обращают мало внимания. А это, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для создания теории смысла. Это мы и попытаемся показать в дальнейшем. А сейчас обратим внимание на ответный характер смысла (М.М. Бахтин, 1979), что находит отражение в нередко употребляемом в философской литературе термине "самоговорящее бытие" [230]. Как пишет М.М. Бахтин: "Смысл всегда отвечает на какие-то вопросы. То, что ни на что не отвечает, представляется нам бессмысленным, изъятым из диалога" [47; 350]. Данный подход особенно ярко проявляет себя на уровне эмпирического исследования. Вот здесь-то и проявляется то, о чем говорит А.Н. Леонтьев, а именно о сознательном смысле. И в этом-то и проблема, смысл, конечно, может осознаваться, проступать в сознании, но, пожалуй, большая его часть не осознается человеком. Тогда как его исследовать? Для этого нужна теория смысла, иначе проблема так и останется проблемой. И вовсе не случайно, что прошло уже больше двадцати лет после выхода программной статьи о смысловых образованиях личности [36], но только сейчас начали появляться психологические работы, позволяющие по-новому подойти к этому вопросу [219, 363].

И здесь мы снова задаемся вопросом: так что же такое смысл? И не важно, что реального смысла нет, а есть лишь смысловые образования. Пусть смысл – это просто некий теоретический конструкт, каковым считают и мотив (Х. Хекхаузен, 1986). Важно лишь то, что от его понимания зависит содержательное наполнение понятия "смысловые образования", а значит, и понимание личности человека, т.к. последние считаются ядром личности [36].

При определении и описании смысла, явно или нет, закладываются некоторые *предельные* основания или по-разному называемая *конечность*⁶⁵. Например, в уже упомянутом определении А.Н. Леонтьева – это цель, к которой стремится человек, да и мотив (как потребность, знающая свой предмет) тоже о-граничены предметом. Другими словами, смысл появляется (в случае А.Н. Леонтьева осознается) в неких границах, рамках. Ещё более категоричен М.М. Бахтин: для него смысл появляется, актуализируется лишь при соприкосновении, взаимодействии с другими смыслами, т.е. на границе их определенности. Потенциальный смысл – это смысл, не знающий своей границы, не соприкоснувшийся с другим смыслом, бесконечен и неисчерпаем. Или как пишет М.М. Бахтин: "Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего" [47; 350]. То, что смысл появляется в процессе контакта, взаимодействия, которое как-то о-граничивает человека, подчеркивают и другие авторы (А.Ф. Лосев, 1990; М. Хайдеггер, 1993; А.Н. Лой, 1988). В этом отношении смысл диалектичен, он подлинная сфера диалектики [239; 57]. Диалектическая природа смысла находит отражение в диалектике границ, о чем мы уже писали, но вот как пишет об этом А.Ф. Лосев: "Бессмыслие – меон"⁶⁶, отсутствие смысла; оно окружает смысл, и тем оформляет его, дает ему очертание и образ. Сущий смысл и не-сущее бессмыслие взаимопределяют друг друга и дают определенный образ в результате такого взаимопределиения" [239 ; 62].

Реальная, практическая оформленность, о-граниченность предмета деятельности человека дает им конкретный смысл. "Смысл, по необходимости

⁶⁵ Эта о-граниченность в определении смысла отражена и в "Логическом словаре-справочнике" Н.И. Кондакова. Так, давая определение смысла, он пишет, что смысл это: "... назначение, цель какого-либо действия, поступка" [181; 553].

⁶⁶ "Меон не есть ни какое-либо качество, ни количество, ни форма, ни отношение, ни бытие, ни устойчивость, ни движение. Он есть только по отношению ко всему этому, и именно иное по отношению ко всему этому. Он не имеет ни-какой самостоятельной природы, он есть лишь момент "иного" в сущем, момент различия и отличия" [239; 54].

самой своей природы, есть непрерываемый смысл, цельный и самособранный" [239; 65]. В смысле как таковом целое пронизывает всякую часть, и часть не может не быть целым (А.Ф. Лосев, 1990). При каких условиях это возможно, чтобы часть и целое были изоморфны и эквивалентны в сути своей? Только когда часть есть единица, которой присущи все наиболее значимые и характерные особенности целого. Что же представляет из себя это целое? В самом широком смысле – это мир. Мир образует те внутренние, имманентные нашему деятельностному существованию условия, которые действительно существенны как предел, граница [230; 81]. Это та граница, с которой мы не просто соотнесены – к ней мы, скорее, отнесены самим фактом полагания конкретных условий существования. Таким образом, для существования смысла необходима граница, в которой он находит себя, нет границ – и смысл не может быть актуализирован, он пребывает в потенции, возможности. При этом мы все еще не ответили на вопрос: а что такое смысл? Освещены лишь необходимые условия его существования.

Человек, существуя, находясь в мире, в процессе реальной жизнедеятельности, пристрастно к нему относится. Для него мир, а также те его стороны, которые наиболее значимы, как-то определен, а значит, направляет поведение человека. Это не ситуативная пристрастность, а общая значимость в аспекте жизнедеятельности, в её направленности. Сама направленность возникает на границе, где создаются условия для целостного схватывания тех или иных аспектов жизнедеятельности, о-граничения этих аспектов (сторон) жизнедеятельности от других. В этом и проявляется сущность смысла. Почему? "Потому что у смысла есть направленность; потому что он сам и есть направленность к какому-то концу" [396; 80]. Таким образом, смысл – это отраженная (выраженная) по-границная направленность тех или иных целостных областей жизнедеятельности человека. Или говоря по-другому, смысл – это о-граниченная хронотопом направленная линия поведения и деятельности. В чем же эта направленность проявляется? В движении к цели (М. Хайдеггер, 1993; А.Н. Леонтьев, 1983); порядке (А.Н. Лой, 1988); ритме (М.М. Бахтин, 1979); регуляции, интенции (Б.С. Братусь, 1988; В.П. Иванов, 1977). Иллюстрацией данного подхода к пониманию смысла является метафора, которая выполняет функцию осмысления действительности. Но как она это делает? Посредством наложения рамок, границ, образов на осмысливаемую деятельность, событие или поведение. Это следует из представлений о метафоре, где она понимается то как образец осмысления [13, 18], то как особая концептуальная система (О.М. Бессонова, 1989) или определенный (о-граниченный) класс предметов или явлений [31].

Метафора – это поиск границ, оснований для упорядочивания событий или поступков. Таким основанием является смысл, в свете которого данное событие встраивается в линию жизни. Смысл как направленность характеризуется некоторой пред-заданностью, целесообразностью, значимой необходимостью и обязательностью чего-то для человека, т.е. замыслом, как тем, что лежит в основании мысли и действия. Смысл находит свою определенность в границах (хронотопических, метафорических, контекстных⁶⁷ и других), это один момент, а другой в том, что и сам смысл является границей, т.к. о-граничивает жизнедеятельность человека конкретной направленностью, предзаданностью и целесообразностью. В этом отношении смысл является обоснованием мотива, который о-граничен ситуацией, тогда как смысл – целостной деятельностью. Однако смысл также нуждается в подтверждении своего "статус кво" в жизнедеятельности человека. И не только со стороны рациональности жизнедеятельности и эффективности её регуляции, но и с позиции самого факта существования человека в культуре, со стороны мира. Здесь мы выходим на предельную, прежде всего хронотопически, значимость чего-то для человека – это ценности. На то, что ценности неразрывно связаны со значимостью, указывает С.Л. Рубинштейн [327; 365] и М. Хайдеггер [396; 71]. Последний, например, так пишет: "Значимость все же не ничто, она скорее род и способ, каким ценность, а именно в качестве ценности, "есть"" [396; 71]. В этом высказывании М. Хайдеггера подчеркнута еще раз идея, которую мы развиваем, говоря о единицах анализа ценностно-смысловой сферы. Значимость приобретает вид ценности, характеризует последнюю в своем предельном воплощении (хронотопически и в плане обобщения), универсальность. Из того, что родовым признаком ценности является значимость, следует ряд следствий, т.е. ценность должна характеризоваться направленностью и напряженностью (направленной напряженностью), зависимостью и необходимостью чего-то. Это общие признаки значимости, они присущи и ценности, но имеют свои специфические особенности. Вот об этом мы и поговорим, но прежде попытаемся определить, что же такое ценность?

В последнее время появилась большая обзорная статья Д.А. Леонтьева [225], где представлен междисциплинарный подход к многомерной реконструкции понятия "ценность". Конечно, существуют и другие работы, где анализируется понятие "ценность", но в философском, социологическом, аксиологическом или этическом планах [69, 132 и др.]. Работ же по ценно-

⁶⁷ Понятие "контекст" не ново в психологии, но требует ещё своего как изучения, так и обобщения. Необходима теория контекстов, на это указывали как М.М. Бахтин [47], так и А.Ф. Лосев [234] и в последнее время С.М. Морозов [261]

стям в психологическом аспекте явно недостаточно для концептуального обобщения. Поэтому мы сосредоточили свое внимание на раскрытии понятия "ценность" в рамках нашего подхода и, конечно, с выходом на психологическое понимание ценностей человека. Обозначение подхода к психологическому пониманию ценностей человека неизбежно следует начать с культуры⁶⁸, ибо она является природой человека, но не только. Культура для человека выполняет свою важнейшую функцию – о-граничительную⁶⁹, т.к. только в процессе о-граничивания человек обретает определенность – как человека представителя рода. Ценности в культуре, и прежде всего они, и выполняют по отношению к человеку эту о-граничительную функцию, о-граничивая, а значит, определяя человека культуры. Однако и для самой культуры ценность имманентна её сущности, они исходят из неё. Это подтверждает высказывание М. Хайдеггера, для которого культура есть реализация ценностей, с которыми должен считаться человек в условиях бытия. Причем именно в ориентации на сущее и на основе сущего как основании культуры и человека. По мысли М. Хайдеггера, сущее как высшее сущее есть основание бытия человека [396; 42, 273, 364] и оно выведено в бытие. А между ценностью и основанием существует глубокая внутренняя связь [396; 71]. Действительно, "само сущее в таком случае нуждается в каком-то новом истолковании, чтобы его принципиальные черты получили определение, делающее его пригодным служить в качестве "принципа" составления новой таблицы ценностей и в качестве масштаба для них соответствующего упорядочения по рангу" [396; 65].

Таким образом, культура в сущности своей присущи ценности как её основания, без которых она не может существовать. Но они, т.е. ценности, в силу родовой принадлежности к значимости, есть и направленность как самой культуры, так и человека. Но куда и в каком направлении ценности ориентируют культуру и человека? Культура посредством социально-психологических механизмов становится и разворачивается в диалогическом взаимодействии с человеком, в этом диалоге она не только воспроизводит себя, но и детерминирует собственные тенденции развития. В.С. Библер пишет: "... культуру возможно определить как форму самодетерминации, самопредопределения (и – возможности перерешения) деятельности, воли, сознания, мышления, судьбы человека (индивида – в горизонте личности)" [57; 304]. Именно поэтому в жизнедеятельности своей, в её о-граниченной устремленности человек пред-определен культурой. В этом контексте культура – это интегральная, основополагающая и ценностная

⁶⁸ Смотри в данной работе главы 1 и 3.

⁶⁹ Об о-граничительных функциях культуры смотри глава 3.

характеристика человеческого бытия, детерминирующая вектор жизнедеятельности человека на себя. А что это значит – на себя? Культура, её социально-психологические механизмы направлены на самовоспроизводство, на сохранение культуры – это как минимум. Максимум проявляется в направленности на развитие культуры, на отбор положительного и значимого для культуры и человека культуры. Отсюда ценности культуры как её сущностная основа, образуют базовую структуру культуры (пространство культуры, её грани). Причем ценности культуры, есть её направляющие грани, плоскости, которые очерчивают, оформляют, о-граничивают пространство культуры, в котором бытийствует человек. Ценностное о-граничение культуры – это её оформленность (материально-вещное, духовное), определенность и реальность. Таким образом, ценности культуры – это основные образующие её существования как культуры, которые направленно и напряженно о-граничивают (извне и изнутри) её пространство существования, т.е. определяют его посредством социально-психологических механизмов.

Все предметы и вещи, которые включены в культуру, а также человек имеют свою культурную ценность⁷⁰, т.к. это пространство имеет системно-структурную архитектонику (М.М. Бахтин, 1979; О.Г. Дробницкий, 1967; В.С. Библер, 1991; М. Хайдеггер, 1993; В.П. Иванов, 1977; Г.Л. Тульчинский, 1986; А.Н. Лой, 1988). Все, что захвачено потоком "самоустремленной" культуры, имеет ту или иную значимость (ценность, смысл, мотив), т.к. все это определено, а значит о-граничено культурой. Но ценности культуры не столько очерчивают её пространство, сколько для человека задают поле его жизнедеятельности и изнутри его самого определяют (о-граничивают) общую направленность его жизни. Так, Д. Ли констатирует, что то, что внешнему наблюдателю может показаться социальными ограничениями, феноменологически предстает не как ограничения, а как основа для структурирования активности индивида, не только не противоречащая его свободе и автономии, но выступающая их необходимым условием [33]. Исследование культурно-исторических и социально-психологических механизмов формирования человека в фило- и онтогенезе, основанные на

⁷⁰ Иногда эта ценность вещей, предметов культа, форм поведения людей и т.п. выглядит достаточно экзотично для людей другой культуры или более позднего времени. Например, пагач у эскимосов или демонстративное поведение в современном обществе [187]. Все это так или иначе связано с таким явлением, как престижность, которое, к сожалению, чаще описывают в исторической литературе, а не в психологической [173].

теории интериоризации⁷¹ изначально внешних по отношению к человеку социальных регуляторов, превращения их в ходе социализации в сущностные основания организации и структуры личности человека, позволяют по-новому увидеть место ценностей в регуляции жизнедеятельности человека. Так, К. Клакхон отмечает, что ценность является характеристикой не любого желаемого или предпочитаемого объекта или способа поведения, а такого, который является желательным, то есть желание или предпочтение которого является обоснованным, с точки зрения определенных стандартов или критериев – личных или общественных. Критерии желательности желаемого определяются при этом его совместимостью со стратегическими целями и направленностью развития как личности, так и социальных групп и социокультурных систем. Функциональная роль ценностей связана для К. Клакхона с самим фактом жизни человека в обществе [5]. Вот поэтому проблема понимания сущностной роли ценностей в жизни человека достаточно актуальна и, как пишет Д.А. Леонтьев, ещё ищет своего решения [221; 35].

Как мы уже писали, сущностью человека, его ядром является ограниченная значимость, т.е. ценности, смыслы и мотивы. Это положение находит разнообразное подтверждение. Так, в концепции В.С. Библера [57] человек – это тоже "культура", а значит, ему, как "культуре", присущи ценности, которые отражают сущностную основу человека в бытие (М. Хайдеггер, 1993). И если задаться вопросом: как отражают? – то и ответ есть: направленностью жизнедеятельности, её смыслами и мотивами. Но не только! Ценности в жизни человека приобретают разные формы: идеалов, предметно воплощенные ценности и личные ценности [225; 23], разумеется, во всем многообразии конкретного жизненного выражения. Ценности образуют целостную личностную структуру или, как пишет О.И. Генисаретский: "... формирующиеся благодаря включению человека в систему общественных отношений, и есть те ценностные образования, которые в практике жизнедеятельности выступают как её сущностные силы. Взятые вместе, они образуют "ядро" личности, её "основу", обеспечивающую целостность и преемственность индивидуального развития, личную самодостаточность" [103]. Но несмотря на подобного рода констатации и то, что в психологии, да и не только, были предложены оригинальные и интересные концепции ценностей (В. Франкл, 1969; А. Маслоу, 1970; С. Клакхон, 1951; Д.А. Леонтьев, 1996; А.С. Шаров, 1993), проблема ценностей человека остается открытой. В чем же дело? Причину мы усматриваем не

⁷¹ Наш подход к пониманию сущности интериоризации и её механизма смотри в главе 3.

столько в разрыве между личностью и социумом, человеком и культурой (Д.А. Леонтьев, 1996), на уровне конкретного психологического исследования [221; 35], сколько в слабой теоретической проработанности взаимоперехода (интериоризации и экстериоризации, самодетерминации культуры в человеке и наоборот) ценностей культуры в человеческие ценности (образование, формирование человека) и, наоборот, ценностей человека в ценности культуры (творчество). То, что ценности конкретного человека производны от ценностей культуры, класса, социальной группы, подтверждается мнением многих исследователей. При этом, конечно, отмечаются культурные и индивидуальные различия, которые проявляются в разного рода ценностных образованиях.

В чем же проявляется, во что оформляется ценностная взаимосвязь человека с миром культуры? В пространство жизнедеятельности человека. Индивидуальные ценности о-граничивают, а значит, определяют направленно-напряженное, многомерное пространство жизнедеятельности конкретного человека и всего того, что вовлечено в это пространство (вещи, люди, отношения, идеалы и т.д. и т.п.), приобретает ценностную значимость (О.Г. Дробницкий, 1967) или ценностно оформленный жизненный мир человека (А.В. Михайлов, 1988; М. Черноушек, 1989; М. Хейдметс, 1989; А.С. Шаров, 1997), в том числе и потребностями, и мотивами, и смыслами. Смыслами, пожалуй, в большей степени. Это как бы некий поток, который несет по жизни человека. Это пространство внутренне-внешнего "сращивания" человека с окружающей средой, пространство поступка и деяния, место встречи человека с миром. Здесь действуют свои, особые законы – дистанции, места поведения, приватности (Р. Баркер, 1963; И. Альтман, 1975). Человеческие ценности, в силу диалектической природы границ, имеют свое воплощение в самом человеке и мире. В человеке – это регуляция жизнедеятельности, а в мире – многомерное пространство его жизнедеятельности или более точно разворачиваемое конкретным человеком пространство собственной жизни. Ценности человека актуализируются в процессе взаимодействия человека с миром, в культуре. На границах этого взаимодействия, контакта происходит трансформация ценностей культуры в ценности человека (интериоризация) и наоборот (экстериоризация). В процессе взаимодействия на границе мира и человека происходит его определение и самоопределение, а также становление. Здесь же себя обозначают границы мира и самого человека. Прежде всего через ценностную зависимость идет психологизация и структуризация жизненного пространства [258, 411, 204]. В заключение можно дать такое психологическое определение человеческим ценностям – это многомерное о-граничение (оформление) индивидуального направленно-напряженного

пространства жизнедеятельности человека, в котором он определяется как человек культуры. Человеческие ценности, конечно, одно из измерений пространства его жизнедеятельности, которое о-граничено как человеком, так и культурой, и в этом о-граничивании они выполняют свою основную функцию – регулятивную. Ценности не только задают архитектуру пространства жизнедеятельности, они являются предельным горизонтом, границей, где идет становление смысла для человека культуры. Осмысление жизнедеятельности происходит в течение всей жизни человека, в этом процессе идет изменение и ценностей, их трансформация (интериоризация и экстерииоризация). Там, где это происходит, человек определяется, оформляется его "Я", которое характеризует грани жизнедеятельности человека. Поэтому "Я" как границы человека находится не только внутри него, оно также и в окружающем мире. В процессе о-граничения идет снижение культуры как таковой в нечто домашнее и бытовое, а это несет возвышение быту [258; 234]. В процессе трансформации ценностей, в актах "присвоения" индивидуальные ценности заново осмысливаются через внешнее, культурой оформленное бытие. Вещи, предметы и люди получают свою собственную ценностную весомость, как бы изнутри, из пространства жизнедеятельности человека. На протяжении жизни человека пространство его жизнедеятельности все более разрастается, дифференцируется, оно психологизируется, т.е. "обживается", и человек пристрастно к нему относится, а сам окружающий мир, в свою очередь, определенным образом воздействует на психику человека [258, 398, 411, 204]. В этом случае вещи и предметы окружающего мира выступают как простая преграда, граница моего мира [258; 238]. Психологическое, как пристрастное, разлито в пространстве культуры, и "Я" человека разворачивается в этом пространстве, и тогда оно становится "моим". *Таким образом, психологический смысл индивидуальных ценностей человека проявляется в о-граничении (оформлении, направленности, структурировании, определении) индивидуального пространства жизнедеятельности человека.* Тогда как индивидуальная ценность есть одно из измерений этого многомерного пространства, которое о-граничено как человеком, так и культурой, и в этой измеренной человеком о-граниченности выполняется одна из стержневых функций существования человека – регулятивная функция.

Подведем итог целостного рассмотрения ценностно-смысловой сферы человека, основными образующими которой выступают мотивы, смыслы и ценности. Во-первых, единицей анализа ценностно-смысловой сферы является о-граниченная значимость, которая в процессе онтогенетического развития человека претерпевает ряд изменений и приобретает форму таких психологических образований, как мотивы, смыслы и ценности. Основной

движущей силой является диалектическая природа границ – это в гносеологическом плане, а в онтологическом – совершенствование регулятивных механизмов человека в социокультурной среде. Во-вторых, между мотивами, смыслами и ценностями есть как общее – это о-граниченность, которая характеризуется напряженной направленностью; так и различия. Они проявляются в: а) хронотопе (в преимущественном учете пространственно-временных границ при регуляции жизнедеятельности); б) обобщенности, т.е. универсальности того или иного психологического образования для регуляции поступков, поведения и жизнедеятельности; в) источнике локализации, а он всегда внешне-внутренний.

5.4. Психологические механизмы ценностно-смысловой сферы человека

Для того, чтобы разобраться в психологических механизмах функционирования ценностно-смысловой сферы, необходимо проанализировать психологическую литературу по этой проблематике. Функционирование мотивационной сферы возможно посредством психологических механизмов мотивации. Так, выделяют следующие психологические механизмы мотивации: иерархическое соподчинение мотивов (Л.И. Божович, 1968); механизмы мотивационно-эмоциональной оценки, мотивационно-когнитивной оценки и организации мотивационных процессов, механизм мотивационной регуляции (М.Ш. Магомед-Эминов, 1991); оценочный и гомеостатический механизмы, спонтанной активности и динамического равновесия, механизм адаптации и идентификации (В.Г. Леонтьев, 1992). В онтогенетическом развитии В.К. Вилюнас выделяет в качестве механизма мотивационное обуславливание и мотивационное опосредование [82, 303]. Как видим, при рассмотрении психологических механизмов мотивации есть проблемы их целостного и системного анализа, т.к. авторы при выделении психологических механизмов мотивации исходят из различных критериев, и часто даже в рамках собственной работы. В этом случае необходимо перевести обсуждение на более обобщенный уровень, а именно на уровень критериев, т.е. концептуального подхода к пониманию функционирования мотивации.

К изучению динамики смысловой сферы обращались не так часто (Б.С. Братусь, 1981; Ф.Е. Василюк, 1984; Д.А. Леонтьев, 1997).

По этому вопросу можно выделить несколько интересных направлений. В монографии Ф.Е. Василюка [78] рассматривается динамика смыслов со стороны переживания. Он выдвинул гипотезу о многоуровневом построении переживания по образцу представлений Н.А. Бернштейна об уровне-

вом построении движения [54]. Это следующие переживания: гедонистические, реалистические, ценностные и творческие [78]. Говоря о внутренней структуре переживаний, Ф.Е. Василюк считает, что они состоят из целостной системы механизмов, и если они становятся более или менее устойчивыми, обретают некоторую законченность, то такие механизмы следует понимать как особые "функциональные органы" (Ф.Е. Василюк, 1984; В.П. Зинченко, 1996; Д.А. Леонтьев, 1997). В ряде публикаций Д.А. Леонтьева [219, 220] проведен не только анализ смысловой сферы личности, но и смыслодинамические процессы [219]. Эти исследования касаются прежде всего "малой динамики" смысловых процессов, т.е. процессов порождения и трансформации смысловых образований в ходе движения той или иной особенной деятельности [37; 113]. Тогда как под "большой динамикой" понимают процессы рождения и изменения смысловых образований личности в ходе жизни человека, в ходе смены различных видов деятельности [37; 110]. Д.А. Леонтьев выделяет три плана процессов: смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство [219; 14]. "Смыслообразование можно определить на языке психологических механизмов как процесс распространения смысла от ведущих, смыслообразующих, "ядерных" смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности" [219; 15]. Смыслообразование распространяется на опредмечивание актуальных потребностей, ситуативное развитие мотивации, цели и условия деятельности. Смыслообразование включает в себя, по Д.А. Леонтьеву, три психологических механизма: мотивационный, диспозиционный и атрибутивный [223]. "Смыслообразование характеризуется тем, что в нем не происходит содержательной трансформации смыслов. Оставаясь принципиально инвариантным, исходное смысловое содержание находит для себя новые превращенные формы и, перетекая в них и подчиняясь их "формообразующим закономерностям", меняет лишь форму своего проявления в деятельности субъекта" [219; 15]. Это очень интересное и эвристичное высказывание Д.А. Леонтьева, не лишенное внутреннего противоречия. Оно заключается в том, что новая форма должна изменить и старое содержание, весь вопрос только в том, насколько существенны эти изменения? Это уже зависит от того, опять же, насколько новая форма отлична от старой. В этом диалектика формы и содержания, о-граниченной значимости, но, к сожалению, эта линия анализа не была продолжена, а редуцирована к тому, что при смыслообразовании происходит расширение сети смысловых связей за счет подключения к ней новых и новых элементов [219; 15]. Изменение формы изменяет и смысловой ансамбль, смысловое образование трансформируется. Вопрос: насколько существенно? Его "ядро", конечно же,

остаётся инвариантным, но как фрагмент уже новой картины, нового образа, первоначальный смысл (как ансамбль) стал другим. Давая общую характеристику процессов смыслообразования, Д.А. Леонтьев отмечает два момента. *Во-первых*, он отмечает общую направленность процессов смыслообразования – "сверху вниз", т.е. от субъекта деятельности к полюсу объекта. А *во-вторых*, процессы смыслообразования подчинены определенной логике, носителями последней выступают особые глубинные структуры психики человека⁷², которые он, вслед за Ф.Е. Василюком [78], называет "схематизмами" [219; 15 – 16]. Для уяснения сути данного понятия интересно обратить внимание на несколько аспектов анализа: Как возникают эти схематизмы? Они формируются в раннем онтогенезе или в течение всей жизни? Что это такое схематизм? И что это за особые глубинные структуры психики? Как схематизм влияет на смысловую динамику? В той или иной степени мы попытаемся ответить на эти вопросы при изложении собственного понимания динамики ценностно-смысловой сферы. А сейчас обратимся к следующей разновидности динамики смысловых процессов.

В процессе смыслоосознания Д.А. Леонтьев выделяет "два принципиально различных" процесса: осознание смысловых структур и осознание смысловых связей [219; 16]. В первом случае факт осознания не трансформирует соответствующие смысловые структуры, тогда как во втором, при осознании связей, это, происходит. Для целостного понимания смыслоосознания следует задать несколько вопросов. А как возможно осознание структуры без связей? Или, наоборот, связей без структуры? Может ли быть осознание беспристрастным? И насколько пристрастность существенна для трансформации смысловых образований? Думается, что более естественно рассматривать эти два процесса, как два этапа в ходе осознания чего-то, как механизма трансформации смысловых образований.

Смыслообразование и смыслоосознание суть процессы развития смысловой сферы личности, а не её радикальной перестройки. Перестройка глубинных личностных структур реализуется посредством особого рода процессов – смыслостроительства (Ф.Е. Василюк, 1984; Д.А. Леонтьев, 1997). Эти процессы опосредованы "особым движением сознания", его

⁷² В этом месте Д.А. Леонтьев намеренно обходит проблему "архетипов коллективного бессознательного" (К. Юнг), но, пожалуй, главное не это, а то, что в этой идее опять же проявляется диалектика формы и содержания, о-граниченной значимости. На это указывает и Ф.Е. Василюк, когда пишет об особой формообразующей структуре, внедрение которой качественно перестраивает весь процесс [78; 159]. Существуют особые, культурой выработанные, схемы, мнемические следы, наглядные представления (имаго) (С. Московичи, 1996).

"особой внутренней деятельностью" по соизмерению, соподчинению и упорядочиванию отношений субъекта с миром, в том числе путем творческой перестройки прежних связей [78; 120, 357; 223]. Конечно, здесь речь идет о психологических механизмах смыслостроительства, весь вопрос лишь в том, относятся эти механизмы только к смыслостроительству или ко всей динамике смысловой сферы человека? Для характеристики процессов смыслостроительства Д.А. Леонтьев выделяет три класса ситуаций, в которых отчетливо наблюдаются процессы смыслостроительства: критические ситуации жизни субъекта, характеризующиеся невозможностью реализации им внутренних потребностей своей жизни (Ф.Е. Василюк, 1984; Э.И. Киришбаум, 1986; Д.А. Леонтьев, 1997); ситуации контакта и взаимодействия с иным смысловым миром, с другой личностью (Е.А. Радионова, 1981; Е.А. Хорошилова, 1984; В.А. Петровский, 1985); ситуации воздействия искусства на личность (Л.С. Выготский, 1986; А.Н. Леонтьев, 1981; Е.М. Целма, 1974; Шор Ю.М., 1980 и др.). Общим для этих ситуаций является трансформация глубинных смысловых структур (для настоящего и будущего), а отличие заключается в том, как это происходит, посредством чего. Обобщенно это можно представить так: в результате взаимодействия, контакта с чем-то или с кем-то значимым происходит глубинная перестройка смысловых структур [219; 23]. Возникшее в результате взаимодействия напряжение приводит к трансформации смысловой сферы. Они, эти трансформации, достаточно разнообразны [219, 78, 171], однако описывать их не входит в цель нашей работы.

Если же говорить в целом о динамике смысловых процессов, описанной Д.А. Леонтьевым [219], то это, бесспорно, большой шаг вперед в понимании внутреннего мира человека, который включает в себя и перспективы дальнейшего развития смысловой динамики человека. Ключевыми здесь являются следующие вопросы. Какова структура смысловой (мотивационно-смысловой, ценностно-смысловой и др.) сферы в целом? Что общего и чем различаются смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство? Является ли смыслоосознание механизмом смысловой сферы или сознания? Ответы на эти вопросы помогут вывести на новый горизонт понимания психологические механизмы функционирования ценностно-смысловой сферы человека.

Что же касается психологических механизмов функционирования ценностей и ценностных ориентаций, то этот вопрос освещен в литературе крайне слабо. В общепсихологическом, социологическом контексте рассматривается процесс оценки, оценивания и оценочных суждений (М.В. Демин; 1977, В. Брожик; 1982, Н.Ф. Наумова; 1988). На содержание оценок влияют эмоции и чувства, потребности и интересы, нормы и принятые цели со-

циума [121; 128]. В этом плане внимание исследователей направлено на содержательные связи и механизмы действия ценностных ориентаций. Чисто структурным особенностям системы индивидуальных ценностей, обеспечивающим её динамизм, придается, как правило, несравненно меньшее значение, хотя роль их остается неясной.

В этом отношении интересными, дающими богатый материал для размышлений, являются результаты исследования диспозиционной системы личности, проведенные под руководством В.А. Ядова [332]. Логика этой работы, т.е. построение иерархии причинных зависимостей, основана на анализе связей содержания диспозиций, действующих на различных уровнях, и поведения индивида. Тем не менее здесь делается ряд важных для нашей темы, но не находящихся в центре внимания самих авторов наблюдений по поводу организации диспозиции, не сводящейся к иерархии. Во-первых, отмечается, что достоверная интерпретация ценностей невозможна при изолированном их рассмотрении – необходимо выделение в них некоторых системных "образов". Во-вторых, фиксируется наличие в этих "образах" более или менее устойчивых, "периферических" слоев. В-третьих, делается вывод, что по отношению к инструментальным ценностям наблюдается "заметная индивидуализация (или неопределенность) ценностных структур [332; 50 -52]. Таким образом, даже там, где единицей анализа является содержание ценностей, а не особенности их организации, поскольку они уже заданы (в данном случае как иерархия), оказываются естественными и необходимыми представления о том, как строится их структура, как они оформлены [270; 129]. При социологическом подходе к пониманию механизма функционирования ценностных ориентаций упор делается на исследовании взаимосвязей и вычленении, опять же на основе взаимосвязей, ценностных структур.

Интересную попытку в исследовании психологического механизма функционирования ценностей сделал Ф.Е. Василюк, он выделил два основных подтипа ценностных переживаний. "Первый из них реализуется, когда субъект не достиг ещё высших этапов ценностного совершенствования, сопровождается большим или меньшим изменением его ценностно-мотивационной системы" [78; 130]. Ценностные переживания второго подтипа возможны только на высших ступенях развития ценностного сознания. Если до достижения этих ступеней ценность принадлежала личности, была частью, пусть даже важнейшей и неотъемлемой, но все-таки частью её жизни, и личность могла сказать: "моя ценность", то теперь происходит оборачивание этого отношения – уже личность оказывается частью объемлющей её ценности, принадлежит ей, и именно в этой причастности ценности, в служении ей находит смысл и оправдание своей жизни [78;

134]. Кроме подтипов, Ф.Е. Василюк отмечает и варианты ценностных переживаний, характеризующие в основном первый подтип [78; 130 – 134]. Анализируя подход Ф.Е. Василюка, нам хотелось бы отметить следующие моменты. Во-первых, говоря о ценностных переживаниях, автор все же больше делает акцент на изменении (от снижения значимости мотива до построения новой ценностной системы человека) мотивационно-ценностной сферы человека, на простраивании связей внутри неё. А значит, разговор идет не столько о ценностных переживаниях, сколько о механизмах ценностно-смысловой сферы. Во-вторых, вряд ли оправдано выделение двух полярных подтипов ценностных переживаний (когда человек владеет ценностью и ценность человеком), т.к. здесь возникает вопрос: а что в личности человека является "ядром", точкой отсчета в понимании самого человека, его жизненным основанием? Вопрос в данном случае не в подтипах, а в мере простроенности ценностно-смысловой сферы человека. Тогда, возможно, лучше говорить не о ценностных переживаниях, а о переживаниях, характеризующих ценностно-смысловую сферу, но с преимущественным вовлечением в этот процесс тех или иных (ценности, смыслы, мотивы) образований.

Таким образом, из анализа мотивационных, смысловых и ценностных механизмов можно высказать несколько положений. Первое: анализируя психологические механизмы (мотивационные, смысловые и ценностные), авторы их далеко не всегда называют психологическими механизмами, за исключением мотивационных. Объяснение этому лежит как в том, что исследователи явно отдают себе отчет в недостаточной проработке понятия "психологический механизм" в психологии, так и в том, что отечественная и зарубежная психология только подходит к пониманию механизмов функционирования внутреннего мира человека, его психологических механизмов. Второе: при анализе мотивационных, смысловых и ценностных психологических механизмов большинство исследователей отмечают их регулятивную функцию, т.е. по большому счету все механизмы направлены на внешнюю (поведение) или внутреннюю (изменение мотивов, смыслов и ценностей) регуляцию. Третье: большинство авторов при анализе тех или других психологических механизмов отмечают их взаимосвязь с другими образованиями ценностно-смысловой сферы: мотивов со смыслами и ценностями, а ценностей – со смыслами и мотивами. И, действительно, вполне закономерно возникает проблема исследования ценностно-смысловой сферы человека как единого, целостного и системного образования. Четвертое: описывая функционирование мотивационных, смысловых и ценностных психологических механизмов, авторы, в соответствии со своими подходами к этим механизмам, выделяют две тенденции, которые

ярко проявляют себя при функционировании психологических механизмов: а) дифференциации – различение мотивов (функций, сторон и др.), смыслов (по степени обобщенности, значимости) и ценностей (виды, сферы проявления); б) интеграции – мотивационная сфера (система), смысловые образования (смысловой ансамбль, система), ценностная сфера (ценностные ориентации, система ценностей, взаимосвязь ценностей). Это еще раз подчеркивает высказанную нами ранее точку зрения⁷³, что психологические механизмы могут быть условно разделены на механизмы, интеграции и дифференциации.

С точки зрения теории границ, процессы дифференциации и интеграции границ всегда существуют в неразрывном единстве и направлены на развитие целостной субъектной активности. В этом проявляется регулятивная функция процессов дифференциации и интеграции. В процессах дифференциации и интеграции идут вертикальные (по уровням – операционный, тактический и стратегический) и горизонтальные (мотивы, смыслы и ценности) простраивания ценностно-смысловой сферы человека. Но за счет чего осуществляются эти процессы? Во-первых, за счет того, что человек вынужден адаптироваться к окружающему миру культуры. Во-вторых, это требует от человека все более адекватного отражения действительности (когнитивный аспект), изменения отношения к значимым сторонам бытия (аффективный аспект) и в ходе реализации активности – в гибкости поведения (конативный аспект). В чем же проявляются процессы дифференциации и интеграции границ? Интеграция границ – это движение от ситуативных границ (мотивов) к многомерной о-граниченности индивидуального направленно-напряженного пространства жизнедеятельности человека (ценности). Дифференциация границ – движение от о-граниченного культурой и человеком пространства его жизнедеятельности (ценности) к реальному проявлению в конкретных ситуациях о-граниченной направленно-напряженной активности субъекта. В процессах дифференциации и интеграции возникают новые (формируются, развиваются) образования ценностно-смысловой сферы (мотивы, смыслы, цели, ценности). Эти процессы могут проходить как на осознанном, так и неосознанном уровнях. Причем большая их часть проходит на неосознанном уровне. Этот факт взят на вооружение не только психоаналитиками, но и другими психологическими направлениями в работе с клиентами. Главное же в этой работе – это как, посредством чего сделать неосознаваемые процессы дифференциации и интеграции доступными сознанию человека. Техники используются разные, а суть их одна: найти противоречие (сбой,

⁷³ Смотри глава 1

искажение, конфликт, ущемленный аффект или другое) в процессах дифференциации и интеграции.

Процессы дифференциации и интеграции в динамике ценностно-смысловой сферы могут воплощаться в устойчивые или ситуативные образования. Целостная психологическая организация процессов дифференциации и интеграции, которая обеспечивает выполнение тех или иных регулятивных функций, это и есть психологический механизм⁷⁴ ценностно-смысловой сферы. Исходя из вышеизложенного, можно ранее описанные нами процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства рассматривать уже с точки зрения процессов дифференциации и интеграции. Так, при смыслообразовании преобладает процесс дифференциации исходного смысла на части [219; 15] или идет простраивание границ внутри некой смысловой области, различение в общей о-граниченной направленности, более частных о-граниченных направленностей. На этом процесс смыслообразования может не закончиться, т.к. частные смыслы не являются только конкретизацией "ядерного" смысла, а могут вступать с ним в противоречие. Тогда, с необходимостью, начинает проявлять себя процесс интеграции частных смысловых образований, в результате которого возникает новый или измененный "ядерный" смысл.

Отражение этих процессов (или их результатов) в сознании человека может оказать влияние на их протекание и стимулировать их продолжение, поэтому в данном случае целесообразно выделить механизмы смыслоосознания, которые, конечно же, различаются между собой. Можно выделить дифференцирующие механизмы смыслоосознания и интегрирующие, осознание процесса и результата (у Д.А. Леонтьева – это осознание смысловых структур и связей [219; 16]).

Перестройка глубинных личностных структур или "ядерных" смыслов осуществляется посредством особого механизма – смыслостроительства (Ф.Е. Василюк, 1984; Д.А. Леонтьев, 1997). Смыслостроительство уже нельзя объяснить, опираясь только на процессы дифференциации и интеграции, т.к. не эти процессы осуществляют воздействие значимых для человека (внешних или внутренних) факторов. Как это понять? В жизни человека есть ситуации, роль которых особенно важна как в конкретном возрастном периоде, так и в конкретной жизни человека определенной культуры. Значимость их обусловлена тем, что они затрагивают актуальные в данный момент жизни определенные ценностно-смысловые образования (потребности, мотивы, смыслы, ценности и цели). И если человек открыт

⁷⁴ Сравните с определением психологического механизма, данного нами в главе 4.

для взаимодействия, для диалога, то возможно изменение этих ценностно-смысловых образований, т.к. процессы дифференциации и интеграции идут в разных сферах (когнитивной, аффективной, конативной – жизнь учит). Встреча различных активностей по-новому определяет (ограничивает) ценностно-смысловые образования и соответственно влияет на процессы дифференциации и интеграции, происходящие в ценностно-смысловой сфере человека. В зависимости от ситуации и человека, когда между ними возникает резонанс (усиление одного другим), но он зависит от многих составляющих, отсюда и количество ситуаций для конкретного человека может быть свое, т.е. определенное. Однако наиболее сильное воздействие на смыслостроительство происходит, когда активизируется эмоционально-чувственная сфера человека. Почему? Это и в силу особой значимости для развития и формирования человека эмоций и чувств. И, пожалуй, потому, что в них в интегрированном в целостном виде отражается значимое для человека и в человеке. Это прямое воздействие на мотивы, смыслы и ценности человека, на его сознание.

5.5. Система ценностных ориентаций человека

Проблема психологии ценностей заключается не только в их понимании, но и в различении. Как ценности между собой упорядочены? Какие виды ценностей существуют? Можно ли различные виды ценностей соотносить между собой? Все эти вопросы так или иначе обращают наше внимание на систему ценностей человека. Сам по себе вопрос о системе ценностей человека в отечественной и зарубежной (Д.А. Леонтьев; 1997) психологии, за редким исключением (М. Рокич, 1973; Я. Мусек, 1997), не ставился. И это понятно, т.к. сегодня лишь намечаются подходы к пониманию психологической природы ценностей. В литературе приводятся различные типологии ценностей. Приведем примеры некоторых типологий.

Во-первых: ценности, как правило, разделяются на материальные и духовные. Это деление выступает в самых разных облициях (витальные и интеллектуальные, биологические и культурные и т.д.); к материальным ценностям обычно относят "материальные блага", а к духовным – достижения познания, науки, культурные явления, искусство и т.п. На практике такая классификация имеет широкое хождение.

Во-вторых: в аксиологической литературе мы часто встречаемся с делением ценностей на действительные и "воображаемые" или, возможно, "концептуальные" ценности.

В-третьих: по происхождению и по характеру выполняемых функций ценности можно делить на первичные, вторичные и третичные. Первичные

ценности удовлетворяют биологические (хотя и очеловеченные) потребности человека. К ним принадлежат ценности всех основных средств существования, которые природа предоставляет человеку в состоянии, пригодном для непосредственного употребления. К вторичным ценностям относятся создания рук человеческих. К третичным – средства коммуникации.

В-четвертых: исходя из генезиса потребностей, мы можем различать априорные и апостериорные ценности..

В-пятых: с временной точки зрения ценности можно различать на нынешние, прошлые и будущие.

В шестых: к типологии ценностей мы подходим и с точки зрения цели, которой служит та или иная ценность; с этой точки зрения можно выделить финальные и инструментальные ценности. Финальная ценность – это целевая ценность. Инструментальная ценность – это ценность средства, которое необходимо в качестве орудия создания финальных ценностей. Естественно, одна и та же ценность может выступать в одном отношении как финальная, а в другом – как инструментальная.

В-седьмых: деление ценностей на утилитарные, эстетические, религиозные, эстетические, правовые и т.п. столь же "искусственно", как и любое из предшествующих делений. Об этом свидетельствует не только уже упоминавшийся исторический генезис критериев, но и не слишком резкие границы между отдельными типами классифицированных таким образом ценностей [69; 187 – 195].

В-восьмых: интересную классификацию ценностей дает Э. Шпрангер [136; 311]. Ценности для него – это объективные образования, независимые от субъекта, противостоящие ему и оказывающие на него воздействие. Э. Шпрангер выделяет шесть типов объективных ценностей: *теоретические* (область науки, проблема истинности); *эстетические* (стремление к оформлению, выражение своих впечатлений, к самовыражению); *экономические* (материальные блага, полезность); *социальные* (общественная деятельность, обращенность к чужой жизни, чувство себя в другом); *политические* (власть как ценность); *религиозные* (смысл жизни). В каждой индивидуальности представлены все шесть типов ценностей, но в особом направлении и с разной силой; руководящие, определяющие жизнь образуют психическую структуру человека.

В-девятых: с точки зрения иерархической структуры целей оригинальную и продуктивную классификацию ценностей дает Я. Мусек [263]. На основе теоретического и эмпирического исследования им выделена четкая иерархия категорий ценностей, которые представлены в таблице.

Таблица 2

**Четырехуровневая иерархия ценностей,
включающая уровень макроизмерений, уровень типов ценностей,
уровень категорий среднего порядка и уровень специфических ценностей**

Макроизмерения	Дионисийские ценности		Аполлонийские ценности	
Типы ценностей	Гедонизм	Могущество	Нравственность	Самореализация
Категории среднего порядка	Чувственность, здоровье	Статус, патриотизм	Традиционные, демократические, социальные	Познавательные, культурные, самоактуализация, духовные
Отдельные ценности	Приятная жизнь, развлечения, здоровье...	Репутация, деньги, любовь к своей стране...	Честность, свобода, мир, семейное счастье...	Мудрость, красота, личностный рост, вера в Бога...

В соответствие с этой структурой ценности можно поместить на разные уровни, в зависимости от степени их обобщенности, от самых обобщенных наверху до самых специфических внизу. На наиболее обобщенном уровне всей иерархии находятся только две крупные категории ценностей – дионисийская и аполлонийские макрокатегории. На следующем уровне каждая из этих категорий разделяется на две подкатегории, которые можно назвать типами ценностей. Дионисийские ценности можно разделить на гедонистические и ценности могущества. К первым относятся ценности, связанные с чувственными и материальными удовольствиями, а ко вторым – связанные с достижениями, успехом, репутацией и патриотизмом. На следующем уровне каждый тип ценностей можно разделить на категории среднего порядка. Так, гедонистический тип расщепляется на категории чувственности и здоровья; ценности могущества – на категории статуса и патриотизма; нравственный тип – на традиционные, демократические и социальные ценности; наконец, ценности самореализации – на познавательные, культурные, самоактуализационные и духовные. На низшем уровне иерархии находятся отдельные ценности, выводимые из категорий среднего порядка [263; 18 – 19].

Интересно, что содержание четырех обозначенных типов ценностей напоминает их древневосточную классификацию. В соответствии с этой классификацией раньше всего в жизни человека возникают ценности, свя-

занные с удовольствиями и удовлетворением чувственных и физических потребностей. На следующей стадии появляются ценности, связанные с успехом, достижениями и репутацией. Позже для человека становятся все более значимыми ценности, регулирующие его обязанности и ответственность. И, наконец, он достигает того уровня, когда все больше увеличивается направленность на ценности внутренней жизни, духовной жизни и самотрансценденции.

Из анализа приведенных типологий можно сделать несколько выводов:

- Классификаций ценностей по произвольному критерию может быть неограниченное количество. Все они, как правило, создаются для каких-то конкретных целей, чаще всего аксиологического плана.

- Выигрышной смотрятся те классификации ценностей, где количество типов ограничено, типы ценностей каким-то образом упорядочены (иерархизированы). Или в основу классификации положен определенный теоретический подход (Э. Шпрангер, 1997; М. Рокич, 1973; Я. Мусек, 1997). В этом проявляется тенденция не просто к классификации ценностей по типам, а к их систематизации.

- Таким образом, продуктивная типология ценностей должна отвечать следующим требованиям:

В основании типологии должен лежать теоретический подход (концепция), которая бы охватывала жизнедеятельность человека в целом.

Ценности должны не просто быть разбиты на группы (классы), но каким-то образом соотноситься между собой (должны быть упорядочены, систематизированы).

При разработке собственной типологии ценностей мы исходили прежде всего из психологического понимания ценностей⁷⁵ как некоего многомерного о-граничения индивидуального направленно-напряженного пространства жизни человека. В этом понимании ценности выступают как направленно-напряженные о-граничители пространства жизни человека, а значит, и наиболее общие регуляторы жизни человека в мире. Поэтому анализ ценностей необходимо начинать в их соотношении с культурой. Культура как система социально-психологических механизмов о-граничивает человека в бытие⁷⁶, в проявлении его активности во внешнем мире и изнутри его самого. Можно сказать, что культура о-граничивает человека, тем самым определяет его и пространство его жизни. А человек как микрокультура⁷⁷ в диалогической активности с другими культурами утверждает и

⁷⁵ Более подробно об этом смотри в главе 5 настоящей работы.

⁷⁶ Смотри об этом подробнее в параграфе "о-граниченный человек".

⁷⁷ Работы Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, В.С. Библера.

разворачивает пространство своей жизни. Так вот, наиболее общими о-граничителями (регуляторами) жизни человека в культуре являются ценности, которые не только пронизывают культуру и вместе с тем человека, но и задают их архитектонику. В чем же она проявляется? В глобальных ориентирах и о-граничении человеческой жизни, т.к. принятие и усвоение человеком ценностей задает перспективу его жизни. Какие это ориентиры культуры? Чтобы их выяснить, мы провели анализ философских систем "Запада" и "Востока" по проблеме взаимодействия "Человек – Мир" и пришли к выводу⁷⁸, что человек культуры руководствуется следующими **ценностями существования**: рациональным подходом к жизни или больше опирается на иррациональное, интуитивное отношение к жизни; верой в созидающую силу человека, в творческое начало и предначертанность жизни, надеяние, а отсюда вера в пассивность человека, невозможность изменить жизнь и природу; направленность жизни на радость, удовольствие и поиск счастья или на избегание страдания, безмятежность. Это важнейшие онтологические ценности, ценности существования человека в культуре. В результате обобщения мы выделили следующие ценности существования: рациональное – иррациональное, созидаящая активность – разрушающая активность, эмоционально положительное – эмоционально отрицательное. Приведенные ценности существования охватывают жизнь человека в целом и являются наиболее общими ценностями, которые пронизывают, просвечивают все сферы человеческой жизни. Так, ориентация человека на рациональное проявляется в преобладании логического, дискурсивного мышления, последовательности и целесообразности поведения, упорядоченности жизненного уклада, предусмотрительности, поиске закономерностей и естественного хода жизни, ориентации на простые и очевидные чувства и переживания. В практическую жизнь человек, ориентированный на рациональное, вносит порядок и систему, всеобщую закономерность и логику. Ориентируясь только на рациональное, человек приходит к системе понятий, ничем не связанных с реальной жизнью. Когда Гегелю указали на несоответствие его спекуляций действительности, он возразил: "Тем хуже для действительности". Противоположна ориентация человека на иррациональное, которая проявляется в направленности на целостное и образное познание действительности, на интуицию и озарение, случай и просто везение, воображение и мистическое постижение сути вещей и явлений. Иррациональное в поведении – это поиск случайных встреч и событий, погружение в суету, мирской хаос и беспорядок. Человек ищет

⁷⁸ Смотри главу первую в данной работе.

особые чувства и переживания, ему нужна острота и запредельность эмоций, что-то потустороннее, чего еще не было, а возможно, и не будет.

Следующая пара ценностей существования – это созидательная активность и разрушающая активность. Ориентация на созидательную активность связана прежде всего с проявлением творчества, изобретательности, созданием нового, еще ранее никем не созданного решения проблем. В поведении данная ориентация характеризуется установлением отношений, поиском друзей, разработкой особых правил и уклада, каким-то особым обустройством жизни, разработкой своей системы воспитания, оздоровления, долголетия и т.п. Эмоциональная жизнь направлена на интересное и радостное общение, чувство причастности к гармонии мира, вдохновение и полет к иным мирам, гордость за созданное, веру в себя и свое высокое предназначение. Противоположная ориентация на разрушающую активность больше связана с критикой чужих точек зрения, взглядов, теорий. Повторение ранее известного и хорошо изученного, отказ от нового и неизвестного, инертность и шаблонность мышления, подверженность стереотипам познания и поведения. В отношениях с людьми и в поведении чаще проявляется конфликтность, злорадование, зависть и ложь, вражда, стремление наказать другого. Преобладают чувства страдания, гнева, отвращения, презрения, страха и стыда.

Последней парой ценностей существования выступают: эмоционально-положительное и эмоционально-отрицательное. В ориентации на эмоционально-положительное в познании проявляются чувства удивления и радости от открытия чего-то нового, интерес к неизвестному, но важному для человека, любопытство в исследовании, вдохновение, приподнятость, творческое волнение, возбуждение, чувство причастности к возвышенному и прекрасному. В поведении с людьми преобладают: хорошее настроение, жизнерадостность, энергичность. Человек стремится к комфорту и радостям жизни, счастью, которое видит в любви. Стремление к почету и уважению, славе и исключительности. Эта ориентация направлена на то, чтобы испытать как можно больше положительных переживаний любви, радости, эйфории, кайфа, всяких удовольствий. Иногда они не связаны прямо с окружающим миром – алкоголизм, наркомания и др. Ориентация на эмоционально-отрицательное характеризуется в познании на избегание критики, насмешек, страха от невозможности решить проблему. Часто эта ориентация блокирует сам процесс познания. Чувство ущербности тормозит не только интеллектуальную активность и развитие, но и не способствует установлению контактов с окружающими. У человека преобладает плохое настроение, его одолевает скука и злость, которую он выплескивает на

близкого или далекого человека. Эта ориентация проявляется в конфликтных отношениях с людьми, избегании доверительного общения. Беспокойство и тревога – постоянные спутники жизни при этой ориентации. Часто посещают мысли о безысходности и бессмысленности жизни, этому способствует так называемая "зеленая тоска". Потребность испытывать отрицательные переживания характеризует в крайнем выражении садистов, мазохистов и разного рода маньяков.

Вышеприведенная классификация ценностей существования является предельно общей, т.к. исходит из глобальных отношений "Человек – Мир". В реальной действительности проявление этих ценностей и их сочетаний гораздо многообразнее, чем показано нами, и зависят они от конкретной общности, культуры, социума, в которых рассматриваются. По преобладанию у людей той или иной системы культурных ценности (определенное сочетание ценностей существования) может быть разработана типология культурных типов как для отдельно взятой культуры, так и в различении культур.

Культура посредством присущих ей ценностей существования не прямо задает ориентиры жизни человека. Они растворены в культуре, пронизывают её, задают как бы общее напряжение, своеобразное "культурное поле", влияние которого сказывается на социуме в общении людей и взаимодействии, укладе и поведении. А также на жизни конкретного человека. Поэтому наряду с ценностями существования мы выделили **ценности взаимодействия**, которые каким-то образом ориентируют людей в их общении, взаимодействии с другими людьми. В психологической литературе они получили название "инструментальные ценности" [69, 512]. Мы не используем этот термин по следующим причинам: 1. Так как рассматриваем их не в системе "цель – средство", а в системе регуляции человеком своего взаимодействия с миром; 2. Идеология "цель – средство" так или иначе связана с субъект–объектными отношениями, мы же рассматриваем человека в плане субъект–субъектных отношений; 3. Кроме того, ценности взаимодействия (инструментальные) более универсальны и устойчивы в аспекте жизни человека, чем ценности-цели (терминальные ценности) [263, 416]. Они в той или иной степени задают или определяют цели. Поэтому данные ценности идут по степени общности после ценностей существования. В целом же мы считаем более оправданным данные ценности называть ценностями взаимодействия. К ним можно отнести: рационализм и безучастность, доброту и жестокость, чувствительность и решимость, эрудированность и консерватизм, а также многие другие ценности взаимодействия.

Ценности взаимодействия – важный регулятор общения и жизни людей в социуме, где люди не просто взаимодействуют, а по поводу чего-то, реализуя свои потребности, ставя цели и выполняя свой человеческий и гражданский долг. В качестве наиболее общих ориентиров жизни конкретного человека выступают образующие его жизнь ценности – это *организующие ценности*. Здесь мы также отказались от понятия "терминальные ценности" (ценности-цели) по тем же причинам, что и выше. Так вот, организующие ценности, конечно, с учетом социокультурной ситуации, выступают для человека в качестве указателей направленности жизни, поведения, тем самым задают общие ориентиры для её организации. Ориентируя человека в выборе предпочтений, задают стратегию и тактику жизни. В своей совокупности организующие ценности определяют тенденцию жизни конкретного человека, но эта тенденция зависит от половозрастных, социокультурных, национальных и индивидуальных особенностей конкретного человека. Организующие ценности включают в себя: здоровье, материально обеспеченную жизнь, личностный рост, эрудицию, любовь, счастье и т.д. Все вышесказанное о видах ценностей можно отобразить в таблице.

Таблица 3

Типы жизненных ценностей человека

Универсум	Субъект активности	Виды ценностей	Типы онтологических ценностей		
			Рациональное – иррациональное	Созидание – разрушение	Эмоционально-положительное – эмоционально-отрицательное
Культура	Человек	Существование	Целесообразность, упорядоченность, предначертанность, естественность ...	Радость, удовольствие, вина, стыд, страх, совесть, ...	Традиции, созидание и разрушение старого, обновление, обустройство ...
Социум	Личность	Взаимодействие	Практичность, доверчивость, альтруизм, эгоизм, ответственность, ...	Жизнерадостность, почет, уважение, престиж, эмпатийность, со-	Открытость, образованность, непримиримость, дружелюбие...

				страдание, скука, ...	
Бытие	Индивид	Организации	Здоровье, материальные блага, самостоятельность, слава, ...	Друзья, любовь, семья, общение, вдохновение, риск, ...	Творчество, изобретательность, критичность, мудрость, познание, работа, ...

Описанная выше типология ценностей⁷⁹ образует систему ценностных ориентаций (ЦО). Осмысление и использование понятия "ценностные ориентации" с точки зрения психологии довольно сложно, т.к. это понятие возникло на стыке различных дисциплин: философии, аксиологии (теории ценностей) и культурной антропологии, социологии, социальной и общей психологии. Поэтому понятие "ценностные ориентации" нельзя исследовать без учета его включенности в ту или иную научно-методологическую систему. Отечественные психологи, использующие в своих работах категорию "ценностные ориентации", соотносят ее прежде всего с такими понятиями, как "аттитюд", "установка", "направленность", "отношение" [147, 188, 332].

Социальные установки, или аттитюды, отличаются от ценностных ориентаций уровнем обобщенности, т.е. социальные установки – это predisposedness к восприятию, оценке и поведению в конкретной ситуации или по отношению к отдельному социальному объекту. А ценностные ориентации имеют более обобщенный характер и не связаны непосредственно с наличной ситуацией и конкретными объектами [332; 62-70]. А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов предприняли специальное исследование теории

⁷⁹ Еще одним обоснованием данной типологии могут выступать принципы психологии (См.: Глава 1.). Ценности, ценностные ориентации, соединенные в единстве своих частей, в регуляции человеком своего поведения и жизни. То же можно сказать и о психологических принципах, которые являются концептуальным выражением регуляции и, разворачивая свое содержание в регуляции, задают типы ценностей человека. Так, принцип зависимости и свободы проявляется в том, как человек организует свою жизнь, т.е. с организационными ценностями. Это объясняется тем, что выбирая или принимая те или иные ценности, человек самоопределяется (свобода), но самоопределение всегда происходит где-то, в пределах чего-то. В этом проявляется зависимость человека от окружающей среды. Принцип активности-адаптивности соотносится с ценностями взаимодействия, т.к. эти ценности направлены на процесс взаимодействия человека с миром. А принцип рефлексии и предвосхищения связан с ценностями существования, т.к. они в наибольшей степени ориентируют человека в прошлом, настоящем и будущем.

установки Узнадзе для раскрытия сущности ценностных ориентаций. И тем не менее, они вынуждены были на базе этой теории сформулировать новые по сути понятия. Но два ряда понятий – социально-психологическое (ценностные ориентации) и общепсихологическое (установка и фиксированная установка) – оказались лишь параллельными, но не скоординированными в единую систему [147; 244].

Это, вероятно, указывает на то, что психологическую природу ценностных ориентаций довольно сложно раскрыть с помощью категорий "социальная установка" и "аттитюд", они лишь отражают отдельные стороны ценностных ориентаций.

Особое значение приобретает связь ценностных ориентаций с направленностью личности. Направленность личности выражает одну из самых существенных ее характеристик, определяющую социальную и нравственную ценность личности. Содержание направленности – это прежде всего доминирующие, социально обусловленные отношения личности к окружающей действительности. Именно через направленность личности ее ценностные ориентации находят свое реальное выражение в активной деятельности человека, т.е. должны осмысливаться и стать устойчивыми мотивами деятельности – превратиться в убеждения.

Для раскрытия психологической природы ценностных ориентаций важное значение имеет психология отношений. Теорию "отношений" в отечественной психологии долгие годы разрабатывал В.Н. Мясищев [265]. Он считал, что психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Наиболее важными моментами концепции В.Н. Мясищева являются, во-первых, положение об опосредованности, избирательности связей личности с социальной действительностью и, во-вторых, ясное указание на то, что отношения личности образуют систему, структурированную по степени обобщенности – от связей субъекта личности со всей действительностью до связей с отдельными ее сторонами или явлениями [265]. Представляется очень важным определить в понимании природы ценностных ориентаций. Изучение психологических особенностей формирования и развития ЦО целесообразно вести с позиции системного, целостного подхода, позволяющего рассматривать данное психологическое образование как результат и процесс взаимодействия человека с миром.

Формирование и развитие личности происходят в конкретной среде (семья, класс, школа, республика и т.п.), которая как бы ориентирует человека на определенные поступки, предметы, отношения. Другими словами,

происходит формирование целей жизни, идеалов, интересов и стремлений, а также смысла бытия человека. С точки зрения содержания, ЦО – это общая направленность личности человека на то, что для нее в жизни значимо и важно. Совокупность сложившихся, устойчивых ЦО образует своего рода ось сознания, являющуюся важнейшим элементом мировоззрения. В силу этого ЦО определяют общую линию поведения человека, выступают фактором регуляции и детерминации его жизни. Однако регулирующая функция ЦО проявляется не прямо, а зависит от ряда факторов: уровня сформированности ЦО, их устойчивости, содержания и структуры.

Исследование ЦО, безусловно, связано с тем, как мы понимаем их психологическую природу. И здесь, несмотря на различные подходы к пониманию психологической природы ЦО, все исследователи признают, что особенности содержания и структуры ЦО личности обуславливают ее направленность и определяют позицию человека по отношению к тем или иным явлениям действительности. Также единодушно мнение ученых о том, что ЦО играют главную роль в регуляции социального поведения личности, включая диспозиции личности, ее установки, интересы, мотивы, влечения и, конечно, смысл бытия человека, который включает в себя ценности существования, взаимодействия и организации.

С точки зрения психологии, будет более оправданным рассматривать ЦО как психологический механизм личностной регуляции поведения. Ценностные ориентации как психологический механизм регуляции проявляют себя целостно как функциональный орган и включают активность и рефлексивность. Полное описание этого механизма – дело будущего, мы же отметим лишь некоторые важные моменты. Так далеко не все то, что для человека важно и значимо, может быть реализовано в поведении. Это зависит от ряда обстоятельств и причин субъективного и объективного плана и, в частности, от того, имеет ли для человека какой-то смысл совершать тот или другой поступок, стремиться к избранной цели. То, что человек ставит перед собой цели, еще не говорит о том, что он будет их достигать и знает, как это сделать. Этот момент очень важен в плане понимания того, как человек управляет своим поведением. Имеет ли для него смысл совершать то или иное деяние? И как этот смысл обнаруживает себя для человека? Конечно, наиболее простой ответ заключается в том, что мы просто знаем, как нужно делать и что нужно делать. Этот ответ хотя и прост, но явно не полон, т.к. смысл и значимость чаще всего обнаруживают себя через привлекательность предметов, вещей и людей, их желательность для человека и эмоционально-чувственное отношение к ним. Эмоции и чувства выступают в данном случае в качестве источника активности, который питает

фантазию, стимулирует и побуждает человека проектировать возможные действия, представлять конкретные ситуации и результаты деятельности. В таких условиях необходимой информации чаще всего бывает недостаточно, и тогда в работу включается воображение. Воображение не только помогает проектировать пути достижения цели, но и расцветивать ситуации, условия, результаты деятельности в эмоционально привлекательные краски, что особенно ярко проявляется в мечтах и грезах. Или, как об этом сказал наш великий философ и поэт В.С. Соловьев:

*Близко, далеко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, невидимом смертным очам,
В мире без смеха и слез.*

Таким образом, именно через воображение, единство интеллекта и аффекта идет трансформация, изменение и детерминация ценностей и поведения человека. Воображение в данном случае выполняет функцию мостика между тем, что для человека ценно и желательно, и тем, какого результата от хочет добиться в реальной жизни. В процессе проигрывания в воображении возможных ситуаций реализации принятых человеком ценностей происходит их осмысление, и они становятся элементами внутреннего мира человека. В реальной жизни это выражается в том, что люди не только избирательно относятся к окружающему миру, но и с разной степенью активности реализуют поставленные цели или готовы это сделать.

Глава 6. Активность во внешней и внутренней жизни человека.

6.1. Понятие "активность" в психологии

Категория активность является одной из наиболее общих в психологии. В психологии этой проблеме уделяли внимание Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн, Н.А. Бернштейн, А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский, А.И. Крупнов, Х. Хекхаузен и другие [290, 293, 400, 190]. В психологических исследованиях проблема активности является наиболее общей в исследовании природы психики, психического развития, познавательных и творческих возможностей личности [252]. В современных психологических исследованиях проблема активности разрабатывается в различных её аспектах, исследуется структура и динамика познавательной активности [252], изучаются различные аспекты творческой, интеллектуальной актив-

ности как в общепсихологическом [61], так и возрастном планах [208]. Исследуется феномен надситуативной активности и другие [293]. Достаточно продуктивно активность изучается со стороны регуляции. Так, О.А. Конопкин и А.К. Осницкий с сотрудниками посвятили различным аспектам регуляции активности целую серию работ [182, 183, 283, 256].

При анализе активности её соотносят с деятельностью, сознанием, отражением, установкой, значимостью [293; 48]. Такой анализ необходим, т.к. помогает подметить наиболее существенные её атрибуты. Например, В.А. Петровский в результате теоретического анализа приходит к пониманию активности как некой первопричины, которая затем реализуется в установке, деятельности, и дает такое определение: "В психологическом плане активность может быть осмыслена как "причинность" индивида по отношению к осуществляемой им самим деятельности, – как её "индивидуальная" образующая" [293; 53]. В этом плане активность выступает как содержательный момент ("причинность"), а виды и особенности деятельности (познавательной, эмоциональной) – как его оформление. Подчеркивая в активности динамическую образующую, В.А. Петровский, как нам кажется, не затрагивает, а только обозначает вопрос о том, что нечто (причина) проявляется как образующая деятельности. Что это за "нечто", или что выступает в качестве причины? На этот вопрос нет содержательного ответа.

Интересную работу для понимания активности написал А.И. Крупнов, где обозначен целостно-функциональный подход к анализу активности человека [190]. Итак: "... активность человека можно определить как особое состояние, предрасположенное к тому или иному взаимодействию, или относительно устойчивое свойство, проявляющееся в уровне интенсивности реализации поведения, деятельности и их результате, устойчивости и объеме взаимодействия, исходящего из внутренней его инициативы" [190; 26]. Источником активности являются "... противоречия, которые возникают в процессе взаимодействия внутренних и внешних факторов, в ходе реализации той или иной деятельности" [190; 27]. Описывает он и единицу анализа индивидуальных проявлений активности человека – это конкретный акт поведения. Активность всегда имеет количественную и качественную определенность, а "сущность активности личности объясняется внутренним её движением и самоопределением, исходя из внешних обстоятельств и внутренних возможностей, которыми она обладает" [190; 27]. В данном подходе к пониманию активности прописана диалектика о-граниченной значимости, только с позиции автора.

В активности выделяют виды и формы (Х. Хекхаузен, 1986), а также характеристики её строения. Последние связаны с поиском основ активности, которые нередко сводятся к деятельностному состоянию [290; 275]. В.А. Петровский выделяет внешнюю и внутреннюю организацию активно-

сти. К внутренней организации он относит: мотивы, цель, потребности, инструментальные средства (строение тела, представления, знания и т.д.). Внешняя организация активности включает в себя: целостные смысловые акты поведения, предметные действия, операции и деятельность. На самом деле внешняя и внутренняя организация активности существуют в неразрывном единстве, во взаимопереходах. Это связано и с самодвижением активности [290; 275 – 291]. Данное деление активности не вызывает никаких возражений, но остается вопрос, связанный с целостным и системным рассмотрением этих организаций. Относительно внутренней организации мы уже писали, когда анализировали ценностно-смысловую сферу человека, а вот системное строение внешней активности нуждается в уточнении. Данная проблема напрямую соотносится с единицей психологического анализа активности человека, с тем, что может служить основанием внутренней и внешней организации активности? Каким образом, посредством каких психологических механизмов реализуется активность?

Таким образом, если обобщить наиболее общие и существенные признаки понятия "активность", то оно включает в себя, **во-первых**, динамический, процессуальный момент, который существует в реализации, проявлении; **во-вторых**, количественно-качественные характеристики уровня интенсивности протекания процесса или любого взаимодействия; **в-третьих**, количественно-качественную характеристику потенциальных возможностей субъекта к взаимодействию; **в-четвертых**, представление об источнике любого процесса или взаимодействия, которое исходит главным образом из внутренних противоречий субъекта, опосредованных влиянием извне [293, 434].

Прежде чем высказать собственные соображения по поводу понимания активности, необходимо вернуться к происхождению слова. Когда мы вели разговор о единицах психологического анализа человека, то уже отмечали, что эквивалентом активности в русском языке, являются латинские слова: *actus*, *actualitus*. Но это перевод на латинский язык греческого слова **energeia**, что значит "энергия"⁸⁰. Как пишет М. Хайдеггер, латинский перевод аристотелевой энергии заслонил от исследователей поиск главного, что определяет поведение и активность человека [396; 180]. Понятие "энергия" последнее время подвергается глубокому осмыслению и продумыванию (А.Ф. Лосев, 1990; М. Хайдеггер, 1993; С.С. Хоружий, 1995). В итоге выделим две составляющие энергии: динамическое начало (начинательное усилие, напряжение, исхождение) и завершающий элемент осуществления (цель, форма, состояние, реализация). Эти начала, как мы видим

⁸⁰ Смотри подробнее об этом в параграфе "О-граниченная значимость – единица анализа психологии человека".

из предыдущего текста, проявляются и в трактовке активности. Но при рассмотрении активности – это её признаки и моменты существования активности [190]. Тогда как для энергии эти моменты есть составляющие её структуры, которые образуют неразрывное целое структуры энергии. В параграфе о единице психологического анализа мы данное единство уже обозначали как о-граниченную значимость. Следовательно, исходной клеточкой анализа активности тоже выступает о-граниченная значимость, единица психологического анализа человека. Что же из этого следует? *С одной стороны*, то, что активность включается в ряд психологических категорий. *С другой* – появляется возможность её системного рассмотрения. *С третьей* – все, что мы писали о значимости, её сущности и видах, а также о границах, относится и к активности. Исходя из сказанного, уже можно дать абстрактное определение активности как: *о-граниченной энергии или оформленной и направленной напряженности*. Однако активность проявляется в диалектике о-граниченной значимости, которая реализуется в изменении, трансформации значимости и соответствующих психологических механизмах, обеспечивающих эти изменения, а также в количественно-качественном изменении границ (виды, формы, уровни). Обобщая сказанное, даем такое определение психологии активности – ***это изменение значимости (зависимости) мира (и иного мира в себе) для человека, которые проявляются (во внешнем и внутреннем мире) в его о-граничениях.***

При выделении видов активности можно исходить:

■ Из анализа её исследований, где выделяются познавательная, творческая, поведенческая и другие виды активности. Но какие виды активности являются фундаментальными? Полный ли перечень видов активности? В этом отношении деление активности на внешнюю и внутреннюю, а также их единство, является полным.

■ Из более общих концептуальных положений. Для нас такими положениями служат принципы психологии человека, которые прежде всего концептуальны (К.К. Платонов, 1982), т.е. содержат в себе кратко сформулированную теорию, которая, конечно, должна быть развернута. К принципам психологии человека относятся следующие принципы: *рефлексии и предвосхищения, адаптивности и активности, зависимости и свободы, а также принцип единства внешней и внутренней детерминации*⁸¹.

Активность реализуется, или человек проявляет активность, осуществляя регуляцию своей жизни, в единстве внешней и внутренней детерминации. При этом человеку необходимо отражать то, что он делает, и окружающий мир, но не только. Самое главное для человека – это предвосхищать события, планировать свою деятельность. В этом раскрывается со-

⁸¹ Смотри подробнее о принципах в главе 2.

держание принципа рефлексии и предвосхищения, т.е. отражение того, что было, что есть, и заглядывать в будущее. Что есть основная функция когнитивной сферы, которая проявляется в когнитивной активности. Осуществляя регуляцию, человек ориентируется в окружающем мире, к которому он пристрастен (зависим), и в чем-то свободен от него, т.е. человек самоопределяется по линии зависимости и свободы от мира (принцип зависимости и свободы). Но что человеку указывает на значимость для него отдельных элементов, сторон мира? Эмоции и чувства. Другими словами, аффективная сфера отражает процесс и результат самоопределения человека в его взаимоотношениях с окружающим миром. В этом проявляется аффективная активность человека. Человек, живя в мире, взаимодействует с ним, совершает поступки, выполняет операции, ведет себя каким-то образом, ну и просто живет. Регуляция его собственной внешней активности может быть направлена на адаптацию к окружению или на то, чтобы изменить что-либо в окружающем мире (принцип адаптивности и активности). Во взаимодействии с миром (люди, предметы) проявляется внешняя, конативная активность человека.

Таким образом, опираясь на психологические принципы, которые концептуально отражают стороны регуляции человеком его взаимодействия с миром, мы выделили *три основных вида* внешней и внутренней *активности: когнитивную, конативную и аффективную*.

С точки зрения системного подхода, диалектика о-граниченной значимости по-разному проявляется в видах активности. Так, *отражение и изменение границ в значимости* (когнитивная активность) ведет к формированию когнитивной сферы, развитию познавательных процессов как функциональных органов, являющихся продуктом диалектики о-граниченной значимости. *Реализация и изменение границ значимости во внешнем мире* (конативная сфера) развивает и дифференцирует формы реагирования, формирует умения и навыки, складывается поведение и жизнь человека. Само же *изменение значимости в границах и изменение границ в значимости* (аффективная сфера) осуществляется в когнитивной и конативной сферах, но не только. Аффективная сфера выражает (отражает) и одновременно влияет на ценностно-смысловую сферу человека, на его биологическую организацию.

6.2. Анализ философских подходов в понимании жизни

Понятие "жизнь" довольно широко употребляется как в науке, так и в повседневной жизни. Значения слова "жизнь" в повседневном словоупотреблении как-то упорядочил А.Ф. Лосев. Во-первых, это просто "бытие", "существование", "действительность", в отличие от смерти.

Во-вторых, это "развитие", "процесс", "становление", "достижение".

В-третьих, существует огромное количество областей жизни, из которых каждая имеет очень мало общего со всякой другой: жизнь неорганическая (Солнца, Земли, горных пород, моря), органическая (растений, лесов), одушевленная (животных и вообще живых организмов), индивидуально-человеческая (физиологическая, психическая, умственная, духовная), общественная, культурная, классовая, сословная, народная и другие.

В-четвертых, под жизнью часто понимают определенного рода уклад или распорядок жизни: жизнь столичная, периферийная, провинциальная, деревенская, захолустная; дневная, вечерняя или ночная жизнь города; жизнь дома, семьи, жизнь в разных возрастных смыслах, жизнь мужчин и женщин; жизнь общественных организаций, королевского двора, театральная жизнь.

В-пятых, под жизнью понимается "оживление", "подъем или расцвет жизненных сил", "полнота проявления физических и духовных сил". Здесь же мыслится и вообще протекание жизни во времени. Но сюда же можно отнести и разного рода отрицательные оценки жизненного процесса ("прожигать жизнь", "проводить жизнь", "похоронить жизнь", "доживать жизнь")[234; 78 – 79].

Другими словами, русское слово *жизнь* обладает необозримым числом разных значений, иной раз не имеющих ровно ничего общего между собой, а иной раз и приближающихся одно к другому почти до полной неотличимости. Если попытаться обобщить разнообразные значения слова "жизнь", то можно выделить, что этим словом подчеркивается процессуальный момент существования и развития человека, а также некоторая оформленность, упорядоченность (распорядок жизни) и организованность (уклад). Отмечаются и виды оформленности жизни: общественная, культурная, индивидуально-человеческая и другие. Не забыта и эффективность жизни (полнота проявления физических и духовных сил, прожигать жизнь).

Выделенные аспекты (стороны) значения слова "жизнь" так или иначе отмечаются и в серьезных научных исследованиях, начиная с античности. Так, Платон в своих диалогах достаточное место уделяет рассуждениям о жизни. Он говорит о ней, как о трагедии и комедии, блаженной (наилучшей), справедливой и несправедливой, смешанной и т.п. Выделяет виды жизни: жизнь радостную, жизнь печальную и жизнь, лишенную печалей и радостей [299; 48]. Но, пожалуй, наиболее интересны диалоги Платона, касающиеся образа жизни. В понимании образа жизни просматривается как бы набор моделей жизни человека, наиболее типичный для тех или иных групп людей [299; 417 – 418]. Жизнь Платон понимает как некую целостность, завершенность, и судить о ней следует в конце жизненного пути.

Самое главное – это сторониться крайностей, в этом – высшее счастье для человека [299; 418].

В чем-то эти мысли перекликаются с взглядами на жизнь древнекитайских философов. Они также говорят об образе жизни, жизненных образцах [131; 54, 315], жизненном пути (широком и узком, правильном и неправильном) [131; 39], основах жизни, которые они видят в небе и на земле [131; 56]. Но особенно, пожалуй, интересны и важны их высказывания об упорядоченности и целостности жизни. Так, ритуал, определенный режим жизни и её упорядоченность, начало и конец (рождение и смерть), целостность жизни – все это говорит об о-граниченности жизни не только извне, но и изнутри её самой [131; 13, 54, 180, 181, 292]. В работах древнекитайских философов особое внимание уделяется именно важности структурированности жизни, её упорядочению, соотношению различных начал, т.е. о-граничению.

В дальнейшем развитии взглядов на жизнь эти идеи были подхвачены и развиты в немецкой философии Ф. Шеллингом, Г. Гегелем, М. Хайдеггером и другими. Например, Ф. Шеллинг пишет: "Основное свойство жизни состоит прежде всего в том, что она есть возвращающаяся в саму себя, фиксированная и основывающаяся на некотором внутреннем принципе последовательность ..." [450; 370]. Упорядоченность и последовательность этапов жизни – это в чем-то и её направленность, явная или скрытая, к некоторой цели или пред-заданности жизни. Пред-заданность в данном случае определяется внутренним принципом. Откуда он берется? По мысли Ф. Шеллинга, в предвечном бытии. Традиции немецкой классической философии были блестяще продолжены М. Хайдеггером, крупнейшим философом 20 века, который в раскрытии понятия "жизнь" опирается на ценности как условие жизни человека⁸²: "... *наивный* человек принимает ценности (цель, единство, цельность, истину) так, словно они пришли к нему откуда-то, спустились с неба и сами по себе как таковые возвышаются над ним, а ему остается только склониться перед ними" [396; 107]. Здесь М. Хайдеггер выходит на важное не только с точки зрения философии, но и психологии понятие "судьба"⁸³. Судьба – это определенный путь раскрытия потенциала в историческом бытии. "Всегда человек властно захвачен судьбой раскрытия потаенности. Однако его судьба – никогда не принуди-

⁸² В той или иной степени наше понимание психологической природы ценностей как пространство жизни человека созвучно этой мысли М. Хайдеггера.

⁸³ В понятии "судьба" всегда отражается некоторая предопределенность и пред-заданность событий и поступков, но в зависимости от того, в рамках какой системы (мистической, религиозной, философской и др.) рассматривается данное понятие, интерпретация этой предопределенности существенно различается [383; 663].

тельный рок. Ибо человек впервые только и делается свободным, когда прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие, приходя так к послушанию – но не к безвольной послушности" [396; 232]. Поэтому судьба – это не фатум, а свобода⁸⁴ в раскрытии сущности человека или, как пишет М. Хайдеггер: "Свобода – это область судьбы, посылающий человека на тот или иной путь раскрытия Тайны" [396; 232]. Видимая противоречивость взглядов Хайдеггера на понимание судьбы объясняется степенью, мерой пред-заданности. В общих чертах, судьба навязана человеку культурой, социумом, но это только в общих чертах, а конкретно каждый человек имеет и свободу выбора, но, разумеется, в определенных рамках и границах. Явленная и унифицированная судьба человека приобретает статус образа жизни, который есть некоторая, но вполне определенная для конкретного человека, организация и упорядоченность [396; 243, 190 – 191].

В чем-то схожие идеи, но с иных позиций, высказывает Х. Ортега-и-Гассет [282]. Для него человек – это программа как таковая и, следовательно, то, чего еще нет, а также то, что может быть [282; 45]. И наше "Я", личность каждого из нас – это не что иное, как воображаемая программа. Все что мы делаем, мы делаем ради осуществления этой программы. Но что такое программа? Х. Ортега-и-Гассет не дает прямого ответа, более всего – это жизнь. "То, что вы называете жизнью, не что иное, как неудержимое стремление воплотить определенный проект или программу существования" [282; 45]. Здесь программа или проект – это осуществление себя, своей сути и более того она и есть "Я" человека. "Я – это драма, это борьба за то, чтобы стать тем, кем я должен стать. И это стремление, и эта программа, которые составляют наше "Я", прорываются в мир, запечатлевая в нем себя, оставляя на нем свой оттиск" [282; 45 – 46]. В том, что человек сам обречен создавать собственную жизнь, реализовывать программу, которая изначально составляет его суть, есть диалектический момент представлений испанского философа на человека и его жизнь. С одной стороны, жизнь – это созидание себя. "Жить означает в первую очередь прилагать максимальные усилия, чтобы возникло то, чего ещё нет, чтобы возник сам человек" [282; 47]. С другой стороны, жить – это значит изыскивать средства культуры и социума для осуществления себя как программы. Из этого противоречия практически невозможно найти выход, тем более, что по мысли Х. Ортега-и-Гассета, современный человек не знает, кем быть, ему не хватает воображения сочинить сюжет своей жизни. Но почему? От ответа на этот вопрос философ уходит, ссылаясь лишь на то, что в той или иной степени этому мешает техника, которая заслоняет человека от него самого.

⁸⁴ Психологическая интерпретация понятия "свобода" в главе 9 настоящей работы.

Русская философская традиция отношения и понимания жизни своеобразна. Прежде всего для отечественных философов характерно целостно и религиозно окрашенное отношение к жизни (В.С. Соловьев, 1988; Н.Ф. Федоров, 1982), поиск предельных её оснований (Е.Н. Трубецкой, 1994; С.Л. Франк, 1990). В этом ракурсе, естественно, на первый план выходит нравственно-религиозный аспект осмысления жизни, в диалоге с абсолютной точкой отсчета, т.е. с богом [240]. Безусловно, проблема понимания жизни в русской философской традиции нуждается в специальном исследовании, которое будет не только интересным, но во многом и поучительным.

Продолжателем традиций отечественной философии является М.М. Бахтин. Понятие "жизнь" встречается у него достаточно часто, но в основном в ракурсе взаимоотношений автора и героя [45, 46, 47]. Он распространяет принцип диалогичности и на понимание жизни. "Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п." [47; 318]. И познание, понимание жизни человека возможно только в диалоге. "Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в неё, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя" [45; 69]. Этот диалог возможен, как Я и другого, или Я сам и другой во мне. Через другого только и возможно видение себя. М.М. Бахтин придает принципиальное значение в осмыслении жизни позициям самого человека в отношении к себе и другому, т.к. изнутри себя человек не может представить свою жизнь, оформить её, это возможно, только выходя за свои пределы. Это принципиальное положение [47; 63].

Принцип диалогичности М.М. Бахтин продолжает и в различении жизни. Он говорит о внутренней и внешней жизни, официальной и карнавальной. Диалог, взаимопроникновение и взаимоотрицание различных видов жизни и создает саму жизнь, которая существует на границах взаимодействия, в точке встречи различного рода активностей, на пороге испытаний. Говоря о внешней и внутренней жизни М.М. Бахтин отмечает их упорядоченность, только внешняя жизнь упорядочена социумом (человек общается к быту, укладу, нации, государству) и подчиняется ритму, т.к. человек отчужден от себя и живет в другом и для другого [47; 106]. Внутренняя жизнь, также как и внешняя, упорядочена ритмом, но ритм здесь есть ценностно-временная упорядоченность внутренней данности, которая предполагает некоторую предопределенность стремления, действия, переживания [47; 99, 103]. Вероятно, поэтому М.М. Бахтин говорит о том, что "жизнь (и сознание) изнутри себя самой есть не что иное, как осуществление веры" [47; 126]. Здесь вера, как сущностная основа человека, принятые им ценности культуры.

Диалогизм и диалектика внешней жизни просматривается в понимании карнавала, где все "наизнанку" [45; 141]. И суть карнавала – это "... праздник всеуничтожающего и всеобновляющего времени" [45; 143]. В карнавале и через него официальная (серьезная) жизнь не только оплотняет свои границы, но и дает человеку возможность их изменять и трансформировать. Но это требует особого разговора.

Подводя итог краткому философскому рассмотрению понятия "жизнь", отметим: прежде всего в развитии взглядов на жизнь, представлений о жизни можно выделить две линии, каждая из которых находит свое продолжение и раскрытие в содержательном наполнении этого понятия.

Первая линия рассматривает жизнь преимущественно с позиции реализации заложенного потенциала, адаптации, приспособления человека к миру, социуму, культуре, Богу; а вторая акцент делает на самодвижении человека, созидании себя и своей жизни. Сторонники первой линии (Платон, 1994; Лао-цзы, Кун-цзы, Ян Чжу, 1972; В.С. Соловьев, 1988; Н.Ф. Федоров, 1982) больше внимания уделяли организационным моментам жизни – ритуалу, структурированию, социально-культурной упорядоченности. В этом отношении жизнь или её общее течение определяется укладом, национальными традициями, обычаями и ритуалами, праздниками, в том числе и карнавалом. Внешняя организация и упорядоченность характеризует пред-заданность жизни, а также определяет судьбу человека. Полноценное функционирование социума требует людей различных профессий, склада и наклонностей, поэтому для них характерен определенный образ жизни, как некая пред-определенность поступкам, поведению и жизни, которая целостна и завершена. Образ жизни – это не только характеристика человека, но более всего направленная линия его жизни, на основе которой можно прогнозировать поведение конкретного человека. Так что образ жизни конкретного человека – это и типология как людей, так и стилей их жизни. Что же побуждает людей жить? Чаще всего внешние причины (замысел божий, земля и небо, социум и др.) и отношение к жизни как её принятие и подчинение природе вещей (стоики, даосы).

Вторая линия, делающая акцент на созидании себя (Х. Ортега-и-Гассет, 1995; М.М. Бахтин, 1979), по-разному трактует источник этого самодвижения или уходит от ответа на этот вопрос (Х. Ортега-и-Гассет, 1995). Для М.М. Бахтина – это разворачивающийся во времени диалог человека с миром. Этот диалог и есть жизнь, вот как об этом пишет М. Бубер: "Всякая подлинная жизнь есть встреча" [73; 11]. Однако, так как видимая жизнь человека проходит с другими, то диалоги: Я и внешний другой, Я и другой внутри меня, Я в других и другие – задают виды жизни. Во встрече с другим, на границе Я и Ты происходит подлинная жизнь. Сторонники этой линии большой упор делают на внутренней организации и упорядоченно-

сти. Так, М.М. Бахтин говорит о ценностно-временной упорядоченности внутренней жизни, которая и есть ритм [47; 99 – 103]. Программа, проект жизни тоже есть некоторая пред-определенность, упорядоченность и направленность жизни, но эти понятия не раскрыты в должной мере Х. Ортега-и-Гассетом [282]. Весь вопрос здесь заключается в том, что считать основой человека, из которой или на основе которой он реализует себя в жизни. Это вопрос о сущности человека, о том, что он, безусловно, принимает (вера) для себя и реализует. Поиск этих основ характерен для сторонников этой линии рассмотрения жизни. Поэтому важно рассматривать и анализировать человека в его соотношении с миром и жизнь как с позиции самого человека, так и мира, осмысление жизни и познание её (Е.Н. Трубецкой, 1994; С.Л. Франк, 1990; М. Бубер, 1993; М.М. Бахтин, 1979; М. Хайдеггер, 1993).

6.3. Психология в интерпретации жизни человека

В психологической литературе понятие "жизнь" тоже нашло свое отражение. Пожалуй, впервые об этом заговорил немецкий философ В. Дильтей, основатель "философии жизни", а также описательной психологии [136; 307]. Согласно В. Дильтею, жизнь – это взаимодействие, взаимосвязь живых существ (личностей). "Жизнь всегда и везде определена пространственно и во времени – как бы локализована в пространственно-временной организации процессов, присущих живым существам" [127; 130]. Жизнь самым тесным образом связана с наполненностью временем. Она существует во времени как отношение элементов к целому, т.е. как некая взаимосвязь, поэтому сама жизнь дана только в определенном соотношении целого и его элементов. В этом он не только является одним из предтеч гештальтпсихологии, но указывает (намекает) на еще одно очень важное психологическое понятие "контекст", в рамках которого только и возможно адекватное понимание жизни человека.

Жизнь в своем своеобразии постигается с помощью категорий: значение, ценность, цель, развитие, идеал [127; 132]. Всеохватывающей категорией является значение. "Категория "значение" характеризует отношение элементов жизни к целому, коренящемуся в сущности жизни" [127; 132]. Раскрытие категории "значение" осуществляется через понятия: формообразование (как всеобщее свойство жизни); значимость (это определенность значения элементов для целого, возникшего на основе взаимосвязей действия); ценность (как возможности, направленные вперед – в будущее). Что же определяет взаимосвязь отдельных элементов в единое целое? Переживание и есть единство, моменты которого связаны общим значением [127; 133]. Подход В. Дильтея к пониманию и описанию жизни посредством

вышеперечисленных категорий является достаточно интересным, хотя и не лишенным внутреннего противоречия. Заслуживает внимания и идея целостного и системно-структурного анализа жизни. Пытается он как-то и упорядочить категории и понятия, описывающие жизнь. Конечно, с нашей точки зрения, категории нуждаются в системном и диалектическом рассмотрении, особенно это касается категории "значения" в её соотношении с другими категориями.

То, что подход В. Дильтея в понимании жизни достаточно продуктивен для психологии, подтверждают работы Э. Шпрангера о "формах жизни" [136; 311 – 312]. Идея В. Дильтея, что постижение ценностей и созидание новых ценностей составляет сущность душевной жизни и психического развития, нашла продолжение в типологии форм жизни (теоретическая, экономическая, социальная, религиозная, политическая, эстетическая). Однако это не достаточно полное подтверждение, в одном аспекте. Как пишет М. Хайдеггер в докладе о В. Дильтее, что его же собственная школа не поняла действительный смысл его теории науки, и подчеркивает, что, в отличие от Виндельбанда и Рикерта, Дильтей почерпнул свою теорию в действительном знании исторического познания [397; 125]. Так что его подлинная интенция осталась без употребления. А здесь есть одно положение о психологических структурах как о первичном живом единстве самой жизни. Дильтей предполагает исследовать структуры психического, и существенно то, что он понимает под ними не простые формы душевного существования, в какие они включаются, но понимает их как принадлежащие к самой же реальности душевной жизни. основополагающая структура – это взаимосвязь самости и внешнего мира, человека и мира. [397; 125 – 126]. Человек создает структуры жизни с другими, они приобретаются через историю (человеческую и индивидуальную) и культуру. И дело уже в том, чтобы видеть и выделять основополагающие структуры, в которых разывается бытие в мире [397; 130].

В этом мы видим не только эвристичность идей В. Дильтея на жизнь, но и достаточно четко обозначенный подход к пониманию границ в жизни человека, о-граниченность его бытия, пред-заданность. В данном ракурсе интересна интерпретация М. Хайдеггера смерти как законченности, о-граниченности здесь существования [397; 133 – 135].

В дальнейшем линию на анализ жизни и жизненного пути продолжили психологи, пришедшие из психиатрии. К ним в первую очередь следует отнести А. Адлера, который не только выдвинул и обосновал весьма продуктивную идею о базовой тенденции человека, стремление его к превосходству, но и использовал такие понятия, как жизненный план, жизненная линия, стиль жизни [11]. Согласно Адлеру, *стиль жизни* включает в себя уникальное соединение черт, способов поведения и привычек, которые,

взятые в совокупности, определяют неповторимую картину существования индивидуума. Стиль жизни характеризует основную ориентацию человека по отношению к внешнему миру. На основе стилевого подхода к жизни А. Адлер, весьма неохотно, предложил классификацию типов людей. В данной работе на этот момент мы уже обращали внимание, когда стиль жизни и тип человека рассматриваются как сопряженные (синонимичные) понятия. Сама классификация построена по принципу двухмерной схемы, где одно измерение представлено "социальным интересом", а другое – "степенью активности". Социальный интерес представляет собой чувство эмпатии ко всем людям; проявляется он в сотрудничестве с другими, скорее ради общего успеха, чем для личных выгод. В теории Адлера социальный интерес выступает основным критерием социальной зрелости; его противоположностью является эгоистический интерес. Степень активности имеет отношение к тому, как человек подходит к решению жизненных проблем. Понятие "степень активности" совпадает по значению с современными понятиями "возбуждение" или "уровень энергии". Как считает Адлер, каждый человека имеет определенный энергетический уровень, в границах которого он ведет наступление на свои жизненные проблемы. Как видим, в интерпретации понятия "степень активности" Адлером и в нашей работе в используемом понятии "значимость" достаточно много общего, что говорит не только о переключке базовых идей, но и фундаментальной важности этих понятий.

Если же вернуться к типологии людей (стилей жизни), то первые три адлеровских типа установок, сопутствующих стилям жизни, – это управление, получение и избегание. Для каждого из них характерна недостаточная выраженность социального интереса, но они различаются по степени активности. У четвертого типа, социально-полезного, присутствует и высокий социальный интерес, и высокая степень активности (управляющий, берущий, избегающий и социально-полезный типы людей).

Конкретным подтверждением влияния философии на психологию является экзистенциальная психология (Л. Бинсвангер, М. Босс, В. Франкл). Особенно это касается работ Л. Бинсвангера [483] и М. Босс [485], а именно они исходили из идей Хайдеггеровской онтологии бытия [396]. Экзистенциальная психология в отношении существования человека отвергает *принцип* причинно-следственных отношений [229; 233] и постулируют связную структуру человеческого существования. Цель экзистенциальной психологии, как указывает Босс, – проявить связную структуру человеческого существа. "Связность возможна лишь в контексте целого, не подвергавшегося повреждению; связность, как таковая, происходит из целостности" [485; 285]. В этом мы видим выход на новое понимание детерминизма, не линейного, а *структурно-связанной обусловленности*. Это

взаимодействие единицы и целого, события и контекста. Ориентация на целостное осмысление и понимание человеческого существования проявляется в фундаментальном понятии экзистенциальной психологии – бытие-в-мире (Dasein). Вся структура человеческого существования базируется на этом понятии. А мир человеческого существования объемлет три пространства: 1) биологическое или физическое окружение, или ландшафт (Umwelt), 2) человеческую среду (Mitwelt) и 3) самого человека, включая тело (Eigenwelt). Каждое из пространств существования человека понимается Боссом как тот или иной тип или вид ограничений, что особенно характерно для невротиков [403; 267].

По сути дела, на этой же философской основе (М. Хайдеггер) формировал свои взгляды другой крупный представитель экзистенциальной психологии В. Франкл, но в ракурсе смысла жизни как предельного её основания [389]. Он также трактует жизнь как целостность, которую невозможно понять вне исторического временного контекста [389; 158] и которая изначально, по социокультурной природе своей, направлена [389; 159]. Направленность жизни человека задает культура и её ценности.

Одной из первых предприняли попытку дать научное определение жизни и биографической её структуры Ш. Бюлер и её сотрудники в конце 20-х – начале 30-х годов XX века⁸⁵. Главной движущей силой развития, по Бюлер, является врожденное стремление человека к самоосуществлению или самоисполнению – всесторонней реализацией "самого себя". Самоосуществление – итог жизненного пути, когда "ценности и цели, к которым стремился человек осознанно или неосознанно, получили адекватную реализацию" [403; 167]. Самоосуществление, по Бюлер, может быть достигнуто путем целеустремленной жизни, благодаря творчеству, созиданию. Самоосуществление понимается как итог и как процесс, который может в разные возрастные периоды выступать по-разному: то как хорошее самочувствие (0 – 1,5 года), то как переживание завершения детства (12 – 18 лет), то как самореализация (15(30) – 45(50) лет), то как самозавершен-

⁸⁵ Шарлотта Бюлер начала научную свою деятельность в 20-е годы нашего века. Училась в Мюнхенском и Берлинском университетах, специализировалась в области возрастной психологии. Её первые работы были посвящены изучению внутреннего мира личности подростков и юношей на основе их личных дневников. В конце 20-х – начале 30-х годов Бюлер в Венском институте психологии организовала коллективное исследование, результаты которого были изложены в её известном труде "Жизненный путь человека как психологическая проблема" (1933). Стоит отметить, что даже 30 лет спустя этот труд расценивался Б.Г. Ананьевым как "основополагающий при изучении жизненного цикла и генетических связей между его фазами" (1968). В 1970 г. Бюлер была избрана президентом международной ассоциации гуманистической психологии [229; 166].

ность (65(70) – 80(85) лет [403; 167]. Полнота и степень самоисполненности зависят от способности человека ставить такие цели, которые наиболее адекватны его внутренней сути. Такая способность называется у Бюлер самоопределением. Чем понятнее человеку его призвание, т.е. чем отчетливее выражено самоопределение, тем вероятнее самоосуществление. Считая, что становление целевых структур является определяющим в индивидуальном развитии, Бюлер пытается понять его основные закономерности через изучение целей жизни. Обладание жизненными целями, по Бюлер, – условие сохранения психического здоровья личности. Обретение целей жизни приводит к интеграции личности. Для обоснования своей концепции самоосуществления через самоопределение Бюлер активно использует теорию открытых систем австрийского биолога Л. Бертаманфи. Ей импонирует идея о свойственной живым системам тенденции к подъему напряжения, необходимого для активного преодоления среды.

Ш. Бюлер объявила жизнь личности индивидуальной историей. Основная задача психологии в отношении жизни человека – это раскрыть особенности реального жизненного мира. Индивидуальную, или личную, жизнь в её динамике она назвала жизненным путем личности. На основе изучения сотен биографий самых разных людей, представителей различных социальных классов и групп – бизнесменов, рабочих, фермеров, интеллигентов, военных и пр., Бюлер выдвинула определенные идеи о многофазности жизненного пути человека. Понятие фазы указывает на изменение направления развития, на прерывность в нем. Бюлер выдвинула ряд сторон или аспектов жизни, чтобы проследить их в динамике. *Первый* ряд, составляющий как бы объективную логику жизни, Бюлер рассматривала как последовательность внешних событий; *второй* – как смену переживаний, ценностей, как эволюцию внутреннего мира человека, как логику его внутренних событий; *третий* – как результаты его творческой деятельности.

Концепция Бюлер о пяти фазах жизненного цикла человека заключается в следующем. Она определяла фазы путем наложения линий развития по многим "измерениям" жизни (всего их было найдено 97) в трудовой, профессиональной и семейной сферах. По идее Бюлер, фазы жизни имеют в основе развития целевые структуры личности – самоопределения. Всего ею было обнаружено и описано пять фаз жизни. **Первая фаза** (возраст до 16 – 20 лет) характеризуется отсутствием у индивида собственной семьи и профессиональной деятельности. **Во второй фазе** (с 16 – 20 до 25 – 30 лет) человек пробует себя в разных видах трудовой деятельности, заводит знакомства с представителями противоположного пола в поисках супруги (супруга). **Третья фаза** (от 25 – 30 до 45 – 50 лет) наступает в тот период, когда человек находит свое призвание или просто профессиональное заня-

тие, когда у него образуется собственная семья. Стареющий человек (от 45 – 50 до 65 – 70 лет) в **четвертой фазе** завершает профессиональную деятельность. Из его семьи уходят взрослые дети. Для человека наступает "трудный" возраст душевного кризиса. В **пятой фазе** (от 65 – 70 лет до смерти) большинство старых людей оставляет профессиональную деятельность, которую заменяет хобби.

Индивидуальный образ жизни достаточно устойчив. Однако в биографии человека есть такие поворотные моменты, которые вызывают значительные изменения в течение жизни. Эти моменты – *биографические события*. Для Ш. Бюлер единицей анализа жизни было "событие", которые она разделяла на внешние и внутренние, но по верному замечанию К.А. Абульхановой-Славской, не смогла соединить [9; 25]. Проблема единства внешней и внутренней жизни человека достаточно актуальна и в настоящее время. И дело здесь прежде всего в концептуальном подходе к пониманию жизни. Главное, к чему пришла Ш. Бюлер, что жизнь конкретного человека не случайна, а закономерна, она поддается не только описанию, но и объяснению.

Имеют свою позицию в понимании жизни человека создатели и сторонники гуманистической психологии. Здесь один из принципов заключается в том, что человеческая жизнь должна рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека [248; 417]. Как раз поэтому крупнейший представитель гуманистической психологии А. Маслоу поднимает проблему психологии бытия человека, которая с равным основанием может быть названа и онтопсихологией, и трансцендентной психологией, и психологией совершенства, и психологией цели [248; 139]. В трактовке А. Маслоу, бытие относится к "внутреннему ядру" человека, к его базовым потребностям, возможностям, предпочтениям, к его "реальному Я". И выступают скорее как "выражение собственной природы", нежели как преодоление, борьба и напряжение, контроль, вмешательство, руководство. "Под понятием "бытие" подразумевается расслабленная спонтанность, позволяющая глубинной, врожденной натуре проявиться в поведении (умному человеку проявить свой интеллект, а ребенку ребячиться)" [248; 144]. И наконец "бытие" может означать "завершение" развития, конечную точку роста или становления. Оно может быть отнесено к категориям конечного результата, предела, цели.

Для Маслоу характеристики бытия – это одновременно и ценности бытия, *к которым могут быть отнесены: эффективное восприятие реальности, принятие себя, непосредственность, центрированность на проблеме, независимость (потребность в уединении), автономия (независимость от культуры и окружения), свежесть восприятия, вершинные переживания, общественный интерес, глубокие межличностные отноше-*

ния, демократичность, разделение целей и средств, философское чувство юмора, креативность, сопротивление окультуриванию [248; 139 – 143]. Человек, реализующий ценности бытия, есть самоактуализирующийся человек, эффективно осуществляющий свою жизнь.

В этом же плане, но применительно к "обычному" человеку, рассуждает и К. Роджерс, когда пишет о хорошей жизни. "Хорошая жизнь, с точки зрения моего опыта – это процесс движения по пути, выбранному человеческим организмом, когда он внутренне свободен развиваться в любом направлении, причем качества этого направления имеют определенную всеобщность" [319; 237]. Для хорошей жизни К. Роджерс определяет характерные качества этого процесса движения. *Во-первых*, этот процесс связан с возрастающей открытостью опыту. *Во-вторых*, качество процесса, который представляется Роджерсу как хорошая жизнь, связано с все большим стремлением жить полноценной жизнью в каждый её момент. *В-третьих*, есть ещё одна характеристика человека, живущего в процессе хорошей жизни, – все увеличивающееся доверие к своему организму как средству достижения наилучшего поведения в каждой ситуации в настоящем. Получается, что психически свободный человек все более совершенно выполняет свое назначение. Он становится все более способным к полноценной жизни в каждом из всех своих чувств и реакций. Он все более использует все свои органические механизмы, чтобы как можно правильнее чувствовать конкретную ситуацию внутри и вне его [319; 237 – 242]. Разумеется, точка зрения К. Роджерса вызывает много непростых вопросов, которые связаны не столько с пониманием открытости опыту или доверие своему организму, сколько с проблемой понимания человека, его сущности.

В отечественной психологии к пониманию жизни и жизненного пути одним из первых подошел С.Л. Рубинштейн [329]. Взгляды и идеи Рубинштейна на проблему жизни достаточно подробно проанализированы К.А. Абульхановой-Славской [9] и А.С. Арсеньевым [30], поэтому в аспекте нашей работы мы отметим лишь то, что считаем наиболее эвристичным. А это прежде всего то, что жизнь – это качественно-своеобразная диалектика жизни человека [329; 366], в ходе которой человек изменяется и пребывает, действует и страдает, сохраняется [329; 279]. Жизнь – это закономерный процесс, наполненный, насыщенный событиями и фактами. Рубинштейн выделял две стороны существования человека: 1. Внутренняя жизнь как отношение к отдельным её элементам и 2. Выход за пределы личной жизни, он связан с появлением рефлексии [329; 347 – 348].

Другим отечественным психологом, взявшимся за исследование проблем жизни и жизненного пути, был Б.Г. Ананьев [16]. Для него основным в характеристике жизни человека является возраст человека. По Б.Г. Ананьеву, человек обладает не одной формой существования, а несколь-

кими. Человек выступает в качестве индивида, личности, субъекта и индивидуальности. Жизненный путь в первичном смысле слова является историей личности – современницы социума, члена общности, субъекта социального поведения. Индивидуальность – самое позднее приобретение человека, эффект развития личности и субъекта деятельности. Ананьев определяет индивидуальность как замкнутую систему (микрокосм), которая путем саморегуляции гармонизирует отношения между индивидуальными и личностными свойствами человека и воплощается в деятельности субъекта по созиданию материальных и духовных ценностей. В этой замкнутой системе протекает внутренняя жизнь человека, основной единицей которой является переживание. Внутренняя жизнь – не отблеск внешней, а её психологическое содержание. " Внутренний мир человека работает, и мера напряженности его работы (переработка опыта, выработка собственных позиций и убеждений, пути самоопределения и т.д.) является показателем духовного богатства индивидуальности" [16; 328]. Индивидуальность как продукт развития сама становится детерминирующим фактором дальнейшего хода жизни. В настоящее время проблемами жизни и жизненного пути активно занимается К.А. Абульханова-Славская и её сотрудники [9]. Она анализирует в своих работах такие понятия, как *жизненный путь* (возрастной и личностный аспекты), *жизненная позиция*, *жизненная линия*, *жизненные стратегии*, *смысл жизни*. Абульханова-Славская поднимает и анализирует для психологии человека, интереснейшие проблемы – это время в жизни человека, типологии личности и стратегии жизни. Не все, что пишет Абульханова-Славская, принимается безоговорочно, но сами проблемы достойны серьезного обсуждения.

Подводя итог анализу проблемы жизни в психологической литературе, отметим:

Во-первых, в психологической литературе достаточно ясно обозначен вопрос, реализацией чего в человеке является жизнь? Ответ конечно, разнопланов, в соответствии с теоретической позицией автора, но общим моментом является то, что человек реализует в своей жизни принятые им ценности культуры, свой потенциал или "внутреннее ядро", "внутренний мир".

Во-вторых, идет становление понятийного аппарата, посредством которого анализируется данная категория. Однако здесь, мне думается, существуют принципиальные сложности. Они связаны, как правило, с неопределенностью методологического подхода к анализируемой проблеме и разворачиванием его в анализе категории "жизнь". Отсюда такие понятия, как жизненный путь, жизненная линия, жизненная позиция, жизненная стратегия и др.; описывающие больше жизнь, чем её структурно-системное представление. В этом отношении В. Дильтей, пожалуй, был более эври-

стичен со своими категориями жизни. И его идея о единице анализа жизни – переживание, *с одной стороны*, нашла продолжение в работах отечественных психологов (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев), *а с другой*, заслуживает, по крайней мере, внимания как элемента внутреннего мира человека. К этому следует добавить и мысль Ш. Бюлер о событии как единице анализа жизни человека, как единице внешнего и внутреннего миров.

В-третьих, практически все психологи пишут о диалектике жизни, жизненного пути, т.е. о разворачивании жизни во времени (последовательность во времени, фазы жизни, этапы и др.). Эта динамика имеет закономерный социально-культурный и психологический характер, что находит отражение в различного рода периодизациях развития (человека, личности, психического развития, жизни). Проблема здесь не только в определении движущей силы, исходном противоречии развития человека, но и в понимании его самого. Ибо развивается, становится и самоопределяется человек, поэтому вопрос все время оборачивается на человека, его сущность и психологическую структуру.

В-четвертых, жизнь, практически во всех работах, понимается как целостность, но что это за целостность, пока жизнь еще длится и не завершена? Это и интересная, и важная психологическая проблема, которая решается и как "жизненный проект", и как смысл жизни. Главное здесь в том, что улавливается некоторая пред-заданность жизни. Возможно, поэтому экзистенциальные психологи отвергают линейный детерминизм и говорят о структурно-связной обусловленности, как об особом виде целостности и в чем-то завершенности жизни человека.

В-пятых, жизнь человека – не одномерная линия, а пучок взаимосвязанных активностей. И психологи выделяют формы существования: – индивидуную, личностную, субъектную и индивидуальную (Б.Г. Ананьев, 1968); способы существования: внутренняя жизнь и вне её (рефлексия) (С.Л. Рубинштейн, 1976); стороны, аспекты жизни личности – внешние события, смена переживаний и результаты творческой деятельности (Ш. Бюлер, 1933). Сюда же можно отнести типологию форм жизни Э. Шпрангера и стили жизни А. Адлера. Все это говорит как о дифференциации жизни, так и о том, что человек одновременно живет в нескольких измерениях. Вопрос только, в каких? И какие измерения его жизни являются базовыми?

6.4. Жизнь как разворачивание сущности человека

Человек, живя в мире, подчиняется как внешним обстоятельствам, так и своей собственной природе. Как, каким образом это происходит? Столь общий вопрос распадается на ряд более частных, а именно: как внешние

обстоятельства определяют жизнь человека? Посредством чего? Что это за собственная природа, которой подчиняется человек? От чего она зависит? Да и как конкретный человек учитывает в жизни свою природу и требования социума? В той или иной степени и мере мы в предыдущих частях нашей работы уже ответили на большинство этих вопросов, но не на все.

Жизнь человека связана или является реализацией природы и сущности человека (М. Хайдеггер, 1993; Х. Ортега-и-Гассет, 1993), "жизненного ядра" (А. Маслоу, 1997), "самости" (К. Юнг, 1994). Что же представляет из себя сущность человека, самое главное и определяющее в нем? Спектр ответов достаточно разнообразен (ценности, проект, смыслы, цели и мотивы, самость и др.), но большинство философов и психологов склоняются к тому, что ценностно-смысловая сфера человека, его мотивационно-потребностное ядро и есть сущность человека (М. Хайдеггер, 1993, А. Адлер, 1995; С.Л. Рубинштейн, 1976; Л.С. Выготский, 1982; А.Н. Леонтьев, 1983). Обобщенно под сущностью человека мы подразумеваем систему значимости, которая отражает зависимость человека от мира. Система значимости существует в различении своих элементов и их единстве, образуя сущность человека, которая, конечно же, диалектична. Диалектика сущности человека проявляется в о-граниченной значимости, и если в начале жизненного пути это о-граничение биологической природой человека и внешним миром, то на более поздних ступенях онто- и филогенеза самим человеком. Собственно говоря, отсюда следует то, что: 1) единицей анализа жизни человека является о-граниченная значимость; 2) жизнь человека как диалектическое разворачивание его сущности есть внешне-внутреннее о-граничение; 3) разделение жизни на внешнюю и внутреннюю, а также их единство.

Вопрос о единицах психологического анализа нами уже обсуждался, но не применительно к категории "жизнь". Если говорить об истории этого вопроса, то следует прежде всего упомянуть об "основополагающей структуре" В. Дильтея, "события" (Ш. Бюлер, 1933; С.Л. Рубинштейн, 1976). Вопрос о "первичных структурах" скорее поставлен В. Дильтеем, но не разработан в должной мере [397; 130], хотя, нам думается, эта мысль продуктивна. И понятие "о-граниченная значимость" в некотором отношении является развитием идей В. Дильтея о единицах психологического анализа жизни. Что же касается "события" как внешнего мира, так и внутреннего, то как единица психологического анализа жизни оно заслуживает внимания, но нуждается в основательной проработке. Основная проблема "события" как единицы жизни человека, по замечанию К.А. Абульхановой-Славской, заключается в том, что не только Ш. Бюлер не удалось найти

связь между внешними и внутренними событиями [9; 25]. В психологии существуют некоторые определения этого понятия. С.Л. Рубинштейн пишет: "События жизни – это узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека" [327; 148]. Таким образом, Рубинштейн связывает события жизни с собственной активностью человека, с принятием им решения и его реализацией. Но бывают события по независимым от самого субъекта причинам. Может быть предложена некоторая предварительная типология событий. Ананьев различал события окружающей среды и события поведения человека в среде. К этому Н.А. Логинова добавляет третью группу – события внутренней жизни, составляющие духовную биографию человека [229; 160].

Как видим, "событие" – это момент жизни человека, имеет фазы – подготовки, основную и последующую. Но самое главное – это то, что событие всегда нечто значимое для человека, поворотный и достаточно насыщенный момент его жизни. Событие – это опредмечивание (о-граничение) значимого для человека в жизни (внешней и внутренней). При описании и характеристике жизни человека опора на события внешне оправдана, но для психологического анализа жизни этого не достаточно, т.к. "событие" – это лишь узловой (поворотный) момент жизни, а не сама жизнь. Событие – это уплотнение жизни в хронотопе, но не жизнь, ритмизованная во времени и пространстве. Для биографического описания "событие" как важная веха жизни подходит, но не для психологического анализа жизни. За событием как единицей анализа жизни, стоит о-граниченная значимость – универсальная единица психологического анализа. Но это единица психологического анализа применительна ко всей психологии? В чем её специфика по отношению к жизни человека? Эта специфика появляется в применении о-граниченной значимости к психологическому анализу жизни человека, что мы и покажем в дальнейшем.

Говоря о сущности человека как системе о-граниченной значимости, мы каким-то образом обошли вопрос: а откуда она берется? Из биологической природы человека или из мира? А может, дана человеку неким сверхъестественным образом? Ответ на эти вопросы, как оселок, с помощью которого определяется первоначальная позиция автора. Для нас же не это сейчас важно, т.к. диалектика внутреннего и внешнего в человеке процессуальна (в фило – и онтогенезе) и имеет свою историю, которая, в частности, отражается и в событиях жизни. А то, как, каким образом происходит формирование, развитие и проявление сущности человека? Это вопрос

о психологических механизмах формирования и проявления сущности человека. И здесь уже нельзя вести разговор на уровне высокой абстракции, но требуется спуститься на уровень психологических понятий. Поэтому необходимо сущность человека рассматривать не только как систему ограниченной значимости, но проявить понятийно на психологическом уровне анализа жизни. В главе 5 настоящей работы мы раскрыли диалектику о-граниченной значимости на примере ценностно-смысловой сферы человека, функционирование которой опосредовано психологическими механизмами и направлено на регуляцию человеком своего поведения и жизни. Для повышения эффективности регуляции закономерно возникают следующие психологические понятия: мотив, смысл и ценность. Это и есть "продукты" эволюции и развития о-граниченной значимости жизни человека в культуре и её регуляторы. Жизнь человека, *с одной стороны*, есть реализация сущности (мотивы, цели, смыслы, ценности), *а с другой*, её развитие и формирование. Поэтому сущность человека на протяжении его жизни изменяется, трансформируется, весь вопрос только, насколько? И каких образований это касается в первую очередь – мотивов, смыслов, ценностей или целей? Конечно, мотивов, а смыслы, и тем более ценности, более стабильны во времени жизни человека. Для наглядности это можно отобразить так.

Рисунок 10. Разворачивание сущности человека по уровням регуляции (операционный, тактический, стратегический) и во времени.

Все вышеназванные психологические понятия формируются и изменяются в течение жизни человека, отражают зависимость человека от мира и являются внешне-внутренними. Последнее в контексте настоящего обсуждения особенно важно, т.к. их актуализация есть оформление (о-

граничение) пространства жизни конкретного человека. Разумеется, здесь идет разговор не о физическом пространстве, а о культурно-психологическом (К. Левин, 1980). О-граниченность психологического пространства жизни человека – это его определенность и наполнение содержанием, отсюда многомерность жизни и её насыщенность. Действительно, содержательное раскрытие каждого из этих понятий как-то о-граничивает жизнь человека: так, мотивы сами о-граничены ситуацией, где они актуализированы, теми конкретными поступками, в которых они находят себя, регулируя внешнюю активность человека; смысл своей предзаданностью, конечностью, т.к. смысл отражает направленность различных областей жизни к чему-то и, кроме того, о-граничивает области жизни хронологически; ценности оформляют (о-граничивают) индивидуальное пространство жизни человека, прежде всего в её направленности на определенные ценности культуры и взаимодействия людей, а также в мере напряжения, с которым человек стремится реализовать свою направленность.

Из сказанного выше следует, что мотивы, смыслы и ценности о-граничивают (по направлению, мере напряжения, предметно содержательно и т.д.) активность человека в жизни, а значит, регулируют её. Но эта регуляция идет на разных уровнях, и отсюда возникает несколько принципиальных вопросов. Например, стоит ли понятие "жизнь" как самую глобальную для человека целостность распространять на действия и поступки, на деятельность и поведение человека? Конечно же, из этого и складывается жизнь, Однако сумма частей – ещё не жизнь как целостность и система. Поэтому, на наш взгляд, понятие "жизнь" следует соотносить с ценностями человека и стратегическим уровнем регуляции. Понятие "поведение" – с личностью человека, его смысловой сферой и тактическим уровнем регуляции. Поступок с мотивами, отражающий операционный уровень регуляции индивида. Вполне естественно, что понятие "жизнь" как самое общее понятие каким-то образом упорядочивает активность человека, включает в себя поведение и поступки. Но различия между ними прежде всего качественные, т.е. жизнь следует рассматривать как культурный феномен по реализации человеком принятых им ценностей в масштабе земного существования. Она характеризуется всеобщностью и ценностным единством, завершенностью (оформленностью, о-граниченностью) реальной или виртуальной. Что же касается поведения, то по-ведение есть ведение человеком самого себя в социуме, по реализации смыслов и решению конкретных задач, достижению целей. По-ведение о-граничено внешне наблюдаемой активностью человека в его жизни. По-ведение всегда или прежде всего возможно в социуме, т.к. ориентировано на достижение тех или иных соци-

ально обусловленных целей, реализацию социального смысла. Поведение осуществляется на основе морали и нравственности, поэтому вне социума, где нет норм и отношений, вести себя морально нельзя, там можно только поступать. Поступок обусловлен, в основном, ситуативно, он привязан к ситуации и выполнению конкретного действия, реализации мотива. Является ли он частью поведения? И да, и нет! Между поступком и поведением, поведением и жизнью существует определенная субординация: общего – частного, но сумма частного ещё не есть общее. Поэтому отношение поступка и поведения, поведения и жизни диалектичны, где есть тождество и различие, изменение границ в их соотношении, взаимопереходах. Это зависит от преобладающего уровня регуляции, степени цельности и сформированности ценностно-смысловой сферы человека (его сущности). Другой аспект названной проблемы – это структура анализа жизни, поведения и поступков. Здесь самое важное – это из чего исходить при определении тех понятий, которые характеризуют и описывают достаточно полно жизнь, поведение и поступки человека? Другими словами, вопрос в исходном основании при анализе жизни. Для нас таким основанием является развиваемый в данной работе регулятивный подход к пониманию человека, а механизмом развития – диалектика о-граниченной значимости. Поэтому рассматриваем понятие "жизнь" именно под этим углом зрения. С учетом сказанного, понятийное наполнение (раскрытие) может выглядеть так:

Таблица 4

**Соотношение форм конативной активности субъекта
с психологической структурой человека по уровням регуляции**

Формы конативной активности	Субъект активности	Ценностно-смысловая сфера	Виды активности		Виды рефлексии	Уровни регуляции
			Когнитивная	Аффективная		
Жизнь	Человек	Ценности	Опережающее отражение действительности	Чувства	Метарефлексия	Стратегический
Поведение	Личность	Смыслы	Сохранение и переработка информации	Переживания	Системная рефлексия	Тактический
Поступок	Индивид	Мотивы	Непосредственное отражение	Эмоции	Предметная рефлексия	Операционный

Анализ таблицы (по вертикали и горизонтали) не только позволит содержательно, на основе психологической структуры человека и уровней регуляции раскрыть жизнь, поведение и поступки человека, но и увидеть особенности становления человека.

По **горизонтали** приведены понятия, посредством которых раскрывают свое содержание жизнь, поведение и поступки. Так, понятие "жизнь" человека определяется прежде всего теми ценностями, которые являются его сущностью, т.е. человека, и её, жизни, сущностью. Разворачивание сущности происходит в активности человека, как в конативной (сама жизнь), так и в когнитивной (опережающее отражение действительности), и в аффективной (чувства). Разворачивание сущности человека, в основном в когнитивной сфере, это и есть проект жизни, так или иначе осознаваемый самим человеком или человечеством. Он может быть максимально развернут, т.е. расписана вся будущая жизнь для реализации ценностей, целей и задач. Но может быть и свернут, где обозначены лишь наиболее важные вехи жизни. Выход человека на уровень проектирования жизни (стратегический уровень) невозможен без метарефлексии, которая обеспечивает не только целостный взгляд на собственную жизнь, но и осмысление её в историческом времени (конкретного человека и человечества). Таким же образом раскрывает свое содержание поведение (смыслы, сохранение и переработка информации, системная рефлексия, постановка целей и планирование) и поступки (мотивы, непосредственное отражение действительности, эмоции, предметная рефлексия и операционный уровень регуляции). Вполне понятно, что это только *схема* анализа, сам же анализ связан с раскрытием содержания этих понятий, их диалектикой взаимодействия и взаимопереходами. Самое главное – они, раскрывающие жизнь (поведение и поступки) понятия, даны не случайно, а в логике динамической структуры психологии человека.

Анализ по **вертикали** жизни человека высвечивает такие наиболее важные вопросы. Какой уровень субъектной активности (человека, личности, индивида) доминирует у человека? Проще говоря, как человек себя больше проявляет в жизни? Как человек, личность или индивид? Это так или иначе определяет функционирование и других подсистем психологической структуры человека, между которыми возможно не только единство, но и противоречия. Что, безусловно, ставит ряд важных для практической психологии проблем. Об этом мы писали во второй главе данной работы. Вертикальный анализ ставит ещё одну интереснейшую проблему, а именно: соотношение (единство, противоречие) внешней и внутренней

жизни человека. Но вначале скажем несколько слов о понимании жизни человека.

Когда говорят о жизни, то нередко можно услышать, что есть жизнь подлинная и мнимая. Для человека и общества возможны весьма существенные различия по этому разделению: содержательная и пустая, внешняя и внутренняя, свободная и зависимая, творческая и репродуктивная. Данное разделение, различение жизней касается самого главного в человеке, его сущности. И если человек в жизни реализует свою сущность, то это подлинная, содержательная и свободная жизнь. Но это, так сказать, формальное определение, т.к. не снимается вопрос о знании человеком своей сущности (самости). Действительно, человек в жизни реализует свою сущность или что-то другое? По этому вопросу существует достаточно богатая философская и психологическая литература [11, 471, 325, 326, 327, 396, 389, 388, 348, 319, 248, 249]. Самое главное здесь, что в жизни ответить на этот вопрос должен сам человек, а это не просто по многим причинам. Ответ зависит от уровня культуры человека, уровня его образования, особенностей культуры (в том числе массовой и национальной), в которой живет человек, степени развития сознания и самосознания и т.д. и т.п., поэтому путь к себе оборачивается выбором пути для себя. Процесс этот не только длителен, но нередко и мучителен для человека. Именно на этом пути разыгрываются подлинные трагедии жизни, которые, конечно же, имеют и профанирующий оттенок. Нередко он заключается в том, что человек в силу социально-психологических особенностей бежит от самостоятельного решения собственных проблем, тогда эту функцию берут на себя разного рода учителя жизни, религии и определенные социально-психологические и социально-философские направления, а чаще всего массовая культура, которая вообще уводит человека от себя самого.

Решение данного вопроса ещё усугубляется и тем, что сущность человека не постоянна на протяжении жизни, а изменяется. В этом проявляется диалектика сущности как о-граниченной значимости, внешняя и внутренняя о-граниченность изменяет значимость, которая, в свою очередь, находит себя в новых о-граничениях. Диалектику границ, применительно к психологической структуре человека в плане внешней и внутренней жизни, можно описать так. Взаимодействие человека с миром в культуре регулируется самим человеком, в этом процессе он развивается и становится, а значит, о-граничивает себя (изнутри и извне). Формируются, развиваются и функционируют психологические механизмы, посредством которых осуществляется регуляция человеком своей жизни, поведения и поступков. Регулятивные механизмы не всегда непосредственно направлены на реали-

защиту конкретных поступков или действий. Довольно часто человек ищет оптимальный выбор, размышляет о собственной жизни (анализирует, обобщает и прорабатывает свои взгляды, идеи, возможности), переживает события (это психологический механизм изменения ценностно-смысловой сферы) и т.д. Все это относится к внутренней жизни человека. Здесь нет одного, но важного для социума момента, а именно конативного завершения или проявления внутренней активности. Да и во внутреннем плане жизнь может проходить на разных уровнях регуляции:

- Осмысления и переживания действия, поступка; самоощущение того, что дано непосредственно; перебор непосредственных побуждений (мотивов) и др.

- Поиска смысла собственного поведения и деятельности, поступков; анализа жизненных ситуаций, временных отрезков собственной жизни или других людей; понимание того, что происходит с собой и другими людьми в социуме, в процессе общения и взаимодействия.

- Анализа и попыток целостного обоснования своей жизни в масштабе культуры, а не только наличного социума; проработка жизни как возможностей реализации проекта (сущности человека); выход на мета-рефлексивный уровень анализа и строительства собственной жизни как реализации подлинной сущности человека.

Наглядно сказанное нами отражено на рисунке.

Рисунок 11. Внешняя и внутренняя жизнь человека.

Между внешней (конативной) и внутренней жизнью нет как полного единства, так и различия. Степень совпадения зависит от социума и самого человека. Для творческих людей характерна центрация на внутреннем мире, культивирование его. Тогда основные жизненные события происходят во внутренней жизни человека, внешняя жизнь довольно часто в этом случае бедна. Большинство же людей центрированы на внешней жизни, а вот мера разворачивания внутреннего мира зависит от конкретного человека. А возможно ли противоречие между внешней и внутренней жизнью человека? Не только возможно, но, пожалуй, даже закономерно, только для одних это грезы (мечты) и реальность бытия, а для других – богатая духовная

жизнь и серые будни⁸⁶. Или ещё такой вариант: богатая, эмоционально насыщенная внешняя жизнь и убогость внутреннего мира, когда остаться самому с собой страшно и опасно для человека. В соотношении внешней и внутренней жизни всплывает и проблема открытости и закрытости жизни, её интимности и публичности. *В первом случае* (открытости и закрытости) важно различать для кого – самого человека или окружающих? Здесь, конечно не имеется в виду отсутствие информации о жизни конкретного человека, а скорее понимается горизонт понимания и осмысления человека, что, безусловно, связано с соотношением внешней и внутренней жизни. В этом отношении (как для себя, так и для других) возникает иллюзия, мистификация и мифологизация (примерами чего богата художественная литература) внешней и внутренней жизни. Для некоторых эзотерических, да и не только, направлений открытость или закрытость жизни становится основным принципом. Так, в учении К. Кастанеды, важнейший принцип – стирание личной истории [170]. Интимность или публичность жизни чаще всего, что, по сути, неверно, относят только к его внешней жизни, и более всего связанной с проблемами пола, тем самым понижая человека до "тварного" уровня функционирования. На самом деле интимное – это самое сокровенное и глубокое в человеке, его сущность, проявление которой важно для самого человека, нередко сопровождается высшими переживаниями (А. Маслоу, 1997). Конечно, мы при этом не отрицаем и более простые формы интимного (в том числе и связанные с полом), но расширяем эту проблему в аспекте жизни человека.

Жизнь, конечно же, должна рассматриваться в единстве и различии как своих сторон (внешней и внутренней жизни), так и уровней проявления. В соответствии с уровнями регуляции можно выделить три аспекта жизни человека. Первый аспект связан с реализацией насущных (преимущественно витальных) потребностей и мотивов, операционным уровнем регуляции, который проявляется в конкретных жизненных ситуациях. Это *индивидуальный аспект жизни человека*. Второй – это социальный аспект жизни, где доминируют общение, взаимодействие с людьми. Для жизни в социуме необходимо планирование и регулирование жизни в соответствии с целями и смыслами как собственными, так и общества. В этом аспекте ярко проявляет себя тактический уровень регуляции жизни, где человек выступает прежде всего как личность. Поэтому *данный аспект жизни человека есть личностный*. И, наконец, третий, где жизнь человека соотносится с культурой, её сущностью. В этом аспекте доминируют ценности творчества и со-

⁸⁶ В чем-то данное деление похоже на деление миров у Ф.Е. Василюка [78] с его простыми и сложными внешними и внутренними мирами.

зидания, образования и развития. Идет становление духовности человека как творца культуры, поэтому он и называется – *духовный аспект жизни человека*. Такое же деление аспектов жизни человека можно встретить у М. Бубера, но описанные в ином ключе [73; 8]. В вышеуказанных аспектах жизни человека сущность проявляет себя через ценностно-смысловую сферу как реализация мотивов (индивидуальный аспект), смыслов и целей (личностный аспект) и ценностей (духовный аспект). Подводя итог рассмотрению понятия "жизнь", дадим следующее её определение. **Жизнь – социо-культурно о-граниченная, хронотопически организованная реализация внешней и внутренней активности человека в его стремлении к значимости.**

Жизнь как реализация сущности человека проявляется в регуляции (аспекты, уровни, стороны), при рассмотрении которой встает вполне несправедливый вопрос: а кто или что управляет жизнью человека? Насколько человек самостоятелен в выборе жизненного пути? Это вопросы о свободе и зависимости человека, которые мы рассмотрим в соответствующих главах, как и вопрос о временной составляющей жизни человека.

Анализ жизни, естественно, подводит нас к её значимости как для самого человека, так и для других людей. Насколько жизнь продуктивна и эффективна? Как проходит жизнь? Удовлетворен ли человек своей жизнью? Счастлив ли? Эти или подобные им вопросы задают себе или другим. Почему? В чем здесь вопрос? В самочувствии человека или в более важном? Так ли он живет, как надо? А кто знает, как надо жить?

В любой культуре, социуме явно или нет существует ориентация на пред-почитаемый образ и стиль жизни⁸⁷, своеобразное "поле социальных ожиданий", которое и является тем негласным ориентиром для большинства людей. В каждой культуре существуют не только универсальные модели и идеалы личности человека, но и стиль жизни в наиболее общих социальных жизнепроявлениях [356; 122 – 138]. Соответствие или не соответствие социальным или собственным ожиданиям вызывает у человека чувства, мысли, на основе которых и делается вывод собственной жизни. То, к какому выводу придет человека, оценивая свою жизнь, или другие люди в их оценках жизни данного человека, зависит от многих факторов и аспектов. В данную работу не входит их анализ и обобщение. Отметим лишь два мо-

⁸⁷ Мы в данной работе не анализируем различия образа жизни и стиля жизни, т.к. для нас важно здесь другое, то, что в жизни у человека, явно или нет, есть ориентиры на содержание жизни (образ жизни) и реализацию этого содержания (стиль жизни). Более подробно об этом в коллективной монографии "Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы" [356].

мента. Во-первых, люди ещё с древнейших времен задумывались: хорошо или плохо живет человек? Удовлетворен ли он своей жизнью? Удалась ли ему жизнь? В этом плане возникает много вопросов, на которые люди пытались ответить. Субъективным критерием и ориентиром выступает понятие "счастье". По этому поводу существует большое количество просто высказываний и мыслей, но есть и достаточно серьезная литература. Так, М. Аргайл в книге "Психология счастья" анализирует и интерпретирует понятие "счастье" в психологическом аспекте, с точки зрения того, как его оценивают, воспринимают и чувствуют люди. Эта работа дает богатый и разносторонний социально-психологический материал для анализа взаимосвязей с возрастом и полом, материальным состоянием и целесообразностью жизни, социальными связями и досугом, здоровьем и культурой и т.д. Главное, чего нет в работе – это целостного осмысления проблемы "счастья" [26]. В этом плане мы сошлемся на содержательную книгу польского философа В. Татаркевича "О счастье и совершенстве человека" [26], где он, анализируя основные значения счастья, приходит к выводу, что счастливым: "во-первых, является тот, кому сопутствует счастливая судьба; во-вторых, тот, кто познал самые сильные радости; в-третьих, тот, кто обладал наивысшими благами или, во всяком случае, положительным балансом жизни; и, в-четвертых, тот, кто доволен жизнью" [374; 37]. И дает при этом такую дефиницию: "... счастье следует определять как *полное и длительное* удовлетворение жизнью *в целом*" [361; 42]. При этом анализирует и делает акценты на удовлетворении жизнью в целом, длительности удовлетворения, полноте, обоснованности [373; 42 – 46]. Однако главным, ведущим признаком счастья здесь все же выступает удовлетворение и жизнь. Поэтому В. Татаркевич отмечает двойственность удовлетворения (чувственную и интеллектуальную), которое диалектично по природе своей: не обрамленная и не оформленная интеллектом жизнь не есть счастье для человека. Отсюда одним из главных условий удовлетворения жизнью является уверенность в том, что она имеет какой-то смысл, какую-то ценность [361; 44 – 45]. В удовлетворенности жизнью, да и в понимании самого счастья, есть известное противоречие, которое является ключевым в этом вопросе. Это диалектика объективного и субъективного и, в конечном итоге, о-граниченной значимости, где границы определяют, формируют культура и социум, а также следят за их целостностью и функционированием. Значимость же характеризует зависимость человека от мира, то, что человеку необходимо для его жизни. Единство и различие в о-граниченной значимости, в конце концов, проявляется и в диалектике объективного и субъективного по отношению к счастью человека. В этом подходе все же домини-

нирует субъективная сторона, субъективная оценка эффективности жизни. Акцент смещается в следующем подходе в оценке значимости жизни.

Во-вторых, оценка жизни, её эффективность и продуктивность больше основываются на том, чего достиг человек? Кем он стал? Реализовал ли себя и свой потенциал? В этом отношении существуют не только явные "образцы" для оценки собственной жизни – это биографии выдающихся людей, но и то же "социокультурное поле ожиданий". А. Маслоу, проанализировав биографии выдающихся людей, выделил, так сказать, процессуальные признаки продуктивной жизни человека, самореализующего себя, свой потенциал [248]. Безусловно, оценка собственной жизни человеком может происходить в разной системе измерения, что особенно важно для творческой личности, которая себя оценивает вселенскими мерками. Отсюда и драматический характер их жизни, преимущественно, конечно, внешней.

В этом отношении проблема счастья человека напрямую сопрягается с осмысленностью и целенаправленностью жизни, но в силу как личных, так и социокультурных условий имеет различные проявления. *С одной стороны*, люди, погруженные в ситуативную жизнь (здесь и теперь), в решение текущих задач, испытывают наибольшее удовлетворение от жизни [26; 171]. Что ещё раз подтверждает слова И. Христа: "Счастливы нищие духом – им принадлежит Небесное царство" [360; 191]. *А с другой стороны*, более счастливы те люди, которые осмысленно строят свою жизнь, чья жизнь наполнена смыслом [26; 181]. Сам ли человек придает ей смысл или, например, религия – это дело второе, главное же – осмысленное отношение к жизни. Закончить эти рассуждения хочется довольно банальной, но при этом очень емкой, фразой: каждому свое. Все зависит от самого человека и его отношения к себе и жизни, где одной из сущностных составляющих является проблема внутренней связи человека и времени.

6.5. Тайна времени в изменениях сущности человека

Проблема времени – одна из интереснейших и волнующих умы ученых, писателей и о-бывателей. Она нашла отражение в работах философов, культурологов и психологов [106, 427, 450, 99, 9, 329, 199, 470 и др.]. Постановка проблемы времени в философии прежде всего связана с И. Кантом, а затем её разработка была продолжена Ф. Шеллингом и Г. Гегелем [167, 450, 99]. Они пришли к выводу, что время зависит от деятельности субъекта [167] и в сути своей есть граница [450, 99]. Однако отношение человека со временем, или жизнь во времени, не только различна, но и многообразна. [199, 470]. Все сказанное ставит перед психологами вопрос:

а какова жизнь человека во времени? Какие у человека отношения со временем? Можно ли что-то сделать, чтобы управлять временем?

Как пишут Е.И. Головаха и А.А. Кроник, в научной литературе проблема психологии времени получила обоснование в работах П. Жане, Ш. Бюлер, К. Левина, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской и др. [106]. Современная проблематика психологических исследований времени идет от ситуативных масштабов к анализу времени в жизни человека [106, 9, 470, 287, 109]. Здесь в первую очередь следует назвать экспериментальные исследования: оценку точности временных интервалов в зависимости от условий жизни личности, точность временных суждений, временной ориентации и временной перспективы, переживания времени. Конечно, полученный в многочисленных исследованиях материал нуждается в осмыслении. Заметное влияние на развитие исследований психологии времени оказали идеи К. Левина, П. Фресса, Дж. Ньюттена, Ш. Бюлер [106, 53, 57]. В начале 70-80 годов появились работы, претендующие на общепсихологическую постановку проблемы времени [106; 37 – 38]. В отечественной психологии это прежде всего относится к К.А. Абульхановой-Славской [9], Е.И. Головаха и А.А. Кронику [106]. Так, Е.И. Головаха и А.А. Кроник предлагают и обосновывают причинно-целевую концепцию понимания психологии времени, которая, конечно, является заметным событием в отечественной психологии. Они, критикуя "событийный" подход к пониманию времени, поднимают очень важную проблему значимости, которая, к сожалению, не идет дальше связи с другими событиями [106; 50]. Анализ причинных связей между событиями подводит их к причинно-целевому пониманию времени. В подходе Е.И. Головахи и А.А. Кроника, пожалуй, следует отметить и ещё один интересный момент о дифференциации в сознании человека причинных и целевых отношений [106; 57]. Однако мы должны констатировать вслед за названными авторами, что более или менее целостная теория психологии времени человека, которая не только бы объясняла, но и задавала новые горизонты исследования психологических особенностей времени, в настоящее время ещё не создана. Поэтому мы бы хотели высказать собственное видение этой проблемы.

Определяя собственную позицию в отношении времени и принимая в качестве единицы психологического анализа о-граниченную значимость, мы в то же время ищем обоснование и в работах других исследователей времени. Ф. Шеллинг в своей работе "Система трансцендентального идеализма" не раз говорит об ограниченности человека и его "Я", и данное ограничение осуществляется в деятельности, в проявлениях активности че-

ловека [450]. Более того, он и время понимает как границу: "... время само по себе и для себя, или изначально, обозначает границу" [450; 362]. Но границу чего? В самом широком контексте – жизни человека. По отношению к жизни (внешней и внутренней) время представляет из себя трансцендентальную схему, в которой разворачивается последовательность наших представлений [450; 388], и которая наполняется жизненным содержанием в деятельности человека. Именно деятельность, изменение, движение есть мера времени [450; 534], которая неразрывно связана с единством соединения и различия (Ф. Шеллинг, 1987), тождества и различия (Г. Гегель, 1999). Г. Гегель продолжает эту линию исследования времени, когда рассматривает антиномии Канта. Именно опираясь на понятие "граница", он разрешает эту антиномию [99; 246 – 251].

Таким образом, концепция психологического времени человека в своей основе должна содержать в себе реляционный подход к пониманию и объяснению природы и сущности времени. Суть его в фиксации изменений, происходящих в определенных процессах [106; 45]. Но этот подход не должен ограничиваться порядком и подсчетом событий, хотя именно данный подход является общепринятым в психологии при объяснении механизмов субъективной скорости времени. "Событийная" концепция ограничена в объяснении многих жизненных феноменов, особенно связанных с различными масштабами, а также прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, порядок событий имеет собственные закономерности, объяснить которые в рамках чисто "событийной" концепции невозможно [106; 47]. Поэтому для психологического понимания времени особенно важным становятся значимые события, факты, явления. Значимость событий определена тем влиянием, которое оно оказывает на психику человека в целом и на её основные сферы [106; 48]. Однако жизнь человека есть проявление, разворачивание его сущности, тогда мы подходим к очень важному положению о взаимосвязи (единстве и различии) сущности человека и времени. В философии эта традиция идет от Августина, который ясно ощущал время как субъективное: "... В тебе, душа моя, измеряю я времена ..." [106; 153]. Данную традицию продолжил С. Кьеркегор, поскольку его интересовали проблемы глубинно-внутреннего в человеке. Время здесь рассматривается как форма индивидуального бытия, конституирующая мир личности человека [470; 152].

Сущностью человека является значимость, которая в процессе взаимодействия человека с миром о-граничивается, оформляется, т.е. изменяется, а мерой изменения выступает граница в своей качественно-количественной определенности. Это прямо вытекает из о-граниченности человека как с

внешней стороны, так и с внутренней, а также из того, что и жизнь человека возможна лишь на границе, в различении её (Г. Гегель, 1999; М. Хайдеггер, 1993; М.М. Бахтин, 1979; М. Бубер, 1993; В.С. Библер, 1991).

В данном ракурсе рассмотрения проблемы, *время есть мера количественно-качественного изменения*. "В мере проявляется сущностное определение переменной величины" [99; 369]. Мера определяется, и есть о-граниченность количественно-качественных изменений, в процессе которых осуществляется переход одного качества в другое, а также увеличение или уменьшение определенного качества. Конечно, и сущность человека имеет количественно-качественную характеристику, мера изменения её и есть время. Оно может быть экстенсивное (внешность в самой себе) и интенсивное (внутри-себя-сущее) [99; 371]. С этих позиций можно дать такое определение психологии времени: *время – это мера изменения количественно-качественных особенностей сущности человека (ценностей, смыслов, мотивов)*.

Сущность человека не есть нечто неопределенное и аморфное, она о-граничена и структурирована, а значит, является простроенной системой ценностно-смысловых образований, каждое из которых имеет свою меру количественно-качественных изменений, а следовательно, и время. Однако высказанное положение нуждается в аргументированном подтверждении. Действительно, почему сущность человека определяет жизнь во времени и определяется (о-граничивается) жизнью? Сущность человека составляют: ценности, смыслы, мотивы и цели, которые образуют ценностно-смысловую сферу. Поэтому мы кратко рассмотрим составляющие ценностно-смысловой сферы под углом времени жизни. Особенно ярко временной фактор проявляется в целях и смыслах. Так, цель не только ориентирует (направляет) активность человека на что-то, но и предполагает определенные временные рамки её достижения, которые могут быть четко предписанными и довольно расплывчатыми [307; 5 – 20]. Например, цель купить подарок ко дню рождения имеет строго определенные временные рамки, а получение образования, независимо от того, какого, может продолжаться практически всю жизнь. Примерно то же самое касается и смысла, который характеризует пред-заданность и конечность конкретной активности человека, т.е. её о-граниченность во времени и в социокультурном пространстве. Смысл всегда есть хронотопическое о-граничение. В смысле, так же, как и в ценностях, человек находит себя будущего, проявляющегося во времени. Осмысливая себя и свою жизнь, человек упорядочивает и организует свое время в масштабе деятельности и поведения. Смысл – это сжатое, уплотненное время жизни конкретного человека. По-

этому одной из единиц анализа существования психологического времени являются смыслы.

Мотив, независимо от того, как его понимать, имеет довольно о-граниченную во времени перспективу реализации. Мотив ситуативен, о-граничен конкретным проявлением активности "здесь и теперь". Поэтому его временной профиль хотя и различается, но отражает психологические особенности течения времени человека сейчас, в данный жизненный период. Отсюда влияние на мотивы и субъективное течение времени эмоций и чувств. Когда минута растягивается в года (особая для человека значимость происходящих событий) и человек на протяжении оставшейся жизни, дифференцируя значимое событие, тем самым расширяет временные рамки происшедшего. Человек во внутренней жизни почти всегда живет там, в прошлом, и эта жизнь дает ему силы и наполняет смыслом. Тогда как во внешней, происходящей сейчас жизни человек лишь присутствует, подчиняясь укладу и распорядку. Это так или иначе обозначаемая жизненная трагедия. Данное явление довольно характерно для человека и нуждается в специальном изучении. Особая значимость ситуаций, которые встречаются в жизни человека, может проявиться и в таком явлении, когда в течение короткого промежутка времени промелькнет вся жизнь (это когнитивное прессование времени). Изучение течения времени на границе (риск, экстремальные ситуации, важные события) не только интересно, но и очень важно, т.к. в данных случаях проявляют себя по-граничные эффекты (количественно-качественные изменения, которые проявляются в скольжении по границам, уплотнении границ, расширении границ и т.д.). Живя на границе, человек находится в особом хронотопическом измерении, где действуют несколько иные психологические закономерности. Изучать хронотопическую составляющую жизни на границе важно не только для понимания реального человека, но и для практики, т.к. разного рода психологические явления, как-то: суицид, наркомания, фрустрация, вдохновение, творческий подъем, экстаз и многое другое – это и есть жизнь на границе.

Что же касается ценностей, то они определяют психологическое пространство жизни человека, а значит, и временную составляющую его жизни. Точнее сказать, ценности организуют психологическое пространство, определяя человека во времени жизни не только извне, как, например, организующие ценности. Они некоторым образом отражают временную перспективу человека конкретного социума. Но и изнутри, это относится к ценностям существования. Именно они определяют время во внутренней жизни человека, которое, возможно, каким-то образом изменяет и время

биологического существования человека. Примером являются не только творческие люди, но и должностные. Ценности существования ориентируют человека не только на творчество и созидание, но и на доверие себе и окружающей природе. Пожалуй, очень хорошо об этом написал А. Маслоу, когда выделил те ценности, на которые ориентирован самоактуализирующийся человек [248]. Особое отношение со временем у людей, стремящихся к самоактуализации или трансценденции собственного бытия. А. Маслоу в своей работе "Дальние пределы человеческой психики", по сути, говорит об особом отношении со временем у самоактуализирующегося человека. Данный аспект проблемы в изучении творческой личности и её взаимоотношения со временем нуждается в специальном исследовании. Мы же отметим, на основе работы А. Маслоу, лишь некоторые моменты:

■ Во-первых, самоактуализирующийся человек действительно *живет на границе*, в процессе постоянного само-ограничения. И не просто на границе, а на самых дальних в данной культуре и доступных человеку границах. Он ищет эти границы как последнее для себя пристанище духовной жизни. Это выражается в оперировании предельными целями и ценностями. Для самоактуализирующегося человека характерна метамотивация как "свобода" от прошлого и будущего. И стремление к вневременному, где только и возможно прикосновение к сути явлений и человека.

■ Во-вторых, самоактуализирующийся человек *стремится к состояниям*, которые также можно охарактеризовать как пограничные (возможно, и в отношении "психологической" нормы), где человек переживает состояния завершенности, окончательности, достижения цели, тотальности, всепоглощенности, полной воплощенности, состояние абсолютного счастья, радости, блаженства, восторга, экстаза, завершенности – состояния, которые переживаются, как совершенные, как состояния безжеланности, вызванные удовлетворением насущных нужд, состоянием отрешенности, отсутствия стремления к преодолению и похвале, бесстрашия и непоколебимости. Самоактуализирующийся человек стремится к состояниям, в которых человеческая неустроенность (экзистенциальная дилемма) временно разрешается, теряет остроту, преодолевается или забывается, к состояниям высшего переживания, к высшей любви, к высокому искусству.

■ В-третьих, самоактуализирующийся человек *изучает* все то, что есть в мире и себе, но не обычное и повседневное, а как бы то, что находится на границе. И этот взгляд с вершины (дальний предел или граница) помогает самоактуализирующемуся человеку увидеть и изучить сакральное, возвышенное, духовное, трансцендентное, вечное и бесконечное, священное и абсолютное; состояния благоговейного трепета, поклонения,

жертвенности и т.д. В познании он стремится к наивному постижению бытия, где все равновероятно. Для него характерно стремление к высшему холизму познания, к космосу и унитарному постижению реальности. Главное – увидеть объект во всей его многозначности и первозданности, отказаться от о-граничений, накладываемых логикой, культурой. Исследует и экстраполирует ценности бытия, а также состояния, при которых разрешаются дихотомии (полярности, противоположности, противопоставления) [248; 139 – 143].

Таким образом, мы видим, что у стремящегося к самоактуализации человека особые отношения со временем, он живет в особом временном режиме, его временной ритм направлен к вечности и вневременности. Данную особенность определяет то, что он живет и осваивает границы бытия, как собственные, так и культуры. Изучение самоактуализирующейся личности, с позиции теории границ, открывает новые перспективы изучения творчества и самоактуализации, способностей и творческого человека.

Ценности в большей степени, чем мотивы и смыслы, задают общую временную архитектонику внешней и внутренней жизни человека, Мотивы и смыслы наполняют её временным содержанием, которое может вступать в противоречия с главным временем жизни (ценностями). Тогда неизбежны временные конфликты, т.е. это важнейшая сторона ценностно-смысловых конфликтов, суть которых в потере или отклонении от главной временной (о-граниченной во времени) линии жизни.

Время имманентно присуще самому главному в человеке, поэтому уже в сущностной основе своей человек всевременен (вневременен), т.е. не подчиняется одному какому-то времени как мере собственного изменения. Он, в силу различных причин (социальных, культурных, физиологических и биологических, личных, духовных и т.д.), формирует, создает свой временной режим (или профиль), самоопределяется во времени. Данное самоопределение во времени жизни (интенсивное, экстенсивное) есть диалектика тождества и различия во внешней и внутренней жизни, с учетом их количественно-качественного своеобозначия, т.е. меры. Из приведенных выше рассуждений следует, что самоопределение человека во времени прежде всего идет в сущностной основе его, в том, что для него значимо в мире и себе. Самоопределение во времени есть о-граничение значимости (принятие ценностей, определение целей, осмысление жизни и др.) в себе, сущностное протраивание себя. Вот как раз поэтому Х. Ортега-и-Гассет говорит, что человек есть проект собственной жизни, т.е. человек есть то, что разворачивает свои границы во внешнем мире. Разумеется, не прямо, а в диалоге с миром [282]. Проявляя активность, человек изменяет, а значит,

о-граничивает себя и мир для себя. Вот поэтому время как мера количественно-качественного изменения сущности человека, есть тайна его, которая часто скрыта за покровом суетного и преходящего.

Данный аспект проблемы отмечал М.М. Бахтин, когда писал об "эмоционально-ценностно весомом времени жизни" [47; 97], которое в чисто временном упорядочении и есть *ритм* [47; 99]. Об этом мы уже писали в главе о границах. Так вот ритм – это и есть самоопределение человека во времени, в котором не только простроены и упорядочены меры (смыслы, ценности и мотивы), но они образуют как бы об-меренный и про-меренный проект жизни человека, который, конечно же, начинается в самом человеке, как иной реальности мира, в его внутренне о-граниченном (оформленном) эмоционально-ценностном времени жизни. Ритм – не просто содержательный вектор жизни, он содержит в себе, как бы в снятом виде, всю будущую и прошлую жизнь человека. Ритм – это важнейшая образующая внутренней жизни человека, на основе которой и строится внутренний мир. Идея ритма не только интересна для психологии человека, но и чрезвычайно эвристична. Именно разворачивая эту идею, следует ожидать открытий в понимании психологии внутренней жизни человека.

Поэтому мы ещё раз повторим, что все проблемы психологии времени скрыты в сущности человека, а разрешаются в его активности. И здесь нам хотелось бы отметить, что именно устремленность вперед, освещенная целью и смыслом жизни, превращает время и сущность человека в единое и целостное образование, которое можно назвать "становящейся вечностью". Да и самого человека, по С. Кьеркегору, можно определить как "...синтез бесконечности и конечности, временного и вечного, свободы и необходимости" [199; 367].

В процессе взаимодействия человека с миром этот синтез не остается неизменным: меняется человек – изменяются и его отношения со временем, свободой и необходимостью, ориентация на вечное. Эволюционируют и дифференцируются значимые отношения человека с миром, следовательно, идет пристраивание сущности человека, её ценностно-смыслового ядра. Кьеркегор хорошо отразил это в этапах овладения человеком "становящейся вечностью" [199]. На пути к овладению "становящейся вечностью" человек проходит три этапа, для каждого из которых характерно свое *субъективное* время, отношение к жизни и к жизненному опыту. На первой, наивной, стадии человек, жертвуя многим, стремится к мигу наслаждения, который для него "больше, чем сама вечность", но который он не может удержать, остановить. Время для него не непрерывно, жизнь состоит из отдельных, не связанных между собой моментов, которые прин-

ципально различаются по своей значимости. Поведение определяется личной ситуацией, в которой человек руководствуется ситуативными мотивами. А само отношение человека с окружающей средой носит характер мотивационного отношения, которое детерминировано конкретной ситуацией, ситуативными желаниями, симпатиями и антипатиями человека. Содержание пережитого сохраняется в той форме, которая единственно доступна для "наивного человека", – в форме воспоминаний, которые всегда неизменны, потому что их можно заменить другими, но нельзя изменить. Здесь, считает Кьеркегор, человек впервые может сбросить власть времени, создать предпосылки для свободного выбора, осознанной регуляции своего поведения. Однако в наивном переживании времени свободным оказывается только одно умершее – прошлое, воспоминания без хронологической упорядоченности, без временных ограничений как совокупность всего прошедшего, которое в нем существует. Таким образом, "наивный человек" живет в двух временах – текущем времени его внешней жизни и в "вечном" времени воспоминаний своей внутренней жизни и примирить их не может. Свобода достигается ценой разлада со временем. "Наивный человек" не дошел до обобщения и систематизации своего жизненного опыта, и опора на него случайна. Он зависит от ситуации, окружающей обстановки и от своих воспоминаний. Отсюда, регулируя свое мотивационное отношение с миром, "наивный человек" ситуативен, конкретен и руководствуется принципом "здесь и теперь". Чтобы выйти из этих временных ограничений, нужна власть над ситуацией и над собой. Необходима внутренняя работа, т.е. активизация внутренней жизни, ибо в ней будет идти упорядочение и протравивание сущности человека.

Вероятно, поэтому на второй стадии появляется "рефлексивный человек". Осознавая конкретную ситуацию, "рефлексивный человек" встает над ней, обобщает подобные ситуации, обращаясь к своим воспоминаниям. Соотносит и сравнивает их, что, безусловно, раздвигает временные границы. Для человека главным является "общечеловеческое", т.е. жизнь среди людей со всеми проблемами и заботами, радостями и печалью, поэтому он включен в реальное, текущее время, переживает его так, как оно идет в действительности. А так как каждый жизненный факт как-то связан с прошлым, то "рефлексивный человек" согласует настоящее с прошедшим, и в этом согласовании он направлен на будущее. Но это еще не полная победа "рефлексивного человека" над временем, да и не победа, а овладение временем. Будущее только угадывается из настоящего и неполного прошлого, ибо чем больше возвращено потерянного, тем доступнее возможное и эффективнее может осуществляться регуляция взаимодействия человека с

миром. В этом процессе воображение, проектирование своего будущего невозможно без рефлексии, осознания желаемого, да и самого "воображения-рефлексии, которое создает бесконечное" [199; 382]. Нацеленность на будущее "рефлексивного человека" выражается в его целеполагании, выборе целей, обретении смыслов. Другими словами, "рефлексивный человек" вступает в смысловые отношения с окружающей действительностью, ведь невозможно самостоятельно ставить цели и не видеть в них смысла. Поэтому "рефлексивный человек" не только ставит цели, но и проектирует их достижение, осмысливает ситуацию и ближайшую перспективу. В этом явно просматривается созидание своего внутреннего мира не как хаоса переживаний, чувств и мыслей, а появляется упорядочение и некая иерархичность в предпочтениях, целях и, соответственно, в жизни человека.

На третьей стадии человек прикасается к вечности, он уже близок к "становящейся вечности", поэтому его называем "вечным человеком". Соотнося свою деятельность, свое целеполагание с объективным временем, "вечный человек" тем самым упорядочивает свои переживания и смыслы, и этот порядок не может быть нарушен произвольно. Все это позволяет "вечному человеку" решить две задачи [270; 84]. Во-первых, развернуть смыслы своей деятельности (ее ориентиры и цели) в некоторую внелогическую структуру. Во-вторых, осознание объективного времени психологически обосновывает необходимость дифференцировать, углублять значимые отношения, в которых проявляется суть человека, его истинное и подлинное "Я". И в той мере, в какой человек ориентирует свое поведение и жизнедеятельность на истинные ценности, он увеличивает непрерывность и перспективу собственной жизни. Именно ориентация на "подлинные" ценности приобщает человека к бесконечной жизни, и он действительно становится "вечным человеком". Ценностное отношение предполагает, что события, средства и цели значимы с точки зрения какой-то ценности и, следовательно, могут иметь определенный смысл. Таким образом, чем больше человек в своей жизнедеятельности руководствуется ценностями, тем больше событий оказываются ценностно значимыми, раздвигаются временные границы существования, и человек переносит себя в бесконечность, т.е. становится "вечным человеком". Как раз поэтому многие мыслители считают человека существом, одержимым стремлением к вечности и значимости. Исторически это исходило прежде всего от Н. Макиавелли, Т. Гоббса и великих политиков абсолютного государства, а в последнее время нашло продолжение в учении о власти Фридриха Ницше и (в большей мере с точки зрения психологии) в учении Альфреда Адлера о доминировании у человека стремления к значимости (6; 86). Пожалуй, этого же

аспекта, т.е. ценностных отношений, прежде всего касаются и учения таких авторов, как Г. Гурджиев, Е. Блаватская, Н. Рерих, Д. Кришнамурти, К. Кастанеда и др. Обобщая сказанное, отметим, что взаимодействие человека с миром идет по линии дифференциации и интеграции значимых отношений, а следовательно, и по линии овладения временем собственной жизни. Психологическое время человека, время его внешней и внутренней жизни оформляются в процессе становления самого человека. Поэтому не только восприятие времени жизни различно у людей [106], в жизни человека проявляются его культурно-национальные, социально-бытовые особенности. Все это крайне интересно и важно для психологии, но судя по всему, именно для будущего её развития. Сам же процесс овладения временем собственной жизни можно рассматривать и с позиции регуляции жизни и её отдельных аспектов. Тогда просматриваются три аспекта жизни.

Глава 7. Система, виды и функции когнитивно-эмоциональной активности

7.1. Когнитивная активность и её системное строение

Описывая когнитивную активность, мы не задаемся целью детально и подробно анализировать познавательные процессы. Для нас важно прежде всего целостное рассмотрение когнитивной активности и попытка представить её как взаимосвязанную систему.

Проблема целостного и системного строения познавательной сферы и когнитивной активности, пожалуй, еще не поставлена в психологии⁸⁸. Однако в когнитивной психологии эта проблема стоит достаточно остро, о чем пишет Б.М. Величковский в своей книге "Современная когнитивная психология" [81]. Отсутствие единой теоретической концепции зачастую делает работу отдельного исследователя в нагромождение эмпирических фактов, цифр и закономерностей. И тогда ученый, изучающий память, никак не соотносит свои исследования с особенностями мышления человека [

⁸⁸ Если быть абсолютно точным, то это не совсем верно. Так, Л.М. Веккер в своем фундаментальном трехтомном труде "Психические процессы" не только ставит, но и решает проблему системного представления познавательных процессов [79]. В этой, не до конца осмысленной психологами работе есть очень много интересных идей, в чем-то созвучных моим собственным. Однако для нас на первое место выходит не содержательная проработка проблемы, а её целостное и системное прораивание.

81; 253]. Эта проблема стоит не только перед когнитивной психологией, но и перед общей психологией или психологией человека.

Одним из путей системного исследования когнитивной сферы является выделение уровней, форм и блоков. Накопленные эмпирические данные, их осмысление и теоретические подходы, сложившиеся в психологии, позволяют говорить о трех уровнях (блоках) психического отражения [16, 213, 212, 436, 79, 232, 81]. Чаще всего выделяют: блок непосредственного отражения действительности (сенсорные и перцептивные процессы); блок сохранения и переработки информации (память, представления); блок опережающего отражения (воображение, мышление, интеллект). Эти уровни различаются по форме психического отражения, его "глубине" и "объему", по условиям, необходимым для его формирования и развития, а также по особенностям проявления его регулирующей функции. Они выступают вместе с тем и как уровни психического развития: онто- и филогенетического [232; 164].

В психических процессах диалектически сочетается дискретность и непрерывность (А.В. Брушлинский, 1979). Это выражается в том, на каждом уровне (блоке) формируется, создается некий когнитивный результат, который затем включается в выше- и нижележащие уровни. Это является важнейшим условием динамики познавательных процессов – перехода от одних уровней и форм к другим. В реальной жизни человека психология познавательных процессов четко не дифференцирована, границы между отдельными процессами определены лишь теоретически. Одна из главных проблем при рассмотрении когнитивной сферы – это в рамках чего, т.е. какого теоретического подхода, её рассматривать? В рамках деятельности и это доказывает свою эффективность [81] или регуляции [79]. Нам больше импонирует регулятивный подход, который дает большие перспективы и включает в себя, как частный случай, деятельностьный подход. При рассмотрении когнитивной сферы (познавательные процессы) с позиции регуляции возникает несколько вопросов. Какие психологические образования выполняют по отношению к когнитивной сфере функцию управления, регуляции? Каковы психологические механизмы не отдельных познавательных процессов, а сквозные, пронизывающие всю когнитивную сферу? В этом отношении на особом месте стоит внимание. Внимание выполняет следующие функции: активизирует нужные и тормозит ненужные в данный момент психологические и физиологические процессы, способствует целенаправленному, организованному отбору и переработке поступающей информации, обеспечивает длительную сосредоточенность активности на одном и том же объекте. Или, другими словами, внимание выполняет функцию регуляции познавательной сферы. Этот подход к пониманию психологической природы внимания очень близок взглядам на внимание П.Я.

Гальперина, который под вниманием понимает свернутый самоконтроль. Во внимании контроль осуществляется при помощи критерия, образца, меры, что создает возможность сравнения результатов действия и его коррекции. Как видим, главным компонентом функционирования механизма внимания является регулятивный акт (критерий, альтернативы, выбор и обратная связь), который в процессе свертывания превращается во внимание. Поэтому не всякий регулятивный акт есть внимание, но всякое внимание есть регуляция (П.Я. Гальперин, 1999). **Внимание** – это направленность психической активности (сознания) на внешние (внутренние) объекты, имеющие для человека устойчивую или ситуативную значимость, сосредоточение психики (сознания), предполагающее повышенный уровень сенсорной, интеллектуальной и регулятивной активности в переработке информации. Регуляция познавательной сферы посредством внимания может осуществляться осознанно, целенаправленно и последовательно, а также неосознанно, случайно и время от времени.

Во внимании проявляется значимость, которая посредством психических процессов о-граничивает, формирует когнитивный функциональный орган для решения тех или иных регулятивных задач. В познавательных процессах изменяются границы внешнего мира, что сказывается и на изменении самого значимого для человека – его внешней и внутренней о-граниченности. О-граничения для познавательной сферы – это её дифференциация и интеграция, развитие и совершенствование. Тогда формируются и развиваются психологические механизмы функционирования когнитивной сферы (сквозные), посредством которых человек познает мир и себя. Внимание – это общий регулятивный механизм всей познавательной сферы человека, а психологический механизм – это функциональный орган, посредством которого решаются те или иные задачи.

С позиции развертывания диалектики о-граниченной значимости в когнитивной сфере можно прийти к выводу, что её формирование идет с двух сторон. Со стороны значимости⁸⁹, которая дифференцируется и интегрируется (а значит, о-граничивается), и в этом направлении расширяется спектр проявления психологической активности, в том числе и познавательной. И со стороны границ, которые также изменяются (количественно-качественно), что выражается в их видах и формах. Отраженные, как внешние (окружающий мир), так и внутренние границы (слова-знаки, образы и др.) упорядочиваются (систематизируются, классифицируются) на основе обнаруженных устойчивых взаимосвязей (повторяемость, ритмич-

⁸⁹ На этот момент обратили внимание уже давно, т.к. появление эмоций в структуре отражения явилось необходимым и обязательным фактором развития когнитивной сферы [280].

ность), которые есть обобщение внешнего и внутреннего опыта. А в итоге в познании человек не только расширяет поле применения своих сил, но и творит новый мир для себя. В познании человек проникает в будущее, т.к. пространство и время образует единый хронотоп. Разумеется, мы поставили больше вопросов и проблем, чем нашли ответов. Самое же главное – это новый взгляд на когнитивную сферу, где познавательные процессы находят не совсем традиционное для себя осмысление уже в рамках регуляции как о-граничении значимости. Самое главное здесь – это выявление, описание и изучение психологических механизмов когнитивной сферы как функциональных органов, где один из блоков психического отражения является ведущим.

7.2. Проблемы аффективной сферы

Проблемы аффективной сферы связаны, прежде всего с пониманием и различением эмоций, чувств и переживаний, а также с тем, как они функционируют? Посредством каких психологических механизмов? Есть достаточно большой ряд проблем взаимосвязи эмоций, чувств и переживаний с познавательными процессами, поведением человека, его ценностно-смысловой сферой и другими психологическими образованиями. Есть проблемы, на первый взгляд, чисто теоретические, но это только на первый взгляд, это построение взаимосвязанной и целостной системы, включающей в себя эмоции, чувства и переживания.

Все эти проблемы так или иначе начинаются с понимания, т.е. определения эмоций. А вопрос этот не только не простой, но и мало разработанный в психологии. И это несмотря на универсальную значимость эмоций в жизни человека. В современной психологии интерес к эмоциям, к их пониманию и изучению ослаб. Внимание исследователей ограничивается сравнительно узким кругом проблем (выражение эмоций, влияние эмоций и др.). Почему? Одна из главных причин, по мнению крупнейшего отечественного исследователя эмоций В.К. Вилюнаса, в том, что не удается отыскать достаточно тонкие и надежные средства их изучения [83; 4]. Это одна из причин, а другая – в отсутствии широкой концепции эмоций, т.е. проблеме концептуального осмысления данного феномена. Примерно то же самое пишет и Л.М. Веккер, когда говорит о недостаточности традиционных определений эмоций [79; 60].

Попытаемся как-то обозначить свое видение этой проблемы. Наметьте пути её решения можно, как минимум, с двух сторон. Первое: *со стороны* анализа существующих подходов к концепции эмоций, в результате которого будет проведен отбор наиболее существенного, с точки зрения автора, в понимании эмоций. И *со стороны* анализа определений эмоций, где в

принципе делается то же самое, но с большей опорой на собственное феноменологическое чутье.

1. Проблема эмоций заключается ещё и в том, что в психологии существуют довольно значительные терминологические расхождения в обозначении тех или иных эмоциональных явлений. Перечень же основных проблем в том или ином сочетании рассматриваемых в работах по психологии эмоций касается:

- Условия возникновения эмоций. По этому вопросу обычно признается, что эмоции возникают в случаях, когда происходит нечто значительное для индивида. Расхождения начинаются при попытке познать характер и меру значимости события, способного возбудить эмоцию. Если для В. Вундта [88] и Н. Грота [112] любое событие является значимым, то для Р.С. Лазаруса [83; 7] эмоции возникают в тех исключительных случаях, когда на основе когнитивных процессов производится заключение о наличии угрозы. Э. Клапаред в своей концепции утверждает, что предварительную оценку угрозы производят чувства [172]. Этот вопрос, т.е. *кто* и посредством *чего* осуществляет оценку, достаточно важен. Упускается же здесь ответ на вопрос: кто производит оценку? Человек, организм, психика или что-то другое? Да и может ли возникнуть оценка без отражения того, что оценивается? О реальной сложности этого вопроса писал ещё Б. Спиноза [350], но вопрос, как нам кажется, здесь все же в ином. Не в том, лежит ли когнитивный процесс в основании эмоций или чувств, а в другом: каков реальный механизм оценивания? То же, что существует взаимосвязь эмоций и познавательных процессов, и даже, более того, их единство, которое для решения определенного класса задач разрешается по-разному, не требует доказательства [83, 316, 454]. Вопрос же по-прежнему стоит, как, каким образом?

- Попытки ответить на данный вопрос выводят нас на исследование взаимосвязи эмоций и ценностно-смысловой сферы человека. И, в свою очередь, ставят ещё одну проблему о месте эмоций не столько в системе психологических образований, сколько в системе сил, приводящих эти образования в движение, функционирование [83; 10]. Эта проблема касается принципиального понимания психологии человека, того, что между эмоциями, переживаниями, с *одной стороны*, и мотивами, смыслами, ценностями и потребностями, с *другой*, существует взаимосвязь, как пишут многие авторы [83, 454, 327, 211, 342, 78 и др.]. Но какова эта взаимосвязь, что за отношения между эмоциями и ценностно-смысловой сферой? Вопрос опять упирается в то, как эмоции мотивируют человека? На эту проблему в зарубежной психологии особенно обращает внимание М. Арнольд [480]. Вопрос о том, как что-то происходит, сопрягается и с другим, не менее

важным вопросом: а зачем? Другими словами, какие функции выполняют эмоции?

- Задачу изучения функционального значения эмоций отчетливо поставил Э. Клапаред [172], показавший в результате её реализации односторонность как классической, так и "периферической" интерпретации условий возникновения эмоционального процесса и предложивший примиряющую их схему. Вопрос о функциях является ключевым и пронизывающим всю психологию эмоций, поэтому основные и самые общие функциональные характеристики эмоций не могли не выявиться при обсуждении предыдущих вопросов. Работы Н. Грота и других исследователей позволяют заключить, что эмоции достаточно единодушно признаются выполняющими функцию оценки. Однако при уточнении того, что именно, как именно, на какой основе и т.д. оценивают эмоции, высказываются различные мнения. Кроме сказанного, к функциям эмоций относят: побуждение; способ "аварийного" разрешения ситуаций (бегство, оцепенение, агрессия и т.п.); организацию и дезорганизацию деятельности человека; регуляцию; эвристическую и предвосхищающую функции; функцию синтеза и целостности человека; активизации и мобилизации [83; 13 – 19]. Разумеется, при выделении функций эмоций возникает вопрос об их количестве, иерархии. Однако ответа ждать не приходится, т.к. он зависит от понимания сущности эмоций.

- Вопрос же о классификации эмоций может показаться достаточно условным, т.е. все зависит от стержневого условия, критерия. И в этом отношении эмоции различают по модальности (качеству), в частности, по знаку, по интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, генетическому происхождению, сложности, условиям возникновения, выполняемым функциям, воздействию на организм (стенические-астенические), форме своего развития, по уровням проявления в строении психического (высшие-низшие), по психическим процессам, с которыми они связаны, потребностям (инстинктам), по предметному содержанию и направленности, по особенностям их выражения, нервному субстрату и др. [83; 20]. Однако анализ классификаций приводит к весьма важным и продуктивным вопросам. И не только об обсуждении критериев, но проблеме базовых, фундаментальных эмоций и их развития (Б. Спиноза, 1957; К. Изард, 1980). Поэтапное введение оснований для различения эмоций, свойственное генетическим классификациям, позволяет избежать смешения классификации эмоций по их внутренним признакам (модальности, форме) и классификаций по сферам их проявления, предметному содержанию и другим внешним признакам. С недостаточно четким различением "внутренних" и "внешних" оснований для классификации эмоций связано, пожалуй, больше всего затруднений и недоразумений в истории этой про-

блемы. Проблема модальности эмоций, рассматриваемая сама по себе, не обнаруживает других столь же ярких признаков упорядоченности. Оригинальное объяснение этому факту было дано В. Вундтом, предложившим рассматривать модальность как градиентное составное свойство, определяющееся соотношением трех его двухполюсных компонентов: удовольствия – неудовольствия, возбуждения – успокоения и напряжения – разрешения. Однако хотя "факторная" интерпретация В. Вундтом модальности эмоций впоследствии получила серьезную поддержку в экспериментальном исследовании экспрессии и семантики эмоций [316], заметного распространения в психологии она не получила. И дело здесь, опять же, не в самой по себе модальности, а в понимании природы эмоций. Вывод модальности из оценочной функции эмоций не приведет к продуктивным результатам. Подлинное место эмоций (аффективной сферы) следует искать в структуре регуляции.

2. В определениях (дефинициях, а не описаниях) чаще всего отмечаются атрибуты предмета или явления, процесса или результата. Поэтому анализ определений эмоций может быть достаточно продуктивным. Это подтвердил в своей работе Л.М. Веккер [79; 60 – 64], анализируя понятие "отношение", которое включено во все основные определения эмоций. Так вот, определение специфичности эмоций как переживание событий и отношений по сути тавтологично и ничего не добавляет к действительному содержанию концепта "эмоция" как инварианта родо-видовых соотношений [79; 60].

Другая вариация определения эмоций исходит из того, что "... в отличие, например, от восприятий, которые отражают содержание субъекта, эмоции, выражают состояние субъекта и его отношение к объекту" [327; 140]. Противопоставление выражения отношений отражению отношений также недостаточно по следующим основаниям: 1. Эмоция скорее представляет собой субъективное отношение человека, чем является их выражением; 2. Выражение отношений не может использоваться как видовой признак эмоций, поскольку интересы, мотивы, потребности также выражают отношение человека к объекту [79; 61]. Л.М. Веккер приходит к выводу, что "... нет оснований строить определение эмоций, выводя это понятие за пределы объема концепта "отражение" или противопоставляя и включая в один видовой ряд понятия "отражение", "переживание", "выражение" [79; 61].

С этой точки зрения, шаг вперед по пути преодоления отмеченных выше концептуальных и терминологических несоответствий представляет определение эмоциональных процессов как отражения отношений субъекта к объектам окружающего мира или субъекта потребности к значимым для него объектам [278]. Таким образом, хотя рассматриваемое определе-

ние содержит два уровня обобщенности, не включает в себе прямой ошибки и в самом общем смысле правильно, оно не достаточно, поскольку в нем фактически не фиксированы признаки ни ближайшего рода, ни видовой специфичности. Л.М. Веккер считает, что в качестве признака ближайшего рода выступает непосредственность отображаемых отношений [79; 63], которые проявляются в необособимости в эмоции субъекта и объекта [79; 66], на что впервые обратил внимание В.К. Вилюнас, когда писал о двухкомпонентности целостного эмоционального явления, которое "всегда представляет собой единство двух моментов: с одной стороны, некоторого отражаемого содержания, а с другой – собственно эмоционального переживания, т.е. той специфической окраски, с которой данное содержание отражается субъектом" [85; 43].

Данная идея В.К. Вилюнаса, дополненная Л.М. Веккером, является для нас ключевой, т.к. ясно обозначает направление поиска существенных оснований эмоций. Тем более что в этих идеях просматривается мысль об ограниченной значимости как единице анализа аффективной сферы. Надо сказать, что психологи откликнулись на идею о непосредственности отражения отношений⁹⁰. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно для существенного понимания эмоций. Да и идея об особой форме единства субъекта и объекта (В.К. Вилюнас, 1976) не нашла своего продолжения. Все вышесказанное побуждает нас на дальнейший поиск существенной основы эмоций в их соотношении с переживаниями и чувствами.

В итоге краткого анализа теоретических проблем эмоций мы приходим к следующим заключениям:

■ Во-первых, проблема эмоций не только в терминологических расхождениях и широте круга явлений, которые и называются эмоциональными. Главное – это поиск тех существенных оснований, на базе которых можно развернуть непротиворечивую концепцию аффективной сферы. Понимание возможно лишь в контексте теории, пусть даже это будет житейский миф.

■ Во-вторых, многочисленные исследования психологов и проанализированный индивидуальный опыт говорят о том, что эмоции имеют многогранные и разнообразные связи, практически со всеми психологическими образованиями, что указывает на два момента. Или эмоции – это такое интегративное образование, которое формируется на базе всех остальных, или они лежат в основании практически всех психологических образований. Последнее суждение нам кажется более верным.

⁹⁰ В психологических словарях она присутствует как непосредственное переживание значимости чего-то [309; 411 - 413].

■ В-третьих, обобщая разнообразные функции и виды эмоций, можно прийти к выводу, что они есть некий психологический (физиологический) механизм, посредством которого осуществляются разнообразные функции (В.К. Вилюнас, 1976; Л.М. Веккер, 1981; Ф.Е. Василюк, 1984 и др.). Это регулятивный механизм, и понять адекватно этот эмоциональный психологический механизм возможно только в контексте регуляции человеком его взаимодействия с миром.

■ В-четвертых, эмоции со своими специфически видовыми особенностями есть отражение взаимосвязи субъекта и объекта, которые в эмоциях даны в неразрывном единстве [79, 381]. Вопрос же здесь только в том, как это единство понять? И даже то, что оно непосредственно отражается в эмоциях [79], не делает проблему легче решаемой. Скорее, направляет поиск на некие фундаментальные основы эмоций, на ту единицу психологического анализа эмоций, на базе которой строится все здание аффективной сферы.

■ В-пятых, в качестве определяющего эмоции фактора и содержательного момента выступает значимость (С.Л. Рубинштейн, 1989). Это проявляется не только в определении эмоций, но и их описании, т.е. значимость является родо-видовым признаком эмоций. В значимости субъект и объект выступают в единстве. Эта линия анализа эмоций нам кажется достаточно эвристичной и продуктивной.

7.3. Эмоции как изменение себя в мире и мира в себе

Обозначая собственный подход к пониманию эмоций, и если шире смотреть, к аффективной сфере человека, сразу отметим исходную позицию. Она заключается в том, что аффективная сфера человека есть проявление специфической активности, которая включена, встроена в целостный процесс регуляции человеком его взаимодействия с миром (Б. Спиноза, 1957; С.Л. Рубинштейн, 1989; А.Н. Леонтьев, 1983; Ж.-П. Сартр, 1984; В.К. Вилюнас, 1976; Л.М. Веккер, 1981). Разумеется, при этой декларации остается нерешенным вопрос: а в чем собственно проявляется специфическая активность эмоций? Как встроены эмоции в систему регуляции? Какая у эмоций определяющая функция в регуляции? Зачем они, т.е. эмоции, нужны человеку?

Эмоции можно понять, если их рассматривать в аспекте регуляции человеком своего взаимодействия с миром. Они выполняют в этой регуляции специфическую функцию или функции, поэтому по своей природе эмоции имеют функциональное значение и, следовательно, можно говорить об их финальности [333; 127]. В эмоциях схватывается финальность, ограниченность деятельности человека. Они специфическим образом отражают пред-заданность определенной активности человека. Не говоря пока

о специфичности этого отражения, отметим лишь, что финальность или о-граниченность эмоций проявляется весьма разнообразно от реализации и изменения границ до их предвосхищения. В этом заключается как прогностическая функция эмоций, так и результативная. Эмоция – это процесс, активность, соединяющая сущностное в человеке с тем, где эта сущность находит себя, т.е. сущностное единство и различие субъекта и объекта. Или, в соответствии с единицей психологического анализа, эмоции есть проявление диалектики о-граниченной значимости, где значимость всегда имеет тенденцию к оформлению, о-граничению, чтобы изменить себя. В своих границах значимость как напряженно-направленная тенденция не может обрести покой, т.к. границы изменяют ее, и она снова стремится обрести форму и воплотиться в границах. Значимость не только не может успокоиться, не обрета свои границы, она стремится снова и снова их изменить и найти новые. В них она изменяется, чтобы снова оформиться. Для иллюстрации сказанного можно привести пример, когда человек охвачен эмоциями (чувствами) или уже знает волнующий его предмет (границу) и тогда переживает (кроме этого анализирует) ситуацию (единство значимости и её границ). Как мы знаем из жизненного опыта, этот процесс для многих людей не очень продуктивен, или человек ищет причину (объект, границу) своим чувствам (эмоциям), т.е. стремится о-граничить их. В этом контексте эмоция есть некоторый способ понимания (принятия) мира. "Она есть прежде всего принятие новых отношений и новых требований" [333; 130].

Однако с какой целью, для чего, какую функцию выполняет диалектика о-граниченной значимости в аффективной сфере человека? Конечно, ответ на этот вопрос можно искать на разных уровнях обобщенности. С точки зрения регуляции взаимодействия человека в мире, человек прежде всего должен адаптироваться к миру культуры, к социуму, в котором он живет. Но как? Находить оптимальные пути, что-то учитывать, избегать опасностей и неприятностей, стремиться к приобретению чего-то (определенных знаний, благ, предметов) и многое другое. Что вовремя человеку подсказывает или указывает на необходимое или опасное? Разум, мышление – да. Но не только, а возможно и не столько человек в жизни опирается на них. Тогда эмоции. А каким же образом они помогают человеку эффективно адаптироваться к миру?

Если между человеком и миром есть несоответствие, определенный разрыв, то, с одной стороны, можно изменить человека, приспособить его к миру. А с другой – изменить мир для человека, конечно, менее реально и достаточно сложно. Лучше бы совместить ту и другую стороны. Это возможно посредством эмоций. Ведь в эмоциях субъект и объект непосредственно слиты, соединены в значимом отношении (зависимость). Тогда из-

менение субъекта приведет к изменению объекта и наоборот, т.е. изменение значимости чего-то приводит к изменению границ, а это и есть диалектика о-граниченной значимости. Таким образом, посредством эмоций человек изменяет себя в мире или мир в себе для адаптации к нему, для эффективной регуляции взаимодействия человека в мире. Каким же образом идет изменение себя в мире и мира в себе? Сразу оговоримся: эти два эмоциональных процесса выступают не только в единстве, но и в различии. Единство их в том, что они (с разных сторон) раскрывают значимость в человеке, а различие – делается с разных сторон. Изменение мира в себе есть пере-живание его человеком, т.е. изменение ценностно-смысловой сферы человека (Ф.Е. Василюк, 1984; Д.А. Леонтьев, 1997). В свою очередь изменение себя в мире, в аффективной сфере, осуществляется посредством прогностической функции эмоций (А.В. Запорожец, Я.З. Неверович; 1974), проектирования значимости в мир. Тем самым мир для человека определенным образом конституируется, задается. Ж.-П. Сартр называет этот мир магическим [333; 130 – 135], т.к. человек не только творит его, но и пере-живает⁹¹. Именно этот аспект подчеркнут в информационной теории эмоций П.В. Симонова, но доминирует в эмоциональном процессе изменения себя, в мире вероятностного прогнозирования [342; 179 – 180].

Для иллюстрации этих эмоциональных процессов приведем два коротких примера, правда при этом не забывая, что они существуют в неразрывном единстве и различии. В жизни человека случилось горе, он потерял родного ему человека. Он пере-живает те или иные случаи, связанные с этим человеком, знаменательные и рядовые события. При пере-живании изменяется значимость этих событий (увеличивается, уменьшается), а значит, и границ, в которых идет пере-живание. В процессе пере-живания идет изменение ценностно-смысловой сферы человека, трансформируются мотивы. Они уже направлены на увековечивание памяти о нем, сохранение дорогих ему вещей, выполнение заветов. Это, в свою очередь, приводит к изменению смыслов и ценностей, но в меньшей степени, чем мотивы. Изменение смыслов – это изменение направленности деятельности человека, что более эффективно осуществляется в пере-живании. Оно, как эмоциональное единство субъекта и объекта, есть диалектика о-граниченной значимости, поэтому изменение границ или значимости трансформирует второй член этой пары.

⁹¹ Это хорошо согласуется с игровым, магическим миром, где все возможно, где бушуют страсти и половодье чувств. Й. Хейзинга относительно игры пишет, что именно в эмоциях, "...в этой способности приводить в исступление состоит её сущность, её исконное свойство" [399; 22].

Что же касается изменения себя в мире, т.е. в процессе эмоционального прогнозирования (проектирования), то он наиболее ярко проявляется в радости. Когда человек рад, то он находится в нетерпении (возбуждении), не может стоять на месте, строит тысячи планов, проектов, предпринимает различные действия, которые тут же оставляет, и т.д. Дело в действительности в том, что радость его более всего связана с появлением объекта желаний. Ему объявляют, что он выиграл значительную сумму или что он вновь увидит кого-то, кого он любит, но давно не видел. Но хотя объект этот – "неминуем", он ещё – не здесь, он ещё – не его. Некоторое время отделяет его от объекта. Радость – это магическое поведение, которое стремится реализоваться посредством колдовства, обладание желаемым объектом, как мгновенной целостностью. Значимость кого-то или чего-то все время ищет адекватных ей границ, изменяет их, и все это направлено на предвосхищение обладания этим объектом. Человек изменяет свое поведение, становится уже чуточку другим, мир вокруг него меняется. Но это кажется только ему, на самом деле меняется он сам в мире.

Существует много форм пере-живания чувств, и в каждой из них доминирует тот или иной эмоциональный процесс. Так, в настроении, страхе, стыде, стрессе доминирует прогностическая функция (как изменения себя в мире), а в аффектах, муках совести, вине, фрустрации – пере-живание (как изменение мира себе).

В итоге можно сказать, что в эмоциях проявляется тенденция изменения значимости реального мира (в себе и для себя) в процессе регуляции взаимодействия с ним. А так как в эмоциях появляется тенденция к изменению значимости реального мира, то эмоции, как определенным образом о-граниченная значимость, содержит её в себе (Э. Клапаред, 1984). Что же это значит – содержать свою значимость в себе, когда эмоция уже важна сама по себе? Да то, что, возникнув по поводу, эмоция, *с одной стороны*, адаптирует человека к миру, а *с другой*, эмоция изменяет мир для человека и мир в человеке. Другими словами, вторая сторона эмоций важна для человека уже сама по себе, т.к. делает внутренний мир человека богаче и разнообразней. В эмоции как в единстве субъекта и объекта идет освоение объекта, обладание им, что тоже наполняет человека содержанием внешнего мира. Обобщая сказанное об эмоциях, можно дать им такое определение. *Эмоции – это психологический механизм изменения значимости, в котором соединены воедино направленно-напряженная зависимость от чего-то (ценностно-смысловая сфера); непосредственное психическое отражение этой зависимости (когнитивная сфера) и психофизиологические и поведенческие проявления изменения зависимости (конативная сфера)*. Наглядно это можно представить так.

Когнитивная сфера

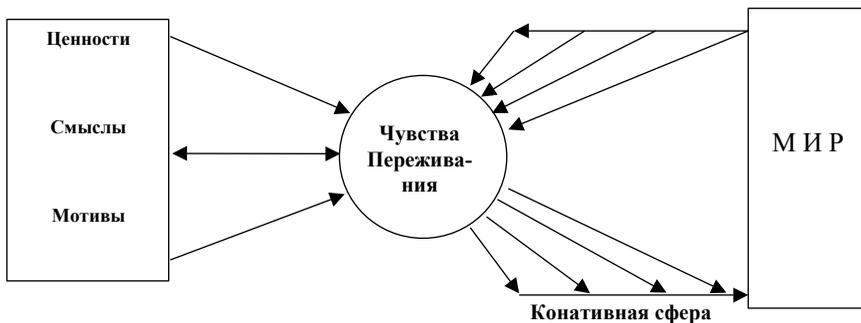

Рисунок 12. Место эмоций среди других психологических образований.

7.4. Системно-структурная организация аффективной сферы

Одной из задач анализа аффективной активности человека была следующая: целостно и системно-структурно представить аффективную сферу. А так как эта задача для нас не является основной, то её решение осуществляется без широкой и разносторонней аргументации. Скорее, в работе дана лишь логика решения. Основания решения данной задачи нами уже обозначены в предыдущих параграфах. К ним в первую очередь следует отнести единицу психологического анализа аффективной сферы – ограниченную значимость, которая раскрывает свое содержание, а точнее наполняется им в процессе осуществления регуляции человеком его взаимодействия с миром. Единица психологического анализа аффективной сферы, которая проявляется в регуляции человеком его взаимодействия с миром, является для нас базой, на основе которой мы попытаемся раскрыть и представить системно-структурную организацию аффективной сферы.

О-граниченная значимость в структуре аффективной сферы замечена была давно. Так, В. Вундт совершенно определенно указывает на двухкомпонентность структуры эмоциональных процессов как своеобразное единство субъекта и объекта [87; 47]. Далее в отечественной психологии на это обратил внимание В.К. Вилонас [85], сделал интересную попытку содержательного раскрытия Л.М. Веккер [79]. Следовательно, использование ограниченной значимости в анализе эмоциональных процессов не ново, он проходил под ракурсом задач, которые ставили перед собой вышеназванные психологи.

Одним из важнейших проявлений диалектики о-граниченной значимости в аффективной сфере является выделение в динамике эмоциональных процессов их двухполярной ориентации. Об этом мы уже писали выше, т.е. *ориентации на изменение значимости мира в себе* (внутренний мир) и *ориентации на изменение значимости себя для мира*. В том и другом случае (ориентации), с точки зрения о-граниченной значимости, акцент сделан на границах как внешних (объектах, явлениях, процессах), так и внутренних (мотив, цель, смысл, ценность). Между значимостью и границами – диалектическая взаимосвязь и взаимодействие, так что внешние и внутренние границы имеют свою специфику в о-граничении значимости. Это накладывает свой отпечаток и на эмоциональные процессы, которые, пожалуй, можно, в соответствии со сказанным, рассматривать с двух сторон.

С одной стороны – в связи с выделением модальности эмоций, чувств и переживаний. Мы только отметим модальность по знаку (положительную и отрицательную). *Во-первых*, с позиции развития и эволюции психики есть основания полагать, что преимущественная направленность двухкомпонентной структуры эмоциональной единицы (о-граниченной значимости в аффективной сфере) на внешнюю среду есть фактор, отвечающий исконной природе психики, а обращенность вовнутрь, на субъекта, воплощает в себе предельный случай аварийной сигнализации, что наиболее демонстративно и однозначно выражено в чувстве боли. На этих основаниях, исходя даже только из априорных теоретических соображений, можно заключить, что направленность на объект, отвечающая главному вектору психики, сопряжена с положительными эмоциями. Направленность же на субъект, имея не меньшее, а в силу аварийности иногда даже более острое жизненное значение, сопряжена с эмоциями отрицательными [79]. *Во-вторых*, данный вывод, но с более существенной проработкой, подкрепляет рассмотрение регуляции человеком его взаимодействия с внешним миром под углом зрения эмоциональных процессов. Так, для того, чтобы адаптироваться к внешним условиям жизни, человек изменяет значимость внутреннего мира, нарушает сложившееся внутреннее равновесие (вплоть до органического), осуществление которого требует не только затрат энергии и усилий, но и преодоления (отказ) чего-то важного для человека. Все это вызывает отрицательные переживания, в которых, как правило, больший энергетический потенциал⁹².

⁹² О таких различиях красноречиво говорит, например, знаменитое толстовское: "Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастна по-своему". В этом случае существенно большее разнообразие отрицательных переживаний получает свое выражение в том простом факте, что число отрицатель-

В процессе адаптации, регуляции своего поведения идет изменение себя для мира. Как это происходит в аффективной сфере? В этом процессе акцент сделан на изменении значимости внешних границ, которые не так интимно связаны с сущностью человека. Они опосредованы рядом факторов: внутренних (конативной и когнитивной сферами) и внешних (социокультурных, природных). Другими словами, внешние границы касаются как самого человека, так и мира. Но как можно изменять мир? Если для конкретного человека, то это можно сделать самого человека, т.к. изменяясь, прежде всего в плане эмоциональности, человек видит мир и взаимодействует с ним уже по-другому. Его конативная и когнитивная сферы функционируют в особом режиме, эмоционально возбуждены, пристрастны или наоборот. Мир в глазах человека, эмоционально наполненного, уже другой, он изменился для него. В этом случае человек изменяет себя для мира, но и мир в его глазах тоже меняется. А так как культура, в большинстве своем, формирует у человека установку на достижение положительного, обретение радостей жизни, славы и почета, то и эмоции, связанные с изменением себя для мира, также имеют положительный баланс⁹³.

Кроме сказанного, хотелось бы добавить, что в изменении себя для мира ярко проявляется предвосхищающая функция эмоций. А это значит, что в её формировании огромную роль оказывает культура посредством своих социальных институтов и социально-психологических механизмов. Она задает человеку или формирует пред-заданность его жизненного движения, которая человеку дана посредством предвосхищающей функции эмоций, а расцветивается воображением. Поэтому в изменении себя для мира огромную роль играет когнитивная сфера человека (в совокупности осознаваемых и неосознаваемых процессов), и прежде всего его воображение, функции которого в плане эмоционального предвосхищения едва ли

ных эмоций значительно превышает число эмоций положительных. Так, в списке эмоциональных переживаний, приведенном А.Н. Луком, содержится 24 положительных эмоции и 70 отрицательных [241; 19 - 20]. Великое разнообразие отрицательных эмоций выражает их большую конкретность и меньшую обобщенность. А это требует, естественно, больших энергетических затрат и, следовательно, большей интенсивности выраженности [79; 133].

⁹³ Реализация этой тенденции имеет свои пределы (культурные, социальные, физиологические и др.). Так, изменение сознания под влиянием алкоголя, наркотиков или психогенных факторов вначале вызывает положительные эмоции, но до строго определенного для них (и конкретного человека) предела. Увеличение воздействия может привести к обратному эффекту.

изучены⁹⁴. Это касается и игры с её пространственно-временными характеристиками, и эмоционально-смысловой наполненностью, где психологические механизмы игры направлены на изменение ребенка для будущего мира⁹⁵.

С другой стороны, диалектика о-граниченной значимости в аффективной сфере разворачивается в пространстве и во времени, т.е. имеет хроно-топическое измерение. Конечно, это в первую очередь касается эмоциональных процессов. Пространственно-временную характеристику эмоциональных процессов можно рассматривать во внешнем и внутреннем проявлении, а также во взаимосвязи внешнего и внутреннего миров. Но не только эмоциональные процессы проявляются во внешнем и внутреннем хронотопе людей, изменяя его, но и под действием внешне данного хронотопа изменяются сами. Здесь обретает особую остроту содержание эмоциональных процессов, то, *чем он наполнен* – ситуативными факторами или ценностями и смыслами бытия. Да и не последнюю роль играет то, *к чему приобщены* эмоциональные процессы, где бытийствует человек.

Внешняя хронотопическая архитектоника эмоциональных процессов, которая сопровождает, а точнее сопряжена восприятию движения, ритма, мелодии и т.д., безусловно, очень интересна и важна для изучения всей полноты эмоциональных процессов. Более того, изучение внешней хронотопической организации эмоциональных процессов важно для психологической практики, развития и формирования человека. Психология окружающей среды, экологическая психология определяют пределы комфортного и психологически безопасного диапазона здоровой жизни. В этом аспекте проблемы мы ссылаемся на работу Л.М. Веккера, в которой эти вопросы поднимаются и обсуждаются [79; 93 – 11]. Нас в данной работе больше интересуют хронотопические особенности организации эмоциональных процессов, которые протекают во внутреннем мире человека.

В отличие от внешнего мира, где пространственно-временная характеристика является определяющей (например, для когнитивных процессов), во внутреннем мире ведущим фактором в организации эмоциональных

⁹⁴ В этом отношении заслуживает внимания работа Л.С. Коршуновой и Б.И. Пружинина "Воображение и рациональность" [185], где проанализирована роль воображения в структуре познания, деятельности человека, времени. И подчеркивается, что воображение помогает человеку соединить прошлое, настоящее и будущее, наполнить их смыслом и ценностями, а также пережить "мнимую", но реальность. Что в конце концов и есть изменения себя для жизненного мира.

⁹⁵ Смотри подробнее о психологических механизмах игры в одной из последующих глав этой работы.

процессов выступает время, потому что в эмоциональных процессах, организующих не внешнюю реальность, а отношение к ней субъекта, пространственные характеристики являются производными от содержания жизни человека. Хотя в общем и целом временная организация эмоциональных процессов изучена не только недостаточно, но, пожалуй, основные проблемы временной организации эмоциональной жизни ещё просто не поставлены [79; 93]. В той или иной степени мы и попытаемся их обозначить.

В этом плане чрезвычайно симптоматично, что эмоциональные факты и обобщения говорят об особой значимости временной организации эмоциональных процессов. Это касается особой близости эмоциональных процессов и слухового восприятия, движения, ритма, мелодии. По данному вопросу интереснейший материал получен в исследовании А.И. Берзницкаса, где некоторым базовым эмоциям дана обобщенная хронотопическая характеристика [50]. Например, радость – статичный ритм, построенный на горизонтальной симметрии при контрасте верха и низа. Направленность во вне. Пространственная раскрытость, неограниченность с центром тяжести внизу. Для огорчения – пассивно-динамический ритм, организованный вокруг центра. Пространственная закрытость с направленностью на себя. Спиралевидный характер ритмичности. Приведенное им описание экспериментальных данных, характеризующих временную структуру эмоциональных процессов, показывает, что ещё в работах В. Вундта были достаточно определенно выявлены роль и значение именно ритмически-временной и ритмически-двигательной организации эмоциональных явлений. Но не будем ограничиваться данной констатацией. А зададимся вопросами: что из себя представляет хронотопическая организация эмоциональных процессов? В чем она выражается? И как её понять, эту хронотопическую организацию эмоциональных процессов? Если анализировать по частям (пространственность и временность), то следует начать с пространственной составляющей. Как пространственно организованы, как протекают эмоциональные процессы? В био-физиологическом аспекте могут быть вовлечены разные уровни регуляции в организме: внутриклеточный уровень, уровень периферических, эндокринных желез, гипофизарный уровень, гипоталамический и уровень центральной нервной системы [126]. То, что эти уровни так или иначе сказываются на протекании эмоциональных процессов, говорит теория Джемса-Ланге и других, что хорошо показано в работе К. Изарда [153]. Это, конечно, интересно и важно для раскрытия пространственной организации эмоциональных процессов, но не только это. Представляет не меньший познавательный интерес и психоло-

гическое пространство организации. Выявление её составляющих представляет отдельную проблему. Мы же, опираясь на разрабатываемую нами психологическую структуру человека, отметим лишь уровни протекания эмоциональных процессов, которые имеют различное содержательное наполнение. Вот оно-то, на наш взгляд, и является пространственной составляющей эмоциональных процессов, а их функции являются одной из образующих внутреннего мира человека (см. рис.). Поэтому ценностно-смысловая сфера человека, конативная и когнитивная активность, различного вида рефлексии в эмоциональных процессах являются их пространственной характеристикой и содержанием. Оправдано или нет отождествлять содержание эмоциональных процессов и их пространственную характеристику? Нам думается, что да, т.к. в соответствии с тем, что мы писали выше о психологических особенностях мотивов, смыслов и ценностей⁹⁶, включение их в эмоциональные процессы задает последним пространственно-содержательную характеристику. Что же касается когнитивной и конативной сфер, а также рефлексии, то вне пространства (важно, как отражение его, так и проявление в нем) они просто не мыслимы (Н.А. Бернштейн, 1997; В.П. Зинченко, 1996; Л.М. Веккер, 1981 и др.).

Временная составляющая организации эмоциональных процессов уже нами отмечалась, когда мы говорили о психологических механизмах регуляции и проявлении в них диалектики о-граниченной значимости. Это касалось хронопической организации мотивов, смыслов и ценностей (см. Табл.), а также внутренней временной организации переживания (М.М. Бахтин, 1979; Б.М. Теплов, 1985), в которых ритм является несущим и придающим целостность и законченность переживаниям [47; 103]. Сейчас мы хотели поставить принципиальный вопрос о временной составляющей организации эмоциональных процессов. В чем суть этой организации? Для ответа на данный вопрос, хотим мы того или нет, имплицитно или эксплицитно, но мы должны ответить на вопрос: а что такое время? Ранее в параграфе о "Времени в жизни человека" мы касались этого вопроса и пришли к выводу, что время – это мера изменения количественно-качественных особенностей сущности человека (ценностей, смыслов, мотивов). Однако этого не достаточно для выявления специфики времени, его ощущения и психологического понимания. Требуется анализ с точки зрения эмоциональных процессов, т.к. они, на наш взгляд, определяют специфику психологического времени личности человека. В этом плане мы еще раз обра-

⁹⁶ В главе, посвященной анализу ценностно-смысловой сферы, мы не только описывали различные подходы к мотивам ценностей и смысла, дали им определения, в которых ярко звучат пространственно-временные составляющие.

тимся к работе Е.И. Головахи и А.А. Кроника "Психологическое время личности", в которой данной проблеме посвящена целая глава "Свойства времени в переживании человека" [106], где довольно подробно и содержательно рассмотрены факторы и формы, влияющие на психологическое время личности. Правда, следует заметить, что это осуществлено в плане эмпирических исследований и философско-морального описания. Однако, несмотря на это, материал, представленный в главе содержателен и интересен в аспекте осмысления проблемы. Так, выделяются факторы: континуальности-дискретности, напряженности и эмоционального отношения к диапазону времени. Кроме этого, высказаны гипотезы о растяжимости и прерывности психологического времени [106; 141 – 162].

Несмотря на весомую и важную для изучения психологии времени содержательную часть работы, в ней не затронуты проблемы понимания психологии времени. Что это такое? Да, описание есть, а концептуальной проработки нет, что проявилось и в небрежном использовании таких оборотов, как формы переживания времени, факторы переживания времени. Так как время – это всегда длительность, порядок, изменение чего-то, то чистого времени нет, а значит, нет и переживания времени. Можно относиться ко времени, быть во времени, но не переживать его, тем более что переживание здесь скорее понимается не как эмоциональный процесс, а как форма овладения временем.

Пожалуй, более глубоко схвачена идея времени у В.В. Налимова в его книге о "Спонтанности сознания" [268]. Так, в параграфе "Немного о личностном времени" он пишет: "Скорость собственного времени оказывается мерой, с помощью которой разные состояния сознания становятся упорядоченными. И если мы готовы считать, что делание – это реализация нашей открытости Миру, то скорость собственного времени может рассматриваться и как мера открытости Миру, а следовательно, и как мера изменчивости Эго, задаваемой этой открытостью" [268; 242]. Главное здесь – это то, что время есть мера изменения "Я" (сознания). А от чего она зависит, эта мера изменения? От метрики семантического пространства личности. Или от проявления смыслов и ценностей в жизни человека, от их личностной значимости

[268; 243]. Эти мысли В.В. Налимова о понимании психологии времени представляются нам достаточно продуктивными.

Действительно, время – это соотносительная характеристика изменений⁹⁷, когда скорость течения физических процессов соотносится с физиологическими, одно состояние сознания с другим, один эмоциональный процесс соотносится с другим, отличным от первого. В понимании времени как соотносительной характеристики изменения чего-то можно выделить два момента. *Первый* – это соотношение параллельных процессов. Например, когнитивного и конативного, эмоционального и физиологического. Здесь время схвачено как целостность, как некий гештальт, который характеризуется качественно (биологически, психически, физиологически, когнитивно и др.) и количественно (в каких пределах соотносятся процессы, насколько они вообще соотносимы). В данном ракурсе понимания психологии времени возникают интересные вопросы. О иерархии процессов как в целом, так и в каком-то отдельном промежутке времени жизни человека. О том, что человек изначально многомерен, но некое обобщенное время, а точнее временное пространство, доминирует в его жизни. О взаимовлиянии времен, присущих тем или иным процессам. Здесь же проблема путешествия во времени, сновидения – как соотносительное отражение разных уровней ментальности человека. Для сновидений – это прежде всего взаимоотражение эмоционально-ценностных процессов психики в когнитивных. Так как психика человека есть многоуровневое образование (от бессознательного до ясных ступеней сознания), то во время сна активным становится один из малоосознаваемых уровней психики или совсем не осознаваемый человеком. По отношению к этому уровню события, которые происходят в данный жизненный период, имеют несколько отличную от обычной, т.е. для жизни в социуме, значимость. И проекция более высоких ступеней осознанности на данный активированный и малоосознаваемый уровень трансформирована, изменена по отношению к исходному уровню. Вследствие этого в сновидении мы видим обрывки каких-то событий и фактов, а если какие-то целостные фрагменты жизни, то далеко не всегда их можем узнать. Правда, надо сказать, что и во сне, за счет того, что могут быть активизированы одновременно различные уровни психики, внешний мир вносит в итоговый видеоряд сновидения известную им логи-

⁹⁷ Данную точку зрения высказывал ещё Готфрид Лейбниц, когда писал: "...время есть мера движения, иначе говоря, равномерное движение есть мера неравномерного движения" [207; 152]. В этом, нам кажется, у Г. Лейбница ярко проявляется соотносительный характер понимания времени. За исключением того, что мы используем понятие "изменение", а не понятие "движение", т.к. первое понятие шире второго и более адекватно отражает внутреннюю специфику времени.

ку. Взаимоотражение различных уровней психики целостно, поэтому конкретное значение событий жизни переоценивается и определенным образом упорядочивается уже в соответствии с новой шкалой значимости, хотя бы на время сна. В этом упорядочивании событий собственной жизни человек открывает для себя (чаще всего неосознанно) некоторые закономерности, на основе которых строится прогноз. Что может случиться с человеком? Каких событий следует ожидать? А так как активизированный уровень психики не просто контекст, а содержательный (ценностно-смысловой, мотивационно-потребностный), на фоне которого разыгрывается сновидение, то сновидения могут выполнять разнообразные функции (прогноза, рефлексии жизни, измененное отражение реальных событий, уплотнение или растяжение психологического времени. Таким образом, сновидение есть скрытый от сознания продукт диалога различных уровней психики, который, конечно же, нуждается в тщательном изучении. Однако в этом проявляется феномен полиментальности каждого человека. И это еще далеко не все, что следует из понимания психологии времени как относительности параллельных психических процессов.

Второй проявляется в соотношении очередности, последовательности определенных изменений. И рассматривается в рамках какого-то одного процесса. Здесь так же, как и в предыдущем случае, психологическое время есть соотношение различных изменений, но в рамках одного процесса. Можно было бы даже сказать об определенном ансамбле этих соотношений, который в своей целостности и законченности и есть *ритм*. Первый и второй вид соотносительности процессов изменения для характеристики времени можно представить наглядно таким образом.

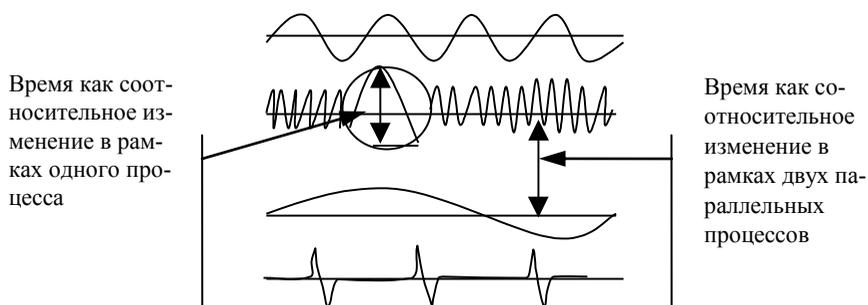

Рисунок 13. Соотносительная характеристика времени в рамках одного и двух параллельных процессов.

В данном случае, да и по мысли М.М. Бахтина, ритм есть некоторая единица измерения внутренней жизни [47; 103]. Но какой внутренней жизни? И в чем суть этого измерения? Ну и, конечно, что это за единица? При раскрытии содержания понятия "ритм" мы, естественно, выходим на вопрос: а чего ритм? Здесь ритм стоит за неким процессом, является его формой и о-граничением, разумеется, не безразличной содержанию процесса. В этом отношении ритм есть не только система границ, оформляющая извне и изнутри психический процесс, но и основа, которая вносит в течение процесса определенную гармонию и слаженность [396; 308]. Здесь ритм переливается, воплощается в содержание процесса, как его содержательно-временная оформленность. В своей основе "ритм есть ценностное упорядочивание внутренней данности, наличности" [47; 103], а это значит, что ритм в глубине своей есть принятая человеком к действию ценностно-смысловая система, которая реализуется в жизни. А пожалуй, точнее – стержень, на котором строится ценностно-смысловая сфера как система. Вот поэтому М.М. Бахтин пишет, что ритмом человек может быть только одержим, т.к. он есть о-граничение его сущности, понимание которой и ритма, соответственно возможно с позиции другого, иной сущности, через отчуждение от себя [47; 105 – 106]. Таким образом, *ритм есть целостная, законченная, о-граниченная (извне и изнутри) некая ценностно-смысловая система (значимость), которая выступает соотносительной основой для оценки (ценения) процессов жизни человека*. В ритме человек живет и не понимает его, осознание возможно только тогда, когда человек отстранится от себя, перейдет на другой уровень осознания своей жизни. Здесь, как и вообще для психологии времени, соотносительные (паралельных процессов или внутри одного процесса) характеристики изменения чего-то выступают в неразрывном единстве. Ибо и время, и ритм как психологическая мера его измерения есть единство содержания и формы, где в том или ином психическом процессе доминирует содержание, которое посредством другого психического процесса оформляется. Разумеется, в этом есть проявление диалектики о-граниченной значимости.

Возвращаясь к временной характеристике эмоциональных процессов, отметим, что она также соотносительна. Первое – внутри эмоциональных процессов психология времени зависит от значимости содержания для человека, меры изменения этой значимости. Будучи в самом эмоциональном процессе, человек не может внешне о-граничить его, а значит, и отнестись к нему (М.М. Бахтин, 1979). Смысловая или ценностная значимость чего-то переживается вне жизненного контекста, а отсюда парадоксы психоло-

гического времени – сжатие и растяжение. Для объяснения этих психологических парадоксов имеет значение два фактора: 1. Степень, мера изменения значимости события, переживания для человека 2. Отношение к нему человека, не внешнее, а внутреннее, т.е. в каком положительном или отрицательном ценностном ряду это событие находится. Отсюда, если событие высоко значимо и находится в положительном ценностном ряду (ценностно-смысловой сферы), то в наличии тенденция к растягиванию психологического времени, а если наоборот – к сжатию и вытеснению в бессознательные слои психики.

От особенностей соотношения этих двух факторов для человека зависит очень многое. Так, высокосignificant событие, которое переживается человеком, может с точки зрения психологии времени казаться выходом в бесконечное время – это творческий экстаз, вдохновение. Высокая значимость переживаемого события, усиленная местом в ценностном ряду и приводит к переживанию, когда человек сливается с вечностью. Однако, если высокосignificant переживание не подкреплено содержанием и соответствующим местом события в ценностном ряду, то человек сливается с ничто. В этом случае психологическое время, растягиваясь, превращается просто в некий процесс, опосредованный не значимым культурным содержанием, а только физиологическим. Примером последнему случаю является наркомания. От чего зависит тот или иной путь движения человека к вечности? От интегрированности и цельности человека, это с одной стороны, а с другой – от меры дифференцированности различных уровней психического, которая может доходить до противоречия и несовместимости.

Второе – психологическое время зависит от соотношения между различными эмоциональными процессами или отражения одного эмоционального процесса в чем-то другом, временным образом оформленном, например, сознания человека. В этом случае время целостно, о-граниченно как бы извне, оно ритмировано. Отражение одного эмоционального процесса в чем-то другом выявляет его качественную характеристику. Она в том, что человек может ощущать в себе как бы два и более временных процесса. И если человек их персонифицирует, то возникает ощущение раздвоенности или множественности личности человека. Это касается не столько шизофрении, сколько дисгармонии возрастного развития, когда тело и душа "живут" в разных временных режимах, порой трудно соотносимых друг с другом. Временное рассогласование соотносимых уровней психической и физиологической активности нередко приводит к тому, что человек использует искусственные средства для снятия возникшей проблемы. Сюда можно отнести опыты и феномены трансперсональной пси-

хологии, когда посредством той или иной техники (холотропное дыхание, ритмические танцы, молитвы, песнопения и др.) в человеке активизируется соответствующий уровень психической активности, изменяется состояние собственной психики, а значит, и сознания. Но это требует отдельного разговора, мы же можем отослать к трудам С. Грофа [113] и В.В. Налимова [268].

7.5. Эмоция как функциональный орган регуляции

То, что эмоции (аффективная сфера) участвуют в регуляции (внешней и внутренней) человеком своего поведения, жизни, практически ни у кого из психологов не вызывает сомнений [4, 78, 79, 153, 212, 327, 477, 85, 350, 454 и др.]. Различия начинаются в акцентах и преобладающих функциях эмоций. В психологической литературе по этому вопросу накоплен богатый эмпирический материал (Я. Рейковский, 1979; К. Изард, 1980; В.К. Вилюнас, 1976; Л.М. Веккер, 1981 и др.). Нас же в данной работе интересует больше системно-структурное строение аффективной сферы, а значит, включенность эмоций в регуляцию и системно-структурное строение этой регуляции. На вопрос, как включены эмоции в регуляцию, существует несколько принципиально разных ответов.

■ Эмоции оказывают влияние на протекание практически всех процессов регуляции. Они оказывают: 1. Организирующее влияние на процессы регуляции; 2. Избирательное влияние на процессы регуляции, способствуя или затрудняя их возникновение; 3. Тонизирующее влияние на все психические процессы, изменяя условия их протекания [316; 132]. Все вышесказанное относится и к регуляции деятельности (А.Н. Леонтьев, 1971; С.Л. Рубинштейн, 1989; К. Изард, 1980; Л.М. Веккер, 1981; А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, 1986). В этом случае эмоции как бы растворяются в процессе регуляции и выполняют при этом регулятивную функцию.

■ Существует и другая точка зрения на соотношение эмоций и регуляции. Она заключается в том, что эмоции – это особый психологический механизм регуляции поведения⁹⁸, состояний (например, эмоциональной устойчивости), согласованности внешнего и внутреннего миров (Ф.Е. Василюк, 1984; Л.М. Аболин, 1987; А.О. Прохоров, 1996). Так, в психоэволюционной теории Р. Плутчика [510], в которой утверждается, что эмоции представляют собой фундаментальный адаптивный механизм, связанный как с индивидуальным, так и с родовым выживанием, эмоции рассматри-

⁹⁸ Мы в данной работе совсем не рассматриваем физиологические механизмы эмоций, для этого лучше обратиться к книге К. Изарда "Эмоции человека [53].

ваются как адаптация к значимым событиям в окружающей среде, являются средством достижения целей, средством общения и выживания. К. Изард в своей теории дифференциальных эмоций выдвигает положение о том, что эмоции образуют основную регулятивную систему человека. "Теория дифференциальных эмоций предполагает, что аффекты, в частности, эмоции, являются основными организующими и контролирующими силами в сознании, самосознании и в Я-концепции" [153; 134]. Дж. Вайнрих [518], очерчивая основные положения социобиологической теории эмоций, указывает, что с социобиологической точки зрения эмоции – это механизмы мотивации или фасилитации поведения. Эмоция определяется им как результат сознательного и бессознательного принятия решения, она указывает, что именно для человека адаптивно по отношению к некоторому внешнему событию. Это – внутренний регулятивный механизм, который создает возможность гибкой регуляции своего поведения с целью повышения адаптации.

Названные выше подходы в понимании соотношения между эмоциями и регуляцией не противоречат друг другу, а скорее наоборот – дополняют. Второй подход связан с выявлением целостной специфики психологических механизмов эмоций в регуляции поведения и состояний человека. Поэтому он нам кажется более перспективным в исследовании аффективной сферы. Мы также рассматриваем эмоции как психологический механизм, который, в зависимости от стоящих перед человеком задач, может принимать различную внешне-внутреннюю оформленность. Лучше всего этот психологический механизм представить как функциональный орган⁹⁹, который выполняет регулятивную функцию в соответствии с решаемой задачей. Что из этого следует?

1. Все эмоциональные явления, состояния, реакции, процессы следует рассматривать как некую целостность, определенным образом организованную и направленную. В этом плане на феноменальном уровне выделяются базовые эмоции, те или иные переживания как определенным образом организованные целостности. Но когда вопрос доходит до структуры отдельных эмоций, то она не выделяется, а только описывается.

2. Необходимо выделить базовые составляющие этого эмоционального функционального органа. Что же касается выделения основных составляющих эмоций и эмоциональных процессов, то, например, Я. Рейковский отмечает три основных компонента. *Первый* – это компонент эмоционального возбуждения, определяющий мобилизационные сдвиги в организме.

⁹⁹ Смотри о психологическом механизме и функциональном органе в главе 5.

Второй компонент эмоций связан с тем, какое значение эмоциогенное событие имеет для субъекта – позитивное или негативное. Третий связан со специфическими качественными особенностями события, имеющего значение для субъекта, и, соответственно, может быть охарактеризован как содержание (или качество) эмоции [316; 39]. В этом отношении очень важно то, как рассматривать эмоции? В рамках чего? Как функциональный орган или как реакцию?

3. Аффективная сфера человека есть определенным образом организованная система эмоциональных функциональных органов, которые самым тесным образом связаны с психологическими образованиями человека. Подтверждением тому является суммация эмоций, о которой впервые заговорил В. Вундт [88]. Это касается динамики эмоций, когда отдельные эмоции соединяются между собой, сливаются, образуя более сложные эмоциональные образования. В дальнейшем об этом же писал и раскрывал содержательно К. Изард [153]. Практически все базовые эмоции человека каким-то образом взаимосвязаны между собой, с другими эмоциями и переживаниями.

Таким образом, мы рассматриваем эмоции как психологический механизм регуляции, т.е. функциональный орган, в различной степени развернутый в проявлении своих основных компонентов. Степень развернутости-свернутости эмоционального функционального органа (ЭФО) зависит от решаемых человеком задач, экстремальности. Но что включает в себя ЭФО? Для нас основой выделения основных компонентов ЭФО является психологическая структура человека (см. рис. 5), которая проявляется и на другом рисунке (см. рис. 12), где изображено положение эмоций или аффективной сферы во взаимосвязи с другими видами активности и ценностно-смысловой сферой человека. Тогда структура эмоционального функционального органа (ЭФО) будет включать в себя: 1) тот или иной компонент (образование) ценностно-смысловой сферы человека; 2) когнитивную и конативную (органические процессы, поведение) активность как сопутствующую эмоциональной; 3) рефлексивную в её различных видах и формах. Степень проявления каждого из компонентов ЭФО зависит от конкретных условий и решаемых человеком задач. Однако, независимо от этого, все эмоции как ЭФО обязательно включают в себя все вышеназванные компоненты.

Эмоциональные функциональные органы, конечно же, различаются между собой, их можно классифицировать в зависимости от того, какой эмоциональный процесс в них преобладает. Так, ЭФО, направленный на изменение значимости внутреннего мира человека, воздействует не только

на ценностно-смысловые образования, но и на органические процессы. Особенно это характерно для отрицательных эмоций, роль которых особенно выражается в вегетативных сдвигах организма [79; 129]. И ЭФО, направленный на изменение себя в мире, не только действует в данный момент как возбуждение и готовность к борьбе, но и направлен на изменение себя для будущего. Здесь ярко проявляются эмоциональный механизм предвосхищения (А.В. Запорожец и Я.З. Неверович, 1976, 1986). Если в ЭФО, направленном на изменение внутреннего мира, акцент сделан на изменении ценностно-смысловой сферы как определяющего компонента этого эмоционального процесса, то в ЭФО, направленном на изменение себя в мире, главное – это рефлексивный компонент.

Что следует из данного подхода к эмоциональным процессам как ЭФО? Не только то, что эмоции целостны, структурированы, определенным образом организованы и являются формой регуляции человеком внешнего и внутреннего миров. Но, рассматривая эмоции как ЭФО, мы имеем возможность целостного и системного анализа аффективной сферы человека, в его регуляции взаимодействия с окружающим миром. В этом плане нам известна одна попытка системно-структурной классификации эмоций¹⁰⁰, которая по Л.М. Веккеру, основывается на двухкомпонентности, двусмысленности и обобщенности эмоций [79; 148]. Однако данный подход к пониманию эмоций не может быть развернут в полную силу, т.к. существует два рода ограничений. *Первое* из них состоит в том, что в характеристиках эмоций фактически не учитывается иерархическая структура субъектного компонента эмоций. Между тем, целостная эмоция, имеющая одно и то же предметное содержание, т.е. относящаяся к одному и тому же объекту, на разных уровнях иерархии ее субъектного компонента может иметь различные вариации субъектно-объектной направленности. *Второе* – характеристики эмоций получены не только без учета иерархической структуры их субъектного компонента, но и без учета внутренней структуры последнего на каждом из уровней этой иерархии. Именно поэтому они и носят лишь самый универсальный, общий или, точнее, общепсихологический характер [79; 148 – 149].

Л.М.Веккер подразделяет эмоциональные процессы на классы и уровни по их качественным и структурным особенностям, тогда из двухкомпо-

¹⁰⁰ На самом деле существует множество эмпирических классификаций эмоций [438; 19 - 22], а также теоретико-эмпирических у П.В. Симонова [342], Р. Плутчика [510], М. Арнольда [480], Б.И. Додонова [128], В.К. Виллонаса [85], Ф.Е. Василюка [78].

нентности эмоционального гештальта автоматически следует два качественных критерия классификации уровней эмоций. *Первый* из них связан с формами организации и уровнями обобщенности когнитивно-предметного компонента эмоционального гештальта, а *второй* – с формами и уровнями организации его субъектного компонента. Отметим лишь самые главные уровни, выделенный Л.М. Веккером, иерархической классификации эмоций. В основании её лежит чувственный тон ощущений различных модальностей. Далее идет несколько более высокий уровень эмоциональных процессов, воплощенных в чувственном тоне перцептивных образов. Сюда, по-видимому, относятся простейшие формы эстетических переживаний, более сложные формы которых, несомненно, принадлежат более высоким уровням организации эмоционального гештальта. После этого идут так называемые интеллектуальные эмоции, а на высшем уровне этой иерархии, построенной по критерию степеней обобщенности, располагаются нравственные чувства и переживания. Они в свою очередь, могут быть классифицированы по отражению объективной иерархии социальных ценностей.

Этой классификации противостоит другая, построенная по критерию особенностей и уровней организации субъектного компонента эмоционального гештальта. В её основании лежит простейший уровень эмоций, связанный с удовлетворением потребностей телесно-соматического носителя. Над этим исходным уровнем иерархии располагаются промежуточные уровни и формы, полный перечень которых на данном этапе представлен быть не может. Пожалуй, к нему могут быть отнесены интеллектуальные эмоции и переживания. На самом же высшем уровне иерархии эмоций, построенных по критерию организованности их субъектного компонента, располагаются нравственные переживания и чувства.

Сопоставляя обе вышеприведенные классификации, Л.М. Веккер приходит к заключению, что каждая из них, отвечая только одному компоненту эмоционального гештальта, сама по себе недостаточна для охвата всей полноты структуры иерархической системы человеческих эмоций. Она должна учитывать и некое общее основание, на основе которого будет возможно соотнести уровни той и другой классификации [79; 152]. А вот что это за основание, Веккер не указывает, но можно догадаться, исходя из общей идеи его работ – это регуляция.

Таким образом, опираясь на сказанное выше о критериях создания уровневой классификации эмоций и учитывая трудности в определении взаимосвязи между субъектной и объектной компонентой эмоционального гештальта, предложим разработанную нами структуру иерархической сис-

темы человеческих эмоций. При этом мы основываемся на главном теоретическом положении, а именно *целостной единицей функционирования (и психологического анализа) аффективной сферы является о-граниченная значимость (двухкомпонентность эмоционального гештальта по Л.М. Веккеру), которая наполняется конкретным эмоциональным содержанием в процессе регуляции человеком его взаимодействия в мире*. Из этого следует: во-первых, основная функция аффективной сферы направлена на регуляцию человеком его жизни в социо-культурной среде. А это значит, что аффективные процессы включены в структуру и систему регуляции¹⁰¹, где в качестве подсистем, образующих структуру регуляции, выступают: ценностно-смысловая подсистема, подсистема активности и рефлексивная подсистема. А уровнями – операционный, тактический и стратегический. Таким образом, выполняя регулятивную функцию или включаясь в регуляцию, аффективная сфера посредством общих психологических механизмов – дифференциации и интеграции – начинает образовывать внутри себя или начинают формироваться конкретные эмоциональные функциональные органы или, говоря по иному, целостные аффективные образования. Процессы дифференциации и интеграции идут на разных уровнях всех подсистем регуляции. Данный момент подчеркивает то, что развитие аффективной сферы человека идет в сложном взаимодействии с развитием ценностно-смысловой сферы и рефлексивной, а также когнитивной и конативной. А так как регуляция по глубокой сути своей есть количественно-качественное о-граничение, в данном случае аффективной активности человека, то в этом процессе идет формирование конкретных эмоций, чувств и переживаний как ЭФО регуляции. Наглядно это можно изобразить на рисунке.

¹⁰¹ Подробнее смотри параграф "Система и структура регуляции" в данной работе.

Рисунок 14. Развитие аффективной сферы в системе взаимодействия с другими психологическими образованиями

Другими словами, человек, взаимодействуя в мире, проявляется сам в мире, т.е. его сущность и мир в человеке через отражение и взаимодействие. Между двумя этими процессами могут быть противоречия, но они каким-то образом разрешаются в ЭФО. Однако эта динамика реализуется с учетом психологической структуры человека как регуляции. Так, преобладание в ЭФО ценностей, при опережающем отражении действительности в отношении всей жизни человека, воплощается в чувствах. Если в ЭФО доминируют смыслы, сохранение и переработка знаний о своей жизни, анализ поведения, то ЭФО проявляет себя в виде переживаний. Когда же на первое место выходят мотивы и потребности человека, непосредственное отражение действительности и реальные поступки, то все это воплощается в эмоциональные реакции. Все вышесказанное можно отобразить в таблице.

Таблица 5

**Системно-структурное представление
подсистем регуляции человека**

Подсистемы психологической структуры человека				
Ценностно-смысловая	ВИДЫ АКТИВНОСТИ			Рефлексивная
	Когнитивная	Конативная	Аффективная	
Ценности	Опережающее отражение	Жизнь	Чувства	Метарефлексия
Смыслы	Сохранение и переработка	Поведение	Переживания	Системная рефлексия
Мотивы	Непосредственное отражение	Поступки	Эмоциональные реакции	Предметная рефлексия

В таблице, конечно же, выделены преобладающие уровни и соответствующие им доминирующие проявления разнообразных видов и форм ценностно-смысловой подсистемы, подсистем активности и рефлексии. А это совсем не значит, что между уровнями регуляции, где разворачивает свое содержание психологическая структура человека, не может быть взаимодействия. Более того, оно всегда есть, без него невозможна целостность человека. Однако как это взаимодействие разрешается в жизни конкретного человека, сказать трудно. По крайней мере, при доминировании одного из уровней остальные тоже как-то включаются в ЭФО, поэтому базовые (фундаментальные) эмоции взаимосвязаны не только между собой, но и с другими эмоциональными феноменами. В этом проявляется эффект суммации эмоций и их неповторимости даже у конкретного человека.

Подводя общий итог сказанному, отметим, что при попытке системно-структурного анализа аффективной сферы мы больше поставили проблем, чем их решили. Они касаются как общего подхода к регуляции человеком взаимодействия в мире, так и его реализации, анализ которого привел нас к пониманию ЭФО как целостного психологического механизма эмоциональной регуляции. В данном психологическом механизме проявляются две направленности (на изменение себя в мире и мира в себе) и два общих механизма (дифференциации и интеграции). В своей совокупности направленность и общие механизмы определяют знаковую модальность (положительную и отрицательную) эмоций. Хронотопическая или временная и пространственная характеристики ЭФО также ставят ряд интересных проблем в понимании сновидений, жизни и путешествия во времени, полиментальность человека. Все это, так или иначе, есть динамика внутреннего мира человека, его строение и функционирование, одной из характеристик которого является ритм. Значение же его трудно переоценить при анализе как жизни человека в целом, так и при анализе конкретного поступка.

Глава 8. Рефлексия в жизни человека

8.1. Проблемы понимания рефлексии в философии

В самом общем смысле, особенно если следовать Г. Гегелю, *рефлексия* – это направленность человеческого духа (души) на самого себя. Имеются различные термины для обозначения содержания этого понятия и различные традиции обращения с ним. Мы можем обнаружить рассуждения о самопознании у Платона и Аристотеля [300, 297, 298, 27, 28, 237, 299], но для них "рефлексивная" традиция начиналась, по крайней мере, с Сократа, когда он в своих диалогах с оппонентами обращает внимание на слова, высказывания, логику рассуждений, что, собственно говоря, и есть внешняя рефлексия сказанного, из которой, конечно же, Сократ делает свои выводы.

Понятие "рефлексия" в современном смысле было впервые употреблено Джоном Локком [269]. Он был одним из первых, кто выделил рефлексию как особый объект познания. Основополагающей в его теории познания была мысль о происхождении всего человеческого знания из индивидуального опыта, который составляется из идей. Под "идеями" философ понимал прежде всего отдельное ощущение, но также и восприятие объекта, его чувственное представление, в том числе образное воспоминание или фантазию, а кроме того, понятие объекта. Среди "идей" указаны и акты – интеллектуальные, эмоциональные и волевые. Включив в разряд "идей" различные процессы и функции человеческой психики, Локк тем самым создал предпосылку для выделения этой группы "идей" в особую рубрику. Идеи внутреннего опыта составляют у Локка область так называемой рефлексии. Этим термином философ обозначает: "... то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы её проявления ..." [231; 155]. Но это также предметы и результаты такого наблюдения, а именно идеи: "ощущение", "созерцание", "мышление", "акт созерцания", "акт мысли" и т.д. В результате состав опыта разделяется на две рубрики: опыт внешний и внутренний (рефлексия). Такое разделение встречается и у Аристотеля, когда он говорит о высшем и низшем уме, но, разумеется, в ином контексте [27]. Рефлексия у Локка может существовать только на основе чувственного, и если последнее отсутствует, то исчезают и те психические процессы, которые являются непосредственным предметом рефлексии. Чувственное восприятие окружающих нас и действующих на нас вещей "... с одной стороны, восприятие есть первая способность ума, применяемая к нашим идеям, так, с другой – она есть первая и простейшая идея, которую мы получаем от рефлексии, и некоторые называют её мышлением вообще"

[231; 192]. Понятие "рефлексия" было важным приобретением философии, т.к. без него, строго говоря, человеческое познание невозможно. Оно указывало на существование в познании метауровня, обосновывало правомерность самонаблюдения и интроспекционистской эмпирической психологии (прогрессивной для того времени) [269; 31 – 32]. Здесь содержится интересная мысль Локка о том, что рефлексия – это механизм, посредством которого человек исследует свою познавательную деятельность. Конечно, в понимании рефлексии содержится и метафизичность подхода к рефлексии, суть которой в ограничении её только комбинирующими операциями внутреннего опыта.

Дальнейшие исследования рефлексии продолжились в немецкой классической философии, в центре внимания которой была проблема активности субъекта, попытки понять и объяснить механизмы, лежащие в основе его преобразующей силы. Основанием для критики в адрес представлений Локка о рефлексии было его мнение о том, что рефлектирующая активность, помимо внешнего опыта, способна породить в головах людей такие фундаментальные идеи, как "существование", "время", "пространство" и др. Одним из первых критиков был Г.В.Лейбниц [207]. Так, Г.Лейбниц, по сути соглашаясь с определением рефлексии у Дж. Локка "Но рефлексия есть не что иное, как внимание, направленное на то, что заключается в нас..." [207; 51], все же идет дальше, особенно это касается рассуждений о *tabula rasa*. Неоднократно подчеркивал Лейбниц мысль о существовании психического бессознательного в виде бесконечно малых перцепций. Данная мысль представляет собой не только зародыш кантовской концепции нечувственной чувствительности, но и идею изучения особого горизонта психики, в котором происходят вполне содержательные психические процессы. Итак, психика человека с самого начала своего формирования – это вовсе не однородно-бессодержательная и равнодушно оцепенелая *tabula rasa* а: "... полотно, представляющее наш мозг, должно быть активным и эластичным" [207; 144].

И. Кант, пожалуй, одним из первых вступил на путь продумывания сущности рефлексии в трансцендентальном, т.е. онтологическом смысле [396; 184]. Он это делает в форме неприметного попутного замечания в "Критике чистого разума" под рубрикой "Об амфиболии рефлексивных понятий, происходящих от смешения эмпирического применения рассудка с трансцендентным" [168]. Отрывок этот включен, по-видимому, уже после завершения "Критики чистого разума", но полон существенных прозрений и размежевания с Г.Лейбницем. Рассмотренное в плане собственной мысли Канта, это "Приложение" содержит ретроспективное осмысление

проделанных мыслью шагов и пройденного при этом измерения. Ретроспективное осмысление само есть новый шаг – предельный, рефлексивный, который совершил Кант. Что же касается самой рефлексии, то Кант, в вышеназванном "Приложении" дает ей два подряд следующих определения, как бы выделяя и два уровня осмысления. "Рефлексия (*reflexio*) не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души, в которых мы приспособляемся к тому, чтобы найти субъективные условия, при которых мы можем образовать понятия" и далее: "Рефлексия есть сознание отношения данных представлений к различным нашим способностям познания, и только при её помощи отношение их друг к другу может быть правильно определено" [168; 261]. В этом проявляется не только уточнение понятия "рефлексия", но и неявно обозначены два подхода в раскрытии её природы. А значит, необходимо определиться в познавательных способностях, мышлении. Оно, по крайней мере, должно отличаться чем-то от обычного понимания мышления. Этот отличительный способ мышления приводит Канта к тому, что для рассудка устанавливаются границы, и применение рассудка сводится до рамок опыта. Кант говорит, что уточнение рефлексивных понятий "... приносит большую пользу в деле надежного определения границ рассудка" [168; 274].

В понимании бытия как полагания уже заложено решение о том, что полагание и установленность предмета познаются из различных отношений к познавательной способности, т.е. в обратной отнесенности к ней, в "обратном склонении", в рефлексии. И когда различные рефлексивные отношения как таковые специально вводятся в поле зрения и тем самым сравниваются друг с другом, то становится очевидным, что истолкование их должно проходить в соответствии с определенными ориентирами. Однако, что это за ориентиры? И где их искать? Поиск ориентиров уже не устремляется прямо к опыту, он отклоняется к опытно-постигающему субъекту, становится рефлексией. Это отход от опыта и погружение в субъективную сферу субъекта. Рефлексия в данном случае направлена на состояния и процессы деятельности субъекта, благодаря которым вообще возникает возможность определить бытие сущего. Здесь Кант выходит на трансцендентальную рефлексию. "Акт, посредством которого я сопоставляю сравнение представлений вообще с познавательной способностью, производящей его, и посредством которого я различаю, сравниваю ли представления друг с другом, как принадлежащие к чистому рассудку или к чувственно наглядному представлению, я называю трансцендентальной рефлексией" [168; 261 – 262]. Предельное определение бытия как полага-

ния достигается для Канта в рефлексии о рефлексии, а стало быть, в некотором отличительном способе мышления. В связи с тем, что есть рефлексия и рефлексия о рефлексии, И.Кант вводит два вида рефлексии: логическую и трансцендентальную [168; 262]. В этом отношении: "... логическая рефлексия есть простое сравнение, так как она совершенно отвлекается от способности познания, служащей источником данных представлений, и оценивает их, следовательно, по их положению в душе как однородные, между тем как трансцендентальная рефлексия (относящаяся к самим предметам) содержит в себе основание возможности объективного сравнения представлений друг с другом" [168; 261 – 263]. По мнению И. Канта, между логической и трансцендентной рефлексиями есть глубокое различие. В чем оно заключается? Проблема здесь и в том, как соотносятся бытие и мышление?

Решение данной проблемы возможно в различении "внешнего" и "внутреннего". Внутреннее означает внутренние определения вещи, исходящие от рассудка, в отличие от внешнего, т.е. от тех определений, которые обнаруживаются при созерцании пространства и времени в качестве внешних взаимоотношений вещей как явлений. Различие этих понятий рефлексии и сами они раскрываются перед трансцендентальной рефлексией [396; 377]. Но как? Кант в качестве основания всякой рефлексии кладет понятия "материя и форма". "Эти два понятия лежат в основе всякой другой рефлексии" [168; 264]. Перечисление понятий рефлексии (материя и форма, тождество и различие, внутреннее и внешнее, гармония и противоборство) дает намек на то, что материя и форма позволят различить определение и определяемое, логическую и трансцендентальную рефлексии, которые разыгрываются в структуре человеческой субъектности как месте происхождения его сущности. Отсюда доступ к субъектности дает рефлексия. Поскольку рефлексия как трансцендентальная направлена не прямо на объекты, а на отношение объектности объекта к субъектности субъекта, тем самым тема рефлексии в качестве такого отношения уже есть со своей стороны некоторое обратное отношение к мыслящему Я, постольку рефлексия, посредством которой Кант проясняет и уточняет бытие как полагание, оказывается рефлексией о рефлексии, мышлением мышления, отнесенным к чувственному восприятию. Характеристика мышления как рефлексия рефлексии дает нам один, правда, лишь приблизительный, чтобы не сказать обманчивый, намек. Мышление входит в игру двояким образом: сначала как рефлексия, потом как рефлексия рефлексии. Только что это все значит?

Данную особенность мышления можно истолковать как то, что мышление задает в качестве простого полагания горизонт, на котором можно за-

метить такие вещи как положенность, предметность. В данном случае мышление функционирует как задание горизонта вещам и внешнему миру, где идет истолкование бытия с его модальностями как полагания. Мышление как рефлексия рефлексии, напротив, подразумевает прием, которым пользуются, словно инструментом и орудием, через который истолковывается увиденное в горизонте полагания бытия. Таким образом, мышление как рефлексия означает горизонт, а мышление как рефлексия рефлексии означает орудие истолкования бытия сущего [396; 378 – 379].

Как мы могли убедиться, в рассуждении И.Канта об "О амфиболии рефлексивных понятий" содержатся глубокие мысли, касающиеся существа рефлексии. Оно, это существо, полагаясь в структуре "материя – форма", проявляется в двух видах: логической рефлексии и трансцендентальной рефлексии. Здесь скрыт намек на диалектику формы и содержания, который мы в дальнейшем попытаемся раскрыть.

Рефлексией занимался также другой крупный представитель немецкой философии, им был И.Г. Фихте. Так, он писал: "Рефлексия должна поднять знание над этой определенной связностью, имеющей место во внешнем восприятии. Оно было бы связано в построении, следовательно, оно должно быть свободным и безразличным именно по отношению к этому построению" [385; 9]. В словах Фихте лежит следующая идея. Любое наше представление, понятие всегда строится (именно активно строится), и способ построения во многом обуславливается наличными, всегда конкретными обстоятельствами. Эту идею достаточно интересно комментирует Н.Г. Алексеев. Так он пишет, что способ повторения, будучи раз проделан, имеет тенденцию воспроизводиться, повторяется при обстоятельствах, которые по тем или иным причинам кажутся нам сходными. Отсюда и связность человека уже совершенным способом построения, механическое следование уже имеющемуся знанию. Развязаться означает, следовательно, встать над этим знанием, т.е. сделать его объектом собственного рассмотрения, сравнить его с другими знаниями, выделить его границы и, таким образом, осуществить рефлексию знания. Осознавая свои действия и их основания, мы, действительно, рассматривая их как объекты особого рода, становимся по отношению к ним свободны, можем изменить, заменить, усовершенствовать. В этом и заключается основная роль рефлексии [14; 138].

Проблема рефлексии в трудах Г. Гегеля не получила полного и адекватного освещения [396, 17, 210 и др.]. В первую очередь это связано с идеалистической мистификацией проблемы рефлексии [210; 287]. Но не последнюю роль здесь играет и сложность самой проблемы, до сих пор не востребованной в полной мере научным сообществом. Вероятно, поэтому

познавательный аспект рефлексии исследован лучше, чем *взаимосвязь рефлексии с сущностью*. Для целей нашей работы самое главное – это попытаться целостно подойти к пониманию рефлексии.

Слово "рефлексия" Гегель употребляет в различных значениях, притом так, что одно значение незаметно переходит у него в другое или даже совмещается с другим. Латинское слово *reflexio* означает "загибание назад", "отклонение назад", "отражение", "смотреть назад". В европейских языках это слово, наряду со значением отражения, обрело еще значение размышления, обдумывания, рассуждения, соображения. У Гегеля рефлексия берется то в субъективном, то в объективном значении. Однако более подробно мы об этом скажем ниже.

Пытаясь пополнить онтологический анализ рефлексии, мы начнем разговор с понимания взаимосвязи рефлексии с сущностью. Данная взаимосвязь глубинна, т.к. касается сущности как таковой. Прежде всего "Рефлексия есть *видимость сущности внутри себя*" [99; 445]. Но видимость – это сущности видимость и в то же время это рефлексия. Однако эта рефлексия есть непосредственная для видимости, т.к. в себе она отчуждена от своей непосредственности, т.е. сущности [99; 434]. Здесь рефлексия непосредственно иная сущности. Сущность – это движение через различные моменты, бесконечное возвращение в себя. В этом процессе движения сущность, во-первых, простое соотношение с собой, т.е. *тождество*. А во-вторых, подлинное определение – это *различие*. В-третьих, как противоречие противоположности рефлектируется в самое себя и возвращается в свое основание [99; 446]. Вот поэтому "сущность как таковая едина со своей рефлексией и неотличима от самого движения рефлексии" [99; 493].

Данный момент в понимании рефлексии существенно важен, т.к. подчеркивает глубинную суть рефлексии как обязательного атрибута сущности. В чем же проявляется эта необходимость и обязательность? В раскрытии диалектической природы сущности, в её развитии, изменении и проявлении в мире. Г. Гегель не просто неоднократно подчеркивает, что рефлексия есть движение [99; 435, 436, 437, 489], но "Рефлексия, стало быть, – это движение, которое, будучи возвращением, лишь в этом возвращении есть то, что начинается, или то, что возвращается" [99; 436]. Рефлексия как возвратное движение есть отрицание самой себя, снятие своего иного и самоотталкивание. "Рефлексивное движение, стало быть, следует, согласно сказанному, понимать как *абсолютное самоотталкивание* (*Gegenstoss*) внутри самого себя. Ибо предположение возврата в себя – то, из чего *происходит* сущность и что дано лишь как это возвращение, имеется лишь в самом возвращении" [99; 437]. Что из этого следует? Не только то, что

рефлексия сама по себе диалектична, изменяется и развивается. Но и то, что рефлексия в своем развитии выходит за пределы, раздвигает границы проявления сущности и, в конце концов, изменяет её. Тогда в чем природа рефлексии? В различии и тождестве. "Различие есть целое и его собственный момент, так же, как тождество есть целое и свой момент. Это следует рассматривать как существенную природу рефлексии и как *определенную первопричину всякой деятельности и самодвижения*. Различие, равно как и тождество, становятся *моментами* или *положенностью*, потому что, будучи рефлексией, они – отрицательное соотношение с самими собой" [99; 456].

Различие и тождество – это и есть как самоотталкивающаяся внутри себя рефлексия, так и слияние её с собой. При анализе тождества и различия оказывается, что оба, тождество и различие, суть рефлексии, но различные между собой и имеющие нечто общее. Так, каждое из них есть единство самого себя и иного; каждое из них есть целое. Данный аспект в анализе рефлексии имеет для психологии особое значение, т.к. не только намечает движение к пониманию целого, не совсем так, как гештальтпсихология, но и обозначает два истока в развитии психологических механизмов. Этот момент нами уже предварительно рассмотрен при анализе значимости как сущности человека.

Если рефлексия – это процесс, движение, то в чем он снимается? В чем рефлексия находит последнее пристанище? Для Гегеля – это форма. *С одной стороны*, различие сущности и формы есть и их единство, т.е. диалектика, в которой рефлексия есть процесс и движение. *С другой* – "... форма есть завершенное целое рефлексии" [99; 494]. В форме рефлексия снимается и определяется так: "... форма в самой себе есть возвращающаяся в себя рефлексия или тождественная сущность" [99; 495]. Здесь достаточно ярко проявляет себя определение рефлексии как её о-граниченности и о-формленности. На это мы ещё обратим внимание в дальнейшем.

Подход Г. Гегеля к рефлексии не сводится только к её соотношению с сущностью, т.е. к онтологическому плану. Кроме этого, в гносеологическом аспекте она направлена и на исследование зависимости законов познания объекта от его же собственных свойств. Сущность рефлексии, по Гегелю, состоит в познании самого объективного духа. Последнее же осуществляется в процессе диалектического развития знания. Это развитие и есть обоснование знания, его рефлексирование и углубление в себя. Развитие познания объясняется в рамках гегелевской философии в конечном счете самопознанием Абсолюта. Чисто непосредственного знания – понимается ли под ним эмпирическое знание или интеллектуальная интуиция –

не существует, подчеркивает Гегель. Непосредственная достоверность, поскольку она лишь непосредственна, не есть знание. Последнее предполагает опосредование. "Рефлексия – это *чистое опосредование* вообще" [99; 489]. Гегель сводит в конечном счете сущность всякого познания к рефлексии [210; 290].

Таким образом, рефлексия в философских работах предстает перед нами с различных сторон.

Во-первых, рефлексия рассматривается в двух важнейших аспектах: онтологическом и гносеологическом. Это принципиально важно, т.к. все же существующая традиция больше делает акцент на гносеологических основаниях рефлексии, мы же думаем, что онтологические корни рефлексии не только не менее важны, но, пожалуй, именно они задают сущностную характеристику рефлексии. Кроме этого, выделяя онтологический план рефлексии, мы подходим к новому пониманию диалектики развития человека, генезису его сознания и самосознания, да пожалуй, и к проблеме бессознательного тоже. Эта проблема ещё ждет своего исследователя, но то, что обозначил в своих работах Г. Гегель, достойно внимательного изучения.

Во-вторых, в работах философов выделены различные виды рефлексии: логическая и трансцендентальная, внешняя и внутренняя, абсолютная, абстрактная, бессознательная, определяющая, отрицательная и другие. Вопрос, конечно, не в том, сколько видов рефлексии выделено, а в том, есть ли между ними какой-либо порядок. С одной стороны, четко просматривается иерархия рефлексий – логическая и трансцендентальная, внешняя и внутренняя, рефлексия и рефлексия рефлексии. Что же касается диалектической взаимосвязи различных видов рефлексий, то эта проблема только встает на повестку дня.

В-третьих, рефлексия диалектична не только потому, что она есть процесс и движение, в которых снимается тождество и различие моментов рефлексии. Самое главное – это то, что диалектическая природа рефлексии, как тождество и различие сущности и формы, завершается в оформленности чего-то. Другими словами, диалектика о-граниченной значимости находит свое разрешение во внешнем и внутреннем о-граничивании.

В-четвертых, более оправданно говорить о рефлексии как о механизме, посредством которого не только что-то познается, но и происходят изменения как в субъекте, так и в объекте. Данный момент достаточно важен с психологической стороны, т.к. на основе тождества и различия позволяет выделить два вида рефлексивных механизмов, которые в философской и психологической литературе прописаны ещё не достаточно полно.

8.2. Понимание рефлексии в психологии

8.2.1. Подходы к рефлексии в зарубежной психологии

Для психологии понятие рефлексии так же, как и для философии, далеко не ново. Оно встречается уже в первых психологических исследованиях мышления, и, в частности, в теоретических и экспериментальных работах интроспекционистов. Однако их отношение к рефлексии не только не однозначно, но порой и противоречиво. Рассматривая вслед за общей философской традицией рефлексию в гносеологическом аспекте, представители интроспективной психологии старались отделить от неё собственно психологическое содержание. С этой точки зрения рефлексия рассматривалась не как особая активность сознания человека, а скорее как методическое (инструмент исследования) и методологическое (категория сознания) достояние психологии. Эти две тенденции в работах интроспективных психологов сказались и на понимании рефлексии. Рефлексия трактовалась, например, как интеллектуальная деятельность обобщения, которая, по мнению интроспекционистов, навязывается сознанию культурой рассуждения, чем выражает существенные свойства и механизмы самого сознания [337].

Другая трактовка рефлексии восходит к понятию апперцепции (В. Вундт) и внимания (В. Джеймс), которые отражают реальность активности индивидуального сознания по отношению к представленным в нем феноменологическим данностям. Согласно такой точке зрения, рефлексия могла преобразовывать лишь отдельные элементы сознания или его внутренние процессы, но никоим образом не само сознание в целом. Так, Э.Б. Титченер, обобщив в своем "Учебнике психологии" представления о сознании Джона Локка, противопоставляет им свое понимание сознания. "Говорить о сознании как о самовосприятии души не только нет никакой необходимости, но это даже вводит в заблуждение ... – заявляет Э.Б. Титченер, – так как благодаря ему мы приписываем душе личный характер вместо того, чтобы смотреть на нее как на поток процессов. Мы будем считать сознание равнозначным душе" [366; 15 – 16]. Следовательно, интроспекционизм полностью размежевался с возможностью личностной трактовки рефлексии. Но это только на словах, на деле же для того, чтобы объяснить переживание процессов внимания, Э.Б. Титченер все же вынужден ввести два уровня сознания: "Уже поверхностный анализ ... привел нас к заключению, что душевный процесс внимания всегда распределен по двойной схеме – по схеме ясного и темного, фокуса и границы сознания" [366; 233]. Таким образом, первые психологические работы, касающиеся рефлексии, осуществлялись в рамках сознания и самосознания.

Пожалуй, одними из первых психологов, кто обратил внимание и взялся за экспериментальное исследование рефлексии, были Э. Шпрангер (1924) и А. Буземан¹⁰² (1925, 1926). Изучение подросткового возраста привело их к пониманию "рефлексии". Для Э. Шпрангера рефлексия – это перенесение внимания, т.е. мышления на самого себя (см. по [94; 228]). Данная традиция в общем, понимании рефлексии сохраняется и для А. Буземана, но только он еще добавляет к этому эмоциональный момент: так, рефлексия это "... всякое перенесение переживания с внешнего мира на самого себя" (цит. по [94; 228]). Здесь не только намек на онтологическое значение рефлексии, но и её качественное изменение в фило- и онтогенезе человека. В той или иной степени это исследование Буземана устанавливает, по мнению Л.С. Выготского, три существенных момента, характеризующих рефлексии в подростковом возрасте.

Первый момент: рефлексия и основанное на ней самосознание подростка представлены в развитии. Самосознание берется не только как феномен в жизни сознания, но и как более широкий биологически и социально обусловленный момент. А. Буземан с полным основанием говорит, что корни рефлексии надо искать очень глубоко в животном мире и что её биологические основы имеются везде там, где есть отражение не только внешнего мира, но и самоотражение организма с самим собой.

Второй момент, который облегчает нам реальный подход к этому процессу, – обнаружение Буземаном связи между развитием самосознания и социальным развитием подростка. Сам по себе устанавливаемый Буземаном факт тесной связи социального положения подростка и развития его самосознания кажется нам совершенно бесспорным, но интерпретация нуждается в коррекции. По его словам, развитие самосознания зависит от культурного содержания среды в такой мере, как, может быть, никакая сторона душевной жизни.

Третий момент, имеющийся в работе Буземана, состоит в том, что самосознание не берется как какая-то метафизическая сущность, не поддающаяся анализу. Он призывает обратить внимание на то, что рефлексия, со своей стороны, может влиять перестраивающим образом на субъекта (самооформление). В этом заключается большое значение рефлексии для психологии индивидуальных различий [94; 231 – 237].

Если мы взглянем в целом на значение рефлексии для психического развития личности, то увидим глубокое различие между личностью, обла-

¹⁰² Буземан (Busemann) А. - немецкий психолог, работал в области психологии подростка и психиатрии (Буземана пугающее травматическое слабоумие).

дающей рефлексией, и, так сказать, "наивной", т.е. нерелексирующей структурой личностью. По мысли Буземана, подросток внутренне дифференцирован на действующее "Я" и на другое "Я" – рефлексирующее [94; 238].

Кроме сказанного, мы бы акцентировали внимание для целостного понимания рефлексии на том, что рефлексия – многоуровневое образование, которое начинается от простейших форм в животном мире до дифференциации Я и не-Я. И на том, что рефлексия в своем развитии, посредством механизмов дифференциации и интеграции, о-граничивает субъекта, оформляет его изнутри. Или, как пишет Л.С. Выготский, субъект сам себя самоформирует [94; 237]. Все это не только теснейшим образом связано с социокультурными условиями жизни человека, но во многом и определяется ими. Почему? В чем сказывается роль социокультурных условий на формировании рефлексии? Ответ на эти вопросы, как нам кажется, может вывести понимание рефлексии на новый уровень. И уровень этот должен быть так или иначе связан с понятием "контекста".

В метакогнитивистской психологии существует интерес к изучению рефлексии как особой психической реальности. Только в одних случаях рефлексия отождествляется с управлением переработкой информации, происходящим на разных уровнях, и с психическими познавательными процессами, в других рефлексии отводится место одного из множества этих процессов [61]. Общий же интеллектуалистический смысл метакогнитивистского понятия рефлексии выражен в её определении Д. Дернером, считающим, что рефлексия – "это способность думать о своем собственном мышлении с целью его совершенствования" [61; 102].

Последние работы Ж. Пиаже также посвящены изучению развития рефлексии и рефлексивного мышления у ребенка. По мнению Ж. Пиаже, существует два вида рефлексии как перехода с одного уровня интеллектуальной конструкции на более высокий. Так, для *первого вида рефлексии* характерен переход от действия к репрезентации действия, т.е. представлению о нем, другими словами: "... от способности просто следовать, выполнять что-то к мысли об этом действии" [295; 12]. Здесь момент осознания действия представляет собой переход с одного уровня на более высокий. Рефлексия и есть переход с уровня действия на уровень репрезентации, представления. Однако имеется и другой вид рефлексии. "Второе значение этого термина связано с психической (mental) рефлексией. В этом случае происходит не просто переход на более высокий уровень, но и реконструкция на этом более высоком уровне того, что уже существовало на более низком уровне" [295; 12]. Рефлексия на более высоком уровне пред-

полагает обогащение содержания новыми элементами. Для *второго вида рефлексии* характерны такие качества, как целостность отражения и обратимость. Вот это и создает предпосылки для реконструкции и композиции [295; 13]. Периодизация онтогенеза рефлексивного мышления рассматривается Ж. Пиаже по аналогии с периодизацией развития интеллекта ребенка. По его мнению, логическая связь объекта и действия становится вполне рефлектируемой лишь на стадии формальных операций [353; 33].

С возникновением рефлексии связывает становление человека, его внутреннего мира французский мыслитель Пьер Тейяр де Шарден. С его точки зрения: "Рефлексия – это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познать, а познать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь" [362; 136]. Именно возникновение рефлексии выводит человека в новый мир, кардинально изменяя жизнь и личность человека. Для него рефлексия – это центральный феномен внутренней активности человека [362; 136].

8.2.2. Проблема рефлексии в отечественной психологии

В отечественной философии и психологии рефлексия трактуется с различных позиций. Так, в "Философском словаре" сказано: "Рефлексия – принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов познания" [383; 579]. Тогда как В.А. Лекторский в своей книге "Субъект, объект, познание" совершенно справедливо замечает, что рефлексия есть единство отражения и преобразования объекта [210; 266 – 272]. В психологических словарях понимание рефлексии сводится к самопознанию. Так, например, в словаре под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского дается следующее определение рефлексии: "Рефлексия – процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний" [310; 340]. На самом же деле в отечественной психологии сложились достаточно определенные подходы в понимании рефлексии. В этом плане мы уже отмечали то значение, которое придавал рефлексии Л.С. Выготский в развитии сознания и самосознания подростка [94; 228 – 237]. С.Л. Рубинштейн писал, что с возникновением рефлексии появляется особый способ существования человека в мире и изменяется его отношение к миру. Так: "Она (т.е. рефлексия – А.Ш.) как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за её пределы. Человек как

бы занимает позицию вне её" [329; 348]. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни. Здесь С.Л. Рубинштейн отмечает несколько интересных мыслей относительно дальнейшего развития представлений о рефлексии. А именно: идея целостности или того, что рефлексия – это целостный взгляд на жизнь; и идея выхода за пределы жизни. Правда, возникает вопрос: а куда человек выходит? В жизнь других людей или область культуры?

Новый этап в отечественной психологии относительно изучения рефлексии связан прежде всего с именами С.Ю. Степанова, И.Н. Семенова, Ю.Н. Кулюткина, В.К. Зарецкого, В.И. Слободчикова, В.А. Лефевра, Г.П. Щедровицкого, И.С. Ладенко и другие [17, 198, 200, 226, 337, 353, 463]. На этом этапе появляются интересные нюансы в понимании рефлексии. Так, в рамках саморегуляции рассматривает рефлексию Ю.Н. Кулюткин. Он выделяет во внутреннем мире человека, рефлексивный механизм регуляции своих, т.е. конкретного человека внутренних процессов и действий [198; 24]. Подход к рефлексии как психологическому механизму отмечается и в работах И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова. Они дают следующее определение рефлексии: "Рефлексия трактуется нами как форма активного личностного переосмысления человеком тех или иных содержаний своего индивидуального сознания, необходимых для успешного осуществления деятельности" [337; 159]. Другими словами, рефлексия понимается как психологический механизм изменения индивидуального сознания, т.е. рефлексия – это прежде всего воздействие на самого человека, а не только отражение им своих мыслей и чувств.

В.И. Слободчиков, рассматривая роль рефлексии в сфере индивидуального сознания как психологический механизм, дает ей следующее определение: "... рефлексия выступает кардинальным способом разрешения центрального противоречия "сознания вообще" – противоречия между наивным (полностью арефлексивным) и трансцендирующим (максимально рефлексивным) сознанием" [344; 199]. В соответствии с этим противоречием В.И. Слободчиков понимает рефлексию как смысловой центр всей человеческой реальности, а не только в гносеологическом аспекте. Этой же позиции, т.е. понимания рефлексии как психологического механизма, придерживается и Н.Г. Алексеев, когда выделяет основную функцию рефлексии [14; 138]. В этом ракурсе всплывает ещё одна интересная проблема о внутренней свободе человека. По мнению Н.Г. Алексеева, внутренняя свобода, с одной стороны, сопряжена с тем, насколько человек осознает и понимает основания своей деятельности, а с другой, в этом заключен новый аспект изучения творчества как самоизменения [14; 138]. Рассматривают

рефлексию как механизм или часть другого психологического механизма Г.А. Голицын [105] и В.В. Рубцов [330]. Так, Г.А. Голицын определяет рефлексию в широком и узком планах. В широком как "... некий универсальный "прием" живой природы, посредством которого она каждый раз поднимается на качественно новую ступень эволюции, как средство реализации качественного скачка" [105; 55]. В узком смысле как превращение средства в цель или, пользуясь терминологией теории управления, как превращение параметра системы управления в объект управления [105; 55]. В.В. Рубцов рассматривает рефлексию в рамках учебно-познавательных действий, говорит о ней как об исходном механизме, присущем самому действию [330; 79]. К пониманию рефлексии как механизма склоняется и М.А. Розов, только говоря о рефлектирующих системах, он выделяет рефлексивное описание и использование этого описания в качестве средства управления своим поведением [324; 40].

Особый подход к пониманию рефлексии разрабатывается в русле "теории кооперативной деятельности" (Н.Г. Алексеев, 1983; В.В. Рубцов, 1995; А.А. Тюков, 1995; О.С. Анисимов, 1989; Г.П. Щедровицкий, 1974). В работах Г.П. Щедровицкого по проблемам методологии системно-деятельностного подхода рефлексия рассматривается, *во-первых*, как процесс и структура деятельности и, *во-вторых*, как механизм естественного развития деятельности. Г.П. Щедровицкий выдвигает идею о рефлексии с точки зрения "идеи кооперации деятельностей". На основе этой идеи строится схема "рефлексивного выхода" за рамки деятельности в случае невозможности её осуществления. Перейдя в позицию новой деятельности, человек обретает средства "строить смыслы", исходя из которых, понимает и описывает прежнюю деятельность. Вторая деятельность, которая как бы надстраивается над первой, рефлексивно "поглощает" первую как материал. Подход Г.П. Щедровицкого рождает достаточно много вопросов, например: почему новая позиция дает средства для изменения смыслов? Или: что это за средства, посредством которых человек изменяет смыслы? Вероятно, поэтому, рассуждая о рефлексии на основе идеи о кооперации деятельностей, он приходит к основному парадоксу "принципиального взаимопонимания рефлектируемой и рефлектирующей" позиции. Правомерность фиксации этого парадокса определяется тем, что отношение рефлектирующей деятельности к рефлектируемой может быть только внешним. Это чисто механическая связь двух изолированных деятельностей. По мнению Г.П. Щедровицкого, объединение рефлектирующей и рефлектируемой позиций может произойти либо на уровне сознания, либо на уровне логического знания [463; 25 – 26].

Нам думается, что суть парадокса не только в механическом различении деятельности. *С одной стороны*, совершенно прав А.А. Тюков, когда считает, что включение сознания как специфического пространства, в котором действуют механизмы рефлексии, позволяет разорвать границы изолированных деятельностей. Рефлексивное отношение, возникающее при этом, можно интерпретировать как специфический и сознательный способ овладения человеком своей собственной деятельностью [377; 70]. В этом случае формируется единая рефлексивная деятельность, которая как бы надстраивается над первой [464; 151], а точнее сказать, более активно включает в её состав ментальные компоненты. *С другой стороны*, для анализа парадокса важно понять, что значит "выход"? Или что такое позиция? Человек, осуществляющий ту или иную деятельность, конечно, может на время прекратить её выполнение (в том числе и физически). Если вначале, при осуществлении деятельности, он был в самой деятельности, включен в её, реализацию (правда, полностью или нет, – это вопрос), то, прекратив её, человек как бы выходит из неё. Но опять же что значит быть в самой деятельности? Выполнять – это ещё не быть полностью в деятельности. Быть в деятельности, по большому счету, значит раствориться в ней. Возможно ли такое? Пожалуй, да, но в крайне редких случаях, когда человек живет не собой, а другими. Реальное выполнение деятельности предполагает, что человек в некоторой степени (большой, малой, средней) включен в её осуществление, но не растворяется в ней. Поэтому более корректно говорить, что, прекращая деятельность, человек изменяет позицию по отношению к ней. Однако вопрос остается, и он в том, а как понять изменение позиции в отношении деятельности? Когда человек полностью растворен в деятельности, то сама деятельность управляет и регулирует активностью человека. Человек живет не собой, а этой деятельностью, и она есть его последний, жизненный закон. В случае, когда человеку приходится вмешиваться в естественное течение событий (это может быть возникшая проблема, затруднение), тогда сама деятельность становится предметом его активности. Происходит смещение управляющего, регулирующего начала и изменение контекста в отношении деятельности. Здесь диалектика внешней и внутренней детерминации в осуществлении деятельности разрешается на полюсе субъекта. Поэтому проблема, по большому счету, в том, деятельность ли управляет активностью человека или человек деятельностью? А так как в большинстве случаев человек управляет деятельностью, то весь вопрос лишь, в какой степени и как он это осуществляет? Тогда изменение "позиции" – это изменение степени овладения (управления, регуляции) человеком деятельностью. Собственно, об этом говорит

О.С. Анисимов, описывая рефлексивные процессы – выхода (ухода из непосредственности) и замещения рефлексивным знанием знания "из" самой деятельности. Он, кстати, обращает внимание на процесс "разотождествления" деятельности и человека [17; 46], но их анализ выходит за рамки нашей работы.

В этом же направлении размышляет о рефлексии и А.А. Тюков и, отталкиваясь от принципа коммуникации деятельностных позиций, описывает её как особые процессы и морфологические образования, связывающие сферы сознания и мышления. Рефлексия для него оказывается сознательным деятельностным процессом, создающим субъективное инобытие деятельности в самых разнообразных формах [377; 71]. Нам кажется, это интересная мысль относительно субъективного инобытия деятельности, т.к. в ней не просто присутствует граница (соединяющая и разделяющая деятельность и её инобытие), но самое главное, она движется, изменяется, ограничивая и определяя как человека, так и деятельность. В результате анализа подходов в понимании рефлексии мы пришли к таким выводам.

Во-первых, в понимании рефлексии психологи склонны трактовать её не только как элемент сознания или самосознания, но и как биологический и социокультурный феномен. Поэтому рефлексия выступает как смысловой центр человеческой реальности, а возможно, и всей жизнедеятельности человека. В этом понимании рефлексии она не только приобретает онтологическое звучание, но становится необходимым элементом всякого развития.

Во-вторых, рефлексия понимается не только как механизм, но такой механизм, который оформляет сознание и самосознание человека, ограничивает его или, мы бы сказали, простираивает. В этом мы видим не только влияние социокультурного фактора на развитие человека, но прежде всего творческое начало в становлении самого человека, где рефлексия выполняет одну из основных функций.

В-третьих, по мнению большинства психологов, явному или нет, рефлексия – это процесс целостного отражения. Правда, сама целостность понимается по-разному: то в рамках конкретной деятельности, а то и в рамках жизнедеятельности человека. Здесь, нам кажется, выход на новую для психологии категорию – это контекст, без творческого осмысления которого, пожалуй, невозможно, продуктивно разрабатывать проблему рефлексии.

В-четвертых, рефлексия является тем психологическим механизмом, с возникновением которого связывают рождение внутреннего мира человека. Рефлексия является как бы функциональным органом субъективности

человека, посредством которой идет изменение внутреннего мира и самого человека. В этом случае рефлексия – это просто обращенность на самого человека и, следовательно, могут быть выделены уровни рефлексии, начиная от неосознаваемых самим человеком до уровней ясного сознания.

8.2.3. Рефлексия как средство самоорганизации мышления

Наиболее продолжительную историю (начиная с исследований в немецкой классической философии) имеют исследования рефлексии в структуре мышления. Остановимся подробнее на освещении результатов ее изучения, получивших в настоящее время наибольшее распространение. В современных психологических исследованиях достаточно остро ставится проблема учета личностного компонента мышления. Таким личностным компонентом в мышлении выступает рефлексия, и И.Н. Семенов дает ей такое определение в рамках творческого мышления: "... рефлексия трактуется как форма такого активного личностного переосмысления человеком тех или иных содержаний своего индивидуального сознания, которое обеспечивает успешное осуществление им собственной деятельности" [337; 162 – 163]. Один из вариантов включения рефлексии в механизм мышления – это предложенная И.Н. Семеновым концептуальная схема системного изучения продуктивного мышления как взаимосвязи четырех его уровней: личностного, рефлексивного, предметного и операционального.

Динамика мыслительного процесса описывается как движение мысли внутри одного из уровней или как переход с одного уровня на другой. В творческой деятельности человек учитывает объективные условия решения задачи и свои индивидуальные особенности. Выделенным двум видам содержания (объективного и субъективного) соответствуют две условно разделяемые формы рефлексии. "Интеллектуальная рефлексия направлена на осмысление совершаемого субъектом движения в содержании проблемной ситуации и на организацию действий, преобразующих элементы этого содержания. Личностная рефлексия направлена на самоорганизацию через осмысление человеком себя и своей мыслительной деятельности в целом как способа осуществления своего целостного "я" [337, 163]. Занимаемая субъектом личностная позиция определяет форму рефлексии. Она осуществляется в экстенсивной форме при репродуктивной личностной позиции и выполняет, по мнению авторов, функцию контроля за осуществляемым движением в предметно-операциональной области. Интенсивная форма рефлексии направлена как на переориентацию личностной позиции, так и на осознание содержательных оснований своего движения, на поиск ошибочных допущений и меру адекватности используемых средств. Интенси-

фикация рефлексии, переход ее в продуктивную форму является основанием для обнаружения верного способа действия.

При анализе приведенного выше системного описания мышления возникает несколько вопросов. А именно: что объединяет интеллектуальную и личностную рефлексию? Если позиция определяет форму рефлексии, то что это такое в плане мышления? На эти и другие проблемы обратил внимание и И.И. Ильясов [159], когда рассматривал системное описание мыслительной деятельности. Он отмечает, что описание достаточно полно по составу рассматриваемых компонентов, но не во всем соглашается с их группировкой. Так, личностный уровень, ядро которого составляет мотивация, а также предметный и операциональный уровни (ориентировочно-контрольный и исполнительский, в другой терминологии), могут быть как рефлексивными, так и нерефлексивными. Поэтому эти три уровня являются по существу не уровнями, а компонентами или этапами деятельности (мотивация, ориентировка, исполнение), которые протекают на неосознанном (нерефлексивном) или осознанном (рефлексивном) уровне. Таким образом, имеются три компонента, реализуемые на двух уровнях. Рефлексивный уровень включает интеллектуальную и личностную рефлексию и указывает на нее как на уровень, регулирующий предметно-операциональный и личностный компоненты мышления и сам регулируется мотивацией [159, 45].

Однако, несмотря на отмеченные проблемы по поводу взаимосвязи рефлексии и мышления, есть еще один вопрос, на который, как нам кажется, не обратили внимание. Это то, что при интеллектуальной и личностной рефлексии задается контекст осмысления, а это значит, что контекст становится необходимым и достаточно важным атрибутом рефлексии.

В этом плане системно и целостно подходит к проблеме регуляции мыслительной деятельности Ю.Н. Кулюткин, который рассматривает рефлексивную регуляцию как основной механизм реализации мыслительных процессов. Рефлексия мыслительной деятельности как её самоорганизация – не только необходимая сторона мышления, но базовый психологический механизм [198]. Интегративную функцию рефлексии по отношению к различным психологическим предметам и областям практики выделяет А.М. Матюшкин: "Изучение структуры и условий формирования рефлексивных механизмов саморегуляции мышления позволило исследовать мышление как включенное во все жизненные ситуации – общение, игру, учение, профессиональную деятельность человека" [251; 12]. Это же отмечается и О.К. Тихомировым: "Мышление – необходимый компонент рефлексии личности и само становится объектом этой рефлексии" [368; 4].

Подчеркивает значение рефлексивных процессов в мышлении и И.С. Ладенко. Рефлексия выступает частью сложных самоорганизующихся процессов, в которые входят также и другие составляющие. Вместе с тем, без явного учета рефлексии невозможно адекватное изучение и практическое осуществление сложных процессов мыслительной и практической деятельности. Роль рефлексии в структуре мышления, как подчеркивает ученый, наиболее полно проявляется тогда, когда ее понимают "... как отношение мышления к самому себе, направленность его на себя, посредством чего выявляются и описываются уже существующие компоненты или формируются новые. Такими компонентами выступают задачи, схемы рассуждений, признаки предметов и понятия, знаковые формы рассуждения. Рефлексия оказывается своего рода самонаблюдением, средством самоконтроля и саморазвития мышления" [200, 9].

В работах В.В. Давыдова неоднократно подчеркивается тесная связь между рефлексивными способностями и развитием теоретического мышления, которая обеспечивает овладение общим способом ориентировки в материале того или иного типа. В теоретическом мышлении различают три основных компонента: анализ, рефлексию и внутренний план действий. Однако рефлексивный компонент является ведущим в теоретическом мышлении. Так, В.В. Давыдов пишет, что формирование необходимых для этого способностей "тесно связано с развитием одной из главных черт собственно теоретического мышления – рефлексии как умения выделять, анализировать, соотносить с предметной ситуацией свои собственные способы деятельности" [118; 686]. Для анализа собственного действия необходимы основные жизненные ориентиры. Основаниями действий могут выступать такие ориентиры, которые определяют успешность выполнения действий только в данных частных условиях, либо ориентиры, определяющие успех в широком круге разных условий. В первом случае осуществляется формальная рефлексия. Во втором ее следует считать содержательной, так как она опирается на обобщенные ориентиры, являющиеся условием выполнения действий в различных частных обстоятельствах [120; 43-44]. В.В. Давыдов выделяет обобщения двух видов: эмпирическое и теоретическое. Различия между ними строятся на основе их содержания и способов формирования. Теоретическое обобщение базируется на рефлексии осуществленной деятельности, на анализе ее содержания с целью выявления принципа или всеобщего способа ее реализации. Теоретическое обобщение отражает внутренние связи и отношения между объектами, выделяет существенные связи общего с частным и предполагает умение ана-

лизировать, выделять главное, сравнивать, абстрагировать и синтезировать.

В зарубежной психологии отмечает особую роль рефлексии в саморегуляции и развитии мышления Ж. Пиаже [271, 275]. Для него основным фактором в развитии интеллекта является активность субъекта, в процессе которой происходит структурирование реальности. Тогда "Развитие интеллекта – это не просто накопление эмпирических ассоциаций, но это процесс конструкции, осуществляемой субъектом" [295; 10]. В механизмах конструкции особая роль принадлежит процессам рефлексивной абстракции, когда человека абстрагируется не из предмета, а из своих действий [295; 11]. Ж. Пиаже полагает, что все акты интеллектуального творчества следует относить к процессам рефлексивной абстракции.

8.2.4. Становление рефлексивного сознания и механизмы рефлексии

Возникновение и становление рефлексии в фило- и онтогенезе, а также механизмы его функционирования, не только очень важные, но и связанные между собой глубокой, сущностной связью проблемы, что мы и покажем в дальнейшем изложении. Для понимания становления рефлексивного сознания человека мы опираемся прежде всего на работы В.И. Слободчикова [346, 347]. В этом отношении особенно интересна и эвристична его работа "Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе" [346].

Анализ становления рефлексивного сознания в раннем онтогенезе В.И. Слободчиков начинает с со-бытия взрослого и ребенка. Внутри со-бытия взрослого и ребенка как в пространстве отношений реализуются два взаимосвязанных процесса: "... обособление (физического, биологического, психологического, личностного) – как фундаментального условия становления индивидуальности – и отождествления (импринтинг, уподобление, идентификация, игра, учение) – как условие приобщения к общечеловеческим формам культуры" [346; 61]. Выработка средств и способов деятельности в одном процессе становится предпосылкой разворачивания другого процесса. Первые дифференциации в сознании ребенка обусловлены изменениями внутри формы "мы – они", которые, в конце концов, превращаются в классическую формулу самосознания "Я – не-Я". "Переживание несовпадения субъективности и субъектности есть начало самоопределения (обособления), начало зарождения самосознания и первичной формы рефлексии ("полагающей", по Гегелю) – как точка отличия себя от своей жизнедеятельности" [346; 64]. С игры начинается процесс самоограничения (уточнение границ самотождественности) внутри своей собственной,

ещё "не осмысленной" жизни; процесс бурного осознания своих желаний, возможностей, своих неспособностей и незнаний. Сам этот процесс есть результат работы определяющей рефлексии. По мнению В.И. Слободчикова, рефлексия является одним из фундаментальных механизмов становления собственно человеческих способностей и жизни. И суть её в том, что она всегда раздваивает некое исходное, тотальное единство, делает его полярным.

Чтобы глубже осмыслить становление рефлексивного сознания, надо ответить на ряд вопросов. Между подражанием и рефлексией есть только различие или и нечто общее? Если только различие, на чем акцентирует внимание В.И. Слободчиков [346; 67], то будет трудно или даже невозможно объяснить становление сознания субъекта. Тогда что общего между рефлексией и подражанием как фундаментальными психологическими механизмами становления собственно человеческого способа жизни? С нашей точки зрения, таким общим, а точнее сквозным и достаточно общим, психологическим образованием является граница. Только при подражании ребенка взрослому подражание работает по принципу удвоения любой жизненной формы граница, отделяющая ребенка от взрослого, становится внутренней и соединяющей их. Ребенок, усвоив ту или иную, внешнюю по отношению к нему форму жизни, как бы переносит её во внутренний план. Происходит интериоризация, что для нас значит образование внутренней границы и возникновение некой определенности приобретенного. Становление этой определенности приобретенного в человеке, собственно говоря, и есть рефлексия – как различение, дифференциация внутренних образований. Здесь граница – это разделение внутренних психологических образований. Граница как объединяющий элемент подражания и рефлексии выполняет в этих психологических механизмах совершенно различные функции. В механизмах подражания, интеграции – соединяющую, а в механизмах рефлексии и дифференциации – соответственно, разделяющую функцию. Таким образом, можно сказать, что не только в каждом из вышеперечисленных психологических механизмах наличествуют противоположности, но они составляют единое целое и не существуют отдельно друг от друга. А общим связующим их звеном выступает граница в своей диалектической сути.

Продолжает данную линию рассмотрения рефлексии как психологического механизма становления и самоопределения человека в различных жизненных обстоятельствах так называемая "теория кооперативной деятельности" (Г.П. Щедровицкий, 1974; Н.Г. Алексеев, 1983; О.С. Анисимов, 1989; А.А. Тюков, 1987; В.В. Рубцов, 1987 и др.). И это, конечно, не слу-

чайно, т.к. в плане исследования рефлексивной функции сознания она наиболее выпукло и ярко выступает в процессе взаимодействия людей. На это, пожалуй, впервые обратил внимание Г.П. Щедровицкий в рамках разрабатываемой им "теории кооперативной деятельности" [463, 464], где главная суть механизма рефлексии состоит из "выхода" в новую позицию и заимствования позиции прежней деятельности (восстановления содержания прежней деятельности). Однако в подходе Г.П. Щедровицкого не прописан именно психологический механизм функционирования рефлексии и, кроме того, остается двойственность анализа рефлексии (О.С. Анисимов, 1989).

Для раскрытия психологического механизма рефлексии интересную попытку предпринял А.А. Тюков [377]. Ход его рассуждений относительно кооперативной деятельности людей таков: условием возникновения рефлексии и рефлексивного выхода как начального момента процесса является "разрыв", возникающий в общественной структуре деятельности. Например, когда намеченный план действий не приводит к должному результату, предложенное решение отвергается, смысл и содержание деятельности не находят понимания у других людей. При такой интерпретации рефлексивный выход организуется с целью понять содержание осуществляемой или планируемой деятельности. Это свойство рефлексивного процесса определяется автором как "*интенциональный компонент*" механизма рефлексии. Он пишет: "В рефлексии всякому анализу и познанию собственной деятельности предшествует субъективная направленность на представление и построение целостного смысла рефлектируемой деятельности" [377; 72].

Направленность на освоение деятельности в целом лишь отличает рефлексивный процесс от других сознательных процессов. Для конструктивной реализации этой направленности рефлексирующий субъект должен встать на определенную точку зрения, которая задает общие категориальные рамки, ограничивающие описание и понимание рефлексируемой деятельности. Рефлексирующая позиция может опереться в своем анализе на отдельные компоненты деятельности или их совокупность. В зависимости от того, какие категории и логические системы мышления используются, можно говорить о различных видах рефлексии по способу получения рефлексивной картины деятельности.

Первичная категоризация задает набор мыслительных средств, с помощью которых осуществляется рефлексивное освоение деятельности. Далее используемые средства должны быть соотнесены как с конкретными материальными и идеальными объектами, так и между собой, и, кроме того, взаимосвязаны в некоторой конструкции. Этот этап определяется как

конструирование системы рефлексивного отображения деятельности. Затем, чтобы конструкция рефлексивных средств могла представлять и отображать деятельность, она должна быть представлена как картина деятельности и схематизирована. *Схематизация*, по мнению А.А. Тюкова, имеет важнейшее значение, так как только представленная знаковыми средствами рефлексивная деятельность получает свое осознанное инобытие. Чтобы результаты рефлексии могли включиться в коммуникацию, а не остались в сфере сознания, схематизированное содержание рефлексии должно пройти этап *объективации*, т.е. быть экстерииоризировано и интерпретировано как модель рефлексивной деятельности. Такое рефлексивное описание, получившее знак объективируемой модели, может стать предметом специальной мыслительной обработки и исследования. Таким образом, этап объективации замыкает рефлексивный процесс, и результаты рефлексивного освоения деятельности могут поступать в сферу мышления [377; 72-74].

Данный подход позволяет ввести конструктивные элементы психологического "механизма" рефлексии. Он включает в себя шесть основных компонентов: 1) рефлексивный выход; 2) интенциональность; 3) первичную категоризацию; 4) конструирование системы рефлексивных средств; 5) схематизацию рефлексивного содержания; 6) объективацию рефлексивного описания.

Вполне понятно, что описанный психологический механизм рефлексии характерен, прежде всего, для кооперативной деятельности. А применим ли он для индивидуальной деятельности? Если и применим, то лишь отчасти. Кроме того, данный механизм скорее отражает этапы процесса разворачивания рефлексии, тогда как психологический механизм должен отвечать на вопрос: как, каким образом что-то происходит? Например, рефлексивный выход.

Рассматривая рефлексивную структуру саморегуляции личности, Ю.Н. Кулюткин называет такой механизм рефлексивным по своей природе [198; 24]. Данный механизм направлен на поиск, строительство средств (гипотезы, антиципирующие схемы, модели), с помощью которых можно было бы достичь поставленной цели. При этом он выделяет в личности человека функции "Я – исполнитель" и "Я – контролер", которые проявляются на разных уровнях рефлексивного отображения. В итоге рефлексия в этом психологическом механизме саморегуляции выполняет функцию многоуровневой обратной связи. Назвать ли это рефлексивным механизмом или нет, – в этом есть вопрос. Тем более, что сама рефлексия рассматривается Ю.Н. Кулюткиным лишь в роли отображения [198; 24-28].

Несколько в ином плане, а конкретнее – в плане перестройки субъектом своего сознания, рассматривают механизм рефлексии И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов [353]. Они выделяют пять этапов: 1. Актуализация смысловых структур "я" при вхождении субъекта в проблемно-конфликтную ситуацию и при её понимании; 2. Исчерпание этих актуализировавшихся смыслов при апробировании различных стереотипов опыта и шаблонов действия; 3. Их дискредитация вплоть до полного обесмысливания в контексте обнаруженных субъектом противоречий; 4. Инновация принципов конструктивного преодоления этих противоречий через осмысление целостным "я" проблемно-конфликтной ситуации и самого себя в ней как бы заново – собственно фаза "переосмысления"; 5. Реализация этого заново обретенного целостного смысла через последующую реорганизацию содержаний личного опыта и действенное, адекватное преодоление противоречий проблемно-конфликтной ситуации [337, 353].

В целом же относительно психологических механизмов рефлексии мы хотели бы отметить следующее.

Во-первых, исследователи рефлексии выделяют два основных психологических механизма – индивидуальный и кооперативный, между которыми есть взаимосвязь. Однако вполне понятно, что собственно психологическим будет рассмотрение рефлексии в рамках конкретного субъекта, а в кооперации – социально-психологического механизма рефлексии.

Во-вторых, нам кажется не совсем оправданным отождествлять этапы разворачивания рефлексивной деятельности с её механизмами, т.к. суть механизмов объяснять и показывать, разворачивать реализацию рефлексии, а не проявлять её в деятельности.

В-третьих, с точки зрения соответствия всем требованиям, предъявляемым к психологическим механизмам функционирования рефлексии, более перспективным считаем подход В.И. Слободчикова, который очерчивает интересные и продуктивные перспективы её изучения.

8.2.5. Виды и формы рефлексии

Проблема выделения в рефлексии видов, форм, функций не столько описательна, сколько содержательна, т.к. виды и формы рефлексии должны охватывать рефлексии как психологический механизм в целом. Ну, а в идеале – даже переходить одна в другую. Наиболее системно и целостно представляет формы рефлексии И.С. Ладенко, правда, с позиции генетической логики. Так, в зависимости от степени сложности мыслительных процессов он выделяет различные формы рефлексии. Пространственно-временная направленность рефлексии различается на *ретроспективную*,

проспективную и *интроспективную* ее формы, в которых производится самонаблюдение соответственно над прошлыми, возможными в будущем и осуществляемыми в настоящем процессами мышления, деятельностью и самопознанием. Первая форма служит выявлению (воссозданию) и осознанию схем, средств и процессов деятельности, имевших место в прошлом. Во второй форме выявляются и корректируются цели, схемы и средства возможной деятельности. В третьем случае осуществляется контроль, корректировка или усложнение мыслительных процессов, переоценка собственных действий, состояний и усилий в ходе выполнения деятельности.

Каждая из указанных форм рефлексии может реализоваться в условиях готового механизма понимания, называемого подведением под понятие, либо при его отсутствии. Рефлексия, которая разворачивается в условиях выделения новой познавательной задачи, поиска новых признаков объектов и образования новых понятий, является *продуктивной* и выступает механизмом осознания. *Репродуктивная* рефлексия осуществляется при подведении под понятие и составляет механизм понимания [200; 10-14].

Понимание и осознание, а значит, как отмечает И.С. Ладенко, и рефлексивные процессы, посредством которых они осуществляются, имеют свои категориальные характеристики. В этой связи им выделяются *три формы рефлексии*, позволяющие субъекту занять определенную позицию в рефлексивной деятельности и задать ее направленность. *Покомпонентная* рефлексия осуществляется над отдельными составляющими деятельности и связана с адаптацией соответствующих методов. Вторая производится над компонентами, сочетающимися в группы, и определена автором как *группирующая*. В третьем случае – *интегрирующая* рефлексия – производится интеграция всех компонентов в целостность, которая обозначается как система, и над ней осуществляется рефлексия.

Категориальные средства рефлексии проявляются в деятельности субъектов, поэтому они должны учитывать их отношение друг к другу и к самим себе. *К внутрисубъектным формам рефлексии относятся избирательная, корректирующая и дополняющая*. Они обеспечивают соответственно: выбор одного из способов решения задачи (он может осуществляться из множества уже известных способов или при их конструировании); адаптацию выбранного способа к конкретным условиям; усложнение выбранного способа посредством добавления к нему новых элементов. *Межсубъектные формы рефлексии представлены кооперативной, состязательной и противодействующей формами*. Кооперативная рефлексия обеспечивает объединение субъектов для достижения общей им цели. Состязательная – служит средством самоорганизации в условиях соревнова-

ния или соперничества. Противодействующая рефлексия выступает средством борьбы за преобладание или завоевание чего-либо [200; 15-18].

При разработке собственной классификации форм рефлексии И.С. Ладенко опирается на следующие критерии: время (интроспективная, проспективная и ретроспективная формы); способ решения задач (продуктивная и репродуктивная рефлексии); позиция в деятельности (компонентная, группирующая и интегративная формы); вид субъекта деятельности (внутрисубъектная и межсубъектная рефлексии); выбор способа решения (избирательный, корректирующий, дополняющий, кооперативный, составительный, противодействующий). Несмотря на достоинства данной классификации форм рефлексии, она имеет для психологии один, но весьма существенный недостаток. А именно: в рамках чего приведенные формы рефлексии рассматриваются? В области деятельности, логики, взаимодействия?

Собственно психологические классификации видов и форм рефлексии, пожалуй, следует начать с Ж. Пиаже. В аспекте осуществления действий субъектом Ж. Пиаже выделяет два вида рефлексии – "физическая рефлексия" (отражение) и рефлексия абстрагирующая [295; 12]. И.Н. Семенов, Ю.С. Степанов в своих работах отмечают: два вида (иногда они называются формами) рефлексии (интеллектуальная и личностная рефлексии) и четыре типа, в соответствии с различными областями практики (общение, деятельность и др.) [337, 353].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев выделяют уровни и формы рефлексивного сознания [344]. Так, они обозначили четыре уровня разворачивания рефлексии: 1. Первичное различение субъектом "себя" и осуществляемого им движения; 2. Фиксация раздвоения, поляризации процессов в своем и ином выражении; 3. Объективация и тем самым отчуждение от содержания, освобождение от субъективной пристрастности к нему; 4. Философское осмысление жизненных ситуаций и выход за пределы субъект-объектных взаимодействий [344; 201-202]. Интересно, что в качестве критерия определения уровней разворачивания рефлексии неявно берется контекст, в котором рассматривается рефлексия. От "себя" и своего до осмысления себя в мире.

В соответствии с этапами становления самосознания человека в целом авторами выделяются четыре формы рефлексии. Три – вслед за Г. Гегелем: полагающая, сравнительная и определяющая. И одну предложили сами авторы – синтезирующую [344; 202-205]. Здесь интересен такой вопрос: явно, что уровни разворачивания рефлексии и её формы находятся в отношении связи, однако как именно они связаны? Нам думается, что уровни и

формы рефлексии в данной работе рассматриваются в чем-то параллельно. Их специфика показана недостаточно четко.

Что касается рассмотрения видов и форм рефлексии в рамках "теории кооперативной деятельности", то О.С. Анисимов разделяет два вида рефлексии – исследовательскую и социотехническую, связь между которыми определяют два типа рефлексии – критическая и нормативная [17; 48].

В заключении хотелось бы отметить, что, несмотря на большое разнообразие видов и форм рефлексии: в рамках той или иной деятельности [17, 353, 463, 464]; с точки зрения генетической логики [200]; в плане генезиса сознания человека [344], все же ощущается какая-то недостаточность, неполнота этих классификаций. И вопрос не только в том, полная она или нет. Скорее, проблема в системном простраивании видов и форм рефлексии. Нас больше привлекает подход В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, который, конечно, может быть дополнен и уточнен.

8.3. Рефлексия как психологический механизм, о-граничивающий психику

В определении и разворачивании собственной позиции в отношении природы и сущности рефлексии мы будем опираться прежде всего на функции рефлексии в структуре личности человека [418, 435, 436, 353, 362, 99, 94, 295, 198, 330, 346, 377]. Так сказать, определяющим для нас будет регулятивный подход к пониманию психологии человека и, соответственно структуры и функции рефлексии в регуляции взаимодействия человека в мире. Что из этого следует? То, что, рассматривая рефлексии в психологической структуре человека и, соответственно регуляцию, рефлексия выполняет свою основную и базовую функцию – это обращенность на особенности реализации различных видов и форм активности (внешней и внутренней) человека, которая в философской и психологической литературе обозначается как возвращение и снятие иного (Г. Гегель, 1999); особый горизонт психики (Г. Лейбниц, 1983; И. Кант, 1999); внутренний опыт (Дж. Локк, 1985); о-граничение, самооформление (Г. Гегель, 1999; Ж. Пиаже, 1996, Л.С. Выготский, 1984); раздвоение единого и связанность (Г. Гегель, 1999; И. Кант, 1999; С.Л. Рубинштейн, 1976; Тейяр де Шарден, 1987; А.А. Тьюков, 1987; В.И. Слободчиков, 1987).

Приведенные выше основные функции рефлексии как обращенности на собственную активность реализуются не столько в отражении, сколько в психологическом механизме реализации этой как бы возвратной или обращенной на себя особой активности. Вообще как возможна обращенность

на себя, самоотражение? С точки зрения эволюции живых систем, это не только естественно, но даже закономерно. Организм, чтобы выжить, должен иметь (Но как? То ли в виде чувств, то ли в виде особых сигналов, мы не будем обсуждать) информацию о собственном функционировании. Для человека эту информацию собирают интероцепторы и проприоцепторы. Таким образом, обращенность на себя, самоотражение характерны для всех живых систем, что, кстати, отмечают А. Бузман [94], Г.А. Голицын [105] и др. Об этом пишет и Г. Гегель, но, в присущей ему манере, как о неотъемлемом свойстве сущности [99]. Вполне понятно, что самоотражение в процессе эволюции изменяется качественно и количественно.

В отечественной и зарубежной психологии существует традиция рассматривать рефлексию в социальном (кооперативная деятельность, социальное развитие ребенка, социокультурный контекст) и индивидуальном планах (сознание, самосознание, психика). Нам хотелось бы здесь подчеркнуть факт преемственности в развитии рефлексии, т.к. без него представление о рефлексии будет не только не полным, но и явно ущербным. Тогда уже не вызывает непонимания вопрос, как возможна обращенность на себя, самоотражение психики.

Во-первых, она, т.е. психика, не должна быть сплошной тотальностью, неразличимостью. В этом плане практически все психологи по отношению к психике и сознанию выделяют: сознание и бессознательное, предсознание и подсознание, смутное и ясное сознание, уровни сознания и психики.

Во-вторых, именно рефлексии приписывают роль уровней психики (сознания). Об этом, конечно, в разных контекстах, писали философы Дж. Локк (1985), Г. Лейбниц (1983), И. Кант (1999), Г. Гегель (1999) и психологи А. Бузман (1926), Ж. Пиаже (1996), Н.И. Семенов и С.Ю. Степанов (1983), Ю.Н. Кулюткин (1979), В.И. Слободчиков (1987), А.А. Тюков (1987).

А вот ответ на вопрос, как происходит самоотражение, ещё не прозвучал. В смысле генезиса и становления сознания человека это чудесно показал в своих работах В.И. Слободчиков [346], и мы уже писали об этом. Только, продолжая логику раскрытия формирования рефлексивности сознания, намеченную В. Слободчиковым, нам хотелось бы отметить два момента. **Первый**. Онтогенез рефлексивной функции сознания связан с образованием в психике ребенка внутренних границ как способа разрешения противоречий между уровнями психики (В.И. Слободчиков, 1987). В психике ребенка рефлексия выполняет, в дополнение к сказанному, функцию протраивания психики и сознания, т.е. фактора, способствующего эволюции и развитию ребенка. **Второй**: рефлексия выступает как психологический механизм, посредством которого это происходит.

Абстрактным основанием в логике раскрытия функционирования данного психологического механизма рефлексии может выступать единица психологического анализа – о-граниченная значимость. Начнем с того, что психика нужна живому организму для адаптации к внешней и внутренней среде. Как это происходит? Организм для своего существования нуждается в элементах среды, которые поддерживают его функционирование. Они значимы для него и собственно являются внешними границами существования организма. Потребляя, усваивая эти элементы среды, организм тем самым формирует внутренний эквивалент этих границ, которые оформляют значимое для него. В дальнейшем организм, с учетом образовавшихся границ значимости (или о-граниченной значимости), будет искать именно эти элементы среды. В данном случае граница выступает ориентиром и выполняет ориентировочную функцию (П.Я. Гальперин, 1999). Они, т.е. границы, тем самым специализируют психику, дифференцируют её и направлены на эволюцию и развитие организма. Рефлексия в данном контексте выполняет функцию о-граничителя психики и выступает механизмом различения, раздвигания единого, качественного изменения всей психики. Однако психика – это целостное образование, поэтому рефлексия различает, но не разрывает психику, раздвигает в рамках единого. Г. Гегель говорит, что природа рефлексии в различении и тождестве [99; 45б], а мы бы добавили: психики и конечно сознания человека. Собственно говоря, опираясь на единицу психологического анализа, т.е. о-граниченной значимости, анализ рефлексии прежде всего касается границ, процессов и механизмов о-граничивания.

Таким образом, в широком контексте эволюции психики *рефлексия есть механизм дифференциации психики с целью адаптации к изменяющейся внешней и внутренней среде, который в своем развитии доходит до рефлексивной функции сознания и самосознания человека*. Но при этом не отмирают более низкие и примитивные уровни функционирования рефлексии. Если же говорят о рефлексии и её роли в сознании человека, то это, прежде всего, *психологический механизм организации и протравивания целостности психики и сознания человека, т.е. о-граничения*. А для чего? С целью более эффективной регуляции взаимодействия человека в мире. При этом, конечно же, изменяются ценностно-смысловые образования (И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов, 1983; Д.А. Леонтьев, 1997; Ф.Е. Василюк, 1984), а значит, интеграции и дифференциации (А.А. Тюков, 1987; В.И. Слободчиков, 1987), как бы самоизменения (А. Буземан, 1926; Ж. Пиаже, 1996).

В психологическом плане рефлексия выступает или обретает форму различных психологических образований. Так, например, чувство. То, что эволюция психики невозможна без эмоций, указывал ещё Л.А. Орбели (1938). Но что это такое для организма – эмоции? Это результат самоотражения различных уровней психики по поводу внешнего или внутреннего воздействия. То же можно было бы сказать и относительно мышления. Когда человек решает задачу, он может постоянно или в итоге прерывать процесс мышления и отражать его в различных контекстах. В этом случае интереснейший вопрос: а может ли человек одновременно думать о совершенно разном? Здесь, как нам кажется, получила распространение одна из иллюзий, которая нашла образное воплощение в полиментальности человека. То, что психика человека (сознание) может функционировать на различных уровнях в процессе жизни, – это бесспорно. А вот могут ли одновременно функционировать, в равной мере, различные уровни психики или сознания? С позиции внимания, которое мы понимаем как регулятивный механизм когнитивной сферы, это вопрос о распределении внимания. Конечно, оно возможно, но если выполнение деятельности требует сосредоточения и она сложна для человека, то на её осуществление направлена вся его психическая активность. Поэтому центр психической активности и внимание направлены на обслуживание данной деятельности. Если же деятельность не требует большого сосредоточения и тем более может выполняться автоматически, то, конечно, человек может выполнять две и более деятельности, но качественный уровень не будет достаточно высоким для данного, конкретного человека.

В психологии, да и в философии, уже сложилась достаточно устойчивая традиция рассматривать рефлексивность как механизм или функциональный орган психики (сознания) [346, 463, 377, 198, 353, 337, 231, 168, 210 и др.]. При анализе становления и генезиса рефлексивного сознания [346, 347], а также некоторых подходов к пониманию психологического механизма рефлексии [377, 463, 464, 198, 337, 353] мы пришли к тому, что собственно психологический механизм рефлексии как целостной системы скорее обозначен, чем раскрыт. Поэтому мы посчитали вполне уместным внести свою лепту в решение этой проблемы. А следовательно, продолжая общую линию анализа рефлексии в психологической структуре человека¹⁰³, отметим следующее.

¹⁰³ Смотри главу 2, где наглядно представлена психологическая структура человека.

- Во-первых, рефлексия необходимый и обязательный компонент психологической организации человека.

- Во-вторых, рефлексия как бы завершает протекание психических процессов, выполняя при этом функцию обратной связи (в этом моменте проявляется главная функция рефлексии – обращенность психики на саму себя).

- В-третьих, рефлексия неразрывно связана с ценностно-смысловой сферой человека, а также с видами и формами активности.

- В-четвертых, все подсистемы психологической структуры человека включены в регуляцию человеком его взаимодействия с миром.

Из сказанного можно сделать два важных для нас в данной части работы выводы. **Первый:** рефлексия – это всегда рефлексия чего-то (ценностно-смысловых образований, видов и форм активности человека). **Второй:** рефлексия – обязательная подсистема регуляции, но главная её функция – обратной связи, к сожалению, в психологии понимается почти так же, как и в кибернетике, что в корне неверно.

Возвращаясь к **первому выводу**, мы уже описывали психологический механизм функционирования ценностно-смысловой сферы человека, посредством которого идут изменения в этой сфере. Разумеется, при описании мы неявно включали в него и рефлексю. Определяющими функционирование ценностно-смысловой сферы были обозначены общие механизмы дифференциации и интеграции, которые указываются и при становлении рефлексивного сознания ребенка (В.И. Слободчиков, 1987). Все это значит, что рефлексия каким-то образом включена в эти механизмы, являясь их составной частью. Каким же образом рефлексия включена в механизмы дифференциации и интеграции? Дифференциация есть различие, выделение элементов в некотором психологическом образовании, процессе, а интеграция – соединение, обобщение в чем-то различных элементов и, опять же, процессов. Таким образом, в главном данные механизмы отражают глубинную природу рефлексии как единства тождества и различия (Г. Гегель, 1999), обособления и отождествления (В.И. Слободчиков, 1987). Значит, подлинная природа рефлексии выступает как единство психологических механизмов интеграции и дифференциации. Однако какую роль при этом играет рефлексия? Так как мы рефлексю понимаем как механизм простраивания и организации границ чего-то, т.е. о-граничения, то рефлексия и есть механизм различения и создания границ. Каким образом это происходит? Конечно, в активности, деятельности человека, когда он решает какие либо проблемы, достигает поставленные цели, обдумывает и переживает их. Другими словами, в процессе внешней или внутренней ре-

гуляции (саморегуляции), которая выступает как система выборов. Так вот, выбор (дифференцирующий и интегрирующий)¹⁰⁴ и есть механизм простраивания границ. Этот подход к пониманию рефлексии, т.е. рефлексии как выбора, давно развивает В.А. Лефевр [226, 193]. Он выделяет две рефлексивные структуры: субъект чувствует себя и чувствует себя чувствующим себя [193; 54]. Эти структуры можно интерпретировать в рамках механизма дифференциации и интеграции. Дифференциация – это различение психических процессов, которые, взаимоотражаясь, позволяют человеку отразить свои состояния и особенности функционирования. Интеграция в рефлексивном процессе – как снятие (Г. Гегель, 1999) разделенных психических процессов в другом, более обобщенном процессе, на более высоком уровне. Феноменологическим проявлением данного процесса является то, что человек чувствует и отражает свои состояния и процессы. Здесь мы не вдаемся в подробности, как и каким образом и во что это воплощено. К сказанному мы хотели бы добавить, что в модели рефлексии В.А. Лефевра также есть два фундаментальных отношения, которые он называет отношениями соединения и разъединения [193; 57]. В этом мы видим не только подтверждение нашим взглядам, но, скорее, одно из направлений модельного исследования рефлексии, в том числе и в рамках так называемой "теории кооперативной деятельности".

Если же вернуться к нашему пониманию регулятивного акта, который имеет разновидности и выступает как дифференцирующий и интегрирующий, то любой регулятивный акт есть создание пути, реализация, простраивание и о-граничение регуляции. Отсюда, в регуляции как системе регулятивных актов идет простраивание границ и оформление конкретных психологических механизмов посредством рефлексии. Однако рефлексия как механизм функционирования психики включает механизмы дифференциации и интеграции в их единстве, но что это за единство? Да, рефлексия включает вышеназванные механизмы, но не сводится к ним. Она есть целостная и системная организация механизмов дифференциации и интеграции, которые оформляются или ложатся в границу, тем самым ограничивая, а значит, определяя рефлексию. Таким образом, рефлексия оформляет функциональный орган, который с содержательной стороны не есть рефлексия, но и со стороны выполняемых основных функций – тоже. А в чем же тогда выступает рефлексия? В объединении и оформлении функционального органа, в его внутренней простроенности как системе определенным образом упорядоченных элементов. Тогда *рефлексия как*

¹⁰⁴ Смотри подробнее об этом в параграфе о структуре регуляции.

психологический механизм есть о-граничение и изменение функционального органа психики.

В этом плане анализа могут быть выделены два вида рефлексии: изнутри функционального органа и извне. Рефлексия изнутри – это взаимоотражение внутренних границ (уровней и сторон психики), чувствование себя и происходящие процессы. А рефлексия извне – это отражение внешних границ функционального органа в чем-то другом или, на фоне чего-то. Другими словами, рефлексия извне предполагает контекст на фоне или в пространстве которого отражаются внешние границы функционального органа. Это – чувствовать себя чувствующим. Здесь мы подчеркнули содержательную сторону рефлексии, а функционально-отражательная сторона ярче проявляется в регуляции.

Анализируя первый вывод относительно рефлексии как психологического механизма о-граничения функционального органа, мы рассматривали все это в контексте человека, его психосоматической организации. Иной ракурс рассмотрения рефлексии в аспекте регуляции взаимодействия человека в мире. Т.о., обсудим ***второй***, принципиально важный для нас вывод в отношении понимания рефлексии. В регуляции взаимодействия человека с миром рефлексия более ярко и выпукло выполняет свою основную функцию – обращенности психической активности на себя, возвращения как бы к началу и истоку активности. Функциональный орган как оформленная внутренняя активность, механизм проявляется вовне, во взаимодействии человека с окружающей средой, где он находит свое инобытие, и снятие этого инобытия (инога) осуществляется в рефлексии (Г. Гегель, 1999). В этой обращенности на себя оформляются и воплощаются следующие особенности внутреннего мира: *самоизменение и самооформление* (А. Бузман, 1926; Ж. Пиаже, 1996); *овладение собой* (Тейяр де Шарден, 1987; В.И. Слободчиков, 1987); изменение ценностно-смысловых образований (Н.И. Семенов и С.Ю. Степанов, 1985); целостности и законченности (С.Л. Рубинштейн, 1876; Ж. Пиаже, 1996).

Как возможна обращенность на себя? Физиологическим основанием является рефлекторное кольцо, теория функциональных систем (П.К. Анохин, 1978), где, кстати сказать, замыкание цикла возможно и через антиципацию, предвосхищение результата деятельности. Данное положение можно рассматривать как один из истоков в разворачивании внутренней активности живого организма. Что же касается проблемы обращенности на себя, то в предельно обобщенном виде решение её видится (в основном опираясь на механизм интериоризации) так. Человек, воздействуя на мир, регулируя свои действия и поведение, о-граничивает себя теми или иными

предметами, действиями, поступками, мнениями. Его активность находит свой предел, воплощается в чем-то, о-граничивающем человека. Внешняя активность есть продолжение внутренней, но между ними нет однозначной взаимосвязи, поэтому в чем-то они свободны друг от друга и независимы. И могут взаимовлиять одна на другую, тем самым внешнее (внутреннее) о-граничение как-то сказывается на, опять же, внутренних (внешних) границах. Другими словами, за счет различия и тождества внешних и внутренних границ возникает обращенность на себя. Говоря проще, любое внешнее выражение действия, например удар ногой по мячу, не только о-граничивает ногу в движении, но и фиксирует каким-то образом мышцы ноги в момент удара. В этом проявляется обращенность на себя, при которой происходит замыкание рефлекторного кольца, функциональной системы. Но самое главное – через обращенность на себя действия и поведение человека достигают некоторой завершенности, законченности, в том числе и оформленности. Обращенность на себя проявляется и воплощается в повторяемости действий, цикличности и вообще психической активности. Здесь лежит сущностная основа ритма¹⁰⁵ и целостности как человека, так и его психологических функций, процессов и состояний.

Обращенность на себя, а значит, и рефлексия, выполняет несколько важных функций в развитии и становлении человека.

Во-первых, приобретение внутреннего опыта (Дж. Локк, 1985) как базы для эффективной регуляции человеком своего поведения и жизни. *Внутренний опыт на основе внешнего* есть о-граничение собственной активности (по силе, направленности, широте и др.), оплотнение и концентрация её, закрепление связей и отношений. На все это человек может опираться в своем поведении. *А внутренний опыт на основе внутренней деятельности* касается изменения ценностно-смысловой сферы, переживаний, чувств и мнений по поводу чего-то. На сама по себе эта проблема нуждается в специальном рассмотрении.

Во-вторых, обращенность на себя помогает человеку *адаптироваться* к внешним условиям, каким-то образом настроиться на выполнение именно данной деятельности, привлечь к выполнению дополнительные резервы психики. Рефлексия в процессе адаптации выполняет прежде всего функцию обратной связи, посредством которой человек более оптимально, экономично выполняет то или иное действие. Здесь еще проявляется один интересный момент, ведь взаимодействие совершается для чего-то так вот, рефлексия в этом плане как бы помогает человеку обнаружить регулятив-

¹⁰⁵ Смотри более подробно о ритме в главе 7.

ный центр активности (И.В. Слободчиков, 1987; А.А. Тюков, 1987) или изменить его. В этом проявляется и обозначение смыслового центра человека (В.И. Слободчиков, 1987), который выступает основой регуляции человеком своей жизни. В данном случае мы делаем акцент на внешней адаптации, но есть и внутренняя.

В-третьих человек адаптируясь к внешнему миру, регулируя свое поведение, изменяет и себя. Недаром говорил С.Л. Рубинштейн, что человек есть то, что он делает [328], т.е. человек в процессе проявления активности изменяет и себя. Это происходит посредством изменения ценностно-смысловых образований (И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, 1985; Д.А. Леонтьев, 1997; Ф.Е. Василюк, 1984), мышления (особая роль здесь принадлежит рефлексивной абстракции – Ж. Пиаже, 1996), аффективной сферы (Ф.Е. Василюк, 1984; В.К. Вилюнас, 1990). Другими словами, обращенность на себя определяющая рефлексия, проявляется в простраивании, изменении и важном для развития человека

о-граничении внутреннего мира, всех психических образований. В том числе и формировании самооценки как границы Я (Ф. Перлз, 1977; В.В. Налимов, 1989).

В-четвертых, в главной своей функции – обращенности на себя, реализуется механизм о-граничения и изменения того или иного функционального органа количественно и качественно. Это связано с активизацией определенных психологических образований, как в целом, так и соответствующих сторон. Активизация определенных ценностно-смысловых образований ведет к изменению режима функционирования всей ценностно-смысловой сферы, которая влияет на процессы протекания видов активности. Здесь могут найти свое место эмоции и чувства, память и мышление, а также активизированные мотивы, вполне вероятно, проявятся и во внешнем поведении. В данном случае рефлексия изменяет степень активизации и функционирование определенных психологических образований, психологических механизмов (функциональных органов), которые направлены на выполнение некоторой деятельности.

Рассматривая рефлексия с позиции регуляции человеком своего взаимодействия в мире (т.е. в этом случае рефлексия выступает как необходимый и обязательный элемент регуляции), вполне естественно различать виды рефлексии в соответствии с уровнями регуляции. На *стратегическом* уровне регуляции, когда человек соотносит свою жизнь, в контексте социокультурных условий, с жизнью других людей, будет проявлять себя

*метасистемная рефлексия*¹⁰⁶. *Тактическому* уровню регуляции, проявляющемуся в постановке и достижении целей, планировании, соответствует *системная рефлексия*, тогда как операционному, т.е. регуляции в конкретной ситуации – *предметно-ситуативная рефлексия*. Вышеперечисленные виды рефлексии не изолированы один от другого, они находятся между собой в сложной диалектической взаимосвязи. Сама диалектика развития видов рефлексии отражается в их формах, что показано в работах Г. Гегеля [99]. Он выделяет такие формы рефлексии, как: *полагающую* (снятие своего иного, непосредственно); *внешнюю рефлексию* (соотношение с самим собой как со своим небытием); *определяющую* (единство полагающей и внешней рефлексии) [99; 435 - 445]. Конечно, взаимопереход между видами рефлексии посредством их форм чрезвычайно интересно исследовать, но эту проблему мы оставим для других работ.

В итоге нам хотелось бы сказать не только то, что мы поставили больше вопросов, чем ответили на них. Но подчеркнуть особую значимость рефлексии в становлении внутреннего мира человека, в оформлении и ограничении его. Изучение рефлексии в этом направлении очень тесно связано не только с фило- и онтогенезом человека, но и психокоррекционной практикой.

Глава 9. Свобода и выбор жизненного пути

9.1. Психология свободы: иллюзия или реальность

Идея свободы стара, как человеческая мысль. Она присутствует в санскритских текстах, у Великого Стагирита, Эпикура, Августина и Декарта. Пожалуй, лучше всего она выражена в платоновской аллегории о пещере. Что есть свобода, как не усилие, сопровождающее стремление разорвать цепи, взобраться с величайшими предосторожностями и трудностями по крутым стенам пещеры и увидеть, наконец, солнце? Что есть свобода, как не возвращение философа, увидевшего солнце, на дно пещеры, рассказать людям, что все, что они видят, – иллюзия, а подлинная свобода заключается в осознании истины?

Для большинства философов и психологов (Б. Спиноза, И. Кант, Л. Фейербах, К. Маркс, С. Кьеркегор, З. Фрейд, Э. Фромм) свобода означала не столько политическую, экономическую или даже моральную и психологическую свободу, сколько: 1) способность свободно выбирать из

¹⁰⁶ Виды рефлексии определяются в аспекте специфики системного знания по В.П. Кузьмину [194].

двух и более возможностей и 2) освобождение, т.е. способность высвободиться из плена иррациональных страстей. В первом случае свобода предполагает *волевой выбор*; во втором случае она как необходимый компонент включает *осознанность* [395]. Действительно, трудно мыслить свободу в отрыве от осознанности, понимаемой как выявление адекватных причин и прогнозирование последствий выбора той или иной линии жизни. Но реальная проблема заключается не столько в определении, сколько скорее, в содержательном понимании свободы и того, свободны ли мы действительно и доподлинно ли свободны.

Человек – это зависимое существо; он зависит от столь многого (природы, культуры, воспитания, наличного социума, степени удовлетворения своих витальных потребностей и др.), что мифологема свободы для него как манна небесная, создающая иллюзию безграничных возможностей и всемогущества. Однако, как известно, всемогущий человек не свободен в традиционном понимании смысла этого слова, так как свобода всегда от чего-то или в чем-то, а для всемогущего человека все возможно и нет ограничений вне него. Он независим от внешнего мира. Акцент в содержательном толковании свободы перемещается на самого человека, его психологическую организацию. В соотношении внешней и внутренней свободы, в их диалектике скрыты многие проблемы развития и парадоксы личности, а также понимание "социальной" свободы. Один из парадоксов свободы заключается в том, что, побуждая человека к свободе, мы тем самым подталкиваем его к возникновению новой зависимости от содержательного толкования свободы и в рамках социальной, психологической и других свобод. Наивный человек понимает свободу чаще всего на бытовом уровне, как возможность безграничного удовлетворения страстей и простейших потребностей, но это еще большая зависимость от последних. В этом случае от подлинной свободы как возможности строить свою жизнь, исходя из принятых человеком ценностей, остается одна лишь иллюзия. Здесь свобода сталкивается со вседозволенностью и терпит поражение. В чем же причина этого поражения? Может, в том, что закон ортогенеза,¹⁰⁷ предложенный Тейяр де Шарденом, неверен, эволюция ведет к большей социализации человека и потере индивидуальной свободы? Возможно, подтвержде-

¹⁰⁷ Тейяр де Шарден предложил идею развития человека, достигшего определенной сложности. Закон ортогенеза (направленное развитие) значит для Тейяра не что иное, как следующее: более сложным церебральным структурам сопутствует более развитое сознание; человек не только более разумен и сложен, чем высшие животные, но сам находится в процессе эволюции – эволюции, которая приведет его одновременно и к большей социализации, и к большей индивидуальной свободе.

нием этому является концепция фикционализма, разработанная немецким философом-позитивистом Гансом Файхингером [11; 11]. В опубликованной в 1911 году работе "Философия "как если бы"" Файхингер выдвинул положение о том, что поведение огромного числа людей определяется некими социальными "фикциями" (такими, например, как "все люди равны в своих возможностях", "чтобы добиться успеха в жизни, главное – желание" или "главное в жизни – это свобода"), которые совершенно не соответствуют действительности. В погоне за этими фикциями люди бессмысленно расточают силы и энергию, так ничего реально и не добываясь. Отсюда, движущей силой человеческого поведения является фикция, которая формирует телеологический план жизни и порождает нереалистические, достижимые только в воображении, "фиктивные" цели, которые хотя индивидом и не осознаются, но, тем не менее, наполняют его жизнь смыслом и помогают ориентироваться в хаосе бытия. К фиктивным целям, хотя бы отчасти, может быть отнесена и свобода. Другой причиной может быть та, что культура мельчает – возвышается быт. Эту тенденцию отмечал еще великий В. Гете. В ней, как в фокусе, отразилась линия смысло-жизненного опрощения человечества, когда все мечты и думы – о быте, и постоянное культивирование соответствующих витально-предметных ценностей и потребностей. В этом случае происходит содержательная подмена свободы независимостью, при которой относительная не-зависимость от политики государства, когда подчеркивается лишь личная инициатива и деловитость, порождает ситуативную зависимость от конкретного социума, от массовой культуры как "фикции". Вот поэтому независимость – это не свобода, так как последняя предполагает целенаправленную *активность* и осознанные реально совершаемые жизненные, а не витальные выборы. Самоопределение человека в культуре с необходимостью включает в себя поиск смысла жизни и проектирование жизнедеятельности. Свобода – это осуществление проекта собственной жизни. Независимость же ведет к автономии человека, к самодостаточности, а не к свободе. Самодостаточность, как граница положенная в человека, есть проблема развития или деградации его внутреннего мира. Но к этому вопросу вернемся чуть позже.

При анализе понятия "свобода" можно выделить две позиции, детерминирующие понимание свободы, взаимосвязанные и полярные, между которыми она определяется и разворачивает свое содержание. Пространство, очерченное этими полярными позициями (внешнего и внутреннего), не только конструктивно для раскрытия содержания свободы, но в нем улавливается смысловое напряжение, которое может разрядиться глубинным пониманием свободы в человеке и человека в свободе. Где-то эти две сво-

боды сходятся, пересекаются, но где? Поиск этой границы, линии пересечения может оказаться продуктивным. С внешней, по отношению к человеку, точки зрения доминируют, опять-таки, внешние факторы и условия (культурные, экономические, материальные, политические, религиозные, нравственные, правовые), которые определяют внешнее поле свободы. В нем, в этом внешнем по отношению к человеку мире, всегда есть выбор, хотя бы в самом несущественном, но является ли он выражением сущности человека и подлинной свободы? Возможность удовлетворения разнообразных "окультуренных" естественных и материальных потребностей представляет ли собой ли проявление свободы человека? Тем более, что мир, который нас окружает с колыбели, не только не понуждает человека к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно берedit его страсти и аппетиты, которые, в принципе, могут расти бесконечно [281; 318]. Они, эти аппетиты (мотивы, потребности, желания), не отражают сущности человека, его предназначения в мире. Культивирование и поощрение лишь "окультуренных" естественных потребностей опрощает человека, низводит его на уровень общественного животного, т.е. направленного только на потребление, на получение наслаждений и удовольствия. В этой ситуации свобода превращается в иллюзию и фикцию. Мифологема свободы распространяется прежде всего на ситуативно-бытовую сферу, где выбор детерминирован наличием денежных и материальных средств, другими словами, опять же внешними условиями. В данных обстоятельствах человек всецело зависит от окружающего социума сознательный выбор затруднен не только погруженностью человека в сферу бытовых проблем, но и уровнем, недостаточным для осознанного выбора, развития самосознания, рефлексии. Данному положению способствует информационный хаос, разобраться в котором не только сложно, но часто просто невозможно из-за недостатка или избытка информации.

Внешняя свобода есть естественное и необходимое условие для "взращивания" и упрочения внутренней. Наличная культура предстает перед человеком своей внешней стороной, за которой не угадывается её содержание. Наивный человек не видит и не улавливает сути происходящего, душа его, т.е. внутренний мир, при этом не только не развивается, но наоборот, отстраняется и закрывается для внешнего "культурного" воздействия. Дальнейшее изменение внутреннего мира может идти по нескольким направлениям. Например, в первом возникает "экзистенциальный вакуум" [389; 25], душевная пустота и потеря смысла собственного существования, что нередко приводит к суициду [389; 26]. Другая линия изменения внут-

ренного мира приводит к герметизму сознания, при котором человек обзавелся кругом понятий и полагает их достаточными для своей жизнедеятельности. Он считает себя духовно завершенным и самодостаточным. И, ни в чем извне нужды не чувствуя, окончательно замыкается в этом кругу. Это свобода в рамках, которые гораздо уже культуры, ограничивающих как человека, так и его жизнедеятельность. Эти рамки не вне наивного человека, они внутри него, поэтому он их не только не чувствует, не видит и даже не догадывается о них, но они и есть его суть. Барух Спиноза называл таких людей рабами не только социальных фикций, но и собственных страстей и желаний. "Свобода от страстей состоит не в том, что человек задушил их в себе, а сам предался бесстрастному равнодушию (так думали стоики); но в том, что страсти человека сами, добровольно и целостно, служат духу и несут его к цели..." [158; 170]. Иллюзия безграничной свободы как независимости возникает как раз потому, что ограничивающие наивного человека рамки в нем, а не во внешнем мире [281; 321]. Человек не может и не знает способов реализации свободы, однако у него формируется иллюзия свободы и потенциальная возможность быть свободным. Вот этот миф потенциальной осуществимости всего задуманного и становится для человека своеобразной свободой, им он упивается, подменяя реальность выбора его возможностью. Иллюзорность, очевидная для внешнего наблюдателя, но совершенно не очевидная для самого носителя данного мифа. Природа мифа не в истине, не в правде, не в достоверности, а в чем-то совершенно другом. Для наивного человека истинно то, что соответствует структуре и содержанию его переживаний и не соотносится с опытом. Мифологическое сознание есть сознание, непроницаемое для опыта, – указывает Леви-Брюль [203; 61 – 62]. Все, что современный человек называет истиной, так или иначе санкционировано неким коллективным опытом культуры. А человек просто верит в истины своей культуры, и оттого любая культурная истина объективно функционирует по отношению к нему точно так же, как первобытный миф [227; 16]. Человек – это существо, изобретающее мифы, называющее эти мифы истинными, а затем живущее в их рамках и по их законам. И это – одна из самых удивительных и самых загадочных особенностей человека. Миф есть знак культурной самоидентификации человека. Истина которого – не объяснить мир и себя, но оправдать и узаконить существование человека в мире. Миф есть не что иное, как оправдание человека смыслом [227; 31]. Данное положение в социально-психологическом аспекте описано Э. Фроммом в книге "Бегство от свободы", где принятие ответственности за собственную жизнь ведет к то-

му, что человек сам бежит от подлинной свободы к её иллюзии и видимости.

Герметизм сознания дает возможность человеку ощущать себя свободным и совершенным, способным совершить нечто великое, но более всего в воображаемом плане. Этому он находит подтверждение и подпитку в популярной гуманистической психологии, а тренинги роста личности только закрепляют это самомнение, ведь ему так нужны другие, которые подтвердят его домыслы о себе и мире. Душевный герметизм лишает человека возможности ощутить свою неполноту, т.е. сопоставить себя с другими. Сопоставить означало бы на миг отрешиться от себя и превратиться в ближнего, но такой человек не способен к перевоплощению, превращению в другого. Игровое начало, которое направлено на развитие и изменение ценностей, подавлено культом собственного Я. Выход из этого экзистенциального тупика находится в области осознания подлинного Я и всего, что окружает человека, в поиске смысла собственной жизни. Истинная свобода более всего зависит от самого человека, многогранности и простроенности его внутреннего мира. Познание себя и своего внутреннего мира не только сложно, но сопряжено с рядом трудностей и преград. К ним относятся: шаблоны мышления, стереотипы восприятия, мифы о Я и о аутентичной жизнедеятельности человека. Прорваться через эти наслоения к самости человека, к центру Я, к точке отсчета всей жизни не так-то просто. Здесь к сказанному следует еще добавить психологические механизмы защиты, которые для сохранения психологического комфорта искажают взаимодействие человека с миром. Следовательно, обретение свободы во многом заключается в понимании человеком самого себя, в самопознании и определении смысла жизнедеятельности.

Корни свободы могут быть найдены в классическом древнегреческом изречении: "познай самого себя". Самопознание всегда означало преодоление нашей ограниченности, приближение к зрелости, способность стать таким человеком, каким каждый из нас потенциально является. Познание себя возможно при условии, когда человек имеет дистанцию по отношению к себе самому и, отличаясь сам от себя, делает возможной тотальную рефлексию собственной жизни. Это обращенность на свой внутренний мир, на поиск собственной сущности. Человеческое Я постигает себя, чувствует и осознает себя, наблюдает свое хотение, мышление, влечение, ощущение. В этом самодистанцировании человек дан себе как *внутренний мир*, имеющий структурно-системное строение, деятельность которого определяется функционированием психологических механизмов. Самопознание и поиск идентичности собственной личности может пойти и таким пу-

тем, а именно: уходом в мир воображения, иллюзий и фантазии, в область мифотворчества. Но что есть сущность человека, к которой мы стремимся в самопознании? Что в нас самое главное? Поиск ответов на эти вопросы есть стремление обрести идентичность своей человеческой личности. Идентичность – это прежде всего показатель зрелой личности, истоки и тайны организации которой скрыты на предшествующих стадиях онтогенеза [469; 12]. Поиск идентичности – это поиск себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. Идентичность характеризует чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным "Я" независимо от изменений в мире. Однако это есть проявление жесткой зависимости жизнедеятельности человека от ценностно-смыслового ядра человека, его сущности, "свобода – это область судьбы, посылающей человека на тот или иной путь раскрытия Тайны" [396; 232]. В чем же эта тайна, скрытое и сокровенное в человеке? В возможности постичь законы бытия и жизнедеятельности человека?! Мы едва ли можем сказать, что свобода существует; нам следовало бы скорее сказать, что мы добиваемся свободы, обретая и теряя её в себе.

Идентичность личности человека – это его простроенность снизу доверху, это целостность и единство личности, в котором он теряет внутреннюю свободу, но обретает её внешнее выражение. Свобода, следовательно, не столько факт, сколько возможность – подлинное завоевание человеческой личности. Здесь заключен ещё один парадокс свободы. Стремимся в глубины Я, а оказываемся на тропе жизни и с традиционным вопросом: куда стопы направить? Чем глубже погружаемся в себя, тем больше всматриваемся в перспективу собственной жизни. Потеря внутренней свободы ведет нас к приобретению внешней свободы, к возможности выбора и принятию ответственных решений. Человек может быть свободен в той степени, в какой он может стать "пробужденным" к реальности. "Судьба проступает не в том, что нам хочется, – напротив, ее строгие черты отчетливее, когда мы сознаем, что *должны* вопреки хотению" [281; 339]. Идентичность личности и должное есть не только сопряженные понятия, но есть выражение сущности человека, смысла его жизнедеятельности. Ситуация "здесь и теперь" активизирует желания и хотения, т.е. мотивационную сферу человека, которая не отражает в полной мере его самого, а больше окружающий мир. Внешний мир, культура задают модель человеческой жизни, так сказать, предписывают судьбу человеку; однако судьба человека – это не принудительный рок. "Ибо человек впервые только и делается свободным, когда прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие, приходя так к послушанию – но не к безвольной послушности" [396; 232]. В словах

Мартина Хайдеггера выражена необходимость познания мира культуры, осознания его во всей своей полноте, а через это идет осознание необходимости как самого бытия, так и пределов его изменения.

В сфере внутреннего мира (фантазий, представлений, побуждений и т.д.) человек может, используя соответствующие действия, "трансформировать" свободный ход внутренних процессов, развивать их и делать мотивами, ценностями и целями. Человек имеет возможность и желание создавать себе грезы и видения (в том числе и с помощью определенных препаратов) или же в качестве художника приводить душу в движение ради свободной игры воображения и рассудка, оживляя порыв своих способностей представления. Если эти возможности испытаны и открыты, они становятся потребностями и находят свое завершение не во внешнем мире, но во "внутренне внешнем мире", и становится реальным грандиозное перемещение центра тяжести жизни [102; 201]. Здесь не только возможна, но и происходит игра с самим собой. В этом случае человек не только обманывается, но и обманываться рад. Эта та игра иллюзий, которая опьяняет человека, делает его халифом на час. И чтобы удержаться на этой шаткой вершине, человек вынужден постоянно себя обманывать, творить миф собственной жизни. Конечно, это бегство от себя в воображаемый мир, в котором нет тех проблем, с которыми он сталкивается в "реальном" мире. Свобода в игре – это творческое исполнение жизни, а именно осуществление воображаемого творчества, смысловое представление бытия, в известной мере освобождающее нас от свершившихся ситуаций нашей жизни. Такое освобождение, конечно, не реально и не истинно, мы не избегаем последствий своих поступков. Человеческая свобода не в силах перескочить свои последствия. Но у нас есть выбор, в сделанном выборе установлена цепочка следований. В игре у нас нет реальной возможности действительно возвратиться к состоянию перед выбором, но в воображаемом игровом мире мы можем все еще или снова быть тем, кем мы давно и безвозвратно перестали быть в реальном мире. Всякий акт свободного самоосуществления раздвигает горизонт заранее готовых возможностей. Игровая, человек может не отстранить от себя ("как бы") все свое прошлое и вновь начать с точки отсчета. Прошлое, которым мы не располагаем, вновь оказывается в нашем распоряжении. Возможна аналогичная позиция и по отношению к будущему: реальные шансы не взвешиваются, не питается никаких ограниченных надежд, в игре мы способны к самому свободному предвосхищению, для нас нет препятствий, мы можем из-мыслить их прочь, убрать все оказывающее сопротивление, можем создать на арене игрового мира желаемую декорацию. "В игровой "видимости", – как пишет

Э. Финк, – упраздняется историчность человека, игра уводит его из состояний, закрепленных необратимыми решениями, в простор вообще никогда не фиксированного бытия, где все возможно" [384; 400]. В игре жизнь представляется нам "легкой", лишенной тягостей: с нас словно сваливается бремя обязанностей, знаний и забот, игра приобретает черты грезы, становится общением с "возможностями", которые скорее изобретены, нежели обретенны. В этом как раз и проявляется мифологема свободы, как уход в другой, "иллюзорный мир", в мир игры воображения и страстей. Человек же играет тогда, когда он жаждет праздника страстей.

"Внутренне внешний мир" – это, с одной стороны, область роста и развития человека, а с другой – миф, в том числе и литературно описанный, о собственной жизни. Эта сторона необходима и для того, чтобы человек верил в собственную "ценность", так как дело идет о самоутверждении человека. Однако для того, чтобы человек мог удостовериться в собственной ценности, он должен ввести главную "верховную" [396; 81] ценность как точку отсчета. В качестве последней может быть вера человека в некий абсолют, цель и смысл жизни. Но ценность должна быть обеспечена и миру в целом для того, чтобы была реальная возможность проявления самоценности человека. И смысл самоутверждения будет в утверждении той или иной стороны мира. Диалектика общечеловеческих и индивидуальных ценностей на границе двух миров, внешнего и внутреннего, создает возможности для изменения и трансформации значимого сущностного ядра человека, кристаллизации смысла жизнедеятельности.

9.2. Свобода и "простраивание" себя

В последние годы двадцатого столетия в отечественной психологической литературе появился ряд интересных статей и книг, посвященных анализу проблемы свободы и самодетерминации человека [224, 40, 195]. В этих работах приведен обзор отечественных и зарубежных источников, касающихся обозначенной проблемы. Из анализа литературы мы отметим для себя несколько идей, которые считаем продуктивными в содержательном осмыслении психологии свободы. *Во-первых*, выделены аспекты свободы (чувственный, рациональный и действенный), а сама она характеризуется на основе рефлексии границ (Е.И. Кузьмина, 1994). *Во-вторых*, понимание свободы соотносится с многоуровневой регуляцией поведения (Д.А. Леонтьев, 2000). *В третьих*, различают внешнюю и внутреннюю свободу и то, что она не сводится к выбору (Г.А. Балл, 1997).

Мы хотели бы начать анализ свободы в рамках оппозиции "свобода – зависимость", т.к. именно эта оппозиция, на наш взгляд, оттеняет сущно-

стные проявления психологии свободы. Отсюда, если человек свободен, то независим, а если зависим, то несвободен. Зависимость и свобода, чаще всего, рассматриваются по отношению к внешнему миру, ситуациям, людям и, наконец, культуре. Однако человек может быть зависим или свободен от себя¹⁰⁸ или своих чувств, мыслей, установок и др.

В первом случае, человек всегда был, есть и будет зависим от мира. Так как мир и культура определяют в сути своей как самого человека, так и его жизнь. Независимо от того, понимает это человек или нет. Полностью ли культура определяет человека и его жизнь? Конечно, нет, но общие контуры, основные составляющие жизни культура детерминирует. Если человек это понимает и осознает, то что из этого следует? Творить собственную культуру и становиться демиургом, богом. Это может быть уделом только одиночек, гениев, которые поведут по избранным ими путям других. Однако для абсолютного большинства это нереально, хотя и гений нередко становится заложником собственных идей. И так же, как и другие, ограничен рамками созданного, а значит, зависим и не свободен. Таким образом, на стратегическом уровне (по степени обобщения) жизнь человека в общих чертах задана: традиции, уклад, уровень развития науки и техники, особенности наличной культуры, половая принадлежность и др. Если же говорить не о жизни в целом, а об отдельных этапах (тактический уровень), то и здесь человек по большому счету зависим. Так, при выборе жизненного пути, профессии сам выбор человека может зависеть от родителей, друзей, учителей, книг, от того, где живет, условий жизни и т.д. Путь к свободе возможен лишь через осознание не только жизни других людей и самого себя, но и культуры, её ценностей и смыслов. А это не только тяжкий и многотрудный путь, но и не каждому доступный. К этому следует добавить, что общество, социум далеко не всегда подталкивают человека к осознанному выбору, скорее, всячески уводят от него. Более очевидно, наглядно и ярко проявляется выбор, но не ситуативное осознание его (операционный уровень регуляции) в бытовых и житейских ситуациях. Здесь "жизненная" свобода достигает предела. Хочу, могу, делаю. Но свобода ли это? Да, это свобода в самом малом, что доступно для человека. И возникает великая иллюзия для людей неискушенных и не отягощенных познанием и размышлениями о себе и своем месте в жизни. Внешняя свобода, а точнее, её границы всегда определены какими-то рамками (культурными, социальными, природными, ситуативными и др.), но более всего

¹⁰⁸ Этот момент достаточно интересен в плане психопатологии, т.к. можно не только выделить виды и формы зависимости и независимости человека от себя, но, самое главное, наметить новые горизонты анализа проблемы.

они зависят от самого человека, степени развития его культуры и самосознания. Вероятно, поэтому Р. Мэй говорит, что человек свободен в рамках судьбы. И более того, парадокс свободы заключается в том, что свобода своей значимостью обязана судьбе, и наоборот, свобода и судьба, так же, как свобода и зависимость, немыслимы друг без друга. "Любое расширение свободы рождает новый детерминизм, а любое расширение детерминизма рождает новую свободу" [504; 84]. Свободен может быть лишь культурный человек с развитым самосознанием, рефлектирующий свой жизненный путь. Однако этого недостаточно для свободы, необходимо желание и стремление человека сделать свою жизнь лучше и изменять себя. Необходима воля, упорство и настойчивость, энергия и сила [40; 10–11] в реализации некоторых тенденций и не всегда осознанных целей. Данный момент очень важен для понимания психологии свободы, прежде всего своей диалектичностью. Это граница, в которой сходятся внешнее и внутреннее, их взаимодействие, взаимопереходы и размежевания, единство и противоречие. От этой внешне-внутренней границы начинается другая линия анализа в понимании свободы. Восхождение к сущности человека, к тому, зачем он.

Поиск ответа на этот вопрос побуждает человека обращаться к миру культуры и к самому себе. В первом случае сами уровни зависимости и возможной свободы от мира задают поле ориентиров, направлений, тенденций, в которых человек постоянно находится и которые формируют в нем "типическую" основу бытия в мире. С появлением сознания и его рефлексивной функции человек пытается самоопределиваться, найти свое место в жизни и мире. Но для этого нужны некие принятые человеком и важные для него ориентиры. В поисках точки опоры человек обращается к себе и своему внутреннему, сущностному "Я". Но что это такое? Человек не знает себя, и тогда он начинает не только прислушиваться к себе всеми доступными ему способами (самоисследование поведения и чувств, внутренней данности); тогда для человека возникает очень важный вопрос а может ли он изменить себя? Кому это нужно? И самое главное: нужно ли ему изменять себя? Эти вопросы, так или иначе, выводят человека на организацию, иерархию и субординацию внутреннего мира, осознание и понимание себя. Хотя, на наш взгляд, всякий путь к себе опосредован жизненным проектом, который возникает не в безвоздушном пространстве, а значит, зависит от социокультурных условий. По большому счету, свободное существо есть невозможное существо. Человек тоже зависим по природе (культура) и сущности своей (значимость – ценности, смыслы и мотивы), но т.к. он наделен самосознанием и рефлексией, то человек имеет возможность быть

относительно свободным. Это касается как внешних, так и внутренних проявлений свободы. А от чего последнее зависит? От инструментальных ресурсов свободы (Д.А. Леонтьев, 2000), как внешних (объективные ситуации жизни и развития), так и внутренних (физические и умственные способности, степень развития самосознания и рефлексивной функции сознания). Тогда в чем подлинная свобода?

В оптимально (или гармоничном, по А.Г. Баллу [40]) сочетании и взаимодействии внешних и внутренних детерминант, в установлении, осознании границ между внешним и внутренним миром. Границы эти подвижны, зависят как от человека, так и от мира. Здесь возможны два вида жизненной свободы. *Первый*: когда границы внешнего мира захватывают всего человека, и он превращается в один из фрагментов этого мира. Жизнь человека идет на поверхности социума, он выбирает и управляет своим поведением в логике и под влиянием окружения. Есть возможность выбора, но она предопределена наличным социумом. Человек в этой ситуации не обращается к себе и своему внутреннему ценностно-смысловому миру. Жизнь его проходит на чувственно-бытовом уровне, или, иначе говоря, на операционном уровне регуляции жизни. *Второй*: когда человек живет только в себе, своих мыслях, чувствах и фантазиях. Как говорят китайские мудрецы, "Мир пуст в его глазах, клад знаний в нем самом". Здесь критерием истины является сам человек. Тогда он свободен, раз принимает решения самостоятельно? Отнюдь все зависит от содержания и простроенности внутреннего мира. **С одной стороны**, он может быть под сильным влиянием собственных чувств, идей и ничего не замечать другого тогда он зависим и несвободен от них. Они определяют его внешнюю и внутреннюю жизнь, эти идеи, мысли и чувства становятся всем для человека, они его бремя. Это жесткая свобода, хотя человек сам решил, что делать и как быть. Но не под действием ли момента? А потом приходится расплачиваться всю жизнь. В этом случае человек монолит, недоступный самому себе. **С другой стороны**, многое зависит от степени простроенности, осознанности и особенностей функционирования внутреннего мира¹⁰⁹ человека. Регуляция человеком своего внутреннего мира проходит на разных уровнях ценностно-смысловой сферы, с опорой на разнообразные виды активности (когнитивную, аффективную и конативную) и с обязательной рефлексией всего процесса. Суть свободы не в возможности выбора (А.Г. Балл, 1997), а в осуществляемой человеком многомерной и многоуровневой регуляции собственной активности (Р. Харре, 1979; Д.А. Леонтьев, 2000). Или, опира-

¹⁰⁹ Смотри главу 6 о структуре внутреннего мира.

ясы на развиваемый в данной работе подход, *свобода – это многомерная и многоуровневая система рефлексий, простирающаяся внешние и внутренние границы, которые человек учитывает в регуляции своей жизни*. Разумеется, включая и её осознанные уровни. В процессе регуляции человеком внутренней активности идет и простиравание внутреннего мира. Так или иначе, т.е. осознанно или нет, человек определяется в таком исходном для него основании, как собственная сущность, которая, собственно говоря, и задает общую тенденцию как в жизни человека, так и в регуляции его взаимодействия с внешним миром. В данном случае мы не отрицаем наличие свободы у человека, когда он не все осознает и понимает. Главное, чтобы у него проявлялась многоуровневая и многомерная регуляция собственной активности, пусть даже на чувственно-интуитивном уровне. Возможно ли такое? Пожалуй, да, но этот вопрос необходимо исследовать. Когда же человек регулирует свою жизнь осознанно с учетом разнообразных видов рефлексивных процессов (метарефлексия и системная рефлексия), то это путь к свободе построения жизни, отвечающий сущности человека. Именно путь, т.к. свобода – это процесс, а не результат.

9.3. Миф свободы в образовании личности человека

Довольно часто, когда говорят об образовании человека, подчеркивают, что главное – это помочь человеку самостоятельно найти своё место в мире, самоутвердиться в жизни и самореализоваться. В подлинно гуманистическом образовании нет насилия над личностью, она свободна в выборе собственной траектории жизни. Здесь нет шаблонов и "матриц штамповки" личностей человека. Образование – это свободное "вращивание" индивидуально неповторимого и творческого человека. Безусловно, подобные высказывания не только красивы и впечатляющи, но, самое главное, они подпитывают нашу веру в себя и своё, т.е. человеческое, достоинство. А может, это всего лишь наша иллюзия, миф,¹¹⁰ в который мы верим, а дело обстоит как раз наоборот? Человек всё более и более подчиняется нормам, правилам, образцам и популярным мнениям, что не позволяет ему дойти до осознания своего места в мире и самостоятельно построить свой жизненный путь. Он управляем от начала и до конца, а дело лишь в том, чтобы люди этого не замечали и существовали в желаемом, но не действительном мире. Вот об этом мы и хотели бы высказать несколько суждений. Однако

¹¹⁰ Под мифом я, вслед за А.Ф. Лосевым, понимаю развернутое магическое имя (например - свобода) и соответствующие ему господствующие над людьми вполне реальные формы, способы и средства его разворачивания.

для этого нам придется слову "образование" вернуть его исходную именовательную силу, забыв о том лжетолковании, которому оно подверглось в конце XIX века (М. Хайдеггер, 1993).

В понятии "образование" имеется два ключевых смысла. Во-первых, это образывание в смысле формирования, изменения, оформления, изготовления. Такое "образование", во-вторых, все время исходит из предвосхищающего сравнения с неким определенным видом, который зовется поэтому про-образом. Сам про-образ может быть нами осознан или нет – это не суть важно, значимо лишь то, что на него ориентировано образование, его признаки учитываются, с ним сравнивают результат и т.п. Отсюда образование, говоря метафорически, есть "изготовление" личности человека по некоторому образцу в соответствии с задумкой (виртуальным образом) творца. Конечно, мы не имеем в виду здесь бога, а скорее культуру со всеми её социально-психологическими механизмами (Э.С. Маркарян) или целостную систему образования и воспитания человека. Подобная точка зрения чаще всего вызывает *неприятие*, а не *несогласие*, т.к. при несогласии должен звучать полноценный, оппонирующий голос другого. В этом случае срабатывает психологический фактор. Как это я, и вдруг изготовлен под "копирку", такой же, по сути, как все? Человек пристрастно и вдохновенно *верит* в свою уникальность и самоценность, в абсолютную свободу как таковую, без того, чтобы задуматься об этой свободе и её реализации в собственной жизни. Человек не может *принять*, что он управляем, чаще всего не прямо, а косвенно и опосредованно¹¹¹; это вызывает комплекс ущербности и неполноценности (А. Адлер, 1995). Другое дело, если он не знает об этом, – тогда все в порядке. Создается миф, который подпитывает чувство самоценности человека, его социальной и культурной значимости. Вероятно, поэтому Э. Фромм считает, что человек бежит от свободы, как от возможности осознать себя и окружающую действительность. Главное – чувствовать радость жизни, эмоциональный комфорт и быть защищенным от своих же смысложизненных вопросов. Совсем наоборот было у творцов культуры, т.е. её наиболее ярких представителей, когда они, чувствуя и понимая свою "неполноценность", стремились в творчестве обрести себя и свободу самовыражения. И, в этой связи, говорить о нашей зависимости и несвободе опасно, т.к. мы более всего не любим правду о себе; она обнажает нашу подлинную и конкретную суть и опускает на грешную землю.

¹¹¹ В этом и проявляется лукавство некоторых идей о свободе в гуманистической психологии, когда прямое и очевидное воздействие на человека заменяется косвенным и опосредованным воздействием, через контекст, ситуацию, неявное обращение, сдвиг привычного, приобщение, эмпатию и т.п.

Лишь крылья иллюзии, а не глубокого осмысления жизни поднимают нас над землей, но последнее доступно далеко не каждому. Тогда что? Творить новые мифы, которые поддерживают и усиливают нашу самооценку. И одновременно быть относительно свободным в мелочах жизни, как то: что купить и где отдохнуть, и абсолютно зависимым в главном: для чего жить? И куда стопы направить?

Конечно, здесь мы сознательно усилили, если не сказать гипертрофировали, акценты для более яркого высвечивания проблемы. А она в том, что образование не может быть не направленным и не технологичным. Об этом, так или иначе, говорили участники круглых столов "Философия образования: состояние, проблемы и перспективы" (Вопросы философии. 1995. №11) и "Культура, культурология и образование" (Вопросы философии. 1997. №2). Вероятно, поэтому многие участники дискуссии как одну из основных обсуждали проблему целеполагания в образовании (В.С. Швырев, В.М. Розин, Ф.Т. Михайлов, Н.Г. Алексеев, В.А. Лекторский и др.). Вполне очевидно, что данная проблема анализируется под всевозможными углами зрения и на разных уровнях. Сюда следует отнести следующие вопросы: о целях образования как такового и школы на современном этапе развития; ценностях и смыслах образования; модели личности и её отдельных качествах; свободе и ответственности личности человека. В целом же можно сказать, что по большому счету это разговор о про-образе образования, без которого оно теряет своё изначальное значение и социокультурный смысл. Суть проблемы не в том, что целеполагание ограничивает свободу в образовании. А в выработке приемлемого и перспективного для культурного социума целостного про-образа, на который будет ориентировано образование личности человека. Здесь следует заметить, что в истории образования про-образ как ограничивающий и направляющий фактор никогда не был конкретен, однако он не должен быть и слишком абстрактен, тогда он будет не только недостижим, но и нетехнологичен. Разумеется, такой про-образ (идеал, модель, личность с теми или иными качествами и т.п.) не дается кем-то извне, как, скажем, это происходит в религии; он осознается и вырабатывается в конкретной социокультурной среде. В данном деле важен конструктивный диалог педагогической общественности с учеными и другими специалистами в области образования. Отказ от проработки проблем целеполагания в образовании ведет к тому, что этим будут в неявном виде заниматься только СМИ и новые педагогические технологии, которые чаще всего не осознанны в полной мере с точки зрения того, в чем заключается их непосредственное и перспективное влияние на развитие и становление личности человека. По-

следние, к нашему сожалению, больше выбирают исходя из занимательности и яркости процесса, чем из цели этой технологии. Всякая технология на что-нибудь да направлена, весь вопрос только – на что? В этой ситуации создается впечатление, что страх перед тотальным контролем над умами, возможным манипулированием сознанием, особенно ставший очевидным с развитием СМИ, создает предубеждение перед всякой постановкой вопроса о целях образования, об отборе информации. Свобода выбора предоставлена самому образующемуся и нередко "наивному" педагогу (Л.П. Буева, 1997). Но в "море знаний", инноваций, технологий легко утонуть. Тем более, что разлившееся вширь половодье педагогических инноваций ничего обнадеживающего пока не вынесло на берег (Ф.Т. Михайлов, 1995). Приходится все больше и больше утверждаться в мысли, что в образовании стремление к свободе как к осознанному выбору не реализуется, т.к. мы не прилагаем достаточных усилий, чтобы дойти до фундаментального и глобального осознания проблем образования человека. В той или иной степени на поставленные вопросы призвана ответить философия образования, но это дело будущего.

9.4. Парадокс самопознания и исследование смысла жизни

Когда человек задумывается о своей жизни, о том, зачем он живет, или в чем смысл его жизни, то он, с одной стороны, естественно, вступает как бы на путь самопознания, а путь этот очень неопределен и к тому же противоречив. Возникает принципиальный вопрос, т.к. никто толком не знает, куда, в каком направлении двигаться, познавая себя. Да и что такое самопознание? Как правило, рефлексия жизненных событий, случаев и фактов не приводит человека к сущностным обобщениям, кроме того, их нельзя рассматривать вне культурного контекста. С другой стороны, идет анализ жизни окружающих людей и исторических деятелей. Здесь еще более удручающая картина, множество банальных и достаточно пессимистичных высказываний, например, таких, как "смысл жизни в самой жизни" или "нам не дано познать божьего замысла". Предопределенность этих путей поиска ответов на самые главные для человека вопросы в том, что конструктивно решить эти проблемы можно, лишь выйдя на новые горизонты понимания и осмысления жизнедеятельности. В противном случае люди просто обречены на движение по кругу, который в зависимости от уровня развития личности человека может быть или очень маленьким – тогда ему просто надоедает копать в себе или в других, или очень большим, когда уже само движение успокаивает и создает иллюзию осмысленности. Третий путь самый сложный, но одновременно и самый продуктивный. Выход

за пределы устоявшихся культурных ценностей позволит человеку найти новые ориентиры, а следовательно, и иной контекст осмысления. В рамках этого подхода можно выделить две крайние позиции – рациональную и иррациональную. По иррациональному пути идут практически все религии мира и сторонники мистических учений (Г. Гурджиев, К. Кастанеда, Е. Блаватская, Шри Ауробиндо и др.). В данном направлении цель и смысл жизни задаются самими учениями, а обосновывают все это через личный опыт учителей, пророков и ссылками на священное писание. Сторонники рационального подхода – это люди науки, ученые, которые поднимаются до философских обобщений, разрабатывают различного рода концепции и теории, из которых есть возможность найти ответы на предельные вопросы, касающиеся человеческой жизни. Между обозначенными позициями нет непроходимой грани; они взаимопроникают и взаимообогащают друг друга.

Что побуждает человека познавать себя? Исследовать себя? Общим ответом может быть – сама жизнь! Когда мы задумываемся о себе? Пожалуй, тогда, когда есть проблемы, трудности и какие-то негативные переживания. Познающий себя несчастлив! Внутри каждого человека разыгрываются драмы и трагедии, но не каждый извлекает из них соответствующие уроки. Творческий человек тоже имеет жизненные проблемы чаще всего они связаны с реализацией стремления к значимости. Он сомневается в себе и окружающем мире. Жизнь его полна сомнений и раскаяния. Несомневающийся человек – это одноклеточное существо или функция культуры. Но вопрос всё же остается что движет человеком в его стремлении к самопознанию? Трудность выбора и принятия ответственности на себя. Выбор – это самое сложное для человека, – конечно, если человек своей жизнью отвечает за него и понимает это. Как сделать адекватный выбор "по жизни"? В этом процессе адекватного выбора человек перебирает все возможные варианты, сравнивает их между собой и приходит к каким-то основаниям, – это и есть критерии выбора. Именно ими руководствуется человек в выборе линии поведения, жизненного пути и отдельного поступка.

Однако не каждый может непредвзято анализировать себя в "суете мирской" и при этом двигаться по лестнице критериев (мотивы, ценности, смыслы, цели). Человеку часто мешают стереотипы, предвзятость, обыденные мнения и всякого рода идеологемы. Они-то и скрывают истинную суть человека, и пробраться через эти наслоения, конечно, бывает очень непросто. Здесь нужна достаточно развитая критичность мышления. Да и отважиться на движение к самому сокровенному, тайному для себя не так-то просто. Там, в глубинах себя мы подлинные, не такие, какими нас часто

видят окружающие. Здесь нужна воля и целеустремленность. В движении к себе как таковому происходит "резвление", а значит, и изменение человека. Да, мы находимся под "социальным наркотиком" и не видим себя, какие мы есть вне этого контекста, но он же не единственный в этом мире.

Но вернемся к вопросу: что есть сущность человека, к которой мы стремимся в самопознании? Что в нас самое главное? Пожалуй, это то, что движет нами в жизни, т.е. *значимое*. А что это такое? Да всё, что для нас важно и ценно в этой жизни. Вот здесь-то и заключен парадокс. Стремимся в глубины "Я", а оказываемся на тропе жизни и с традиционным вопросом: куда стопы направить? Чем глубже погружаемся в себя, тем дальше всматриваемся в перспективу собственной жизни. В какой-то мере отражением парадокса является и интересная статья В.Э. Чудновского "Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от "внешнего" и "внутреннего" [414], касающаяся аспектов парадокса самопознания. А именно есть как бы два полярных пути искать смысл жизни человека – внешний и внутренний.

В настоящее время активизировался интерес отечественной психологии к проблеме смысла жизни. Проводятся посвященные этой проблеме конференции, симпозиумы, издаются книги и статьи [414, 437, 315, 413, 389, 169]. Сама по себе проблема смысла жизни имеет, конечно, давние философские и психологические традиции. В философской традиции, как отмечает Д.В. Пивоваров, в исследовании проблемы смысла жизни сложились два конкурирующих подхода – онтологический и гносеологический. Первый подход связан с платоновской традицией анализировать смысл жизни индивида с позиции "теоретического разума", а второй – с неокантианской теорией ценности, отдающей приоритет "практическому разуму". В онтологическом прочтении проблема смысла жизни предстает как размышление о заложенном в душе каждого человека некоем образовании, которое дано свыше, а также о превращениях оно в конкретном развитии человека. Кант и неокантианцы принципиально изменили постановку проблемы смысла жизни, низводя её, по сути дела, до вопроса о том, как люди обычно оценивают своим сознанием общие цели своих жизней. Ради чего стоит жить? В чем истинное предназначение человека? Какие цели следует ставить и достигать? А какие не следует? Под смыслом жизни неокантианцы понимали ценность прожитой жизни для самого человека, его окружающих и общества в целом [296; 3 – 4].

В работах отечественных и зарубежных психологов, пожалуй, можно выделить два подхода, отражающих как философские традиции, так и парадокс самопознания в понимании смысла жизни. *Первый* больше присущ

школе Л.С. Выготского. По мнению Л.С. Выготского, перестройка потребностей, побуждений, переоценка ценностей есть тот основной момент, который характеризует переход от одного возраста к другому [94]. Подростковый возраст в плане поиска смысла жизни – особый, т.к. именно в этом возрасте происходит "овладение внутренним миром" за счет формирования самосознания и рефлексивной функции сознания [94; 228 – 341]. Но, пожалуй, наиболее остро вопрос о смысле жизни встает в юношеском возрасте. Возникает потребность осмысливать свою жизнь не как серию случайных, разрозненных событий, а как целостный процесс, имеющий определенное направление, преемственность и содержание. Как пишет И.С. Кон, "Наиболее общей, философской формой раздумий личности является вопрос о смысле жизни" [180; 205]. В работах А.Н. Леонтьева [127], Л.И. Божович [63] и их сотрудников изучались проблемы иерархизации деятельностей и мотивационной сферы человека как основы "выхода" на смысл жизни. В последнем случае главные мотивы человека "...способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни" [213; 221].

Второй подход, философско-мировоззренческий, обозначил в своих работах С.Л. Рубинштейн. Есть два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый способ определяется тем, что "Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом" [329; 347]. Второй способ связан с появлением рефлексии. Человек мысленно занимает позицию вне жизни, выходит за её пределы, определенным образом ограничивает её. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни [329; 348]. Эту линию "выхода человека за пределы себя" продолжает Л.И. Анцыферова [22], К.А. Абульханова-Славская [8]. В проектировании жизненного пути требуется не просто отделение "...значимого от незначимого (к чему часто психологи сводят всю проблему), а в определении меры и масштаба значимости" [8; 39]. В данном случае разворачивание, простраивание значимого для человека воплощается в смысле и цели жизни человека. В этом плане К. Обуховский, В. Франкл пишут, что у человека есть потребность в смысле жизни. Только для К. Обуховского это, так сказать, способ мобилизации себя и своих способностей [277; 182], а для В. Франкла – ответственность за свою жизнь при реализации человеком самого себя [389; 29 – 43].

В своих последних публикациях проблеме смысла жизни много внимания уделяет В.Э. Чудновский [412, 414, 413]. Он считает "...что смысл жизни – идея, содержащая в себе цель жизни человека, "присвоенная" им и

ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка" [414; 15]. Данное определение смысла жизни в чем-то тавтологично, но главное не это, а то что идея составляет каркас смысла жизни. Возможно, поэтому В.Э. Чудновский смысл жизни рассматривает не только как психологическое образование, но и как "буферный механизм", который разворачивается в структуру смысла жизни [74, 413]. Психологическую основу смысла жизни, по В.Э. Чудновскому, составляет структурная иерархия, система больших и малых смыслов [169; 148]. Мы считаем данный подход к пониманию смысла жизни наиболее продуктивным.

9.5. В поисках смысла и цели жизни

Для того чтобы разобраться, что для человека важно в жизни, что он ценит и к чему стремится, необходимо определиться и в смежных понятиях: жизнь (внешняя и внутренняя), смысл и ценность, культура и человек, регуляция. Эти понятия мы уже интерпретировали в соответствующих главах, поэтому сейчас не будем на них останавливаться. Главное, они задают некий общий контур анализа проблемы смысла жизни человека. А так как природой человека является культура, а сущностью значимость (ценности, смыслы, мотивы), то культура и задает поле целей и смыслов жизни человека. Но как это делается? Конечно, через свои социально-психологические механизмы и институты социализации (семья, образовательные учреждения и др.). В этом отношении интересно отнестись к цели и смыслу жизни с позиции психологической структуры культуры.

Говоря о цели и смысле жизни человека, следует прежде всего разобраться в трактовке этих понятий. Цель, чаще всего, понимается как идеальное предвосхищение результата деятельности, т.е. здесь цель деятельности соотносится с ее результатом. Для цели жизни этого явно недостаточно, т.к. осознание и понимание человеком своей жизни – одна из труднейших проблем, стоящих перед человеком. И только в кризисные моменты или когда жизнь подходит к концу, человек в состоянии сказать себе, что цель его жизни – Но и здесь возникает много сопутствующих вопросов. Поэтому содержательное раскрытие цели для человека идет по линии дифференциации некой тенденции, а сама тенденция есть результат интеграций конкретным человеком мотивов, целей, смыслов и ценностей культуры, которые присвоены и приняты как свои собственные. Чем ближе по времени цель, тем она более может быть дифференцирована, структурирована и осознана. Анализ же цели жизни – это скорее процесс дифференциации и интеграции жизненных тенденций, для того, чтобы переос-

мыслить, лучше осознать её отдельные компоненты и, хотя бы на неосознанном уровне, иметь более четкое направление жизненного пути.

Таким образом, в анализе цели жизни следует учитывать фактор времени, меру осознанности-неосознанности, уровень дифференцированности-интегрированности (значимости), общую культуру. Или можно было бы сказать так – хронотопическую организацию значимости. В этом плане цель жизни есть разворачивание сущности человека во времени, т.е. того, что важно и значимо для человека данной культуры. Разумеется, содержательно, структурно цели людей не только различаются, но и имеют нечто общее. Это можно проследить через анализ ценностного поля жизни человека в культуре, что мы и

сделаем при дальнейшем изложении. Какую же функцию выполняет цель в том или ином своем наполнении? Если следовать логике нашего подхода, то прежде всего – интегрирующую, чтобы жизнь человека была более упорядочена и целесообразна, эффективна для самореализации. Но что человеку показывает, верное ли он держит направление в жизни, туда ли он направляет стопы свои? С чем человек сверяет своё жизненное движение? Таким путеводителем является смысл. Именно смысл, как мы показали ранее, указывает направление его жизни. А так как мы прежде говорили о смысле вообще, а не жизни человека, то в дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу. Для интерпретации смысла и цели жизни их полезно сопоставить с важнейшими структурными элементами культуры.

Главными структурными элементами культуры является культ и игра. Тогда цель как ориентирующее на что-то начало сопоставима с культом, который также направляет и организует жизнь человека. Культ задает общее направление жизни, а цель – только отдельный аспект, характерный для данного конкретного человека. Чтобы выделить и найти этот аспект, культ должен быть обыгран. Игра как раз и есть дифференциация культа, процесс, в котором он становится таковым и наполняется культурным содержанием. Игра как бы разыгрывает (дифференцирует) значимое; оно изменяется и опрощается, т.е. идет понижение его уровня. Хотя со стороны может показаться наоборот, т.к. ситуативный фактор выходит на передний план и становится ведущим для человека. На самом же деле здесь проявляется известный в психологии парадокс, который называется эффект "градиента цели". В игре каждый предмет, действие и сам человек имеют вполне конкретное предназначение, т.е. смысл. Таким образом, игра сопоставима со смыслом. Цель – это культ для себя, а смысл жизни – это игра среди других и часто для других. Отсюда: так же, как в развитии культуры необходимыми составляющими являются культ и игра, так и в разви-

тии человека, его внутреннего мира – цель и смысл жизни. Их диалектика, различение и тождество, дифференциация и интеграция, взаимопереходы и взаимопроникновение рождают, создают внутренний мир человека, его внутреннюю культуру.

Внутренняя работа человека по целеполаганию и осмыслению жизни направлена на развитие человека, его самореализацию. Функционирование внутреннего мира, в аспекте целеполагания и осмысления жизни, подчиняется общим психологическим механизмам (дифференциации и интеграции), которые пронизывают развитие и формирование культуры человека и человечества. Конечно, это оправдано только на уровне общих механизмов; реальное же их воплощение имеет в каждом конкретном случае свои особенности и специфику.

Игровое и культовое начало в человеке лишь в процессе реальной жизни станет целью и смыслом, проявится в формировании его сущности. Сущность в аспекте целостной жизни человека, как предельное обобщение, – это ценности, им принятые. Именно они очерчивают общее пространство жизни человека, как бы задают общее поле смыслов и целей жизни. Культ и игра, так же, как цель и смысл, проявляются на разных уровнях обобщения. Поэтому их целесообразно рассматривать не только в аспекте регуляции человеком своей жизни, но и в зависимости от уровня (операционный, тактический и стратегический). Ранее нами были выделены уровни жизни (индивидуальный, личностный и человеческий), а также виды ценностей и виды рефлексии. Все это своеобразным образом проявляется на индивидуальном, личностном и человеческом уровнях регуляции человеком своей жизни.

Значимость различают не только по степени обобщенности, но и в зависимости от угла рассмотрения. Можно, вслед за Г. Гегелем, говорить о значимости в себе, для других и для себя. У конкретного человека эти три аспекта значимости слиты в некое единство, но один из аспектов может доминировать. Когда доминирует значимое в себе, то человек не может различить себя и культуру, в которой живет. На Востоке, например, для различения себя и культуры, остранения, существует специальная практика очищения сознания (буддизм, чань и дзен буддизм). Значимость в себе – это область бессознательного: коллективного, социального, личного или природного (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм и др.). Разумеется, данный аспект значимого в человеке открыт как для спекуляций, так и для гениальных прозрений. У З. Фрейда, например, выделены две детерминирующие тенденции, которые движут человеком – влечение к жизни (эрос) и влечение к смерти (танатос). Также две тенденции выделяет К. Юнг, ближайший сподвижник З. Фрейда. Он считает, что человеком движут две

силы, одна – эрос, другая – жажда власти. Эросу необходима власть, как власти – эрос. К. Юнг обобщает взгляды З. Фрейда (эрос) и А. Адлера (власть); кстати, заметим, своеобразно интерпретируя последнюю. Сам А. Адлер в своих поздних работах использует термины "стремление к превосходству" и "стремление к совершенствованию" как взаимозаменяемые. Совершенствоваться – значит в чем-то превзойти самого себя, а стремление к превосходству – это борьба за самоосуществление и самостановление. Впоследствии это универсальное стремление, открытое Адлером, нашло свое отражение в концепциях самореализации К. Хорни (1950), самоактуализации К. Гольдштейна (1939) и А. Маслоу (1954), актуализирующей тенденции К. Роджерса (1959).

Значимое для других описано и исследовано более всего в этической литературе, так как касается сферы межличностных отношений, норм морали и нравственных принципов. В значимости для других отражено все то, что способствует развитию и функционированию социума, которое, конечно может не совсем совпадать с конкретными мнениями. Значимое для других – это как бы определенное ценностно-смысловое поле межличностного взаимодействия, которое как-то улавливает человек, чувствует его. Большинство ученых считают, что уважение и любовь к другому являются стержнем значимости для других. Так, С.Л. Рубинштейн считал, что любовь к другому человеку выступает как первейшая острейшая потребность [384; 370]. Любовь выступает как утверждение бытия человека.

Самой трудной является проблема значимого для себя. Здесь возникает вопрос о саморазличении и рефлексии не столько собственного бытия, сколько личного развития и движения к пределам внутренней и внешней культуры, а по большому счету – за пределы этих культур. Очень интересные мысли по этой проблеме высказывали С.Л. Рубинштейн и К. Юнг, а именно: человек есть существо, которое стремится к своей самости и подлинному "Я". В человеке существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее делает, сам из себя что-то делает. Но зачем он это делает? И что им движет? Человек в значимом для себя снимает значимое в себе и значимое для других. Если первое – область теоретических концепций и жизненных обобщений, то второе – сфера идеологии, распространенных установок и мнений. И далеко не всегда значимое в себе и для других совпадают или, точнее сказать, снимаются в значимом для себя. Здесь область драмы и трагедии человеческой жизни, поиски и находки. Значимое для себя есть самостроительство, оформление своего "Я", о-граничение его.

Наш подход к определению базовой экзистенциальной тенденции человека вытекает из понимания его природы и сущности. Согласно нашим взглядам, основное, жизненное напряжение человека – это стремление, потребность в эскалации значимости собственной личности. Оно разворачивается в пространстве, которое задано фундаментальными и универсальными общекультурными значимостями. Это позволяет обобщить возможные пути самоопределения человека в культуре и выбора им жизненного пути: во-первых, с помощью того, что человек испытывает, переживает в процессе взаимодействия с миром (индивидуальный уровень). Во-вторых, посредством позиции, которую он занимает по отношению к другим людям (личностный уровень), и, в-третьих, с помощью того, что он дает жизни, другим людям и миру в целом [389; 301 – 302]. Что же помогает человеку находить смысл и цель своей жизни? Для В. Франкла это – совесть, которую он определяет как смысловой орган, как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации. Совесть – это все же категория этики, тесно связанная с самоконтролем и регуляцией, но она не раскрывает глубинную основу человеческого бытия. Смысл нельзя дать, его нужно найти (В. Франкл, 1990). Процесс нахождения и познания смысла подобен восприятию гештальта. Однако целостное видение собственной жизни не только довольно трудное, но и принципиально сложное занятие. Как пишет об этом В. Франкл, "Чем более всеобъемлющ смысл, тем менее он постижим" [389; 88]. Открытие смысла собственной жизни с необходимостью лежит за ее пределами, вне конечного существования человека. Это тот момент, где наука уступает, и мудрость берет верх. Блез Паскаль однажды сказал: "Сердце имеет доводы, которых разум не знает". Поистине есть то, что называется мудростью сердца. Или можно назвать это онтологическим самопониманием. Смысл должен быть найден, но не может быть создан. Мы уже говорили о парадоксе самопознания; так вот, только посредством рефлексивной функции сознания возможно выйти на предельные границы осмысления жизни. Это же есть метарефлексивный уровень понимания и осмысления своего места в жизни.

Эскалация собственной значимости может осуществляться только в общекультурном пространстве значимостей посредством направленной регуляции жизни. Регуляция выступает объединяющим началом и стержнем человеческой личности, формой реализации и формирования значимого в человеке. Человек – это саморегулируемая и самоуправляемая система, которая может сама себя совершенствовать. Проблема закономерностей и механизмов регуляции – одна из ключевых и глобальных в психологиче-

ской науке. В ней, как в фокусе, сконцентрированы все проблемы жизни человека.

Самоопределение – это определение человеком своего места, позиции, положения в проблемных ситуациях. Самоопределение предполагает, что человек владеет информацией о ситуациях или о существующих межличностных отношениях. И не просто знает, а каким-то образом упорядочивает ее, структурирует и выстраивает в соответствии со своим видением. Это во-первых; а во-вторых, параллельно обозначенному процессу идет внутренняя работа по кристаллизации и систематизации внутреннего мира. Человек прислушивается к себе, к своему внутреннему голосу, сравнивает и различает, как бы строя свой внутренний мир, делая его более системным и иерархизированным. Таким образом, процесс самоопределения – это диалог внешнего и внутреннего миров. Упорядочение внешнего мира как жизненной реальности ведет к развитию внутреннего мира.

В процессе развития и жизни человек находится под воздействием двух сил. Первая – это включение человека в культуру, социум, общность людей (интеграция), т.е. происходит социализация растущего человека. Вторая сила, наоборот, выталкивает человека из общности, заставляет его быть самостоятельным, приобретать относительную автономию, т.е. идет процесс дифференциации от наличной общности и индивидуализация человека. Без дифференциации нет личностного развития и нет индивидуации человека (К. Юнг). Столкновение диалектически взаимосвязанных сил создает то основное или "базовое напряжение", которое направлено на эскалацию человеком собственной значимости. Самораздваивающаяся сущность не только становится фактом, но и определяет направленность всего жизненного процесса. Различение значимости как сущности человека в философской и психологической литературе называют "внутренним напряжением", "направленной напряженностью", "ценностными переживаниями" и т.д. Здесь следует подчеркнуть следующее: во-первых, различение значимости в ее конкретных формах (ценности, смыслы, мотивы) несет в себе энергетический заряд, т.е. то, что является источником силы человека, его жаждой жизни; во-вторых, это направленное напряжение на достижение и реализацию конкретных ценностей и смыслов. Как же происходит внутреннее самоопределение человека? В чем здесь проблема, и какие особенности затрудняют внутреннее самоопределение человека? Мы попытаемся описать этот процесс, опираясь на уровни регуляции жизни. Обычно выделяют три уровня регуляции человеком собственной жизнедеятельности (индивидуальный, личностный и собственно человеческий), каждый из кото-

рых находится под влиянием определенного поля значимостей, которые и задают смыслообразующие начала в осознании цели и смысла жизни конкретного человека [436].

Человек, регулируя свое взаимодействие с внешним миром, адаптируется к окружающей среде. Это происходит как бы в пространстве значимостей, где действуют силы дифференциации и интеграции. На полюсе дифференциации формируется значимое для себя, а на полюсе интеграции – значимое для других, и где-то между ними – значимое в себе. На индивидуальном уровне реализуются основные жизненные функции организма, удовлетворяются витальные потребности. Среди ценностей существования доминируют ориентации на эмоционально положительные и эмоционально отрицательные переживания. Конечно, прежде всего человек ориентирован на эмоционально положительное и старается избегать эмоционально отрицательных переживаний, но для того, чтобы испытать радость, порой приходится много страдать и терпеть. На полюсе интеграции человек стремится к тому, чтобы оказать помощь другим людям, дать им что-то, в чем-то быть полезным и нужным. Сущностным выражением интеграции на данном уровне жизни человека является альтруизм (героизм и жертвенность), но не только. Сочувствие и сопереживание другим людям, эмоциональное единство, чувство "мы" – одна из детерминант нашего поведения и жизни. Дифференциация, как необходимая и важная для человека сила, побуждает его удовлетворять прежде всего собственные потребности, заботиться о том, чтобы было достаточно материальных благ, развлечений и комфорта. Другими словами, человек занят обустройством своего быта и дома, т.е. условий существования. Детерминирующая тенденция на этом полюсе – получать радость и наслаждение как от своей расторопности и деловитости, так и от удовлетворения витальных потребностей. В норме наслаждение никогда не является целью человеческих стремлений, оно является побочным эффектом достижения целей. Данную тенденцию мы назвали гедонизмом, но в несколько более расширительном толковании, чем это обычно принято. Таким образом, поле значимостей, или базовое напряжение, на первом уровне регуляции определяется ориентацией человека на альтруизм и гедонизм. Альтруизм и гедонизм диалектически взаимосвязаны; с одной стороны, они взаимно отрицают друг друга и тем самым подчеркивают особенности каждого, а с другой, они есть одно и то же, т.к. направлены на благо, радость и наслаждение. Диалектическая взаимосвязь также указывает и на то, что одна ориентация опосредует другую. Так, для достижения наслаждения приходится преодолевать страдания, испытывать

трудности, и наоборот. Человек, наслаждаясь моментом, отдаваясь полностью сиюминутной радости, приближается к страданию и горю. Значимость эмоциональных переживаний, чувств в регуляции жизни является первостепенной и лежит в основе энергетики человека, его активности.

В психологии и психотерапии является общепринятым, что эмоции, переживания и чувства выступают определяющей стороной внутреннего мира человека. Здесь нам бы хотелось ещё раз вернуться к значению ритма для внутренней жизни (М.М. Бахтин, 1979; Б.М. Теплов, 1985). Ритм – это и есть целостное схватывание, эмоционально-ценностное упорядочивание внутренней реальности. Это сфера потаенного, к которой можно только прислушиваться или настраиваться на чувствование. Необходима тишина и замирание, в которых может обозначиться контур, матрица ритма. Благодаря жизненному опыту, который сопровождают разнообразные чувства, эмоции и переживания, через дифференциацию (тишина, замирание) только и возможно почувствовать и уловить ритм, который отражает внутреннюю данность и служит точкой отчета при самоопределении на операционном уровне бытия. Но жизнь не выразима в ритме человек может только лишь быть одержим ритмом, быть в ритме, как в наркозе, не сознавая себя. Стыд ритма и формы – корень юродства, гордое одиночество и противление другому; самосознание, перешедшее границы и желающее очертить вокруг себя неразрывный круг (М.М. Бахтин, 1979). Когда же человек одержим ритмом, то для него цель психического развития – самодостаточность: "...самодостаточность, самость – архетипический смысл и принцип определения себя в этом мире" [472; 200]. Центральным в психологической концепции К. Юнга является процесс внутреннего перерождения – индивидуации. Индивидуация означает становление единого гомогенного бытия, и насколько "ин-дивидуация" охватывает нашу сокровенную, окончательную и ни с чем не сравнимую неповторимость, настолько она подразумевает становление Самости. Поэтому мы можем назвать индивидуацию "путем к себе" или "само-осуществлением" [472; 373].

Второй уровень регуляции проявляется в системе межличностных отношений, в социуме. На этом уровне человек проявляет себя как личность. Находясь между полярными силами – интеграцией и дифференциацией, человек испытывает чувство одиночества и беспомощности, отдельности и разобщенности с другими. Переживание отчужденности рождает тревогу, неспособность владеть обстоятельствами, возникает состояние экзистенциального страха, как источника роста личности и базового напряжения. Перед человеком возникает проблема и потребность находить новые пути преодоления отчужденности. Поэтому на первое место выходит следующе-

щая пара ценностей существования – это рациональное и иррациональное. Рациональное побуждает человека взвешивать и оценивать происходящие события, искать оптимальные варианты, выбирать. Тогда как иррациональное проявляется в том, что человек не стремится активно осваивать окружающий мир, совершает поступки в зависимости от обстоятельств и более всего опирается на собственную интуицию и веру. На полюсе интеграции, значимости для другого обнаруживается ценность любви. Любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, к кому мы испытываем это чувство. Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает. Потребность в соединении с другими – как спасение от одиночества – тесно связана с желанием познать "тайну человека". Чем глубже мы проникаем в себя или в другого, тем больше цель познания удаляется от нас. Однако мы не можем избавиться от желания раскрыть тайну человеческой души, увидеть сокровеннейшее ядро, которое и есть ее сущность. Есть еще один путь познания другого и себя: это путь полного господства над собой или другим человеком, господства, которое сделает его таким, каким мы хотим, заставит чувствовать то, что мы хотим; превратит его в вещь, нашу полную собственность (Э. Фромм, 1990). Личность человека – это регулятор собственного социального поведения. В процессе регуляции межличностных отношений личность человека может занимать различные позиции по отношению к социуму и другим людям. На характер позиции накладывает отпечаток ориентация человека в поле значимостей, которая возникает между стремлением человека любить других людей, учить их правильной жизни, тратить на них время и жаждой власти. Жажда власти, силы и могущества, эта возможность управлять людьми и обстоятельствами, часто завораживает человека и толкает его как на правые, так и неправые дела. Власть – это стремление к могуществу. Человек в любви стремится как бы перерасти себя самого в определенном ценностном направлении в напряженной эмоциональной одержимости. Человек, имеющий власть, конечно, может распорядиться ей по разному, но большинство считает, что они употребляют власть во благо, для процветания народа. В этом между любовью и властью мы видим родство, а различие – в способах достижения благ. Процесс самоопределения осуществляется посредством познавательной сферы личности человека, яркие примеры проявления которой представлены в философской, религиозно-мистической и отчасти художественной литературе (Ф.М. Достоевский). Опираясь на рассудок и разум, человек ищет разумных оснований для построения жизненного пути, стремится найти точку отсчета для начала собственного личностного развития. Различие в собственных переживаниях и в переживании другого человека преодолевается познанием, или, точнее, познание игнорирует это различие [47; 35]. В данной ситуации человек должен стать ценностно вне

своей жизни и воспринять себя как другого среди других. Это предполагает авторитетную ценностную позицию, обоснованную вне жизни человека. Анализ отдельных явлений и обобщение жизненного опыта, как по отношению к собственной жизни, так и к жизни других людей, нередко рождает довольно пессимистические мысли. А если этой позиции нет, то человек уходит в область самосознания и возникает проблема двойника (тень, альтер-эго, черный человек).

Осмыслению, пониманию человеком собственной жизни способствуют философские и религиозно-мистические теории, системы, которые как бы задают определенный, специфический угол видения жизни и жизненных проблем и, конечно, так или иначе, определяют место человека в мироздании. Однако философские теории – это, как правило, рационально построенные системы, базирующиеся на научных фактах, явлениях и закономерностях, тогда как религиозно-мистические делают акцент на вере, чувствах и интуитивном понимании себя и мира. На данном уровне также существуют два способа самоопределения: через разум и рассудок (рациональный) и через веру и принятие чего-то (роли, учения, религии и др.), а дальше уже в рамках принятого идет самоопределение.

Третий уровень регуляции проявляется в системе отношений "Человек – Мир". На этом уровне доминирует последняя пара ценностей существования: созидаящая активность и разрушающая активность. Человек находится как бы между двух огней; с одной стороны его манит и согревает творчество и созидание, а с другой, определяющей является тенденция разрушать, переделывать, изменять. Это диалектически связанные ценности, каждая из которых несет в себе другую, но в снятом виде. Человек в своем развитии может подняться до уровня человека как носителя культуры, как творца новых миров. У него есть потребность творить, создавать новое, открывать неизвестное в мире, в себе самом и в других людях. Самотрансценденция – это феномен человека. Показать миру самое ценное, что есть в нем, реализовать свой потенциал – это одно из фундаментальных стремлений человека на полюсе интеграции с миром культуры. Человек, созидатель. Однако он может созидать и творить не только внешние миры, но и собственный внутренний мир и даже самого себя. Человек, создавший самого себя, достигший значительного результата, всегда вызывал уважение людей и даже божественное преклонение. Люди, достигшие просветления, каких-то выдающихся духовных результатов, становились учителями человечества. Им добровольно отдавалась духовная власть, и они наделялись божественными свойствами. Тем самым, они дифференцировались от большинства людей, поднимались над ними, чтобы править или вести за собой. Утверждение новых ценностей изменяет жизнь людей, задает им иные ориентиры и соответствующие правила общежития. Учителя,

пророки и гуру имеют не только духовную власть над прихожанами, но и надеются исключительными свойствами и божественной природой. Желание быть особенным и божественным – наиболее важное стремление этого уровня регуляции жизни на полюсе дифференциации. С одной стороны (интеграция), это созидание и творение новых миров, в которых человек живет и хочет жить, а с другой (дифференциация), – это созидание себя для других, для того, чтобы открывать и показывать обычным людям, что может быть и иная природа человека. Самоопределение человека на данном уровне регуляции жизнедеятельности характеризуется своей деятельностной направленностью. Оно осуществляется посредством результатов, продуктов труда, итогов жизнедеятельности, т.е. завершением чего-то ценностно-значимого и целостного для человека. Какие тут возникают проблемы и разыгрываются трагедии, хорошо показано в художественной литературе (Л.Н. Толстой). На одном полюсе человек создает себя, проектирует свою жизнь и творит идеальные и реальные миры, тем самым самоопределяясь в мире. На другом полюсе самоопределение осуществляется через разрушающую активность как по отношению к себе (суицид, наркомания и т.п.), так и по отношению к внешнему миру. Примером тому является не только Герострат и ему подобные, но, частично, практически каждый человек. Идет разрушение сложившихся отношений, жизни, собственного здоровья, унижения другого или других. Войны, конфликты – это те феномены, которые характеризуют проблемы становления, самоопределения человека, народа или государства, а происходит это посредством разрушения чего-то. Сам предметно переживающий свою направленную жизнь субъект непосредственно выражается в поступке, может высказать ее изнутри себя самого в самоотчете исповеди (самоопределении), наконец, свою познавательную направленность, свое мировоззрение – в категориях познавательной сферы, как теоретически значимое. Поступок, деяние, самоотчет-исповедь, покаяние – вот те формы, в которых непосредственно может выразить себя ценностная направленность человека в мире.

Подводя итог сказанному, отметим, что пространство ценностей, целей и смыслов жизни человека, т.е. значимостей находится под воздействием интеграции и дифференциации, которые на каждом из трех уровней регуляции жизни формируют особую базовую напряженность в человеке (значимое в себе). Эта напряженность оформляется, вызревает и формируется между полюсами: гедонизм – альтруизм, любовь – власть, творчество – божественность. Обозначенные полюса не только задают пространство целей и смыслов жизнедеятельности людей данной культуры, но и выступают основными ориентирами для самоопределения и самопознания человека. Сказанное можно наглядно отобразить на рисунке (см. С.305).

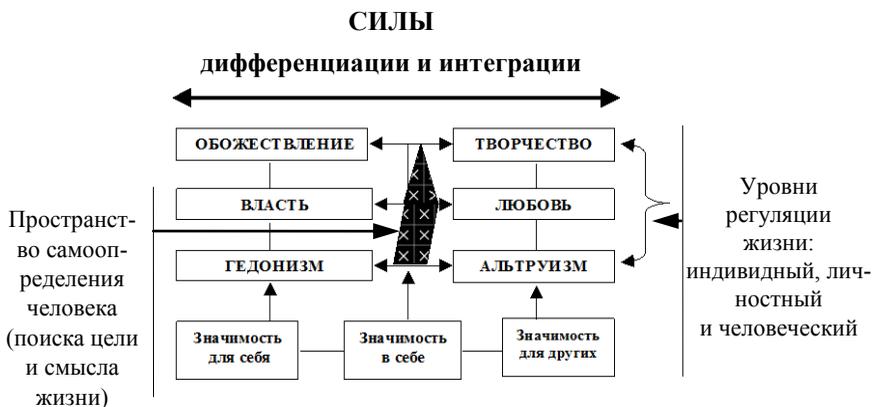

Рисунок 15. Общие контуры ценностно-смыслового пространства, где происходит самоопределение человека, поиск смысла и цели жизни.

Между полюсами и уровнями возможны диалектические взаимопереходы и превращения. Например, альтруизм порождает любовь и может побуждать человека на творчество и созидание, тогда как гедонизм ведет человека к власти над людьми, крайним проявлением которой является божественность римских императоров. Взаимосвязи и взаимопереходы между этими фундаментальными значимостями многообразны, но у конкретного человека формируется и оформляется собственное пространство значимостей и личностных смыслов, которое может иметь такие особенности, как: преобладающая ориентация на интеграцию или дифференциацию, доминирующий уровень регуляции жизнедеятельности или превалирование конкретной значимости. Конечно, процесс индивидуации и самоопределения индивидуален для конкретного человека и содержательно очень разнообразен. На что, кроме того, накладывает свой неповторимый узор национальная культура. Однако подлинное самоопределение в мире культуры возможно лишь тогда, когда человек достигает высшего уровня регуляции своей жизнедеятельности.

Глава 10. Игра и творчество в формировании и развитии человека

10.1. Игра и становление человека

В начале двадцатого века проблема игры стала привлекать пристальное внимание философов и психологов. Причины этого интереса в том, что для философов и культурологов возникли проблемы в понимании и осмыслении культуры и её феноменов. Тогда как для психологов игра всегда была важнейшим социально-психологическим механизмом развития и формирования человека. Существует большое количество теорий игры и подходов к объяснению причин её возникновения. Все существующие теории можно разбить на три группы: 1. Игра как культурный феномен и фактор развития культуры (Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Гессе, М.М. Бахтин); 2. Игра как реализация влечений, чувств и переживаний (К. Бюлер, З. Фрейд, А. Адлер, А. Валлон); 3. Игра как фактор духовного развития ребенка (К.Д. Ушинский, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин). К этому следует ещё добавить то, что выделенные подходы неоднородны, и каждый из авторов имеет свое видение и решение проблем игры. Большинство исследователей чаще всего описывают игру, приводят примеры, выявляют функции игры, говорят о её роли в развитии ребенка или культуры, и совсем мало работ, где анализируются процессы и механизмы, совершающиеся в игре, т.е. изучается внутренняя структура игры. З. Фрейд, Л.С. Выготский и Д.Б. Эльконин как раз те психологи, которые обратили внимание на психологические процессы, происходящие в игре. Вопрос о психологических механизмах игры является, пожалуй, наиболее сложным из всех вопросов, так или иначе касающихся понимания игры. Свидетельством этого могут быть как сами работы психологов и философов, так и их суждения. Д.Б. Эльконин считает, что главная проблема игры – это формирование и развитие мотивационно-потребностной сферы ребенка. Л.С. Выготский только поставил этот вопрос, но не решил его [467; 274]. Одна из причин, вероятно, была в том, что он лишь в конце жизни вышел на проблему целостного осмысления игры и её роли в развитии ребенка и взрослого человека. Так что же происходит с человеком в игре? Почему человек играет и стремится играть?

Игра – это, пожалуй, единственная деятельность ребенка и взрослого, которая существует во все времена и у всех народов. Отсюда, большинство психологов и философов считают, что игра выполняет важнейшую функцию – приобщения ребенка к культуре, к духовному богатству человечества. Как же это происходит? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необ-

ходимо определить исходную позицию. Данная позиция должна характеризовать самое главное, что есть в человеке, так как от понимания человека и его сущности будет зависеть и осмысление игры. Кроме того, вполне уместно заметить, что "Сама по себе проблема сущности игры не может быть решена, если мы будем ожидать ответа от субъективной рефлексии играющего" [95; 148]. Вместо этого зададимся вопросом о способе бытия игры как таковой. Ибо игра обладает своей собственной сутью, независимой от сознания тех, кто играет.

Рассматривая игру как необходимый и обязательный фактор развития культуры в целом и самого человека в частности, считаем, что игра не только присуща всем возрастам, но и обязательна для эффективного и полноценного развития человека. Обоснованием этого положения является то, что в игре происходит развитие внутренней культуры человека через интериоризацию внешней, по отношению к человеку, культуры. Хотя можно было бы сказать, что человек всегда в культуре, она – это его жизненный мир (Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев). Конечно, это так, но освоение культуры идет постепенно, и социально-психологическим механизмом такого освоения является игра (Й. Хейзинга). "Однако мы играем не потому, что в окружающем социуме имеются игры: игры наличны и возможны лишь потому, что мы играем в сущностной основе своей" [384; 336]. Это очень важное положение, которое указывает на источник формирования, развития и самосовершенствования человека в культуре.

Природой человека выступает культура, а сущностью – значимость [436; 34 – 37]. Значимость для человека внешнего мира и самого себя раскрывается через такие психологические понятия, как: потребности, мотивы, ценности, смыслы, смысловые образования, ценностные ориентации, чувства и эмоции. Всё вышеназванное включено в мотивационно-потребностную сферу, которая традиционно считается ядром личности человека. Интегративным индикатором мотивационно-потребностной сферы является базовая направленная напряженность человека (жизненная устремленность, стремление быть самим собой, найти себя в мире, жажда жизни, активность). В культуре она проявляется как стремление к увеличению собственной значимости для других и для себя, со всеми индивидуально-типическими особенностями (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, М.М. Бахтин). Например, М.М. Бахтин пишет, что "стремление к славе – это осознание себя в культурном человечестве истории (пусть нации), в возможном сознании этого человечества утвердить и построить свою жизнь, расти не в себе и для себя, а в других и для других, занять место в ближайшем мире современников и потомков" [47; 136]. Конечно, будущее имеет

организующее значение для человека, который ценностно видит себя в будущем и управляется из этого будущего, но это историческое будущее, которое есть органически продолжающееся настоящее. Это будущее не я-для-себя, а я-для-других – потомков. Эмпирическим подтверждением последнего, вероятно, будет психологический механизм эмоционального предвосхищения результатов деятельности в дошкольном возрасте [314; 19].

Расширению и увеличению собственной значимости (в онтогенезе) прежде всего способствует игра, в которой можно выделить три аспекта рассмотрения. Во-первых, это социально-поведенческий аспект, в котором увеличение значимости эквивалентно повышению социального статуса человека, а также тому, чтобы выиграть, быть первым и лучшим, повысить свой престиж, отличаться и овладеть ситуацией. Во-вторых, это аффективный аспект, где самооценочность человека часто связывается с чувством удовлетворения по поводу выполненной деятельности, переживанием радости и творческого подъема, вдохновением и превосходством. Эмоционально насыщенная жизнь воспринимается как ценность, повышающая значимость и самого человека.

В-третьих, это познавательный аспект; здесь увеличению силы человека, а иногда и могущества помогает воображение и фантазия, интуиция и творчество. В созданном воображением и фантазией мире человек чувствует себя творцом цивилизаций, вещей, живых существ и т.д., т.е. демиургом. Он осваивает пространства вселенной, создает и разрушает города, наказывает непокорных и награждает верных вассалов, другими словами, человек "про-живаает" свои творения, набирается эмоционального и познавательного опыта. Но не только – идет процесс поиска и обретения себя и своего предназначения. К сказанному следует ещё добавить, что сама эскалация собственной значимости имеет две стороны: повышение престижа собственной личности в глазах, чувствах и мыслях других людей и в собственных глазах или в значимых переживаниях (Ф.В. Бассин, Ф.Е. Василюк). Обобщенно это можно было бы интерпретировать как более эффективную регуляцию жизнедеятельности в реальной ситуации или в воображаемом "внешне-внутреннем" мире для достижения поставленных целей, реализации "за-пределных" желаний, воплощения грандиозных планов. Что, безусловно, ведет, хотя и далеко не прямой дорогой, к личностному развитию человека.

Стремление повысить и расширить собственную значимость лежит в основании всякой жизнедеятельности человека. Однако не всякая деятельность, в которой участвует человек, может увеличить его ценность, осо-

бенно это касается детских возрастов. Возникающая в процессе развития нереализуемая тенденция, или значимое напряжение, побуждает человека к участию в игре. В игре человек отстраняется от себя, удваивается и тем самым становится другим. Это своего рода прообраз внутреннего диалога, который разворачивается, уплотняется, структурируется и становится внутренним миром человека. Сама же нереализуемая тенденция (значимое напряжение, детерминирующая тенденция, мотив или потребность) формируется в силу многих обстоятельств, за счет социокультурных, половозрастных, индивидуально-психологических факторов, которые увеличивают важность, ценность, смысл чего-то для человека. Отсюда, часто неосознанно у человека появляется неодолимое желание снять возникшее значимое напряжение. Однако что может помочь в этом? Требуется осознание или просто поиск предмета, ситуации, отношения, которые позволят снять доминирующее значимое напряжение. Здесь как нельзя лучше подходит игра, позволяющая экспериментировать, варьировать всё и всех. Пожалуй, труднооценимый вклад в возникновение и снятие нереализуемой тенденции вносит воображение человека, которое многократно изменяет значение предмета или отношения. В игре человек получает функциональное удовольствие, осваивает социальный опыт, познает мир и себя, воздействует на мир, самоутверждается, упражняется в чем-то, готовится к трудовой деятельности и осваивает культуру. Другими словами, в игре человек "про-живает" многомерность мира, и поэтому функции игры столь же разнообразны, как и мир, в котором мы живем.

Разумеется, не все игры сразу становятся доступными ребенку; в плане генезиса функции игр выстраиваются в определённую последовательность и доминируют в конкретном возрасте. Общим моментом для функций является их указание на то, что значимо для растущего и изменяющегося человека и в каком направлении идет формирование и развитие ценностей, норм, идеалов, мотивов, целей и т.д. Нереализуемая тенденция есть отражение зависимости ребенка от окружающей среды, которая ограничивает его свободу; и эту зависимость он стремится снять, чтобы обрести возможность выбора и саморазвития. Процесс ослабления зависимости, снятия значимого напряжения идет через игру и в игровой деятельности. Конечно, условная реализация нереализуемой тенденции принципиально никогда не бывает полной, скорее, происходит её трансформация и изменение. Конкретная же реализация возможна только за пределами игрового пространства, в реальной жизни. Это связано не только с многомерностью и неосознанностью нереализуемой тенденции, но и с тем, что всякая игра

есть условный процесс косвенного изменения (снятия, эскалации) нереализуемой тенденции.

Говоря об участии человека в игре, возникает два вопроса. Каков психологический механизм включения человека в игру? И что происходит с человеком в процессе самой игры? Мы предполагаем, что таким общим механизмом является превращение, на которое впервые обратил внимание, правда в культурно-историческом плане, Э. Каннети [166]. В первом приближении под превращением следует понимать процесс перехода конкретного человека в кого-то другого, "я" в "ты", "мы" в "они". В рамках отдельных культур и религий превращение понимается как перерождение, перевоплощение, реинкарнация, метемпсихоз, воскрешение, обретение особого свойства или качества и т.д. Превращение рассматривается как древнейший социально-психологический механизм, посредством которого человек осваивает культуру во всех её проявлениях. Превращение, как нам кажется, очень важная и эвристичная категория для понимания развития культуры в целом и формирования внутреннего мира человека в частности. Более того, без знания и понимания психологических механизмов превращения нельзя адекватно осмыслить всех тех изменений, которые происходят с человеком в религиозных сектах, тренингах и группах роста личности.

Превращение, хотя и связано с прошлым, но направлено на будущее, на антиципацию и предвосхищение событий. Примером мастеров превращений являются шаман, трикстер, колдун. Их власть основана на бесчисленных доступных им превращениях. Безусловно, в культуре существует и запрет превращениям, который, по замечанию Э. Каннети, вряд ли был когда-либо с точки зрения науки проанализирован, не говоря уже о том, что осмыслен [166; 497]. Пределом превращений является внутреннее ядро, подлинный облик, природа человека или явления. Стать другим – это значит иметь точно такие же, как у другого, ценности, мотивы, смыслы и исходя из них строить жизнь соответствующим образом. Не только смотреть, видеть, мыслить и чувствовать, как он, но не различать себя и его. В этом есть предел перевоплощения и его не до конца осознанная проблема. А дело, собственно говоря, в том, что, превратившись в кого-то другого, уйдя в другой мир, приходится и возвращаться, т.е. совершать обратное превращение. Сделать это не всегда просто, чему, вероятно, могут препятствовать как индивидуально-психологические особенности, так и сама процедура "прямого" превращения. Проблема обратного превращения актуальна в наше время в связи с распространением различного рода сект, учений, ашрамов, учителей (гуру) и т.п. Для помощи молодым людям необходимо го-

товить соответствующих специалистов. Их нередко называют раскоди-ровщиками. В медицинской практике это вопрос о возникновении и лечении душевных болезней, например, паранойи [166; 496]. В обычной же жизни с невозможностью совершить обратные превращения, связаны, такие психологические феномены, как детская лживость, идентификация, ролевая инертность и т.д.

В силу того, что мы играем в сущностной основе своей, т.е. только обладая способностью к превращениям, человек стал тем, что он есть, и игра представляет в этом как нашу, так и свою сущность. "Игра... ее способ бытия – это саморепрезентация, которая, однако, является универсальным аспектом бытия природы" [95; 154]. В чём проявляется саморепрезентация игры? Или что игра представляет? Чтобы содержательно ответить на этот вопрос, необходимо определить, в чём, собственно, заключается сущность игры. Вот её-то, по-видимому, и предъявляет, демонстрирует игра. Всякая игра процессуальна и прежде всего проявляется в превращениях. В ней есть особая сила и притягательность, которая и побуждает игроков к активности, к предъявлению себя и собственных нереализуемых тенденций. Этой силой выступает значимое напряжение игры, которое осуществляет психологический механизм превращения. Значимое напряжение возникает в процессе игры, объединяя игру в некое замкнутое в себе целое. Игра и есть возникновение и предъявление через превращение своего значимого напряжения для игроков, которые, в свою очередь, играя, демонстрируют собственные нереализуемые тенденции. Значимое напряжение игры – это как бы волшебная палочка, посредством которой преобразуется обыденный мир, превращаются люди, формируется мир иной реальности. В превращениях человек открывает в себе новые, порой неожиданные даже для себя грани и свойства. В игре человек выше себя обыденного, суетного и повседневного. Игра – это и самопознание человека. Именно в игре, превращаясь, человек носит различные маски; одна из них ближе всего его сути. Или, как об этом замечательно сказал Арсений Тарковский:

*Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.*

Взаимодействие, созвучие, резонанс значимого напряжения игры и нереализуемой тенденции ведёт к превращению человека в игрока, к изменению его. Саморепрезентация игры как некой условной ценностно-значимой реальности проявляется лишь тогда, когда нереализуемая тенденция человека созвучна и резонирует со значимым напряжением игры. В этом случае и для самого игрока делаются зримыми собственные желания,

тенденции, ценности. Для того чтобы произошла саморепрезентация, необходимо выполнить ряд внешних условий, характерных для любой игры. К ним следует отнести то, что игра – это свободная деятельность, в которой человек участвует добровольно. Далее, игра – это нечто особенное, искусственное, условное и обособленное от других видов деятельности. Правила и порядок, предписывающие определенное заполнение игрового пространства, составляют структуру игры. Она выступает как некое целое, которое, будучи таковым, может быть представлено повторно, а смысл её доступен пониманию. Структура обретает свой подлинный смысл в процессуальности, т.е. в ходе осуществления игры. Но в той мере, в какой она образует структуру или систему, она каким-то образом формирует внутри себя своё особое значимое отношение, и оно не соотносится ни с чем из того, что вне её. Это значимое отношение является системным качеством игры, её значимым напряжением, которое, как по волшебству, превращает "в пыль золотую жизненный свинец".

Рассмотрим идею о том, что человек играет в сущностной основе своей и тем самым реализует стремление к развитию, самосовершенствованию и самопознанию. В игре за счет появления в условно-значимой ситуации новых свойств у предметов, обязанностей, прав и функций у игроков, целей и критериев оценки идёт умножение и изменение значимого и важного для человека, дифференциация и интеграция, различение и соединение ценностей, смыслов, мотивов, целей и т.д. Данный процесс дифференциации и систематизации значимого в человеке ведёт к его развитию, т.к. он приобретает больше возможностей для адекватного выбора и эффективной регуляции своей жизнедеятельности. Способствует этому и то, что игра не только средство, но особая мнимая ценностно-значимая реальность, которая творит внешний и внутренний миры. Играющий познает игру как превосходящую его силу, где он всего лишь игрок. "Структурная упорядоченность игры дает игроку возможность как бы раствориться в ней и тем самым лишает его задачи быть инициативным, как он должен быть при напряжениях, свойственных бытию" [95; 150]. Это внешние признаки, которые задают общие контуры игры, её структуру. Сама же игра наполняется содержанием в процессе осуществления и "про-живается" людьми, осваивается ими. В процессе про-живания человеком его игровой роли скрыта тайна превращения, изменения человека, а именно, и прежде всего, изменения видения окружающего мира и самого себя. Если после игры это очевидно для всех, то затем идет процесс обратного превращения. Ниже мы подробнее опишем не только сам процесс превращения человека в игре, но и при его вхождении в игру. Это будет рассмотрено не по отношению к ка-

кой-то конкретной игре, где превращение имеет свои особенности и разную степень воплощения, а к игре как таковой.

10.2. Превращение – общий психологический механизм игры

Как мы предполагаем, основным психологическим механизмом игры является превращение. В зависимости от возраста и содержания игры превращение имеет некоторые особенности, важные для реализации, а условием его осуществления является сама игра со всеми присущими ей признаками, правилами, нормами, ситуациями и желаниями игроков. Реализация превращения как психологического механизма игры проходит в два этапа, т.е. стать и быть игроком. *В первом случае* превращение отражает особенности вхождения человека в игру, принятие норм, правил, освоение многомерного (психологического, физического, аксиологического) игрового пространства. И ничего не говорит о трансформации самого человека. *Во втором* – превращение есть трансцендирование, т.е. выход за пределы себя обыденного и ситуативного, изменение внутреннего мира человека, его ценностно-смысловых образований, мотивов. Превращаясь, человек становится другим по сути своей, хотя бы на какое-то время. На первом этапе, при вхождении в игру, игра репрезентирует себя, своё значимое напряжение через желание, стремление человека играть; она для него возможность "прочувствовать" собственные нереализуемые тенденции. В самом же процессе игры уже игроки репрезентируют себя и культивируют свои нереализуемые тенденции.

Пик игры – это когда человек творит игру и игровой мир, растворяется в принятой им роли; тогда его нереализуемая тенденция лишь ответ значимого напряжения игры. Здесь доминирует и реализуется превращение как системный психологический механизм изменения самого человека и игрового пространства. Превращение разворачивается в особом "контексте", ценностно-смысловом поле игры, которое изменяет, трансформирует человека, подгоняя его под игровую роль, и он, в свою очередь, вносит некоторые изменения в то же игровое поле. Постоянное взаимодействие в игре её ценностно-смыслового поля и игрока только и делает возможным игру, превращение человека и реализацию им игровой роли. Превращение – это постоянный переход ценностно-смыслового поля игры во внутренний мир человека и затем его воплощение в игровом мире (С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский). Одновременно в игре реализуются (снимаются, воплощаются, трансформируются) нереализуемые тенденции человека, осуществляющие открытие нового как в себе, так и в игровом пространстве. Сам процесс вхождения в игру связан с эскалацией нереализуемой тенденции; субъективно это ощущается как желание и стремление играть, выиграть,

победить. В отдельных случаях люди, "очарованные" игрой, становятся её фанатами, для них игра – жизненная необходимость.

В процессе игры идет освоение игрового пространства, усвоение ценностно-смыслового содержания игры и снятие нереализуемых тенденций. Опять же, субъективно это ощущается как потеря интереса или удовлетворение результатами игры, разочарование или желание следующий раз сделать всё по-другому. Отсюда, есть игры, в которых ярче проявляется первый этап превращения, – это азартные игры, соревнования, игры-шоу. И игры, в которых доминирует второй этап превращения, – это тренинги, ритуалы, обряды, любовные игры. Игры, в которых преобладает первый этап превращения, более характерны для детей, а для взрослых важны игры, где доминирует второй этап превращения. В этом заключается своеобразный парадокс, так как считается, что игра для детей – это фактор их духовного развития, тогда как взрослые играют для развлечений и времяпрепровождения. На самом же деле взрослые чаще стремятся играть, чтобы изменить себя и окружающий мир, сделать свой внутренний и внешний мир богаче, насыщеннее и разнообразнее или проще, упорядоченнее, где доминирует одна идея или одно чувство, чаще всего – любовь к богу. Примером последнего являются философско-религиозные учения, секты, школы; у них масса последователей, идущих вслед за гуру в надежде обрести иную "опрошённую" реальность. А вот дети играют, прежде всего, чтобы снять возникшее напряжение или для культивирования значимого мотива, ценности, набраться опыта, освоить отношения между людьми, усвоить ориентиры культуры, в которой живут.

Превращение опирается на одну из важнейших способностей человека – воображение, т.е. способность создавать новое и воспроизводить уже известное: ситуации, объекты, условия, понравившихся героев, поведение и т.п. "Несомненно, сила воображения относится к основным способностям человеческой души" [384; 359]. Тысячью способов фантазия проникает человеческую жизнь, таится во всяком проекте будущего, во всяком идеале и всяком идоле, выводит человеческие потребности из их естественного состояния к роскоши и творческим взлётам по преобразованию мира. Как пишет Б. Паскаль, "Воображение всем владеет; оно создаёт красоту, праведность и счастье, к чему стремится мир" [285; 88]. Воображение способствует тому, что человек часто утрачивает различие субъективного и объективного, обостряется способность человека воспринимать целое через единичную частность... Краски поют, звуки имеют форму, а звучащее слово воспринимается так, как будто уже свершился факт, обозначаемый словом. Этот уровень восприятия соответствует синкретичности первобытно-

го мироощущения и древнего искусства; человек как бы "входит в круг чувственного мышления" [227; 155]. Воображение – это тот психический процесс, который как бы одухотворяет окружающую действительность, наполняет её чувствами и красками, делает подвластным человеку внешний и внутренний мир. В игровом пространстве, где царит воображение, все предметы, отношения, люди приобретают тот особый смысл, важность и ценность или значимость, которые характерны для этой игры. Значимое напряжение как бы кристаллизуется в них, опредмечивается (О.Г. Дробницкий) [132]. Ценностно-смысловое поле задает всем предметам, людям, вещам, включённым в игру, свой специфический игровой смысл и ценность. И человек, принявший решение участвовать в игре, сразу включается в это поле направленной напряженности. Оно ориентирует играющих на определенные поступки и поведение, реплики и диалоги, манеру обращения друг с другом, орудия и средства игры, одежду и т.д. Изменение значимости окружающего мира в игре (вещей, предметов, людей, отношений) приводит к дифференциации и интеграции значимого для человека в обычном окружении. Более точные оценки, критерии, ориентиры, индикаторы позволяют эффективней управлять, регулировать поведение, что указывает на развитие и формирование личности человека. Игра также выявляет то, что есть подлинного в человеке, что в других условиях всегда скрывается и ускользает, конечно; это касается самого важного и значимого для человека.

Особые, специфические функции в игре принадлежат игрушке, костюму и маске. Все функции перечислить затруднительно, назовем лишь самые важные: символическая (указывает на что-то, кого-то, намекает, направляет); фасцинативная (облегчает игру и исполнение роли, делает её приятней, помогает в чём-то); ограничительно-фильтрующая (ставится предел, ограничение для роли, действия, перевоплощения. Идет отбор важного и нужного, разделение. На эту функцию обращал особое внимание Ю.М. Лотман); активизирующая (психические процессы, и прежде всего воображение, психические состояния, действия, мотивы и потребности); воздействующая (на игроков и на зрителей); рефлексивная (смотреть на других и себя как бы со стороны, самоудваиваться, переход в игрока и обратно). Игра любит маску, закутывание, маскарад, "непрямое сообщение", двусмысленно-таинственное. В маске воплощено игровое и несколько таинственное начало жизни. С неё начинается, в ней продолжается и, в конце концов, гибнет драма жизни. Разыгрывая маску, человек всегда раздваивается – на "сам" и "она"; удвоение себя характерно для всякой игры. Маска – это и граница, не дающая осуществиться превращению [166; 495]. Мас-

ка, игрушка, костюм не превращаются, они воздействуют тем, что за ними. Маска всегда окутана какой-то особой атмосферой, воспринимаемой как частица какого-то иного мира – мира тайны и волшебства, открытия и чуда. Чем определеннее, конкретнее, правдоподобней маска и игрушка, тем меньше тайны и, следовательно, силы воздействия. Игровые элементы органически присущи карнавальской культуре. "Нужно отметить, что такие явления, как пародия, карикатура, гримаса, кривляния, ужимки и т.п., являются по своему существу дериватами маски" [46; 48]. В карнавальской культуре шутка, юмор, ирония, юродство – основные элементы игровой веселости – прокладывают путь временному освобождению человека в смеховом возвышении над самим собой [384; 398].

Опишем более подробно этапы превращения как психологического механизма изменения человека в игре. В описании и исследовании игры самое важное это за внешне очевидными явлениями увидеть суть, психологическую подоплеку или говоря более обобщенно – выяснить психологический механизм, посредством которого происходит превращение. *Первый этап* – это вхождение в игру. Перед тем как участвовать в игре, человек обычно что-то знает о предстоящей игре или "просто" хочет играть. Он делает свой, чаще всего неосознанный, выбор и "добровольно" принимает и усваивает структурные ориентиры игры (правила, нормы, роли и т.п.). В игре человек не только что-то или кого-то изображает, но и выполняет изобразительные действия, имитирует поведение героя. Здесь область творческой импровизации играющего. Он вдохновляется созданием, опробует роль другого, примеряет эту роль на себя "понарошку", т.е. притворяется другим. Только после этого играющий осваивает новую роль, живет жизнью этого другого существа, подражая герою, где он уже полностью в игре, мыслит и чувствует, как другой. Превращение начинается с принятия роли, с желания стать другим, хотя, конечно, и в обычной жизни человек не совпадает с самим собой (М.М. Бахтин). Принятие роли – это определение своего места в игровом пространстве, что требует от человека конкретной ценностно-смысловой позиции, исходя из которой только и возможно эффективно выполнять возложенные на себя ролевые функции. На первом этапе превращения человек принимает роль, настраивается на её исполнение (внешне: через маску, одежду, изобразительные действия – и внутренне, опираясь на желание играть), осваивает самые необходимые действия, слова и поступки. Однако он ещё далек до истинного воплощения изображаемого героя. Здесь только начинается освоение пространства игры, знакомство и апробирование действием.

Полному и эффективному вхождению в игру способствует воображение человека, которое погружает его в ценностно-смысловое поле игры, создавая ту атмосферу специфической реальности, которая только и есть в игре. Воображение расцвечивает эмоциями и чувствами игровое пространство, стирает грань между реальным и мнимым, помогает полнее войти в мир игровой субкультуры. Только благодаря воображению игра может захватить человека полностью. Воображение также делает возможным вход во внутренний мир другого, вчувствование в роль героя, настрой на выполнение определенных ролевых функций. Подключение воображения при освоении роли есть необходимый этап вчувствования в роль, т.е. процесса активного "проникновения человека в эмоциональный личный мир другого" [209; 48]. Вчувствование даёт человеку как бы "внутреннее знание" роли другого. Данное "знание" есть интуитивный, неосознанный сплав когнитивного, эмоционального и конативного компонентов сознания, форм поведения, чувств и переживаний. Процессу превращения содействует символическая функция игры. Она состоит в том, чтобы превращать нечто, невообразимое в реальной жизни, в поддающиеся контролю ситуации. Это достигается через символическую репрезентацию, которая раскрывает для человека возможность научиться справляться с трудностями, погружаясь в самоисследование. Символическая функция присуща предметам, включённым в субкультуру игрового мира. Да и сама игра является символическим языком для выражения чего-то и самовыражения.

У игры есть свой дух, атмосфера или ценностно-смысловое поле, без опоры на которое невозможно превращение. "Очарование игры, ее покоряющее воздействие состоит в том, что игра захватывает играющих, овладевает ими" [95; 152]. В чем состоит психологическая суть превращения? Вероятно, в том, что, играя, человек попадает под "гипноз" игры, под её внушающее воздействие конечно, в ходе самой игры происходит психическое заражение и подражание. Игра воздействует на участников посредством структурных элементов (ограниченное пространство, тайна, свой язык, правила, нормы и т.д.), содержания и других игроков. Сила и эффективность воздействия игры увеличиваются и благодаря желанию участников играть хорошо, интересу, азарту и престижу игры у других детей. Все это и есть ценностно-смысловое поле игры, наполненное и расцвеченное чувствами и переживаниями. Оно существует только в процессе игры, через поведение, чувства и мысли игроков. Образуя некое целое, особое эмоционально-значимое системное качество, ценностно-смысловое поле изменяет и самих участников игры. Как же осуществляется превращение одной вещи в другую, обычного человека в игрока? Через освоение ценностно-

смыслового поля, не связанное с видимым полем, реальными вещами. Полное включение в ценностно-смысловое поле, освоение его есть самое главное в игре, т.к. освоение и есть превращение [467; 294].

Второй этап превращения начинается с "про-живания" роли. Человек, захваченный игрой и выполнением роли, "проживает" поведение и часть жизни героя, тем самым осваивая ценности и смыслы героя, так как только при этих внутренних условиях возможно эффективно играть. При "проживании" идет внутреннее вхождение в роль, формируется определенный внутренний настрой (установка, ценностно-смысловая позиция) на выполнение ролевых функций. В этой ситуации человек уже не столько контролирует выполнение ролевых функций, сколько доверяет управление образу героя как некому системному качеству. Данное системное качество и есть ценностно-смысловая суть героя, вот её-то и чувствует игрок. Уловить и оформить для себя данную суть, помогают чувства и переживания, которые испытываются в игре. К этому добавляется и то, что демонстрация себя, того значимого напряжения, которое косвенно реализуется в игре, доставляет человеку массу переживаний, но за пределы игры это не выходит. Переживания и чувства являются подлинными индикаторами внутреннего облика героя. Да и сама игра творится в особом ценностно-смысловом поле, в определенной атмосфере, которая не только "ведёт" игроков, но и подпитывает их своей энергией. В процессе игры внутренний мир (эмоции и чувства, потребности и мотивы, ценности и смыслы) участников определенным образом оплотняется, структурируется и оформляется в соответствии с социально-психологическими особенностями игры. Можно было бы сказать простраивание, оформление и о-граничение. Это связано не только с "проживанием" роли, но и с таким механизмом как психическое заражение или резонансом внутренних миров участников игры между собой и с ценностно-смысловым полем игры в целом. Сам настрой на роль и её "проживание" задают не только изменение внутреннего мира, но самое главное режим функционирования психики и, прежде всего, её регулятивных механизмов. А это прежде всего отражение, сохранение и опережающее отражение действительности в форме чувств, информации и поведения. Отрабатываются отдельные схемы поведения, критерии выбора, рефлексивная функция сознания.

Переход человека из одного психического состояния в другое и есть необходимое превращение для выполнения определённой функции или роли. В игре человек превращается в другого сразу и целиком, и это другое психическое состояние, существующее как преобразованное, представляет его подлинное бытие, по сравнению с которым его прежнее бытие незна-

чимо [95; 157]. При этом мы имеем в виду, что некто преобразился и стал другим человеком. Здесь не может быть переходов постепенного изменения, ведущих от одного к другому, так как одно отрицает другое. Таким образом, превращение в игре подразумевает что-то, что было прежде, а теперь не существует. Превращение – это не просто перемещение в другой мир, а прежде всего изменение самого человека. Превращения и преобразования в игре – это преобразование в истинное, а не очарование в смысле колдовства, ожидающее слова, освобождающего от чар; оно само – освобождение, возвращение в истинное бытие. Игра не различает себя и окружающий мир, в данный момент она далека от трезвления. Это вершина игры, с которой игровой мир простирается дальше игрового пространства. Окружающий мир также становится элементом мира игровой культуры. В этот момент отношение к реальному миру и его восприятие носит изменённый "обыгранный" характер. Горизонт мировосприятия и мироотношения изменён самой игрой и тем ценностно-смысловым образом, который сложился в процессе игры. Он живёт, пока жива игра во внешнем или внутреннем мире. После игры человек возвращается к себе самому, но не полностью. Существующий игровой мир разрушается, чтобы возродиться и обновиться. Мир, умирая, рождает. Все, что происходит в игре, разыгрывается и переживается всем человеком, цельным человеком, и мыслью, и чувством, и телом. Эта телесная причастность возможному другому миру, телесная понятность его имеет огромное значение для изменения человека.

Обобщая сказанное, логику этапов превращения можно изобразить так:

Рисунок 16. Процесс превращения при включении человека в игру и в ходе самой игры.

Диалектика внешнего и внутреннего (первый и второй этапы превращения, человек и роль, игра и её направленная напряженность) проявляется в формировании более частных, по отношению к превращению, психологических механизмов, которые начинают функционировать по мере

включения ребенка в игру. Так, на первом этапе превращения человек, осваивая игровую роль, изменяет свое поведение, т.е. всеми доступными ему средствами старается соответствовать принятой роли. Основная его активность направлена на изменение себя, для того чтобы освоить игровую роль. На данном этапе он *изменяет, оформляет и о-граничивает себя в роли*. Это психологический механизм вхождения и освоения роли. На втором этапе, где роль уже принята, идет как бы внутреннее обустройство человека в роли. Роль становится главным ведущим фактором активности и поведения человека, она доминирует во всем (конечно, это касается игрового пространства). Подлинное "Я" человека отступает на второй план. В данной ситуации играющий уже должен роль о-граничивать в себе, чтобы она не подавила его настоящего "Я". На втором этапе превращения психологический механизм выполняет основную функцию – это *изменение, о-граничение роли в себе*. Таким образом, диалектика внешнего и внутреннего в превращении проявляется в том, что *сначала человек изменяет, оформляет себя в роли, а затем о-граничивает роль в себе*.

Превращение как общий психологический механизм игры захватывает всего человека, но не сразу. Диалектика внешнего и внутреннего в превращении отражается и на самом человеке, его психологической структуре. До этого мы описали два психологических механизма, соответствующих этапам превращения, которые последовательно проявляются во времени. Это как бы горизонтальные механизмы. Но при этом идут и личные изменения. Диалектика внешнего и внутреннего в превращении разворачивается уже на ином, личностном уровне. Она приобретает иные формы, а именно – диалектика игры в человеке и человека в игре. Проявляется эта диалектика в о-граничении, пространствовании внутреннего мира человека. Поэтому в соответствии с психологической структурой человека можно выделить *три психологических механизма о-граничения человека в игре*, которые, конечно, взаимосвязаны и, собственно говоря, наряду с горизонтальными механизмами, осуществляют превращение человека в игре. Так вот, *первый* вертикальный психологический механизм направлен на изменение, оформление и о-граничение ценностно-смысловой сферы играющего. Посредством его идет дифференциация и интеграция игровых и жизненных мотивов, смыслов и ценностей. *Второй* вертикальный психологический механизм превращения дифференцирует и интегрирует виды активности (конативную, когнитивную, аффективную). Оформляет чувства и переживания, развивает познавательную и поведенческую сферы человека. Посредством этого механизма формируются в игре произвольное внимание, память, мышление. Возникают новые чувства и переживания. Не го-

воря уже о поведенческих навыках и умениях. *Третий* вертикальный механизм превращения направлен на формирование и развитие рефлексии. Он помогает формировать навыки обратной связи, оценивать результаты действий или игры в целом (системная рефлексия), прислушиваться к себе (предметная рефлексия). Посредством данного механизма, в конце концов, ребенок только и может изменить себя, т.к. именно он как бы завершает и оформляет все те изменения, которые происходят с ребенком в игре.

Значение игры в превращениях, её функции многообразны. Подчеркнём особенности только одной из них – это ограничительно-фильтрующая функция, пожалуй, важнейшая в культурологии. Игра как система фильтров очищает внутреннее пространство от внешнего негативного воздействия, структурирует его. Опишем эту функцию на примере катарсиса. В своем целостном воплощении игра определенным образом изменяет и упорядочивает внутренний мир человека, очищает от тех чувств и переживаний, что были прежде у человека, до игры, и формирует новые. В игре происходит как бы катарсис и антикатарсис, снятие и возникновение значимого напряжения. Но катарсис и антикатарсис для детей и взрослых совершенно разные.

Существовало два типа катарсиса: катартика Аполлона и катартика Диониса. Катарсис ощущался древними греками как восстановление единства в душе разделившейся – удвоенной или "божественным вселением" и "одержанием" (как учила религия), или разделившейся в себе путем раскрытия собственных нереализуемых тенденций. Иногда в результате игры нереализуемая тенденция, направленное напряжение смещается, трансформируется, тем самым открывая перед человеком новые горизонты осмысления бытия. По словам Вяч. Иванова, спасающий целостность личности катарсис есть примирительное упразднение зияющей в душе значимой напряжённости, диады [477; 128 - 151]. Аполлиническая катартика есть образно-иллюзорное примирение, прояснение, просветление, связанное с пониманием гармонической упорядоченности мира, и характерно для взрослого человека. За человеком, находящимся во власти Диониса, охваченным сильным иррациональным чувством (ужас, страх, страсть, самозабвение и т.п.), как бы отрицается возможность перевоплощения. Он находится в экстатическом исступлении и не имеет готового прообраза того, во что он должен воплотиться. Он не замкнут на самого себя, не "самоограничен", а слит с окружающим, с природой, с игрой жизни. Подражание "страстям Дионисовым" не образное воссоздание того или иного явления "в уме", но погружение в само это явление, "воображение". Здесь происходит не мысленное восстановление сущего, а открытость ему, пронизан-

ность им, однако и ограниченность этим сущим. Дионисов катарсис и вид игр характерен более для детей, т.к. их игры и есть сама жизнь. Вот поэтому игры детей более значимы для их формирования и развития, чем игры взрослого человека. Данный вид игр часто ведёт в тупик взрослого человека, пределом которого выступает самоценность или опрощение. Для взрослого Дионисовы игры сама реальность, и только рефлексия может помочь ему выйти из замкнутого круга мнимой самоидентичности, осознать подлинность или иллюзорность собственного бытия. Пожалуй, духовная жизнь героев Ф.М. Достоевского ярко демонстрирует эту экзистенциальную рефлексию в попытках разорвать замкнутый круг игры жизни.

10.3. Творчество – это стремление к значимости собственной личности

Проблема творчества важна и актуальна по многим причинам, прежде всего потому, что творчество – это широкомасштабная тема. От её изучения зависит понимание механизмов развития как человека, так и общества. В свете этой значимости становится все более очевидным, что проблема творчества ещё недостаточно хорошо изучена. Обсуждение вопроса о творчестве затрагивает две проблемы. *Первая* – это проблема источников творчества. *Вторая* – проблема механизмов: при каких условиях имеет место творчество, что представляет собой процесс творческого акта, как человек создает нечто новое, как вообще возникает новое, не существовавшее ранее?

Источники творчества скрыты в глубинах человека, как биосоциального существа (З. Фрейд, Ж. Пиаже, А. Адлер, А. Маслоу). Однако работ, исследующих эти глубины, крайне мало. Так, описывая потребность в творчестве, психологи (Т. Амабайл, С. Голанн, Р. Крутфилд) подчеркивают связь этой потребности с такими, как стремление к порядку (Ф. Баррон) и потребность в достижении (Д. МакКлеланд, Д. Аткинсон, Р. Кларк, Е. Ловелл). Обобщая результаты собственных экспериментальных исследований, В.Н. Дружинин пришел к выводу, что творческая активность детерминруется творческой (внутренней) мотивацией и проявляется в особых условиях жизнедеятельности [133, 67]. В отечественной психологии творчества существуют подходы, где творчество (творчество) в целом понимается как стремление к реализации собственной индивидуальности [477, 505], т.е. реализации основного базового напряжения. Подтверждает повышенное стремление к собственной значимости у творческих школьников исследование С.А. Изюмовой [154], где делается акцент на том, что более способные школьники имеют и более высокий уровень или потребность

самореализации в личностном плане. Стремление к значимости характерно для школьников всех возрастов, но больше всего это наблюдается у ребят с ярко проявляющимися умственными способностями. Эта тенденция имеет свои возрастные особенности. Например, в старшем школьном возрасте наиболее заметно проявляется стремление к самосовершенствованию и установка на значительность своего будущего, на выдающихся людей (Н.С. Лейтес). К сожалению, эта область исследования творчества не отличается большим количеством теоретических и экспериментальных работ.

Для постижения источников творчества и его психологических механизмов необходимо рассматривать творчество как некий целостный процесс, что невозможно сделать, не опираясь на понимание личности человека как единого и системного образования, так как *творчество – это феномен целостной личности*. Проблема целостного и системного представления о личности человека традиционна для психологии (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Левин, Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.П. Парыгин, К.К. Платонов и др.). Каждое из направлений имеет свои достоинства, недостатки и различную степень разработанности. Для целей нашей работы теория личности человека должна удовлетворять следующим требованиям: 1. Иметь системообразующее отношение, начало; 2. Четко определенную структуру; 3. Между различными компонентами структуры должна быть взаимосвязь и логика функционирования; 4. Личность человека – это саморегулируемая система. Данным требованиям в понимании личности человека удовлетворяет подход, в котором человек трактуется как саморегулируемая и саморазвивающаяся система [436]. Базовым же напряжением человека, источником его жизни и развития является стремление к собственной значимости, которое проявляется в особенностях регуляции человеком своей жизнедеятельности и конкретной творческой деятельности. Регуляция и её особенности – это центральный компонент психологической структуры человека. Для осуществления саморегуляции необходимо иметь определенное ценностно-смысловое содержание (ценности, мотивы, знания и др.), которое проявляется во внешней и внутренней активности человека и лишь затем рефлексировается [418]. Каждый из выделенных компонентов психологической структуры личности творческого человека (регуляция, ценностно-смысловое содержание, активность, рефлексия) имеет свои особенности, которые обеспечивают эффективность творческой деятельности и возможность получения новых и оригинальных результатов.

Предлагаемый в статье подход к пониманию психологии творчества базируется на двух концептуальных принципах (К.К. Платонов). *Во-первых,*

главной движущей силой поведения и жизнедеятельности человека является стремление к значимости собственной личности, со всеми возможными нюансами (А. Адлер, А. Маслоу, А. И. Розов, Е.П. Никитин, Н.Е. Харламенкова). *Во-вторых*, человек – это целостная, самоуправляемая, саморегулируемая и саморазвивающаяся динамическая система, которая может самосовершенствоваться в соответствии с поставленными целями и принятыми ценностями. Реализация и развертывание обозначенных принципов находит отражение в концепции творчества.

Стремление к собственной значимости главный фактор, определяющий источник творческой активности человека, его силу и особенности. Не последнее место в культивировании этого источника имеют социокультурные условия (семья, ближайшее окружение, школа, конкретный социум, престиж профессии и др.). Влечение к значимости имеет много проявлений, описание которых зависит от научной позиции автора и его взглядов на сущность человека. Это стремление отражено в таких понятиях, как "борьба за существование" (Ч. Дарвин), "воля к жизни" (А. Шопенгауэр), "воля к власти" (Ф. Ницше), "стремление к превосходству" (А. Адлер), "притязание" (К. Левин), "уверенность в себе" (Дж. Вольпе), "самоактуализация" (А. Маслоу), "самореализация" (К. Роджерс), "самоутверждение" (Е.П. Никитин, Н.Е. Харламенкова) и др. Мы в своей работе используем термины "стремление к собственной значимости", "культивирование значимости собственной личности". Содержательное своеобразие нашего подхода к пониманию творчества заключается в понятии "значимость" [436]. По объему это понятие включает основное содержание понятий "стремление к превосходству", "самоутверждение", "притязание", "самореализация", "самоактуализация". Это с одной стороны, а с другой, подчеркивает главную идею, а именно стремление человека к самоценности (поиск смысла жизни, славы и уважения, силы и слабости, богатства и нищеты). Однако стремление к значимости собственной личности может реализоваться самым различным образом в зависимости от внешних и внутренних условий: социального уклада, жизненных обстоятельств, склонностей, способностей. Особенности механизма реализации обусловлены соотношением следующих структурных компонентов значимости: 1. Стремление к превосходству и самовозвышению; 2. Желание быть таким, как все, слиться с другими; 3. Влечение к самоуничижению, к тому, чтобы быть в чем-то ниже других (проще, беднее, несчастнее). О взаимосвязи первых двух компонентов А. Адлер писал так: "...стремление к власти проявляется завуалировано и пытается утвердиться на путях чувства общности тайным и хитрым способом" [11, 48]. Не менее хитрым способом проявляет себя механизм дос-

тижения собственной значимости, когда идет отрицание другого (принижение его) и самоотрицание (псевдосамоотрицание) себя сегодняшнего ради утверждения завтрашнего [271, 103]. Унизить себя в обычном, характерном для большинства, но возвыситься в чем-то особенном в глазах избранных. Наиболее характерно это для религии, где происходит самоунижение в глазах большинства, но возвышение в глазах бога. Конечно, это связано не только с религиозными и эзотерическими учениями, но и с патологией, невротами, на что указывали ещё А. Адлер и В. Франкл. Стремление к значимости имеет не только вертикальную шкалу, но и горизонтальную, которая включает в себя индивидуально-психологические и социокультурные особенности развития и формирования человека, вплоть до патологий (мазохизм) и тяжких насильственных преступлений (Н.А. Барановский). Стремление к значимости может творить, создавать человека, вознося его чуть ли не до божественных высот, а может и разрушать его, полностью лишая человеческого облика, низвергать в бездны звериного.

10.4. Психологические механизмы творчества

В творчестве человек предельно интегрирован, собран и целостен, он полностью посвящает себя служению делу вот поэтому саморегуляция в творчестве выступает как системное свойство, как объединяющее – создающее гештальт – качество целостной личности. Творческая личность – это особая личность, даже особенная разновидность человека, который, стремясь к реализации собственной значимости, тем самым реализует себя [285, 85]. С.Л. Рубинштейн [325] прямо указывал на то, что "ядро способностей" – это психические процессы, посредством которых регулируются усвоенные операции, качество процессов регулирования. В ходе возрастного развития происходит закономерное изменение уровней и способов саморегуляции. Значение саморегуляции для успешности учебных занятий и роста возможностей ребенка очевидно (Ж. Пиаже, Б. Инельдер). Саморегуляция и умственная активность в их непрерывном взаимодействии выражают как бы разные стороны единой первоосновы способностей (Н.С. Лейтес).

Для творческого человека характерно более сильное стремление, чем для большинства людей, к значимости собственной личности. Оно соответствующим образом выражается в повышенной творческой, познавательной и интеллектуальной активности, на что обращает наше внимание Д.Б. Богоявленская [61], которая под интеллектуальной активностью понимает интеллектуальную инициативу [61, 36]. Интеллектуальная активность – это интегральное свойство некоторой гипотетической системы, ос-

новными компонентами которой являются общие умственные способности и мотивационные факторы интеллектуальной деятельности. Творческая активность имеет разнообразные формы, виды и особенности проявления. Так, оформленная и закреплённая структура интеллектуальной активности отражает когнитивный стиль человека. Когнитивные стили – это способности, но "другие способности", которые имеют отношение к метакогнитивной регуляции интеллектуальной активности, деятельности (М.А. Холодная). Они свидетельствуют о сформированности механизмов интеллектуального контроля.

Творческий человек – это не только тот, который изобретает или делает что-то новое и оригинальное, а более всего тот, кто стремится овладеть собственным поведением и собственной психической деятельностью. Другими словами, это касается совершенствования механизмов саморегуляции и самоконтроля, которое только и возможно посредством рефлексии по отношению к конкретной деятельности, к собственным действиям, связанным с этой деятельностью. Такой механизм саморегуляции нередко называют рефлексивным [198, 41]. Деятельность этого механизма направлена не только на достижение конкретного результата, но и на выработку различного рода внутренних регуляторных схем, позволяющих все более эффективно организовывать свои мыслительные процессы. Рефлексивность интеллектуальной деятельности находит свое отражение и в том, что человек в процессе поиска активно строит те средства, с помощью которых возможна регуляция интеллектуальной деятельности, т.е. свои гипотезы, антиципирующие схемы, модели.

Рефлексивный аспект мышления начал исследоваться О. Кюльпе и созданной им Вюрцбургской школой. "Рефлексия как осмысление субъектом собственного поискового движения – специфическая для познавательной ситуации форма проявления личности как целостности, идентифицирующей себя с осуществляемой деятельностью в целях её регуляции" [336; 33]. И.Н. Семенов считает, что рефлексивная регуляция является основным психологическим механизмом продуктивного мышления. Само же мышление осуществляется на таких уровнях, как операциональный, предметный, рефлексивный и личностный. Они образуют структуру познавательной деятельности. Тогда творческое мышление есть движение мысли по иерархически соподчиненным уровням. Применительно к познавательной деятельности, к творчеству, рефлексия обеспечивает саморегуляцию, бесперебойность и управление протеканием деятельности как через её корректировку, так и через оценку возможностей для устранения разрывов и даже переориентировку поиска для решения творческой задачи. Рефлексивный

компонент выступает как фактор организации мышления. В ситуации "тупика" особую роль приобретает рефлексивное движение, ведущее к осознанию исходного положения и к его продуктивному преодолению. На этом этапе смысловая регуляция в виде интенсификации рефлексии предметного содержания выполняет конструктивную функцию, опосредуя обнаружение принципа (критерия) верного решения [336].

Основой психологического механизма саморегуляции творческой и всякой другой деятельности человека является оценочная функция. И не случайно интегральным элементом одаренности является оценочная, измерительная функция всех сложных психологических структур (А.В.Запорожец, Ф. Бартлет). В психологии творчества оценка выделена как специальный фактор Дж. Гилфордом. Многие феномены и диагностические методы психического развития ребенка, разработанные Ж. Пиаже, основаны на этом фундаментальном факторе. По существу, все сложные психологические структуры выполняют роль измерителей, мерок, с помощью которых человека оценивает окружающий мир, других людей и самого себя. Эти оценки, выраженные в самых разнообразных формах (эталон, предпочтение), определяют степень значимости или обоснованности чего-то. На основе оценок делается выбор и принимаются решения [250; 32]. Способность к оценке обеспечивает возможности самодостаточности, самоконтроля, уверенности одаренного, творческого человека в самом себе, в своих способностях, в своих решениях. Каким же образом происходит оценивание? Каков механизм оценки?

В работах, посвященных развитию творческого мышления, в которых гибкость рассматривается как его отличительный признак, показано наличие особого свойства мышления, заключающегося в выделении испытуемым в проблемной ситуации других, новых свойств и отношений объекта, которые ранее не анализировались [135; 75]. Однако на основе чего, как вообще возможно выделять новые свойства и отношения? На основе выбранного человеком оригинального признака, свойства, т.е. нового критерия. Таким образом, изменение критериев выбора очень тесно связано с творчеством. Об этом, например, В.Т. Кудрявцев пишет так: выбор – это только результирующий акт духовной работы, и поэтому акт выбора не следует идентифицировать с актом творчества. Расширение альтернатив выбора, их осмысление приводит человека к изменению критериев выбора, а значит, и подхода к проблемной ситуации [191; 20]. Подтверждением этому являются работы Д.В. Колесова и Е.Н. Соколова [179], которые на психофизиологическом уровне исследования творчества выделили в каче-

стве критерия выбора детекцию новизны; она наряду с механизмом доминантного фокуса образует психофизиологическую основу творчества.

Продуктивность мыслительной деятельности, творчества, по-видимому, связана с тем, насколько хорошо организована у человека иерархия различных уровней интеллектуальной саморегуляции и насколько быстро и эффективно человек может переходить с одного уровня на другой (Ю.Н. Кулюткин, И.Н. Семенов). Механизм перехода зависит от степени развития уровней рефлексии. На начальном этапе выполнения конкретной мыслительной деятельности (операционный уровень) субъект просто сличает прогноз и результат, не вдаваясь в подробности, т.е. выполняет репродуктивную деятельность, которая нередко заводит в "тупик". В такой ситуации эффективность творческой деятельности связана с выбором средств деятельности и принятием решений. В способности принимать решения, делать выбор выражается регуляторная функция творческого мышления, его самоорганизация (Л.Л. Гурова). Когнитивный стиль, влияя на выбор стратегии деятельности, входит также составной частью в когнитивный механизм принятия решений. Этот механизм состоит в динамическом развитии критериев оценки ситуации в сторону их обобщения и сущностной дифференциации. Используемое при этом интегративное качество личности, входящее в структуру общей одаренности, может быть названо интеллектуальной организованностью [115; 18].

В дальнейшем, на тактическом уровне субъект оценивает свои действия чисто инструментально, в качестве средств достижения цели. И поскольку эти действия имеют не самостоятельный смысл, то возникает возможность "проигрывать" отдельные варианты, выступать в роли другого, лишь бы все эти действия позволяли реализовать исходные планы и замыслы. На этом этапе человек как бы ведет с собой своеобразную рефлексивную игру: он произвольно конструирует игровой мир (правила, допущения, ситуацию и др.) и "проигрывает" его (Ю.Н. Кулюткин). К этой особенности человеческого интеллекта прямо относится метафора, которая исследуется и в плане творчества (В.Н. Телия). Быть способным в метафорах – это признак таланта, потому что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство и различие (Аристотель). При конструировании метафоры необходимо видение явления во всем многообразии свойств и признаков, умение выбрать то (критерии выбора), что будет способствовать осуществлению замысла [460; 126]. Создание этой особой воображаемой реальности и происходит в рефлексивной игре, где человек забывает о времени, о себе, отрывается от мира, общества и истории. Все это служит зарождению творческого процесса, служит обязательной предпосылкой, инициирующей

акт творчества (А. Маслоу). Исследование психологического механизма подобного рода рефлексивных игр несет в себе большой эвристический потенциал для анализа и понимания творчества, однако эта сторона интеллектуальной деятельности человека психологами обходится стороной и не исследована.

В том же случае (стратегический уровень), когда субъект отображает себя как "я-контролера", он делает объектом анализа и оценки свои планирующие и контрольные действия. В этом процессе человек как бы осознает свои внутренние регуляторные схемы и процессы и начинает их произвольно строить и использовать в качестве средств управления и контроля над своей творческой деятельностью. На этом уровне субъект создает критерии своих оценок; он не просто ищет, а вырабатывает программу поиска; он не просто анализирует, обобщает или абстрагирует, а использует приемы анализа, обобщения и абстрагирования в качестве средств достижения своих познавательных целей – словом, производит те "операции над операциями", которые, согласно Ж. Пиаже [295], характеризуют высший этап развития интеллекта. В процессе творчества для субъекта важна координация действий с их основаниями, что и обеспечивает рефлексивная абстракция. Или, как пишет Ж. Пиаже: "все действия, все акты интеллектуального творчества (креативности) относятся к процессам рефлексивной абстракции" [295; 12]. Благодаря рефлексии происходит переход на более высокий уровень мышления, но не только; при этом идет и реконструкция, трансформация того, что уже существовало.

Для творческого человека решение проблемы всегда представляет собой процесс достижения интеллектуальной цели, ответа на поставленный вопрос, обнаружения неизвестного. Этот процесс включает в себя большее или меньшее число регулятивных актов. Выбор пути к обнаружению неизвестного, определение промежуточных целей и вопросов составляет стратегию поиска (О.К. Тихомиров). Поиск определяется мерой предвосхищения, антиципации, прогнозирования (А.В. Брушлинский) оптимальности каждого последующего шага решения, прогнозирования его последствий. Глубина прогнозирования (предвосхищения) составляет необходимый структурный компонент общей одаренности, обеспечивающий возможности более быстрого достижения решений. Концепция креативности Е.П. Торренса [24] основывается на этой интегральной характеристике творчества. Рефлексивно-прогностические процессы служат основой формирования критериев выбора и создание системы критериев для конкретной деятельности. Конечно, для творческой личности характерна специфическая система критериев выбора и саморегуляции. В творческом процессе акцент

делается не на выборе, а на критериях, посредством которых такой выбор становится возможным и, следовательно, реально эффективная саморегуляция как последовательность регулятивных актов

Если попытаться целостно и обобщенно представить психологические механизмы творчества, исходя из нашего подхода, то следует начать со стремления творческого человека к значимости собственной личности. Для творческого человека особенно характерно стремление к эскалации значимости собственной личности и "Я". Это стремление не только направляет, но и мобилизует человека в реализации выполняемой им деятельности. Сделать что-то лучше, качественнее, чем другие, не так, как все. Стремление к значимости охватывает всего человека, он ищет место приложения своих сил и способностей, поэтому творческие люди многое пробуют делать, начинают и бросают, пока не найдут то, где они максимально результативны, и это приносит им огромное удовлетворение. Когда деятельность выбрана, то она захватывает всего человека, он погружен в нее, и деятельность овладевает всеми его помыслами и чувствами. Данное погружение в деятельность в чем-то схоже с игрой и её общим механизмом превращения (как единство вертикальных и горизонтальных психологических механизмов). Пожалуй, в этом плане идея Е.Л. Яковлевой [477, 476] о трансформации когнитивного содержания в эмоциональное только подтверждает наши размышления. Овладение деятельностью, погружение в неё, изменение ценностно-смысловых образований, связанные с выполняемой деятельностью, – они становятся другими, идет их ограничение деятельностью и трансформация. Поэтому для творческого человека характерна несколько отличная, чем для большинства людей, измененная ценностно-смысловая сфера, правда, во всем или нет, – это требуется исследовать. Да и насколько ценностно-смысловые образования устойчивы? Ведь вдохновение приходит и уходит. Изменение ценностно-смысловой сферы сказывается на видах и формах активности творческого человека. Стремление к значимости активизирует весь когнитивный и аффективный потенциал человека; он много и активно работает в выбранной области. Поэтому творческие люди, как правило, большие труженики. Результаты проявления активности фиксируются, систематизируются и обобщаются творческой личностью. Творческая личность способна и сензитивна к самообучению. Что этому способствует? Рефлексия собственной деятельности, самого себя помогает человеку уловить то ценное и важное, что появилось в процессе деятельности. Посредством рефлексии отбираются и формируются критерии эффективного выполнения деятельности. Данные критерии есть продукт собственной деятельности, поэтому они не остаются неизменными, а

постоянно изменяются и совершенствуются. Отсюда, творческий человек не стоит на месте, а есть то, что он делает. Но этим роль рефлексии не ограничивается, т.к. посредством рефлексии идет формирование функциональных органов, психологических механизмов творческой деятельности. Рефлексия объединяет все вышеперечисленные подсистемы личности человека в функциональные органы, посредством которых осуществляется деятельность. Она ограничивает этот орган и оформляет его. Отсюда, культивирование рефлексии (различные виды и формы) принципиально важно для развития творческой личности. Функциональный орган, психологические механизмы творчества – это и есть механизмы регуляции человеком осуществляемой им деятельности. Таково общее представление о психологических механизмах творческой деятельности. Вполне понятно, что это скорее постановка проблемы, которую нужно исследовать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев Н.В., Лепехов С.Ю. Методы регуляции социального поведения в тайных религиозных объединениях старого Китая (на материале буддийских объединений) // Источниковедение и историография истории буддизма. Страны центральной Азии. Новосибирск, 1986. С.85-99.
2. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
3. Абалкин Л.И. Тектология А.Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. 1995. № 8. С.3-7.
4. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань, 1987.
5. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
6. Абульханова-Славская К.А. Личностные механизмы регуляции деятельности // Проблемы психологии личности. М., 1982.
7. Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С.10-61.
8. Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М., 1982. С.19-44.
9. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
10. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
11. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.

12. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1974.
13. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С.73-85.
14. Алексеев Н.Г. Использование психологических моделей мышления в изучении и диагностике шахматного творчества // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С.133-153.
15. Ананьев Б.Г. Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976.
16. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
17. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. М., 1989.
18. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
19. Антилогова Л.Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания личности. Омск, 1999.
20. Антология мировой философии. М., 1969. Т.1.
21. Антология мировой философии. М., 1971. Т.3.
22. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1982. С.3-18.
23. Анцыферова Л.И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
24. Анцыферова Л.И. Некоторые вопросы исследования личности в современной психологии капиталистических стран // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М., 1974. С.278-318.
25. Аптер М. Дж. Теория реверсивности и человеческая активность // Вопросы психологии. 1987. № 1. С.162-169.
26. Аргайл М. Психология счастья. М., 1991.
27. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. М., 1975.
28. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.3. М., 1981.
29. Арнольд А.И. Человек и мир культуры: Введение в культурологию. М., 1992.
30. Арсеньев А.С. Размышления о работе С.Л.Рубинштейна "Человек – Мир" // Вопросы философии. 1993. № 5. С.130-160.
31. Артемьева Т.И. Взаимосвязь потенциального и актуального в развитии личности // Психология развития и формирования личности. М., 1981.
32. Артемьева Т.И. Проблема способностей в трудах С.Л.Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С.202-216.
33. Асеев В.Г. Значимость и временная стратегия поведения // Психологический журнал. 1981. Т.2. № 6. С.28-38.

34. Асеев В.Г. Проблема мотивации и личность // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С.122-145.
35. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., Изд-во МГУ, 1979.
36. Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В., Петровский В.А., Субботский Е.В., Хараш А.У., Цветкова Л.С. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. 1979. № 4. С.35-48.
37. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
38. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977.
39. Бабаева Ю.Д., Адлер Ю.П., Тихомиров О.К. Анализ попыток формализации процесса принятия решений и проблема целеобразования // Психологические механизмы целеобразования. М., 1977. С.184-212.
40. Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 5. С.7-19.
41. Балл Г.А., Бургин М.С. Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение // Вопросы психологии. 1994. № 4. С.56-26.
42. Барановский Н.А. Социальные потребности личности и преступное поведение (на материалах судебной практики о тяжких насильственных преступлениях): Автореф. дис. ... канд. наук М., 1978. – 11 с.
43. Басов М.Я. Воля как предмет функциональной психологии. Пг., 1922.
44. Бассин Ф.В. "Значащие" переживания и проблема собственно психологической закономерности // Вопросы психологии. 1972. № 3. С.105-124.
45. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
46. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. – 48 с.
47. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
48. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
49. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т.1.
50. Берзницкас А.И. Экспериментальное исследование некоторых характеристик интеллектуальных эмоций: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1980.
51. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988.
52. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
53. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
54. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. М., 1997.

55. Бессонова О.М. Референция, метафора и критерий метафоричности // Логико-семантический анализ структур знания: Основания и применение. Новосибирск, 1989. С.31-63.
56. Библер В.С. Итоги и замыслы (конспект философской логики культуры) // Вопросы философии. 1993. № 5. С.75-94.
57. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1991.
58. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии. 1967. № 9.
59. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
60. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн.1-2.
61. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов. Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 176 с.
62. Бодалев А.А. Субъективная значимость другого и определяющие ее факторы // Вестник МГУ. 1985. № 2.
63. Божович Л.И. К развитию аффективно-потребностной сферы человека // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978. С.168-179.
64. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. М., 1968.
65. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М., 1995.
66. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1981. № 2. С.46-55.
67. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. № 5. 1997. С.3-20.
68. Брентано Л. Опыт теории потребностей. Казань, 1921. С.10.
69. Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982.
70. Брудный А.А. К теории коммуникативного воздействия // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977. С.32-50.
71. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
72. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т.12. № 6. С.3.
73. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
74. Вайзер Г.А. Смысл жизни и "двойной кризис" в жизни человека // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 5. С.3-14.
75. Валлон. А. От действия к мысли. М., 1956.
76. Васильев И.Н., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивации и контроль за действием. М.: Изд-во МГУ, 1991.

77. Васильев И.А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психологический журнал. 1998. Т.18. № 4. С.49-60.
78. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.
79. Веккер Л.М. Психические процессы. Т.3. Л., 1981.
80. Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11.
81. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
82. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990.
83. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М., 1984. С.5-28.
84. Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.
85. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
86. Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция. М.: Изд-во МГУ, 1987.
87. Вундт В. Введение в психологию. М., 1912.
88. Вундт В. Психология душевных волнений // Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М., 1984. С.47-63.
89. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. М., 1966. № 6.
90. Выготский Л.С. [Конкретная психология человека] // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1986. № 1. С.52-66.
91. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.
92. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982. Т.1.
93. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1983. Т.3.
94. Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1984. Т.4.
95. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. – С.148.
96. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1999.
97. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т.1. М., 1959. С.441-470.
98. Ганзен В.А., Головей Л.А. Отношение между потенциями и тенденциями в структуре индивидуальности // Личность и деятельность. Л., 1982. С.3-11.
99. Гегель Г. Наука логики. М., 1999.
100. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1972. Т.2.

101. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т.1.
102. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.201.
103. Генисаретский О.И. Художественные ценности в структуре образа жизни и окружающей среды. М., 1985. С.5. – (Общие проблемы искусства. Обзорная информация. Вып.1).
104. Голицын Г.А. Информационный подход в психологии творчества // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С.210-231.
105. Голицын Г.А. Рефлексия как фактор развития // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.54-60.
106. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
107. Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительского действия. М., 1995.
108. Граве П.С. Системный подход к исследованию патологии психики // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. М., 1981.
109. Григорьев С.В. Пространство-время игры: психологические размышления об игровых биографиях // Мир психологии. 1999. №4(20). С.168-180.
110. Григорьева Т.П. Образы мира в культуре: встреча запада с востоком // Культура человека и картина мира. М., 1987. С.262-300.
111. Гройсман А.Л. Проблемы ролевой психотерапии // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С.175-204.
112. Грот Н. Психология чувствований // Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М., 1984. С.64-83.
113. Гроф С. За пределами мозга. М., 1993.
114. Гулыга А.В. Принципы эстетики. М., 1987.
115. Гурова Л. Л. Когнитивно-личностные характеристики творческого мышления в структуре общей одаренности // Вопросы психологии. № 6. 1991. С.14-21.
116. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.
117. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 6. С.20-28.
118. Давыдов В.В. О двух основных путях развития мышления школьников // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. Тбилиси, 1971. С.686-687.
119. Давыдов В.В. О понятии личности в советской психологии // Психологический журнал. 1988. Т.9. № 4. С.22-33.

120. Давыдов В.В., Зак А.З. Уровень планирования как условие рефлексии // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.43-49.
121. Демин М.В. Проблемы теории личности. М., 1977.
122. Джемс У. Психология. СПб., 1911.
123. Джидарьян И.А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации человека // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С.145-170.
124. Дилигенский Г.Г. Проблемы теории человеческих потребностей // Вопросы философии. 1976. № 9. С.30-44.
125. Дилигенский Г.Г. Проблемы теории человеческих потребностей // Вопросы философии. 1977. № 2. С.111-123.
126. Дильман В.М. Большие биологические часы. М., 1981.
127. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. № 10. С.129-144.
128. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978.
129. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1996.
130. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.1. М., 1972.
131. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.2. М., 1973.
132. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1967.
133. Дружинин В.Н. Интеллект и продуктивность деятельности: модель "интеллектуального диапазона" // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 2. С.61-71.
134. Дубов И.Г. Такое многоликое влияние. М., 1989.
135. Ермакова Е.С. Генезис гибкости мыслительной деятельности в детском возрасте // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 3. С.74-82.
136. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. М., 1997.
137. Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С.254-277.
138. Завершнева Е.Ю. Превращенные формы в теории архетипов К.Г.Юнга // Вопросы психологии. 1999. № 6. С.70-77.
139. Запорожец А.В., Неверович Я.З. О генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Вопросы психологии. 1975. № 6. С.70-77.
140. Звегинцев В.А. К вопросу о природе языка // Вопросы философии. 1979. № 11. С.67-78.
141. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. М., 1982.

142. Зейгарник Б.В. Теория личности К.Левина. М., 1981.
143. Зинченко В.П. Идеи Л.С.Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. 1981. Т.2. № 2. С.118-133.
144. Зинченко В.П. Интуиция Н.А. Бернштейна: Движение – это живое существо // Вопросы психологии. 1996. № 6. С.135-139.
145. Зинченко В.П., Гордеева Н.Д. Н.А.Бернштейн и психология действия // Вестник МГУ. 1996. № 3. С.17-26.
146. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии М., 1983.
147. Зотова О. И., Бобнева М.И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения // Методологические проблемы психологии / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М., 1975.
148. Иванников В.А. Потребности как жизненные задачи // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1997. № 1. С.14-20.
149. Иванников В.А. К сущности волевого поведения // Психологический журнал. 1985. № 3. С.47-56.
150. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1991.
151. Иванов В.Г. История этики древнего мира. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
152. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977.
153. Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.
154. Изюмова С.А. К проблеме природы способностей: задатки мнемических способностей у школьников литературного и математического классов // Психологический журнал. 1995. Т.16. № 6. С.55-71.
155. Иконников А. Мера пространства – человек // Декор. искусство СССР. 1973. № 3. С.14-17.
156. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1979. С.183-236.
157. Ильин Е.П. Сущность и структура мотива // Психологический журнал. 1995. Т.16. № 2. С.27-41.
158. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
159. Ильясов И.И. Система эвристических приемов решения задач. М., 1992.
160. Истошин И.Ю. Ценностные ориентации в личностной системе регуляции поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С.252-268.
161. Ишкова М.А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

162. Кабаченко Т.С. Активизация человеческого фактора: методы психологического воздействия // Психологический журнал. 1986. № 4. С.14-22.
163. Каверин С.Б. О психологической классификации потребностей // Вопросы психологии. 1987. № 5. С.121-129.
164. Каганский В.Л. Этюды о границах // Мир психологии. 1999. № 4(20). С.103-115.
165. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М., 1984.
166. Каннети Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
167. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Соч.: В 6-ти томах. М., 1966. Т.6. С.335-588.
168. Кант И. Критика чистого разума. Ростов-н/Д., 1999.
169. Карпова Н.Л. Психологические, философские и аксиологические проблемы смысла жизни // Вопросы психологии. 1998. № 4. С.148-150.
170. Кастанеда К. Учение дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Киев, 1992.
171. Киришбаум Э.И. Психолого-педагогический анализ конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
172. Клапаред Э. Чувства и эмоции // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К.Виллюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М., 1984. С.93-102.
173. Кнабе Г.С. Категория престижности в жизни древнего Рима // Быт и история в античности. М., 1988. С. 143-170.
174. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С.62-80.
175. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988.
176. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3. С.41-49.
177. Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А. Общение и проблема интериоризации // Вопросы психологии. 1985. № 1. С.110-120.
178. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
179. Колесов Д.В., Соколов Е.Н. О психофизиологии творчества // Психологический журнал. 1993. Т.14. № 6. С.43-54.
180. Кон И.С. В поисках себя: Личность и её самосознание. М., 1984.
181. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
182. Конопкин О.Н. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
183. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1.

184. Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: Философские и психологические проблемы. М., 1997. С.37-56.
185. Коршунова Л.С., Пружинин Б.И. Воображение и рациональность. М.: Изд-во МГУ, 1989.
186. Коссов Б.Б. Личность: актуальные проблемы системного подхода // Вопросы психологии. № 6. 1997. С.58-69.
187. Кравченко А.С. Демонстративное поведение человека: общепсихологический подход к проблеме // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1997. № 1. С.67-77.
188. Круглов Б.С. Роль ценностных ориентаций в формировании личности школьника // Психологические особенности формирования личности школьника. М., 1983. С.4-11.
189. Крупник Е.П. Психологические механизмы воздействия искусства на личность // Психологический журнал. 1988. Т.9. № 4. С.89-100.
190. Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984. № 3. С.25-33.
191. Кудрявцев В. Т. Выбор и надситуативность в творческом процессе: опыт логико-психологического анализа проблемы // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 1. С.16-31.
192. Кудрявцев В.Т. Космологическая миссия воображения // Виртуальные реальности: Труды лаборатории виртуалистики. М., 1998.
193. Кузнецова Н.И. "Непостижимая" эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии (интервью с В.А.Лефевром) // Вопросы философии. 1990. № 7. С.51-58.
194. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1976.
195. Кузьмина Е.И. Психология свободы. М., 1994.
196. Кузьмина Н.В. Способности, одарённость, талант учителя. Л., 1985.
197. Куликов В.Н. Прикладное исследование социально-психологического воздействия // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С.158-172.
198. Кулюткин Ю.Н. Рефлексивная регуляция мыслительных действий // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М., 1979. С.22-29.
199. Кьеркегор С.Н. Болезнь к смерти // Этическая мысль / Отв. ред. А.А.Гусейнов. М., 1990. С.360-471.
200. Ладенко И.С. Феномен рефлексивного стиля мышления и генетическая логика // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.8-25.

201. Лазарев В.С. Проблемы понимания психического развития в культурно-исторической теории деятельности // Вопросы философии. 1999. № 3. С.18-27.
202. Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М., 1979.
203. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С.61-62.
204. Левин К. Топология и теория поля // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С.122-131.
205. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М., 1983.
206. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
207. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М., 1983.
208. Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст. М., 1971.
209. Лейтц Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я.Л.Морено. М., 1994. С.48.
210. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
211. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды в 2-х томах. Т.1. М., 1983.
212. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды в 2-х томах. Т. 2. М., 1983.
213. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
214. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
215. Леонтьев А.Н. Психология искусства и художественная литература // Литературная учеба. 1981. № 2. С.177-186.
216. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1979. № 2. С.3-14.
217. Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации. Новосибирск, 1992. – 215 с.
218. Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. № 2. С.107-117.
219. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 6. С.13-28.
220. Леонтьев Д.А. Значение и смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал. 1996. Т.17. № 5. С.19-30.
221. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1996. № 4. С.35-45.
222. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1997. № 1. С.20-27.

223. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993.
224. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т.21. № 1. С.15-25.
225. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С.15-27.
226. Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. С.25-31.
227. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург. 1997, С.16.
228. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Психологический журнал. 1985. Т.6. № 1. С.103-109.
229. Логинова Н.А. Развитие личности и её жизненный путь // Принципы развития в психологии. М., 1978. С.156-172.
230. Лой А.Н. Сознание как предмет теории познания. Киев, 1988.
231. Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Т.1. М., 1985.
232. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
233. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М., 1996.
234. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
235. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990.
236. Лосев А.Ф. История античной философии. М., 1989.
237. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975.
238. Лосев А.Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы мышления // Вопросы философии. 1998. № 8. С.144-153.
239. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.
240. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1994.
241. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1968.
242. Лурия А.Р. Эволюционное введение в психологию. М., 1975.
243. Мазур Е.С. Проблема смысловой регуляции в свете идей Л.С.Выготского // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 1983. № 1.
244. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С.5.
245. Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. 1972. № 10. С.77-86.
246. Марков М. Теория социального управления. М., 1978.
247. Маркова А.К., Никонова А.Я. Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя // Вопросы психологии. 1987. № 5. С.40-48.
248. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
249. Маслоу А. Психология бытия. М., 1997.

250. Матюшкин А.М. Концепция творческой одаренности // Вопросы психологии. 1989. № 6. С.29-33.
251. Матюшкин А.М. Основные направления исследования мышления и творчества // Психологический журнал. 1984. Т.5. № 1. С.9-17.
252. Матюшкин А.М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопросы психологии. 1982. № 4. С.5-17.
253. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии. 1991. № 10. С.41-48.
254. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
255. Миллер Д., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.
256. Миславский Ю.Н. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М., 1991.
257. Митькин А.А. Принцип самоорганизации систем: Критический анализ // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 4. С.117-132.
258. Михайлов А.В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII-XIX вв. // Быт и история в античности. М., 1988. С.219-270.
259. Михеяк В. Социальные ценности молодежи Словении 1990-х годов // Иностранная психология. 1997. № 8. С.23-30.
260. Момов В. Человек. Мораль. Воспитание. М., 1975.
261. Морозов С.М. Смыслообразующая функция психологического контекста // Познание и личность. Ч.2. М., 1984. С.56-64 (депонирована в ВИНТИ, № 2882-84).
262. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С.356-362.
263. Мусек Я. Система ценностей посткоммунистической Европы в переходный период // Иностранная психология. 1997. № 8. С.17-22.
264. Мяло К.Г. Космогонические образы мира: между Западом и Востоком // Культура, человек и картина мира. М., 1987.
265. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
266. Надирашвилли Ш.Н. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.
267. Нажмудинов Г.М. Проблема человека в немарксистской философии США XX века. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.
268. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989.
269. Нарский И.С. Джон Локк и его теоретическая система // Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Т.1. М., 1985. С.3-76.
270. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения М., 1988.

271. Никитин Е. П., Харламенкова Н.Е. Самоутверждение человека // Вопросы философии. 1997. № 9. С.96-118.
272. Никифоров Г.С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л., 1977.
273. Никифоров Г.С. Теоретические вопросы самоконтроля // Психологический журнал. 1985. Т.7. № 5. С.19-37.
274. Носов Н.А. Виртуальный человек. М., 1997.
275. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
276. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. – 51 с.
277. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972.
278. Общая психология / Под ред. А.В.Петровского. М., 1977. – 361 с.
279. Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М.Андреевой, Я.Яноушека. М.: Изд-во МГУ, 1987.
280. Орбели Л.А. Лекции по физиологии нервной системы. Л., 1938. С.32.
281. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С.318.
282. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 10. С.32-69.
283. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С.5-20.
284. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
285. Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С.88.
286. Патяева Е.Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1983. № 4.
287. Пелипенко А.А. Время и пространство в восприятии человека // Мир психологии. 1999. № 4(20). С.29-35.
288. Петровская Л.А. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.
289. Петровская Л.А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М., 1989.
290. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
291. Петровский А.В. М.М.Бахтин, Ф.М.Достоевский: психология вчера и сегодня // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1985. № 3. С.56-59.
292. Петровский А.В. Проблема развития личности с позиции социальной психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4.
293. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д., 1996.

294. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С.17-30.
295. Пиаже Ж. О природе креативности // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1996. № 3. С.8-17.
296. Пивоваров Д.В. О смысле жизни // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. С.3-8.
297. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.1. М., 1990.
298. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.2. М., 1993.
299. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.3. М., 1994.
300. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М., 1982.
301. Плеснер Х. Степени органического и человек // Проблема человека в западной философии: Переводы. М., 1988. С.96-152.
302. Попова Л.В., Дьяконов Г.В. Идентификация как механизм общения и развития личности. М., 1988.
303. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
304. Прангишвилли А.С. О некоторых вопросах общепсихологической теории личности // Сообщения АН ГССР. 1956. Т.17. № 9.
305. Проблема человека в западной философии: Переводы / Общ. ред. Ю.Н.Попова. М., 1988.
306. Прохоров А.О. Функциональные структуры психических состояний // Психологический журнал. 1996. Т.17. № 3. С.9-18.
307. Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. М., 1977.
308. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М.И.Бобнева, Е.В.Шорохова. М., 1979.
309. Психологический словарь / Под ред. В.В.Давыдова, А.В.Запорожца, Б.Ф.Ломова и др. М., 1983.
310. Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М., 1990.
311. Пустильник С.Н. Принцип подбора как основа тектологии А.Богданова // Вопросы философии. 1995. № 8. С.24-31.
312. Радзиховский Л.А. Деятельность: структура, генез, единицы анализа // Вопросы психологии. 1983. № 6. С.121-127.
313. Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1956. Т.1. С.320.
314. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста: Психологические исследования / Под ред. А.В.Запорожца, Я.З.Неверович. М., 1986.
315. Развитие творческой активности школьников / Под ред. А.М.Матюшкина. М., 1991.
316. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
317. Рейнвальд Н.И. Психология личности. М., 1987.

318. Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. М., 1974. С.187-230.

319. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

320. Родионова Е.А. Общение как условие формирования личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С.177-197.

321. Родионова Е.А. Формирование представлений о личности и социальных механизмах регуляции поведения: культурно-исторический аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С.128-151.

322. Розин В.М. Природа и генезис игры (опыт методологического изучения) // Вопросы философии. 1999. № 6. С.26-36.

323. Розов А.И. Стремление к превосходству как одно из основных стремлений // Психологический журнал. Т.14. № 6. С.133-142.

324. Розов М.А. К методологии анализа рефлектирующих систем // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.32-42.

325. Рубинштейн С.Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1960. № 3.

326. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

327. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989. Т.2.

328. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4. С.88-96.

329. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.

330. Рубцов В.В. Психологические основы исследования совместных учебных действий у детей (К вопросу о рефлексивных механизмах происхождения учебно-познавательного действия) // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.76-84.

331. Ручка А.А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976.

332. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.Н.Ядова. Л., 1979.

333. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций // Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М., 1984. С.120-137.

334. Селиванов В.И. Волевая регуляция активности личности // Психологический журнал. 1982. Т.3. № 4. С.14-26.

335. Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.

336. Семенов И.Н. Системный подход к изучению организации продуктивного мышления // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С.27-62.

337. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С.154-181.

338. Семенцов В.С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.5-33.
339. Сержантов В.Ф., Гречаный В.В. Человек как предмет философского и естественнонаучного познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
340. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1952.
341. Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1953.
342. Симонов П.В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б.Гиппенрейтер. М., 1984. С.178-185.
343. Скрипник А.П. Моральное зло. М., 1992.
344. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.
345. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. № 6. С.14-22.
346. Слободчиков В.И. Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.60-68.
347. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1990. № 3. С.29-36.
348. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М., 1988.
349. Социальная психология личности / Отв. ред. М.И.Бобнева, Е.В.Шорохова. М., 1979.
350. Спиноза Б. Избранные произведения. Т.1. М., 1957.
351. Стародубцева Л.В. Стена как духовная конструкция // Человек. 1994. № 4. С.32-46.
352. Степанов С.Ю., Семенов И.Н., Зарецкий В.К. Исследование организации продуктивного мышления // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С.101-133.
353. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С.31-40.
354. Степанянц М.Т. Человек в традиционном обществе Востока (опыт компаративистского подхода) // Вопросы философии. 1991. № 3. С.140-152.
355. Стернберг Р., Григоренко Е. Инвестиционная теория креативности // Психологический журнал. Т.19. № 2. С.144-161.
356. Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы / Отв. ред. Л.В.Сохань, В.А.Тихонович. Киев, 1982.
357. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.
358. Субботский Е.В. Личность. Три аспекта исследования // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. 1987. № 3. С.3-17.

359. Суходольский В.Г. Структурно-алгоритмический анализ и синтез деятельности. Л., 1976.
360. Таранов П.С. Философская афористика. М., 1996.
361. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
362. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
363. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М.Андреевой, Н.Н.Богомоловой. М., 1977.
364. Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М., 1974.
365. Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х томах. Т.1. М., 1985.
366. Титченер Э.Б. Учебник психологии. М., 1914.
367. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М., 1992.
368. Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.
369. Тихомиров Ю.А. О механизмах регулирования общественного поведения // Психологический журнал. 1987. Т.8. № 5. С.21-27.
370. Толстой Л.Н. Дневник // Собрание сочинений: В 20-ти томах. М., 1965. Т.20. С.98.
371. Толстых Н.Н. Жизненные планы подростков и юношей // Вопросы психологии. 1984. № 3. С.68-78.
372. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994.
373. Тульчинский Г.Л. Проблемы осмысления деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
374. Туровский М.Б., Туровская С.В. Концепция В.И.Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопросы философии. 1993. № 6. С.88-104.
375. Тхостов А.Ш., Колымба И.Г. Эмоции и аффекты: общепсихологический и патопсихологический аспекты // Психологический журнал. 1998. Т.18. № 4. С.41-48.
376. Тхостов А.Ш., Колымба И.Г. Эмоции и аффекты: общепсихологический и патопсихологический аспекты // Психологический журнал. 1998. Т.19. № 5. С.81-87.
377. Тюков А.А. О путях описания психологических механизмов рефлексии // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.68-75.
378. Уле М. Ценностные ориентации молодежи бывшей Югославии // Иностранная психология. 1997. № 8. С.31-34.
379. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л., 1978.
380. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
381. Фельдштейн И.Д. Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.

382. Филонов Л.Б. Интерес к собственной личности и регуляция человеком своего поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 268-287.
383. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
384. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.366.
385. Фихте И.Г. Факты сознания. СПб., 1914. – 152 с.
386. Флейвелл Дж. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967.
387. Флоренская Т.А. Проблема психологии катарсиса как преобразования личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С.155.
388. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
389. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
390. Фрейд А. Психология и защитные механизмы. М., 1993.
391. Фролов Б.А. Мотивация творческой деятельности // Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971. С.234-264.
392. Фромм Э. Искусство любить: Исследование природы любви. М., 1990.
393. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
394. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
395. Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии "Природа человека" // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С.146-169.
396. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
397. Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе. (1925) // Вопросы философии. 1995. № 11. С.119-146.
398. Хейдметс М. Психология среды: становление и поиск // Тенденции развития психологической науки / Отв. ред. Б.Ф.Ломов, Л.И.Анциферова. М., 1989. С.242-255.
399. Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
400. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т.1.
401. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т.2.
402. Холл А.Д. Опыт методологии для системотехники. М., 1975.
403. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М., 1999.
404. Холодная М.А. Психологический статус когнитивных стилей: предпочтения или "другие" способности? // Психологический журнал. 1996. Т.17. № 1. С.61-70.
405. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. № 3.

406. Хорошилова Е.А. Феномен субъективной значимости другого человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
407. Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. 1995. № 9. С.80-95.
408. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1997.
409. Целма Е.М. Художественное переживание в процессе восприятия искусства. Рига, 1974.
410. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
411. Черноушек М. Психология жизненной среды. М., 1989.
412. Чудновский В.Э. К проблеме соотношения "внешнего" и "внутреннего" в психологии // Психологический журнал. 1993. Т.14. № 5. С.3-12.
413. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба. М., 1997.
414. Чудновский В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от "внешнего" и "внутреннего" // Психологический журнал. 1995. Т.16. № 2. С.15-26.
415. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
416. Шакеева Ч.Н. Ценностные ориентации и самочувствие молодежи в новых общественно-экономических условиях. М., 1998.
417. Шамис А.Л., Левит Б.Ю. Подход к построению формальной модели поведения // Механизмы и принципы целенаправленного поведения. М., 1972.
418. Шаров А.С. Рефлексия в развитии личности // Рефлексия, образование и интеллектуальные инновации: Материалы второй Всероссийской конференции "Рефлексивные процессы и творчество". Новосибирск. 1995. С.224-225.
419. Шаров А.С. Формирование ценностных ориентаций и поведения личности. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1993. – 91 с.
420. Шаров А.С. В поисках бесконечной жизни // Экспериментально-прикладная психология. Омск, 1994. С.29-32.
421. Шаров А.С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и мотивов общения со сверстниками у подростков и старших школьников: Автореферат дис. ... кан. психол. наук. М.: АПН СССР, 1986. – 24 с.
422. Шаров А.С. Влияние общения со сверстниками на формирование ценностных ориентаций // Педагогический институт и реформа школы. Омск: ОГПИ, 1985. С.88-90.
423. Шаров А.С. Внутренний мир и личностное пространство // Каталог. Формула вещей. Омск: Кват, 1997. С.11-13.

424. Шаров А.С. Искусство как "со-бытие" внутреннего мира // Вторые Омские искусствоведческие чтения: Сборник научных материалов / Отв. ред. В.Ф.Чирков. Омск: Альтернатива АРТ, 1998. С.54-56.

425. Шаров А.С. Исследование ценностных ориентаций у школьников: Методические рекомендации. Омск: ОГПИ, 1989. – 20 с.

426. Шаров А.С. Л.С.Выготский: игра и развитие человека // Л.С.Выготский в творческом развитии теории и практики образования. Омск: ИПКРО. С.6-8.

427. Шаров А.С. Особенности формирования мотивов общения и ценностных ориентаций у подростков и старших школьников // Новые исследования в психологии. М.: Педагогика, 1988. № 1. С.32-36 (соавтор Б.С.Круглов).

428. Шаров А.С. Особенности формирования установки на нравственный контроль и самоконтроль у подростков в условиях общения // Психология общения и проблемы коммунистического воспитания. Омск: ОГПИ, 1981. С.30-32.

429. Шаров А.С. Природа и сущность игры // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. С.145-156.

430. Шаров А.С. Проблема целостного изучения человека // Вопросы психологии. 1988. № 4. С.5-6.

431. Шаров А.С. Проблемы и парадигмы развития человека // Омская школа. Научно-практический журнал. 1998. № 1. С.13-17.

432. Шаров А.С. Прогнозирование поведения школьника // Актуальные проблемы подготовки психологов для системы образования. Чебоксары. С.224-226.

433. Шаров А.С. Проявление элементов нравственного самоконтроля в общении и поведении школьников // Проблемы нравственного воспитания школьников и студентов. Омск: ОГПИ, 1982. С.14-15.

434. Шаров А.С. Психологические механизмы воспитания: Методические рекомендации. Омск: ОГПИ, 1991. – 28 с.

435. Шаров А.С. Психология образования и развитие личности. Омск: ОмГПУ. 150 с.

436. Шаров А.С. Психология познания человека. Омск, 1994.

437. Шаров А.С. Самоопределение человека // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. С.8-13.

438. Шаров А.С. Творчество: истоки, механизмы, концепция // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998.

439. Шаров А.С. Формирование ценностных ориентаций у подростков и старших школьников // Повышение качества учебно-воспитательного процесса в условиях реформы народного образования. Омск: ОГПИ. С.22-24.

440. Шаров А.С. Ценностно-смысловое поле межличностного взаимодействия в структуре классного коллектива: Методические рекомендации. Омск: ОГПИ, 1990. – 24 с.

441. Шаров А.С. Ценностные ориентации в мотивационной сфере личности // Мотивация, установки и интеллектуальные системы. Новосибирск, 1991. С.121-123.

442. Шаров А.С. Ценностные ориентации и мотивы общения у подростков и старших школьников со сверстниками // Проблемы психодиагностики, обучения и развития школьников / Отв. ред. А.М.Матюшкин. М.: АПН СССР, 1985. С.102-114.

443. Шаров А.С. Ценностные ориентации как личностный регулятор общения в юношеском возрасте // Активизация личности в системе общественных отношений. Психологические аспекты исследования семьи. М., 1989. С.82-83.

444. Шаров А.С. Человек в мире и мир в человеке // Проблемы культуры городов России. Ишим-Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. С.170-173.

445. Шаров А.С. Человек проектирующий и философия образования // Образовательные стандарты и развитие личности. Ч.1. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. С.26-29.

446. Шаров А.С., Ширококов С.Н. Межкультурное образование и опыт общения в социуме // Дети в меняющемся мире. Омск, 1998. С.103-115.

447. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

448. Шварцман К.А. Философия и воспитание. М., 1989.

449. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы. М., 1988. С.31-96.

450. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х томах. Т.1. М., 1987.

451. Шерковин Ю.А. Проблема ценностной ориентации и массовые информационные процессы // Психологический журнал. 1982. Т.3. № 5.

452. Шibaева М.М. Человеческая субъективность и культура // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С.135-167.

453. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-н/Д., 1998.

454. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971.

455. Шмаков С.А. Игры учащихся – феномен культуры. М., 1994.

456. Шор Ю.М. Художественное переживание как процесс // Методологические проблемы современного искусствознания. Л., 1980. Вып.3. С.32-38.

457. Шорохова Е.В. Психологический аспект проблемы личности // Теоретические проблемы психологии личности / Отв. ред. Е.В.Шорохова. М., 1974. С.3-33.

458. Шорохова Е.В., Бобнева М.И. Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С.3-20.
459. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т.1.
460. Шрагина Л.И. Процесс конструирования метафоры как объект психологического исследования // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 6. С.121-128.
461. Шрейдер Ю.А. Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С.103-128.
462. Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопросы философии. 1990. № 7. С.32-41.
463. Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследования рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С.12-28.
464. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993. С.16-201.
465. Щербаков Е.П. Функциональная структура воли. Омск, 1990.
466. Эльконин Б.Д. Об одном из путей психологического изучения рефлексии // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С.49-54.
467. Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978.
468. Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности / Ред. кол. В.В.Давыдов, Б.И.Додонов, В.К.Калин и др. Симферополь, 1983.
469. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С.12.
470. Эфендиева Н.М. Проблема времени в философии С.Кьеркегора // Вопросы философии. 1980. № 5. С.152-164.
471. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М., 1994.
472. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.
473. Ядов В.А. Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. Л., 1979. С.106-121.
474. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С.89-105.
475. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. М., 1984.
476. Яковлева Е.Л. Развитие творческого потенциала личности школьника // Вопросы психологии. 1996. № 3. С.28-34.
477. Яковлева Е.Л. Психология развития творческого потенциала личности. М., 1997.

478. Ярошевский М.Г. Дильтева дихотомия и проблема переживания // Вопросы философии. 1998. № 1. С.70-79.
479. Altman I. The environment and social behavior. Monterey (Cal.): Brooks / Cole, 1975. – 205 p.
480. Arnold M.B. Emotion, motivation and the limbic system. Ann. N.Y. Acad. Sci., 1969. V.159. № 3.
481. Barker R. On the nature of the environment // J. Soc. Iss. 1963. № 19. P.17-38.
482. Bertalanffy. General system theory. Gen. Syst., 1956. Vol.1. P.1.
483. Binswanger L. Being-in-the-world: selected papers of Ludwig Binswanger. New York: Basic Books, 1963.
484. Black M. Models and Metaphors. N.Y., 1962. P.25.
485. Boos M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York: Basic Books, 1963.
486. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem. Leipzig, 1933.
487. Cattell R.B. The scientific analysis of personality. Baltimore, 1965.
488. Dorner P. Self-reflection and problemsolving // Human and artificial intelligence. Berlin, 1978. P.101-107.
489. English H.B., English A.C. Obuhvatni rešnik psiholoških i psihoanalitičkih pojmova. Belgrad, 1972.
490. Frankl V.E. The will to meaning. N.Y., 1969.
491. Glucksberg S., Keysar B. Understanding metaphorical comparisons: Beyond similarity // Psychol. Rev. 1990. V.97. № 1. P.3-18.
492. Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979.
493. Jantsch E. The self – organizing universe: Scientific and human implication of emerging paradigm of evolution. N.Y., 1980.
494. Jourard S. Healthy personality. N.Y., 1974.
495. Kanfer F.H. The maintenance of behavior by self – generated stimuli and reinforcement // Psychology of private events. N.Y., 1971.
496. Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action // Forward a general theory of action. Cambridge, 1951.
497. Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture: A critical review Lauer Q. Integral humanism. Thought, June 1982. № 11. P.163.
498. Kroeber A., Kluckhohn Cl. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions // Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology. Harvard University, 1952. Vol. XLVII. № 1.
499. Lee D. Valuing the self. What we can learn from other cultures. Prospect Heights, 1986. P.5.
500. Lersch Ph. Aufbau der Person. Munchen, 1951.

501. Lewin K. Field theory in social science. – N.Y.: Harper & Row, 1964. P.346.
502. Maslow A. Religions, Values, and Peak-Experiences. N.Y., 1970.
503. Maslow A.H. Motivation and Personality. N.Y., 1954.
504. May R. Freedom and destiny. N.Y.: Norton, 1981.
505. McDougall W. An introduction to Social Psychology. L., 1908.
506. Moris C.W. Varieties of human values. Chicago: University of Chicago press. 1956.
507. Murray H.A. Explorations in Personality. N.Y., 1938.
508. Musek J. Personality and values. Ljubljana, 1993.
509. Perls F., Hefferline R., Goodman P. Gestalt Therapy. Excitement and Growth in the Human Personality. N.Y.: Delta, 1977.
510. Plutchik R. A General Psychoevolutionary Theory of Emotions. Theory, Research and Experience. V.1. – N.Y.: Academic Press, 1980. – P.3-34.
511. Rokeach M. Belief, attitudes and values. San Francisco, 1968.
512. Rokeach M. Nature of human values. N.Y.: Free press, 1973.
513. Sadovsky V. Systems Thinking on the Threshold of 3-rd Millennium // Systemist. 1992. Vol.14(1). P.6-14.
514. Schwartz S.H. Universal in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. 1992. V.25. P.1-65.
515. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. V.53. P.550-562.
516. Spranger E. Lebensformen. Tuebingen, 1913.
517. Torrance E. P. The nature of creativity as maintest in its testing // The nature of creativity / Ed. R.S.Sternberg. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1988. P.43-75.
518. Weinrich J.D. Toward a Sociobiological Theorie of the Emotions // Emotions. Theory, Research and Experience. V.1. – N.Y.: Academic Press, 1980. – P.113-138.
519. Young K. Metamorphoses de lame et ses symboles. Geneva, 1967. P.174.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Культура и человек.....	6
1.1. Философские системы "Запада" и "Востока" о проблеме взаимодействия "Человек – Мир".....	6
1.2. Диалектика культуры и формирование человека.....	14
1.3. Социально-психологические механизмы культуры.....	24
Глава 2. Основы психологии человека.....	38
2.1. Принципы психологии человека.....	38
2.2. Концептуальные основы общепсихологической теории человека.....	45
2.3. Структура личности человека.....	52
Глава 3. Диалектика границ – основа развития человека.....	65
3.1. Представления о границах в философии и культуре.....	65
3.2. Понятие "граница" в психологии.....	71
3.3. Теория границ.....	76
3.4. О-граниченность значимости – единица анализа психологии человека.....	80
3.5. О-граниченность в системе отношений "Человек – Мир".....	89
3.6. Интериоризация – как психологический механизм о-граничения человека.....	92
3.7. О-граниченный человек.....	97
Глава 4. Структура и механизмы регуляции.....	101
4.1. Регуляция: парадигмы, проблемы и решения.....	101
4.2. Регуляция как о-граничение.....	105
4.3. Структура и система регуляции.....	109
4.4. Регуляция как система выборов.....	116
4.5. Психологический механизм регуляции.....	122
Глава 5. Психологические механизмы регуляции жизнедеятельности человека.....	127
5.1. Парадигмы понимания: мотивы, смыслы и ценности.....	127
5.2. Целостность ценностно-смысловой сферы человека.....	132
5.3. Проявления о-граниченной значимости в мотивах, смыслах и ценностях.....	137
5.4. Психологические механизмы ценностно-смысловой сферы человека.....	149
5.5. Система ценностных ориентаций человека.....	157
Глава 6. Активность во внешней и внутренней жизни человека.....	168

6.1. Понятие "активность" в психологии.....	168
6.2. Анализ философских подходов в понимании жизни.....	172
6.3. Психология в интерпретации жизни человека.....	178
6.4. Жизнь как разворачивание сущности человека.....	186
6.5. Тайна времени в изменениях сущности человека.....	199
Глава 7. Система, виды и функции когнитивно-эмоциональной активности	209
7.1. Когнитивная активность и её системное строение.....	209
7.2. Проблемы аффективной сферы.....	212
7.3. Эмоции как изменение себя в мире и мира в себе.....	217
7.4. Системно-структурная организация аффективной сферы.....	221
7.5. Эмоция как функциональный орган регуляции.....	232
Глава 8. Рефлексия в жизни человека.....	240
8.1. Проблемы понимания рефлексии в философии.....	240
8.2. Понимание рефлексии в психологии.....	248
8.2.1. Подходы к рефлексии в зарубежной психологии.....	248
8.2.2. Проблема рефлексии в отечественной психологии.....	251
8.2.3. Рефлексия как средство самоорганизации мышления.....	256
8.2.4. Становление рефлексивного сознания и механизмы рефлексии.....	259
8.2.5. Виды и формы рефлексии.....	263
8.3. Рефлексия как психологический механизм о-граничивающий психику.....	266
Глава 9. Свобода и выбор жизненного пути	275
9.1. Психология свободы: иллюзия или реальность.....	275
9.2. Свобода и "простраивание" себя.....	283
9.3. Миф свободы в образовании личности человека.....	287
9.4. Парадокс самопознания и исследование смысла жизни.....	290
9.5. В поисках смысла и цели жизни.....	294
Глава 10. Игра и творчество в формировании и развитии человека.....	306
10.1 Игра и становление человека.....	306
10.2. Превращение – общий психологический механизм игры.....	313
10.3. Творчество – это стремление к значимости собственной личности.....	322
10.4. Психологические механизмы творчества.....	325
Список использованной литературы	331

Анатолий Сергеевич ШАРОВ

**О-ГРАНИЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК:
ЗНАЧИМОСТЬ, АКТИВНОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ**

Монография

ISBN 5-8268-0394-0

ББК 88.3
Ш 264

Научное издание

Редактор *Е.Н.Завьялова*
Тех. редактор *Г.И.Лебедев*
Корректор *Л.И.Козякова*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР №020074	
Подписано в печать 25.05.2000.	Формат 60*84/16
Бумага офсетная	Ризография
Усл. печ. л. 22,37	Уч.-изд. л. 20,81
Тираж 500 экз.	Заказ 2000L79

Издательство ОмГПУ. 644099, Омск, наб. Тухачевского, 14.